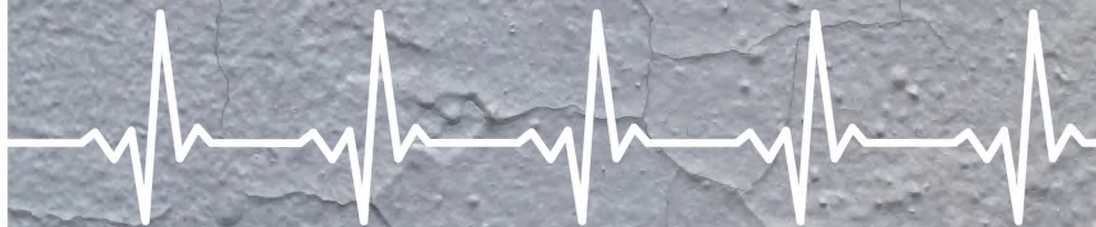

ПОСЛЕ ФЕВРАЛЯ

БОРИС ВИШНЕВСКИЙ

БОРИС ВИШНЕВСКИЙ

после ФЕВРАЛЯ

Дом Галича

БОРИС ВИШНЕВСКИЙ

после
ФЕВРАЛЯ

Дневник обозревателя

Санкт-Петербург
2024

Художественное оформление
Наталии Введенской

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6
В55

Вишневский Б. Л.

В55 После февраля: Дневник обозревателя. — Санкт-Петербург, 2024. — 400 с.

ISBN 978-5-00125-916-9

В новый сборник Бориса Вишневского — писателя, публициста, обозревателя «Новой газеты», депутата Законодательного Собрания Санкт-Петербурга от «Яблока», лауреата премии «Золотое перо России» и премии Международной Хельсинской группы, — вошли статьи, опубликованные в «Новой газете» с февраля 2022 по февраль 2024 года.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6

Ограничение по возрасту 16+

ISBN 978-5-00125-916-9

© Вишневский Б. Л., 2024

ОТ АВТОРА

Этот сборник — не для историков, которые потом будут кропотливо анализировать все, происшедшее за два года после 24 февраля 2022 года.

Не для (цитируя братьев Стругацких) «еще не родившихся мальчиков и девочек перед учебным стереовизором в школах Арканарской Коммунистической Республики».

А для нас, живущих здесь и сейчас.

Для тех, кто вместе с автором прожил эти два чудовищно тяжелых года, кажущихся кошмарным сном, который никак не заканчивается.

Для тех, кто не поддался излучению пропагандистских башен, и не потерял способность к критическому анализу реальности.

Но был вынужден соразмерять то, что говорил и писал, с чудовищными законами, карающими за несогласие с государством.

Понимая, что за невосторженный образ мыслей можно получить не пять розог (как в «Трудно быть богом»), а пять лет.

Здесь собраны мои статьи из «Новой газеты», напечатанные за эти два года, с февраля 2022 по февраль 2024 года.

«Стоп-кадры» нараставшей катастрофы.

Благодарю моих коллег из «Новой газеты», моих друзей, моих читателей и мою семью за неизменную поддержку, а Наталию Введенскую, Андрея Чернова и Григория Михнова-Вайтенко — за неоценимую помощь в создании уже не первой моей книжки.

Борис Вишневский

Март 2024 года

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СУМЕРКИ ИМПЕРИИ

В этой главе собраны тексты, напечатанные в «Новой газете» после 24 февраля 2022 года, и написанные о том, что происходило в эти два года.

Никто, кроме «Новой», это бы в России не напечатал.

Никто, кроме «Новой», в которой шесть журналистов погибли, защищая право людей на свободу слова.

Игорь Домников, Юрий Щекочихин, Анна Политковская, Анастасия Бабурова, Наталья Эстемирова, Станислав Маркелов.

Светлая им память.

РАБОТА ПРЕДСТОИТ МЕЛКАЯ

О РАСПАДЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

8 МАРТА 2022

Соглашусь с Леонидом Гозманом: действительно, сейчас «пишущие гвоздем на автомобиле почувствовали, что пришел их час». И что власть опирается на них — на самые темные, малообразованные, агрессивные слои общества.

Но, во-первых, это не сейчас произошло — такая опора заметна давно.

А во-вторых, власть сейчас опирается не только на тех, кто пишет гвоздем на автомобиле, а на куда более широкие слои.

Процент таких граждан точно оценить невозможно (результаты всех публикуемых опросов в нынешних условиях вызывают большие сомнения), но, конечно, он существенный.

«Они понимают только силу!» — уверяла при мне в магазине покупательница средних лет свою знакомую, обсуждая «спецоперацию».

И таких, как она, — уверенных в том, что дело обстоит именно так, как рассказывают по телевизору, — немало.

Трещины — по признаку отношения и оценок происходящего — сейчас проходят не только через профессиональные и другие сообщества, они проходят через семьи.

Нечто похожее на моей памяти было как минимум трижды. Осенью 1993 года, когда президент Борис Ельцин разгонял «реакционный» парламент (уж точно по сравнению с нынешней Госдумой тот парламент был образцом демократии и свободы), осенью 1999 года, когда началась вторая чеченская, и весной 2014 года, когда присоединяли Крым.

И каждый раз было практически невозможно ничего объяснить многим моим знакомым или хотя бы заставить

их усомниться в официальных версиях: они разговаривали со мной фразами из телевизора.

Но раскола такой значимости, как сейчас, тогда не было.

И такой степени бесполезности попыток зародить тень сомнения в том, что приказано считать единственно верным, не было.

Возможно, потому, что стилистика (и термины) Великой Отечественной, в режиме нон-стоп транслируемая пропагандистскими каналами, у очень многих пробивает защитные барьеры, лишая способности критически оценивать происходящее.

Все как у братьев Аркадия и Бориса Стругацких в «Обитаемом острове», вот только на полную мощность пропагандистские башни-излучатели включены не два раза в сутки, а постоянно.

И точно так же, как у Стругацких — только в «Трудно быть богом», — действует принцип «Правда — это то, что сейчас во благо королю, а все остальное — ложь и преступление».

Но как много ни было бы тех, кому, как в пьесе Евгения Шварца, «дракон вывихнул душу, отравил кровь и затуманил зрение», и как бы ни старались заблокировать независимые от властей ресурсы и запретить все, кроме исходящего от официальных источников, рано или поздно наступят и другие времена.

Когда ослабнет излучение башен.

А раскол останется, и возможно, на долгое время.

И придется заниматься той самой тонкой работой, которая (еще раз цитируя Шварца) «хуже вышивания».

НО НЕ БЫЛО ПОДЛЕЙ

РОССИЯ ВОЗВРАЩАЕТСЯ К СВОЕМУ ТОТАЛИТАРНОМУ
ПРОШЛОМУ. СМОЖЕМ ЛИ МЫ СВЕРНУТЬ С ЭТОГО ПУТИ?

12 МАРТА 2022

«Бывали хуже времена» — так назывался сборник моих статей, опубликованных в «Новой газете», вышедший летом 2008 года. Если суждено появиться сборнику статей последнего времени, его названием может стать следующая строка Некрасовского стихотворения. Потому что оно вспоминается каждый день по несколько раз.

Когда идет поток штрафов за антивоенные высказывания, включая произнесенные в церкви, начинаешь думать: неужели заповедь «Не убий» стала наказуемой?

Когда закрывается из-за невозможности работать или блокируется одно независимое от властей СМИ за другим и его журналисты покидают страну. А организатор одного из коллективных писем поддержки «спецоперации», бывший декан журфака (!) СПбГУ, не стесняясь, заявляет, что «когда СМИ выступают враждебно по отношению к своей стране и к своему государству, я считаю санкции против них в условиях нынешней ситуации оправданными».

Когда вузы угрожают отчислять студентов, задержанных на публичных акциях, учителям грозят увольнением за отказ проводить «уроки пропаганды», а чиновникам настоятельно «рекомендуют» ставить известный уже всему миру символ «спецоперации» на свои аватарки в соцсетях. И когда этот символ изображают пациенты хосписа, выстраиваясь во дворе, понимаешь, что очень неладно в нашем «королевстве».

И когда информация о происходящем, отрицаемая «официальными источниками», но обсуждаемая почти всеми мировыми СМИ, вызывает чувство непреходящего стыда.

Нас учили, что политика — это концентрированное выражение экономики. А сейчас мы видим наглядный ответ экономики на политику.

И достаточно заглянуть в магазины, чтобы понять разрушительные последствия происходящего для наших карманов, уровня жизни и будущего. И уже заметен (по собственному опыту могу судить) дефицит лекарств и не только их — одновременно с растущими ценами. А власть продолжает уверять, что от санкций мы только крепчаем.

Тридцать лет назад — в 1992 году — был кризис похожих масштабов, который я очень хорошо помню. С бешеной инфляцией, падением уровня жизни, безработицей, остановкой производства и ростом криминала. Но есть одно важнейшее отличие: тогда весь мир был готов нам помогать. И был исполнен сочувствия и веры в рождающуюся после десятилетий тоталитаризма российскую демократию. А сейчас все наоборот: такого уровня международной изоляции страны я не помню ни по временам ввода войск в Чехословакию, ни по временам «ограниченного контингента» в Афганистане.

Два месяца назад писал в «Новой», что политическое время — в отличие от фактического — катится назад в прошлое. Но теперь оно не покатилося, а полетело. И уже не знаешь, какой год на календаре: 1979-й? 1968-й? 1953-й? 1949-й?

Соглашусь с моим коллегой по «Яблоку» Львом Шлосбергом, который говорит: «Маятник времени неизбежно оттолкнется от точки безумия и начнет движение в сторону разума». Но когда оттолкнется? Через неделю? Месяц? Два месяца? А ведь каждый день продолжения нынешней политики приносит новые трудно обратимые последствия...

Но, даже почти не имея возможности (когда перекрыты почти все публичные каналы, а парламент, избранный известно как, превращен в аплодирующий орган советского типа) повлиять на происходящее, можно — и обязательно нужно — думать о том, что будет дальше.

Любые «спецоперации» рано или поздно заканчиваются миром.

И после наступления этого мира у страны будет только два пути.

Один — в окончательный тоталитаризм, с «железным занавесом» вокруг и жизнью в навсегда осажденной крепости.

Другой — в нормальный мир, где мы хоть с оговорками, но все-таки пребывали в три постсоветских десятилетия.

Первый путь даже не хочется обсуждать. Тем более что уже проходили.

Второй путь требует изменений политической системы, позволяющих надеяться на выход из изоляции и на отмену санкций, разрушающих экономику и благополучие граждан.

Изменений, в первую очередь, не позволяющих одному человеку на вершине власти принимать все ключевые решения (или имитировать их коллективное принятие, собирая придворных, не смеющих ему возразить).

Оптимизм внушает то, что подобные изменения как минимум дважды в нашей истории уже происходили.

Да, они не принесли тех результатов, о которых тогда мечтали.

Но, может быть, третья попытка все-таки окажется удачной — с учетом обретенного опыта.

И последнее. Вчера с полным равнодушием встретил известие, которое раньше бы меня крайне беспокоило, — об отмене института членов избирательных комиссий с правом совещательного голоса (они остаются только в ЦИК и региональных избиркомах, но исчезают в территориальных, муниципальных и участковых комиссиях, где и происходят главные фальсификации). Потому, что если все будет как сейчас, выборы не будут иметь никакого значения.

Но если все переменится к лучшему — законы, которые сейчас судорожно принимает Дума, не будут иметь никакого значения.

Это будут совсем другие выборы и совсем по другим законам.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА ОБИТАЕМЫЙ ОСТРОВ

ЧТО БРАТЬЯ СТРУГАЦКИЕ ЗНАЛИ ОБ ЭТОЙ «СПЕЦОПЕРАЦИИ»

17 МАРТА 2022

«Обитаемый остров» Аркадия и Бориса Стругацких можно сейчас цитировать целыми страницами: более актуального чтения нет.

«Излучение башен действовало на нервную систему каждого человеческого существа этой планеты. Суть этого воздействия сводилась к тому, что мозг облучаемого терял способность к критическому анализу действительности. Человек мыслящий превращался в человека верующего, причем верующего иступленно, фанатически, вопреки бьющей в глаза реальности. Опасность для Неизвестных Отцов могли представлять только люди, которые были невосприимчивы к внушению. Их называли вырожденками. Постоянное поле на них не действовало вовсе, а лучевые удары вызывали у них только невыносимые боли. Выродков было сравнительно мало, что-то около одного процента, но они были единственными бодрствующими людьми в этом царстве сомнамбул. Только они сохраняли способность трезво оценивать обстановку...»

Конечно, в нашем сегодняшнем мире много — куда более одного процента — тех, кто невосприимчив к излучению и умеет трезво оценивать обстановку.

Но есть много и тех, кто верит тому, что внушают с телеэкрана, — фанатически, вопреки бьющей в глаза реальности.

Попытки что-то объяснить «иступленно верующим» почти бесполезны: на них не действуют аргументы и факты. Аргументы они не слышат, что касается фактов, то (выражение приписывается Гегелю) «тем хуже для фактов».

Почему не слышат? При том что еще остались независимые от власти источники информации?

С одной стороны, из-за запредельной мощности излучения.

А с другой — потому что включается психологический механизм защиты от «неудобной» информации.

Когда отторгается то, что расходится со сложившимся мнением, и, напротив, легко принимается все, в этом мнении укрепляющее.

Почему многие готовы верить, что у власти в Украине — нацисты? Потому что в этом случае «наше дело» — правое по определению: разве оно может быть неправым, если «на той стороне» — нацисты? А любая попытка объяснить, что это не так, встречается в штыки, потому что разрушает эту убежденность в своей правоте, вызывая сильнейший дискомфорт.

«Государственная идеология в Стране Отцов построена на идее угрозы извне. Сначала это было просто вранье, придуманное для того, чтобы дисциплинировать послевоенную вольницу, потом те, кто придумал это вранье, ушли со сцены, а наследники их верят и искренне считают, что Хонти точит зубы на наши богатства. А если учесть, что Хонти — бывшая провинция старой империи, провозгласившая независимость в тяжелые времена, то ко всему добавляются еще и колониалистские идеи: вернуть гадов в лоно, предварительно строго наказав...»

Тем не менее число «исступленно верующих», несмотря на облучение, будет снижаться: жизнь — лучший, хотя порой и очень суровый учитель. А лучший агитатор — ближайший магазин «Пятерочка» и платежка за услуги ЖКХ: они неизбежно заставляют задумываться.

И одновременно — судя по «первым ласточкам», улетающим из госкомпаний и с пропагандистских каналов, — будет расти число тех, кто будет потом разыгрывать в лицах знаменитую сцену из «Дракона» Евгения Шварца:

«Вбегает перепуганный лакей.

Лакей: Берите обратно! Берите обратно!

Бургомистр: Что брать обратно?

Лакей: Берите обратно ваши проклятые деньги! Я больше не служу у вас! (*Убегает.*)

Вбегает второй лакей.

2-й лакей: Ох будет нам за все! Ох будет! (*Убегает.*)

Появляется третий лакей, пятась задом. Кричит в пространство.

3-й лакей: Я докажу! Моя жена может подтвердить! Я всегда осуждал ихнее поведение! Я брал с них деньги только на нервной почве. Я свидетельство принесу! (*Исчезает.*)».

Впрочем, путь до начала перемен может оказаться еще не близким — и весьма трудным, да и опасным.

И что вызывает у меня категорическое неприятие, так это звучащие порой из вполне безопасного далека упреки в адрес моих коллег по «Новой газете», работающих в тяжелейших условиях, — в якобы недостаточной принципиальности, недостаточно непримиримой борьбе и недостаточном количестве совершаемых подвигов.

Когда-то я это уже сформулировал именно в «Новой», вызвав бурю негодования у тех, кто издалека учил меня и моих товарищей бескомпромиссной борьбе с властью: что-то многовато развелось персонажей, у которых степень непримиримости к режиму прямо пропорциональна квадрату расстояния до него.

ИХ САПОГ СВЯТ

ГОСДУМА ГОТОВИТСЯ ПРИНЯТЬ ДОГМАТ О НЕПОГРЕШИМОСТИ ГОСУДАРСТВА

19 МАРТА 2022

Госдума собирается принять новую запретительную инициативу, в стремительном прохождении которой сомневаться не приходится.

Сперва ввели уголовную и административную ответственность за распространение «фейков» о действиях российской армии и «дискредитацию» использования армии «в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности».

Это свело до ничтожно малых величин число сообщений в СМИ о прохождении «спецоперации», расходящихся с официальными данными Минобороны.

Опыт был признан положительным, и теперь такую же операцию единороссы Александр Хинштейн, Андрей Турчак, Андрей Клишас и Василий Пискарев хотят проделать с информацией о работе любых государственных органов, действующих в указанных целях за рубежом.

И вот уже Хинштейн анонсирует скорое принятие закона, говоря, что он будет касаться российских посольств, торговых предств, других дипломатических ведомств, а также Росгвардии, МЧС, Россотрудничества и прочих.

Мол, «все, кто защищает интересы России за ее пределами — не важно, носят они погоны или нет, — должны быть надежно защищены от любых провокаций, лжи и «чернухи», а также «публичной дискредитации».

Думский комитет по законодательству и госстроительству инициативу уже поддержал, а дальнейшее — дело техники. Напомним, что законы об ответственности за «фейки» об армии и за ее «дискредитацию» были приняты и подписаны президентом в течение одного дня: умеют, когда хотят.

Смысл предложения, конечно, крайне прост: запретить совсем или свести до минимума любые независимые или критические суждения об указанных российских «госорганах», работающих за границей.

Достоверной будет считаться только официальная информация об их деятельности, а любая другая — заведомо ложной, «фейками» или «дискредитацией». С перспективой административной, а то и уголовной ответственности.

Теоретически факт недостоверности информации или «дискредитации» кого бы то ни было должен устанавливаться судом. Но с учетом уже сложившейся практики по делам, касающимся действий армии или оценок «спецоперации», не стоит надеяться, что применительно к «госорганам» будет иначе.

Практически так же, как сейчас обстоит дело с задержанными на публичных акциях: любые их доказательства, подтверждающие невинность, рассматриваются «критически» или как (цитирую реальные решения судов) «попытку избежать заслуженного наказания», а любые свидетельства или аргументы полицейских рассматриваются как заведомо правдивые и не подлежащие сомнению.

Более того, почти наверняка Госдума постарается (если не прямо сейчас, то вскоре) распространить этот принцип на деятельность вообще любых госорганов. Независимо от того, работают они за границей или в России.

Захочет ввести своего рода «догмат о непогрешимости государства» и установить, что «не должно сметь свое суждение иметь».

Достоверным станет считаться только то, что госорганы сами о себе сказали, либо что о них написали государственные или окологосударственные СМИ.

А все остальное — «фейки», «дискредитация», «заведомо ложные сообщения» и так далее.

Конечно, в таком информационном пространстве — надежно зачищенном от любого мнения, отклоняющегося от официального, — власть будет существовать весьма и весьма комфортно.

Но стоит напомнить, что так же комфортно в свое время существовала и советская власть, где в информационном пространстве царило полное единomyслие.

Прямо по известному проекту Козьмы Пруткова, где предлагалось ввести «одно господствующее мнение по всем событиям и вопросам».

Помните, к чему это привело?

К полному разрушению механизмов обратной связи между обществом и властями — и как следствие, к неэффективным и неисправляемым решениям.

Нет никаких оснований полагать, что сейчас будет иначе.

СОПУТСТВУЮЩАЯ УЩЕРБНОСТЬ

ЗА ПОСЛЕДНИЕ ДВА ГОДА РОССИЯ РАСТЕРЯЛА УМЕНИЕ
ЦЕНИТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЖИЗНИ.

12 АВГУСТА 2022

Два года назад планету накрыла волна коронавирусной эпидемии. Тогда почти у каждого из нас появился свой печальный список друзей и близких, ставших жертвой эпидемии. Привычным стало открывать дверь плечом, не прикасаясь к ручке, здороваться — локтем, и нажимать кнопку лифта ключом от дверей. Маски или респираторы стали непременной деталью одежды, а антисептик в кармане — таким же привычным, как носовой платок. И все выучили слова «сатурация», «КТ», «ИВЛ» и «социальная дистанция». И «зум» стал не рычажком на фотоаппарате, приближающим или отдаляющим объект съемки, а одним из главных средств коммуникации. И в обиход вошло абсурдное слово «самоизоляция»...

«Мир уже не будет прежним», — вздыхали мы о «доковидном» времени. Уверен: после 24 февраля очень многие предпочли бы даже тот, «ковидный» мир — нынешнему.

Предпочли бы спорить о прививках, «масочном режиме» и QR-кодах, а не о «специальной военной операции», сторонники которой, заметим, как правило, не утруждают себя помощью тем, кто в результате стал беженцем и приехал в Россию: они к ним совершенно равнодушны.

Петербургская практика показывает, что подавляющую часть волонтерской работы по помощи беженцам с Украины — как тем, кто хочет уехать в Европу, так и тем, кто хочет оставаться в России — берут на себя те, кто к спецоперации может относиться, мягко говоря, скептически. Такие как правозащитник и архиепископ Апостольской православной церкви Григорий Михнов-Вайтенко и его жена, поэт и градозащитник Наталия Сивохина, как журналист и обладатель Гран-при петербургского «Золотого пера» Галина Артеменко, и многие, многие другие, круглые сутки отвечающие на звонки беженцев

и волонтеров, непрерывно организовывающие для них то медицинскую помощь, то транспортировку к границе, то составление нескончаемых списков и сбор вещей для беженцев, которые лишены самого необходимого, то доставку этих вещей в ПВР — «пункт временного размещения» беженцев в Тихвине под Петербургом.

Как у них хватает сил для этого буквально подвижнического труда?

Но где же те, кто всей душой «за» спецоперацию? А вот где: на входной двери в упомянутый ПВР красуется эмблема «Единой России».

Видимо, они полагают, что этого обозначенного участия в судьбах беженцев вполне достаточно — а об остальном пусть позаботятся волонтеры, которых периодически клеймят то «национал-предателями», то «иностранными агентами».

Да, в прежнем, «ковидном», мире трудно было порой кого-то убедить или разубедить: часто получался разговор слепого с глухим.

Раздражали те, кто с апломбом уверял: мол, «нет никакого коронавируса», «все это не опаснее гриппа», и пугал «диктатом Всемирной организации здравоохранения».

Раздражали те, кто бравировал нежеланием прививаться и соблюдать элементарные меры безопасности, не думая о здоровье других.

Раздражали те, кто легко бросался громкими словами — в сотнях писем от граждан, которые осенью приходили ко мне в Законодательное собрание, «фашизмом», «геноцидом» и даже «Холокостом» именовали требования предъявлять QR-коды при входе в бар.

Однако даже бросавшиеся этими словами прекрасно понимали, что это, мягко говоря, полемическое преувеличение.

Потому что трудно всерьез сравнивать перспективу показывать бумажку с картинкой при входе в общепит, магазин или музей с перспективой оказаться в газовой камере.

Сейчас все — принципиально иначе.

Те, кто твердит, что спецоперация — это «борьба с фашизмом», не считают это преувеличением, напротив — они в этом уверены.

Как уверены и в том, что «не было другого выхода», кроме как начать спецоперацию, потому что иначе «на нас бы обязательно напали».

Государственные СМИ объясняют, что сегодня — все как во время Великой Отечественной войны. На той стороне — «фашисты», «неонацисты», «каратели» и «бандеровцы», которым нет и не может быть пощады. Расчеловечивание противника должно устранить любые сомнения в том, что «наше дело — правое». Если же гибнут люди, то это (как заявил недавно государственный пропагандист Норкин) — «сопутствующий ущерб». И ведь он не одинок: нетрудно найти в Сети примеры горячего одобрения согражданами «сопутствующего ущерба».

Это очень тревожный симптом: кажется, что такое понятие, как «эмпатия», почти исчезло из общественной жизни.

А ведь еще четверть века назад — во время чеченских войн — было совсем иначе: не припомнить, чтобы кто-то открыто радовался тому, что случилось в Самашках или Новых Алдах. И на телевидении никто бы не решился назвать «сопутствующим ущербом» гибель людей от ракеты, случайно ударившей по рынку в Грозном.

Да, конечно, было другое время: журналисты могли свободно рассказывать о том, что происходит в Чечне, — а граждане могли свободно об этом говорить, не опасаясь наказания. Госдума проводила парламентское расследование событий в Чечне и даже обсуждала возможность импичмента президенту за начало чеченской войны. Был собран и передан Борису Ельцину миллион подписей за прекращение той войны. А в Петербурге на заполненной Дворцовой площади в марте 1996 года состоялся массовый митинг против войны...

Все это было — и было именно потому, что отношение общества к происходящему было другим.

Есть обоснованные сомнения в данных социологических опросов, показывающих сегодня подавляющую поддержку спецоперации.

В ситуации, когда граждане каждый день видят уголовные и административные дела за «дискредитацию» и «фейки», они не будут давать откровенных и правдивых ответов. «Измерить» таким образом можно не столько уровень поддержки действий властей, сколько уровень страха.

И все же достаточно большое число граждан (пусть и не такое, как сообщает ВЦИОМ) действительно поддерживает происходящее. Отталкивая от себя любую иную информацию (которую, заметим, легко найти в Сети) и в силу этого не испытывая сочувствия к тем, кто становится «сопутствующим ущербом» с обеих сторон конфликта.

Зато широко объявлено о «восстановлении Мариуполя» — на что планируется, по заявлению петербургского губернатора Александра Беглова, тратить в том числе и бюджетные деньги Северной столицы.

Понятно, что эти ограничения будут обходить: создадут какой-нибудь фонд, в который как в «некоммерческую организацию» будут направлять и субсидии из бюджета, и добровольно-принудительные взносы бизнеса.

Губернатор уверяет, что в бюджете города достаточно денег, налоги поступают в объеме, превышающем ожидаемый. А мне на фоне этих заявлений избиратели пишут жалобы на недостаток школ и детских садов. А очередь на получение жилья для тех, кто не имеет льгот (не инвалиды, не дети-сироты, не многодетные матери), тянется по 40 (!) лет. Ничуть не преувеличиваю: по «общей очереди» сейчас получают жилье те, кто встал в нее в 1981 году. Потому что на строительство социального жилья у города никак не находится денег в нужном количестве. И годовая программа капитального ремонта жилых домов выполнена в Петербурге к концу июня лишь на 7,5%...

«Может быть, начнем с восстановления Петербурга?» — спросил я в июне, выступая на заседании петербургского парламента. Молчание большинства было мне ответом и при обсуждении вопроса о введении в школах начальной военной подготовки (власть желает, чтобы опять, как полвека назад, детей учили собирать и разбирать автомат с закрытыми глазами и надевать противогазы на скорость).

Авторы инициативы уверяли, что у России сегодня, как и раньше, только два союзника: армия и флот. Я ответил им, что это заезженная фраза, приписываемая императору Александру III. А хотелось бы, чтобы у России были союзниками не только армия и флот, но и наука, образование, культура.

И чтобы Россия не оказывалась, как сейчас, в политической и экономической «самоизоляции».

Возвращаясь к началу этой заметки: в прежнем, «ковидном», мире, при всех его страшных, а порой смертельных особенностях, были и эмпатия, и солидарность. И огромная взаимопомощь в противостоянии с эпидемией.

И необычайно обострившееся ощущение уязвимости и ценности каждой человеческой жизни. И общая надежда на то, что мы справимся с этой бедой и станем сильнее.

Ничего подобного сейчас нет — ни эмпатии, ни солидарности, ни бережного отношения к человеческой жизни.

«Когда все это закончится?» — спрашивают меня на депутатских приемах, в метро, на улице, в магазине...

«Не знаю, — честно отвечаю я. — Надеюсь, что скоро. Относительно скоро. Ну не может же это так долго продолжаться!»

Остановиться — необходимо: каждый день продолжения потом обернется месяцем возвращения в нормальный мир.

ХОЛОДНОЕ ЛЕТО 23-го И ЗАКРОМА БЮДЖЕТА

21 СЕНТЯБРЯ 2022

Один из самых обсуждаемых сюжетов последних дней — видео, где человек, похожий на Евгения Пригожина, якобы предлагает заключенным в колонии службу в ЧВК, обещая после полугода участия в боевых действиях свободу и снятие судимости. «Мне нужны только штурмовики», — поясняет человек на видео, заявляя, что дезертирство приведет к немедленному расстрелу.

Из пресс-службы Пригожина поступили комментарии, что этот человек действительно очень похож на Евгения Викторовича. После чего уже сам Пригожин заявил, что, мол, те, кто не хочет, чтобы воевали ЧВК и заключенные, пусть отправят своих детей на фронт. И что «либо ЧВК и ээки, либо ваши дети — решайте сами».

Немедленно возникает вопрос по существу: а где вообще в российском законодательстве все это предусмотрено?

Ни Уголовный кодекс РФ, ни Уголовно-исполнительный кодекс РФ не содержат ни статей, позволяющих в колониях набирать осужденных для службы в ЧВК, ни статей, предусматривающих их помилование через полгода (это вообще прерогатива президента) и снятие судимости. Да и о самом статусе ЧВК в законах ничего не говорится.

Зато очень даже есть и пока не отменены статья 208 УК РФ об организации незаконного вооруженного формирования, не предусмотренного федеральным законом, и статья 359 УК РФ о наемничестве. Обе — с весьма серьезными сроками: до 18–20 лет лишения свободы.

И потому возникает другой вопрос по существу: а где Генеральная прокуратура и Следственный комитет? Где заведенное уголовное дело «по факту» размещенного в интернете видео: подлинное оно или нет, и что за человек на нем?

Нет его. И скорее всего, не будет.

Кстати, независимые специалисты вычислили, что показанное видео имеет все признаки «склейки», а значит — что-то важное оттуда вырезано.

И можно предположить, что именно...

О якобы существующих случаях вербовки заключенных в колониях говорили и писали давно. Но впервые мы получили некие свидетельства, запечатленные на видео.

Неужели отброшена видимость законности? Когда в Охотном Ряду при наличии команды «сверху» все необходимое приняли бы в трех чтениях за час?

Означает ли это, что «вербовщики», если они действительно существуют, решили фактически наплевать на тех сотрудников правоохранительных органов, которые расследовали преступления и задерживали преступников, в том числе убийц, бандитов, насильников, наркоторговцев?

Уже слышу и читаю у тех, кто привык оправдывать государство: мол, во время Великой Отечественной такое же было! И даже песню Высоцкого цитируют — мол, «если Родина в опасности — значит, всем идти на фронт».

Ну во время Великой Отечественной — когда эзков отправляли искупать вину в штрафные роты — это все-таки оформлялось юридическими актами.

Но это еще не самое главное. Вспомните блистательный фильм Александра Прошкина «Холодное лето 53-го». После бериевской амнистии 27 марта 1953 года (объявленной после смерти Сталина) страну наводнили сотни тысяч освобожденных уголовников, начавших буквально терроризировать общество.

Пока представляется, что российские власти не думают объявлять всеобщую мобилизацию, к которой не устают призывать персонажи, начиная с Геннадия Зюганова и заканчивая разного рода офицерами диванных войск, отличающихся повышенной кровожадностью, но только в соцсетях (сами они в окопы почему-то не рвутся).

Но объявление всеобщей мобилизации может вызывать сильное недоумение у той лояльной власти части граждан, которая готова поддержать спецоперацию, пока она не затрагивает их лично.

Поэтому решили пойти другим путем.

С одной стороны, глава Чечни Рамзан Кадыров заявил, что всем губернаторам регионов надо по его примеру подготовить как минимум тысячу добровольцев для участия в боевых действиях.

Несколько губернаторов откликнулись на призыв, ряд других заявили, что их добровольцы в спецоперации уже участвуют. Ранее хабаровский губернатор Михаил Дегтярев уже сетовал, что рад бы отправиться в окопы, да бронь не позволяет — должен исполнять государственные обязанности. После чего жители региона оперативно создали петицию, в которой просят освободить Дегтярева от должности и дать ему возможность осуществить свое желание.

С другой стороны, во многих регионах уже давно призывают граждан заключать контракты на прохождение военной службы, обещая хорошее содержание, последующий статус ветерана боевых действий, внеконкурсное поступление в вузы, льготы на оплату услуг ЖКХ и крупные «единовременные» денежные выплаты.

У нас в Петербурге такие призывы тоже есть: идет набор контрактников в три «именных» батальона — «Кронштадт», «Нева» и «Павловск». При этом тем, кто заключит контракт, обещают, кроме всего прочего, «единовременную материальную помощь» — по 300 тысяч рублей. Причем подчеркивают, что эта помощь якобы «от губернатора». Если это так, то значит — из бюджета города.

При средней численности 500 человек в батальоне расходы на эту материальную помощь — примерно 450 млн рублей. Это довольно много — больше, чем все расходы, предусмотренные в бюджете города на социальную помощь.

Никаких иных бюджетных «строчек», где предусматривались бы расходы на выплаты контрактникам, найти не удалось.

На мое обращение к «финансовому» вице-губернатору Алексею Корабельникову пришел ответ без конкретных данных: мол, выделение этих средств «осуществляется в соответствии с действующим бюджетным законодательством».

Был внесен депутатский запрос от «Яблока» уже к губернатору Александру Беглову — сообщите, по каким конкретно

статьям бюджета Санкт-Петербурга на 2022 год финансируется объявленное предоставление «единовременной материальной помощи». И сколько денег на это уже потрачено.

Однако депутатские запросы голосуются на пленарном заседании петербургского Законодательного собрания — и данный запрос утвердить отказались. Более того, ни одна фракция городского парламента (ни единороссы, ни коммунисты, ни «эсеры», ни жириновцы, ни «Новые люди») его не поддержала — не решились даже спросить у губернатора, откуда деньги.

Между тем вопрос по существу: средства на выплату материальной помощи контрактникам «именных» батальонов — это деньги граждан, которые имеют право знать, на каком основании выплачиваются указанные средства и какова их величина.

ДОНОРСТВО ГОСОРГАНОВ

СКОЛЬКО ДЕНЕГ ТРАТИТ ПЕТЕРБУРГ НА ВОССТАНОВЛЕНИЕ
ПРИСОЕДИНЕННЫХ К РОССИИ ОБЛАСТЕЙ УКРАИНЫ —
И ПОЧЕМУ ЭТО ТАЙНА ЗА СЕМЬЮ ПЕЧАТЯМИ

4 НОЯБРЯ 2022

Одна из самых тщательно скрываемых тайн петербургской экономики — ее расходы, связанные с восстановлением объектов в Луганской, Донецкой и иных областях Украины, присоединенных к России, обеспечением добровольческих батальонов и проведением частичной мобилизации. Начиная с восстановления Мариуполя, объявленного городом-побратимом Петербурга, и заканчивая выплатами контрактникам.

На эти цели уже направлены и в дальнейшем будут направляться многомиллиардные суммы. Почти бесконтрольно и порой — сомнительными путями.

Чиновники путаются в объяснениях, отвечая на мои депутатские запросы об источниках этих расходов. И лишь после длительной переписки удастся выяснить, что подавляющая часть денег — из городского бюджета.

Напомню очевидное: это не деньги губернатора, правительства или парламентского большинства нашего ЗакСа. Это — деньги налогоплательщиков, которые по-разному относятся к спецоперации. Но платить вынуждают всех.

Об участии Петербурга в «восстановлении Мариуполя» губернатор Александр Беглов впервые заговорил в конце мая нынешнего года. 24 мая он сообщил, что планируется установить с Мариуполем «побратимские связи», а 26 мая — что в Петербурге создадут штаб по координации проектов возрождения Мариуполя, чтобы восстановить инженерную и транспортную инфраструктуру, электро-, газо-, водоснабжение. Что власти Петербурга намерены восстановить школы и детские сады в Мариуполе к новому учебному году, а также отстроить поликлиники. Что планируется перерегистрировать «межрегиональный фонд Победы в Великой Отечественной войне и поддержки

граждан «Победа» (созданный в 1999 году для информационно-просветительской работы среди подростков и молодежи по вопросам, связанным с Великой Отечественной войной) — для «попечительства над Мариуполем». Что «ответственные бизнесмены», предложения от которых «уже поступают», смогут направлять в фонд деньги. И что для восстановления Мариуполя будут использоваться и деньги петербургского бюджета: «У нас бюджет большой, у Петербурга все в порядке».

Ну что касается «ответственных бизнесменов», давно известен механизм появления таких предложений: бизнесмены вряд ли могут не захотеть помочь — немилость властей обходится дороже.

Если же говорить о бюджете, он у нас и вправду немаленький. Но и проблем масса.

А главное — на каком правовом основании губернатор собрался направлять бюджетные средства для реализации указанных целей в Мариуполе, находящемся на тот момент — с какой стороны ни смотри — на территории иностранного государства?

Где в законодательстве такая возможность прописана? И за счет каких статей бюджета города это будет финансироваться?

Все эти вопросы были заданы Беглову письменно — в моем обращении от 31 мая.

Теперь следите за словами.

1 июня губернатор подписал с назначенными из ДНР «властями Мариуполя» соглашение о «побратимских связях».

А через шесть дней, 7 июня, по инициативе губернатора был принят городской закон, разрешающий выделять бюджетные субсидии некоммерческим организациям, которые занимаются «развитием жилищного строительства, коммунальной, социальной, инженерной, транспортной инфраструктуры и промышленности».

И если раньше давать бюджетные деньги можно было только тем НКО, которые работают в Петербурге, то теперь стало можно давать деньги тем, которые в городе лишь зарегистрированы, а работают за его пределами. Читайте: фонду «Победа».

16 июня пришел ответ губернатора на мой запрос. Мне было сообщено, что «в настоящее время осуществляется оценка технического состояния объектов инфраструктуры на территории

г. Мариуполя, по результатам которой будут определены мероприятия» и что «исходя из состава и содержания мероприятий, их реализация и финансирование будут осуществляться в соответствии с нормами бюджетного и иного законодательства». Для справки: в бюджетном законодательстве таких норм не было и нет до сих пор.

В течение лета петербургские чиновники не раз рассказывали, как они занимаются «восстановлением Мариуполя». Но не уточняли, за счет чего это «восстановление» происходит. Разве что в августе вице-губернатор по финансам Алексей Корабельников говорил журналистам, что финансирование мероприятий по восстановлению Мариуполя осуществляется «как за счет бюджетных, так и внебюджетных источников».

В конце августа на сайте Смольного появилась информация «Петербург установит в Мариуполе памятник Александру Невскому», где рассказывалось, что, по итогам совещания с вице-премьером Маратом Хуснуллиным, Александр Беглов «сообщил, что к 1 сентября в Мариуполе планируется сдать три школы и три детских сада, к началу отопительного сезона 2022/2023 года планируется восстановить объекты жилой застройки, к концу I квартала 2023 года завершатся работы на объектах здравоохранения и здании пожарной части», и что «фондом «Победа» сформирована благотворительная программа помощи и восстановления Мариуполя на 2022 год».

2 сентября я направил губернатору еще один запрос, прося сообщить, выделялись ли в 2022 году средства из бюджета Санкт-Петербурга либо напрямую на восстановление Мариуполя, либо в фонд «Победа», и если выделялись, то в каком объеме и по каким точно статьям бюджета. А если расходы шли из фонда «Победа», то в каком объеме: ведь если губернатор об этом докладывает вице-премьеру, то предполагается, что он как минимум владеет информацией.

19 сентября мне ответил вице-губернатор по строительству Николай Линченко: «Финансирование указанных мероприятий по ведомственной структуре расходов бюджета Санкт-Петербурга не осуществляется» (выделено мной. — Б. В.). Для справки: если расходов нет в ведомственной структуре

бюджета — значит, их просто нет в бюджете. На вопрос же о фонде «Победа» Линченко не ответил вообще.

4 октября, выступая на заседании городского правительства, Александр Беглов заявляет, что у Петербурга теперь есть и «дополнительные траты» и «другие расходные обязательства», поскольку «мы должны помогать новым субъектам, которые вошли в состав России, нашему Мариуполю и по другим направлениям».

5 октября я отправил еще один запрос губернатору, напоминая, что по Бюджетному кодексу расходные обязательства Петербурга могут устанавливаться только законами или договорами. И просил сообщить, какими именно законами или договорами установлены расходные обязательства бюджета Санкт-Петербурга по помощи «новым субъектам», и когда же эти решения успели принять, если президент подписал закон о вступлении их в состав России только 5 октября?

20 октября приходит ответ от «финансового» вице-губернатора Корабельникова, который вынужден подтвердить: никаких законов и иных нормативных актов, возлагающих на Петербург какие-либо расходные обязательства по помощи «новым субъектам», не принималось. И вопрос «откуда деньги на Мариуполь?» становится все более актуальным. Три школы и три детских садика — это как минимум 3–4 миллиарда рублей. Вряд ли «ответственные бизнесмены» в условиях кризиса могли добровольно пожертвовать такие суммы...

21 октября на сайте городской администрации появляется — для антикоррупционной экспертизы — проект изменений в госпрограмму Санкт-Петербурга «Обеспечение законности, правопорядка и безопасности». Где предлагается записать, что фонду «Победа» выделяются субсидии за счет Резервного фонда городского правительства.

Поясним: Резервный фонд — это «кусочек» городского бюджета, который правительство Петербурга тратит так, как хочет.

Оперативно узнать о том, на что правительство потратило деньги, нельзя: эти сведения не публикуются. Отчет об исполнении бюджета, который представят через год, подробностей расходования Резервного фонда не содержит. По сути, это

«заначка» исполнительной власти, из которой можно достать деньги, не спрашивая разрешения у власти законодательной.

В прежние годы размер этого фонда в питерском бюджете составлял от 3 до 5 миллиардов рублей. В 2020 году в связи с эпидемией коронавируса его увеличили — до 31 миллиарда рублей, мотивируя огромными непредвиденными расходами на борьбу с ковидом, в 2021 году этот объем денежных средств сократился до 20 млрд. рублей.

В 2022 году Резервный фонд утвердили в объеме 27,5 миллиарда рублей. Однако 12 октября, когда в Законодательном собрании рассматривался закон о корректировке городского бюджета на 2022 год, губернатор предложил добавить в Резервный фонд еще 15 млрд рублей! На мои вопросы о том, куда именно планируется направить эти средства и куда пошли те средства, которые уже были заложены в Резервном фонде, ответа не последовало. Вице-губернатор Корабельников ограничился туманным объяснением о том, что перед бюджетом «стоят вызовы, связанные с проведением специальной военной операции».

Прошло девять дней, наступило 21 октября — и туман рассеялся: стало понятно, что увеличивать Резервный фонд хотят ради финансирования расходов на Мариуполь.

24 октября собирается Бюджетно-финансовый комитет Законодательного собрания и рассматривает поправки ко второму чтению закона о корректировке бюджета на 2022 год. И в комитет приносят поправку губернатора (к им же внесенному и принятому в первом чтении закону), которой, в частности, предлагается... еще на 5,7 млрд рублей увеличить все тот же Резервный фонд! На мой вопрос: чем это мотивировано? — председатель Комитета финансов Светлана Енилина отвечает: все, что было заложено, мы уже потратили. И надо дать еще денег...

2 ноября поправку губернатора принимают во втором чтении, после чего Резервный фонд достигает 48,2 млрд рублей — почти 5% от объема бюджета.

Окончательно становится понятно, что именно из этой «заначки», сформированной, на самом деле, из средств горожан, финансируется «восстановление Мариуполя».

Впрочем, как выяснилось еще раньше, из этого же Резервного фонда финансируется не только Мариуполь.

В конце июля 2022 года в Петербурге начали набирать добровольцев для службы по контракту в «именные» батальоны «Кронштадт», «Нева» и «Павловск». Обещая при этом записавшимся по 300 тысяч рублей «от губернатора». На мое обращение к губернатору, действительно ли это так, 23 августа ответил вице-губернатор Николай Линченко: да, предоставляется единовременная материальная помощь в размере 300 тыс. рублей, «в соответствии с действующим законодательством».

Я написал вице-губернатору Алексею Корабельникову, попросил сообщить конкретно: по каким статьям бюджета Санкт-Петербурга на 2022 год выделяются эти деньги. Для справки: на указанные выплаты для трех батальонов нужно — исходя из численности батальона в 500 человек — 450 млн рублей. А все расходы на социальную помощь, предусмотренные в городском бюджете на 2022 год, — 429 млн рублей. Причем если эти деньги отправят контрактникам, тем петербуржцам, которые нуждаются в социальной помощи, уже ничего не останется.

7 сентября пришел ответ от вице-губернатора Корабельникова, который отказался раскрывать тайну выплат. Вместо этого он повторил мантру «все в соответствии с действующим законодательством». Каким? Где в законодательстве, то есть в бюджете, предусмотрены эти деньги? Молчание. Могу предположить: так ведут себя тогда, когда хотят скрыть информацию.

14 сентября Законодательное собрание рассматривает депутатский запрос фракции «Яблоко» о финансировании «именных» батальонов. Я от имени фракции предлагаю парламенту спросить уже у губернатора: по каким конкретно статьям бюджета на 2022 год финансируется объявленное предоставление «единовременной материальной помощи» в размере 300 тыс. рублей тем, кто заключает контракт для службы в «именных» батальонах, какой объем средств на это уже выделен и какой планируется выделить до конца 2022 года.

Парламентское большинство (единороссы и их союзники) отказывается поддержать запрос: «за» голосуют только трое депутатов из 50 (из них двое — мы с Александром Шишловым — из «Яблока»).

Я направляю губернатору обычное обращение с тем же текстом (это не требует утверждения в парламенте) и 7 октября наконец получаю ответ: выплаты финансируются из Резервного фонда. Что и требовалось доказать.

Но и это еще не все выплаты из Резервного фонда, которые идут на спецоперацию и ее последствия.

21 сентября, как известно, началась частичная мобилизация. И вскоре появилось множество сообщений о том, что мобилизованные якобы сами покупают себе бронежилеты, берцы, носки и другие необходимые вещи.

12 октября Законодательное собрание принимает обращение к губернатору, прося выделить средства Резервного фонда на приобретение снаряжения и оборудования для мобилизованных. Речь идет о «средствах связи и обнаружения противника, беспилотниках, специальных системах наведения, обмундировании и туристическом снаряжении, медицинских изделиях и прочих инструментах».

Мы с Александром Шишловым спрашиваем на заседании ЗакСа: только что заместитель министра обороны генерал-полковник Виктор Горемыкин заявил, что у армии и каждого военнослужащего есть «все необходимое в полном объеме».

Если это не так, надо писать не губернатору, а генпрокурору — чтобы расследовали конкретные случаи нехватки чего-либо. А если это так — зачем на снаряжение мобилизованных тратить городские деньги? Ответа мы не получаем.

26 октября в первом чтении принимается городской бюджет на 2023 год. И в нем снова закладывают 30 млрд рублей Резервного фонда!

«Яблоко» голосует против такого бюджета. Я, выступая от имени фракции на пленарном заседании, говорю, что за счет средств горожан нужно решать городские проблемы, а не финансировать расходы, вызванные спецоперацией. Но тщетно: бюджет принимают в первом чтении голосами единороссов, «эсеров», жириновцев и «новых людей».

И в этот же день принимают закон (против голосует только «Яблоко»), которым для чиновников и депутатов, командированных в «новые регионы» (ДНР, ЛНР, Херсонская и Запорожская области), устанавливаются «суточные» большие, чем

в загранкомандировках, — почти по 9 тысяч рублей в сутки. И двойная зарплата за «командировочное» время. И выдача «безотчетных сумм» на покрытие расходов...

И, наконец, 2 ноября губернатор предлагает поправку к им же внесенному и принятому в первом чтении проекту бюджета на 2023 год, где предлагает увеличить Резервный фонд еще на 20 млрд рублей. Чтобы он достиг 50 млрд. Сомнений в том, что эту поправку примут, — никаких.

Вот так городской бюджет превращают в «сообщающийся сосуд» для финансирования спецоперации.

При этом можно вполне уверенно предположить, что в Мариуполе и других новых регионах нечистоплотным чиновникам куда легче бесконтрольно тратить эти деньги (какой уж там контроль) и «осваивать» их через непрозрачные схемы и фонды. А тем временем петербургские волонтеры, помогающие беженцам, объявляют очередной сбор денег и вещей — на сей раз для тех, кто остался в Мариуполе в преддверии зимы.

Бюджетных миллиардов на эти нужды почему-то не перепадает.

«С ВОЛИ СОВЕТОВ НЕ ДАЮТ»

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ «УДАЛЕНКЕ»

17 НОЯБРЯ 2022

Варшавский «съезд народных депутатов», объявляющий «ликвидированной» Российскую Федерацию; отзывы Александра Морозова (давно живущего в Праге) об оставшихся в России, «огорчающих своим нелепым пафосом»; внесение Алексея Венедиктова в список «коррупционеров и разжигателей», составляемый соратниками Навального; и многое другое наглядно демонстрируют чрезвычайную схожесть части российской политэмиграции с теми, с кем они борются.

Речь о тех, кто уехав (по разным причинам, часто — вполне уважительным), полагает, что только они и составляют реальную оппозицию. В отличие от оставшихся в России, которые (если они не сидят в тюрьме) объявляются либо «пособниками» или «соучастниками» режима, либо «соглашателями», либо виноватыми в том, что они до сих пор хотя бы не сели. Все это декларируется с чувством заведомого морального превосходства — по «территориальному принципу», поскольку оставшиеся, мол, не заслуживают сочувствия.

При этом в число «пособников режима» попадает, например, «Яблоко», призывающее к прекращению огня в Украине: заявляют, что это якобы «выгодно Путину». И непреклонно требуют продолжения боевых действий, которые, по их мнению, должны в скором времени привести к долгожданным переменам. Правда, никто из них пока не замечен в окопах — призывы звучат с безопасного расстояния...

Нельзя не заметить сходства некоторой части этих политэмигрантов с российскими провластными персонажами, призывающими быть «пожестче» и «бить по центрам принятия решений»: они точно так же не спешат в окопы, предпочитая вдохновлять на это других.

И те и другие объявляют оппонентов людьми, действующими либо по чьим-то указаниям, либо из корыстных соображений,

только в одном случае это «агенты Кремля», а в другом — «агенты госдепа».

И те и другие составляют «списки врагов», подлежащих наказанию или как минимум заслуживающих презрения. Только условный Леонид Волков со товарищи составляют списки «поджигателей», а условный Захар Прилепин с компанией — списки деятелей культуры, уличенных в «антироссийской деятельности».

Одни требуют включения в «санкционные списки» всех, кого они сочли «пособниками режима», другие — увольнения тех, кто, работая в государственных учреждениях, высказывается против «спецоперации».

Одни презрительно отзываются об «оставанцах» (выражение упомянутого Александра Морозова), а другие (как спикер Совета Федерации Валентина Матвиенко) сравнивают уехавших из страны «несогласных» с крысами.

В чем причина такого сходства?

Думается, в том, что (по выражению Льва Шлосберга) «чума необольшевизма поразила российскую политическую эмиграцию ровно в той степени, в какой ненависть к инакомыслию и свободе поразила российские власти».

Действительно, верховенствуют все те же большевистские принципы: «кто не с нами — тот против нас» и «если враг не сдается — его уничтожают». При этом у тех, кто «против нас», нет и не может быть никаких прав и никакой презумпции невиновности: если обвинен — значит, уже виновен. Ну да — до основания, а вот уже затем...

Те, кто уехал из России (в том числе и потому, что им угрожала опасность), наверное, вправе давать оставшимся в стране любые советы (хотя у старых политэзков на этот счет было иное мнение: «С воли советов не дают»).

Но дело в том, что на практике мы слышим не советы, а оценки, упреки, поучения или указания, как следует бороться, исходящие от людей, находящихся в полной безопасности, в отличие от оставшихся (я на такие упреки или указания обычно отвечаю: «возвращайтесь и показывайте пример»).

Мы видим, как люди, провозгласившие себя в эмиграции носителями «России будущего», берут друг у друга интервью, бесконечно выступают друг у друга на ютуб-каналах и форумах,

объявляют себя «хорошими русскими», достойными всяческих предпочтений на Западе, и проводят «съезды народных депутатов» (никим не избранных и никого не представляющих), где торжественно объявляют о «ликвидации» Российской Федерации и «создании» альтернативных ветвей власти, о чем принимают многочисленные резолюции и акты.

Карикатурно-имитационный характер этого действия очевиден: с таким же успехом собравшиеся могли заняться обустройством Вселенной. Но это не только смешно, но и вредно. Потому что условным Симоньян или Скабеевой даже не надо ничего выдумывать, чтобы выставить в невыгодном свете оппонентов режима: достаточно показать репортаж с этого «съезда». Или с «конгресса свободной России» в Вильнюсе, где политэмигранты советовали оставшимся в России политикам: «уезжайте или терпите».

Терпеть предлагается до неких откуда-то взявшихся перемен — после чего уехавшие (как они откровенно заявляют) вернутся, чтобы руководить: кто же, как не они?

Эти персонажи советуют тем, кто остался в России, «выходить на улицы и ничего не бояться».

Как человек, который в Петербурге после каждого такого призыва вместе с правозащитниками занимается помощью задержанным, скажу прямо: такие призывы, звучащие из безопасной заграницы, — отвратительны.

Говорить об этом имеют право только те, кто выходит на мирные протесты вместе с теми, кого зовет. А не те, кто из-за границы предлагает записываться в интернете в участники протестных акций или в очередные «штабы» (после чего базы записавшихся почему-то оказываются «слитыми» российским «органам»).

А еще заметим, что представители примерно одного и того же политического направления в 1996 году требовали «выбирать сердцем» Ельцина, в 1999-м твердили о «возрождении российской армии в Чечне» и призывали «Путина в президенты», а в 2021-м агитировали за «умное голосование».

Поэтому сегодня, когда соратники Алексея Навального составляют списки «поджигателей», им, если они хотят быть честными, следовало бы включать в эти списки и самих себя. Среди тех, кого они предлагали «умно» поддержать, множество коммунистов

и «эсеров», которые полностью поддерживают спецоперацию, голосуют за репрессивные законы и порой выступают даже с более людоедскими инициативами, чем «единороссы».

Никакие реформы не придут в Россию из Праги или Вильнюса, Варшавы или Берлина, Мюнхена или Риги.

Реформы придут только изнутри, хотя, может быть, и не скоро.

Для этих реформ есть все основания, потому что миллионы оставшихся в стране граждан, живущих сегодня в условиях несвободы, не хотят жить так и дальше.

Им надо помогать с решением их проблем, защищать их, поддерживать их в беде. Как это делают российские политики и правозащитники: и мои коллеги по «Яблоку», и «Мемориал», и «Гражданское содействие», и Правозащитный совет Санкт-Петербурга», и Григорий Михнов-Вайтенко (недавно ставший лауреатом премии Международной Хельсинской группы), и Галина Артеменко, и Егор Захаров, и Екатерина Евченко, и многие-многие другие.

И гражданам надо объяснять, что они не одни. Что они во все не в подавляющем меньшинстве, как это внушает государственная пропаганда, стремясь выработать у несогласных чувство выученной беспомощности.

Это — очень тяжелая работа, но именно ей и должна заниматься политическая оппозиция в России, если она хочет приблизить перемены.

А еще она должна ясно понимать, какое именно будущее нужно построить — чтобы снова не наступить на те же грабли превращения демократии в авторитаризм (как уже однажды случилось).

Последнее.

Когда придется строить это новое — строительство будет успешным и возможным, только если строителям будут верить. И верить на основе реальных дел, а не на основе громких слов. На основе предшествующей жизни и их репутации (понятие, почти исчезнувшее в современной России).

Шанс оказаться достойными доверия есть только у тех, кто помогал людям и защищал их. И кто был вместе со своими гражданами — а не на «удаленке».

Кто, по известному выражению Анны Ахматовой, был «с моим народом — там, где мой народ, к несчастью, был».

«ВЕТЕР БОГОВ ПОДНИМАЕТ БУРЮ, НО ОН ЖЕ РАЗДУВАЕТ ПАРУСА»

19 НОЯБРЯ 2012 ГОДА УШЕЛ БОРИС НАТАНОВИЧ СТРУГАЦКИЙ

19 НОЯБРЯ 2022 ГОДА

19 ноября 2012 года ушел Борис Натанович Стругацкий.

Один из двух братьев-фантастов, чьи книги остаются любимыми у многих поколений читателей.

С тех пор минуло десять лет. Но порой кажется, что гораздо больше.

Это десятилетие вместило освобождение Михаила Ходорковского и Олимпиаду в Сочи, где победы была смазана допинговым скандалом. Присоединение Крыма и мятеж в Донбассе. Сбитый малайзийский «Боинг» и участие России в сирийской войне. Избрание Путина на четвертый срок и увеличение пенсионного возраста. Эпидемию коронавируса, изменение Конституции и «обнуление» президентских сроков Путина.

И, конечно — спецоперацию в Украине.

Десять лет назад в горячем бреду невозможно было представить себе сегодняшние заголовки новостей. О «возможной эвакуации жителей Киева» и «создания центров подготовки ополченцев в Курской и Белгородской областях», о «частичной мобилизации» и «оставлении Херсона».

Но очень легко представить себе, как бы на происходящееотреагировал Борис Натанович, который пережил блокаду Ленинграда, и войну, — люблю!, — ненавижу!

Вот что он говорил мне в феврале 1995-го, через два месяца после начала первой чеченской войны, в интервью для петербургской газеты «Невское время»:

«Война — ужасна. Война всегда была ужасна, а сегодня, когда так много фантастически страшных средств уничтожения и уродования человека, она фантастически ужасна и отвратительна. Любая война — справедливая или нет, захватническая или оборонительная,

вынужденная или затеянная сознательно. Ведь ужасно любое убийство — будь это убийство в корыстных целях или совершаемое в порядке защиты слабого и униженного. У войны (я допускаю это), как у любого убийства, может быть благородная цель, но сама война — это всегда грязь, боль, мерзость и растрепанность души...».

Но, кроме войны, Борис Натанович терпеть не мог милитаристское, реваншистское сознание. То самое, которое потом проявилось в «можем повторить».

В самом первом интервью, которое мы с ним записывали, — в марте 1992 года для газеты «Вечерний Петербург», — он говорил:

«Все мы люди, все мы человеки — когда наваливается на нас нищета, голод, беспросветность, мы дуеем, мы делаемся глупыми от страха за себя и за детей наших... И вот тут они ждут нас — Повелители Дураков. Все эти новоявленные Львы Троцкие, Бенито Муссолини, Адольфы Гитлеры.

Ничего нет у них за душой — ни любви, ни ума, ни доброты, ни чести — одна только клокочущая ненависть.

И ничего они внушить нам не умеют, кроме ненависти и злобы. Но ах как сладко они умеют нам петь — какие мы умные, какие мы сильные, какие мы смелые и гордые, как много нам полагается, и как мало нам достается, и как просто можно все исправить, если вернуться назад, к истокам всех наших былых побед!..

А мы, ослепленные страхом и обидой, как часто мы не понимаем, что тянут они нас не к истокам побед, а к миру всеобщей ненависти, к огромной, как река, крови!

Великий грех берут на себя люди, которые сейчас кричат о ненависти и о возврате назад. Кто-то из них, может быть, не осознает, к чему призывает, а кто-то, вероятно, крови не боится, особенно — чужой...».

И еще из взятого мной у него интервью для той же «Вечерки», но в июне того же, 1992 года:

«Существуют идеи, которые опасны сами по себе, идеи, пробуждающие в добром гражданине зверя, круто замешанные на ненависти, чреватые кровью и смертью.

Такова идея РЕВАНШИЗМА.

Такова идея НАЦИОНАЛЬНОГО ПРЕВОСХОДСТВА.

Такова идея ИМПЕРИИ.»

Минуло полтора десятка лет — и практически все сказанное Борисом Натановичем мы увидели не в теории, а на практике.

И, в том числе, убедились в беспощадной правоте того, что он написал в апреле 1995 года, и попросил меня отдать в «Невское время».

То была и поныне знаменитая «эпидемиологическая памятка», называвшаяся «Фашизм — это очень просто».

Приведу лишь несколько фрагментов из нее:

«Фашизм — это очень просто! Фашизм есть диктатура националистов. Соответственно, фашист — это человек, исповедующий (и проповедующий) превосходство одной нации над другими и при этом — активный поборник «железной руки», «дисциплины-порядка», «ежовых рукавиц» и прочих прелестей тоталитаризма...

Только, ради Бога, не путайте национализм с патриотизмом! Патриотизм — это любовь к своему народу, а национализм — неприязнь к чужому. Патриот прекрасно знает, что не бывает плохих и хороших народов — бывают лишь плохие и хорошие люди. Националист же всегда мыслит категориями «свои-чужие», «наши-ненаши», «воры-франца», он целые народы с легкостью необыкновенной записывает в негодяи, или в дураки, или в бандиты. Это важнейший признак фашистской идеологии — деление людей на «наших и ненаших»...

Очень важный признак фашизма — ложь. Конечно, не всякий, кто лжет, фашист, но всякий фашист — обязательно лжец. Он просто вынужден лгать. Потому что диктатуру иногда еще как-то можно, худо-бедно, но все-таки разумно, обосновать, национализм же обосновать можно только через посредство лжи. И никто точнее Эрнеста Хемингуэя не сказал о них: «Фашизм есть ложь, извлекаемая бандитами»...

Дорога истории давно уже накатана, логика истории беспощадна, и, как только придут к власти ваши фюреры, заработает отлаженный конвейер: устранение инакомыслящих — подавление неизбежного протеста — концлагеря — упадок мирной экономики — милитаризация — война...

А если вы, опомнившись, захотите в какой-то момент остановить этот страшный конвейер, вы будете беспощадно уничтожены, словно самый распоследний демократ-интернационалист.

Не будет у вас штурмбаннфюреров, а будут какие-нибудь есаул-бригадиры, но сущность фашизма — диктатура нацистов — останется, а значит, останется ложь, кровь, война — теперь, возможно, ядерная...

Звучит пугающе современно — особенно, на фоне разговоров о возможном применении ядерного оружия и кровавых призывов отдельных политиков и пропагандистов это оружие применить для скорой и решительной победы...

В августе 2008 года, вскоре после окончания российско-грузинской войны (тогда ее не запрещалось называть таковой, и не было еще законов о наказании за «фейки» и «дискредитацию»), мы с Борисом Натановичем долго говорили — и о причинах этой войны, и о том, почему большинство граждан, рассуждая о ней, ведут себя в «ура-патриотическом» стиле, и охотно подерживают происходящее. Как будто бы излучение башен из «Обитаемого острова» включено на полную мощность, и только кучка «выродков» отчаянно пытается сопротивляться официальной лжи...

«Казалось бы, российская власть приучила общество к тому, что лжет во все критические моменты. Так почему сегодня срывается пропаганда — неужели после Чечни, Беслана, «Курска», «Норд-Оста» не выработался иммунитет?», — спросил я (это интервью было напечатано в «Новой газете»).

Вот что ответил Борис Натанович:

«Человек так устроен, что в первую очередь слышит именно и только то, что ему хочется слышать. Это касается и слушателя «Эхо Москвы», и постоянного зрителя Первого канала.

СМИ не создают мировоззрения, СМИ — поддерживают мировоззрение, уже сложившееся. А мировоззрение наше (массовое мировоззрение, я имею в виду) остается тоталитарным. «Нас должны бояться». «Мы самые лучшие». «Хозяин всегда прав, он — орел». «Мы их вздуем на раз». «А чего они!?».

На этот нехитрый набор представлений официальная пропаганда ложится как масло на блин — «легко и нежно», — и вот уже готов семидесятипроцентный «одобрямс». А чтобы отсеять ложь, чтобы разобраться в происходящем, надо иметь совсем другой менталитет, надо уметь искать, находить и анализировать информацию, надо быть «выродком...».

Прошло шесть лет, уже не было Бориса Натановича — и в 2014 году мы увидели еще большую мощность излучения башен.

Заставившего большую часть граждан потерять (цитируя «Обитаемый остров» братьев Стругацких) «способность к критическому анализу действительности».

Из «человека мыслящего превратиться в человека верующего, причем верующего иступленно, фанатически, вопреки бьющей в глаза реальности».

Верующего, что «вежливые человечки», захватившие парламент автономии и нападавшие на украинские гарнизоны, были «самообороной Крыма», а не российскими десантниками.

Верующего в «нацизм в Украине» и «распятого мальчика» в Славянске.

Верующего, что мятеж в Донбассе подняли «доведенные до отчаяния шахтеры и трактористы», а не засланные из России реконструкторы «русского мира».

Верующего, что малайзийский «Боинг» сбил «украинский истребитель».

И так далее, и тому подобное.

А еще до жути актуальными стали строки из того же «Обитаемого острова»:

«Подполье не было политической партией. Более того, подполье даже не было фронтом политических партий. Специфика обстоятельств разбила штаб на две непримиримые группы: категорические противники башен и категорические сторонники башен.

Были биологи, которым было абсолютно все равно, стоит ли у власти Папа, крупнейший потомственный финансист, глава целого клана банкиров и промышленников, или демократический союз представителей трудящихся слоев общества. Они хотели только, чтобы проклятые башни были скрыты и можно было бы жить по-человечески, как они выражались, то-есть по-старому, по-довоенному...

Были аристократы, уцелевшие остатки привилегированных классов старой империи, все еще воображавшие, что только эти нелепые башни мешают доброму простодушному народу манифестировать свою искреннюю, добрую, простодушную преданность своим законным владыкам...

За безусловное уничтожение башен стояли и революционеры — для них уничтожение башен было лишь необходимым условием возвращения к естественному ходу истории, сигналом к началу ряда революций, которые приведут, в конечном счете, к справедливому общественному устройству.

За сохранение башен стояли вождисты, либералы и просветители.

Вождисты были просто бандой властолюбцев, рвущихся к департаментским креслам. Эти политические бандиты были готовы бешено, не разбираясь в средствах, драться против любого правительства, если оно составлено без их участия...

Либералы были в общем против башен и против Неизвестных Отцов. Однако больше всего они боялись гражданской войны. Это были национальные патриоты, чрезвычайно пекущиеся о славе и мощи государства и опасющиеся, что уничтожение башен приведет к хаосу, всеобщему оплеванию святынь и безвозвратному распаду нации. В подполье они сидели потому, что все, как один, были сторонниками парламентских форм правления...

Что же касается просветителей, то это были, несомненно, честные, искренние и неглупые люди. Они ненавидели тиранию Отцов, были категорически против использования башен для обмана масс, но считали башни могучим средством воспитания народа...».

Когда же прошли те самые «восемь лет» — в пугающую иллюстрацию происходящего превратились другие строки из того же «ОО»:

«— Опять мы к войне не готовы, массаракиш, — заметил Зеф, выключая приемник и открывая прения.

С ним не согласились. По мнению большинства сила перла громадная, и хонтийцам теперь придет конец.

Уголовники считали, что главное — перейти границу, а там каждый человек будет сам себе хозяин и каждый захваченный город будут отдавать на три дня.

Политические, то есть выродки, смотрели на положение более мрачно, не ждали от будущего ничего хорошего и прямо заявляли, что посылают их на убой, подрывать собою атомные мины, никто из них живой не останется, так что хорошо бы добраться до фронта, и там где-нибудь залечь, чтобы не нашли.

Точки зрения спорящих были настолько противоположны, что настоящего разговора не получилось, и патристический диспут очень скоро выродился в однообразную ругань по адресу вонючих тыловигов, которые вторые сутки не дают жрать и уже, поди, успели разговоровать всю положенную водку...».

И оттуда же:

«Данные об экономическом положении Страны Отцов хранятся в строжайшем секрете, но каждому ясно, что положение это — дерьмовое, а когда экономика в дерьмовом состоянии, лучше всего затеять войну, чтобы сразу всем заткнуть глотки.

Вепрь, зубы съевший в вопросе влияния экономики на политику, предсказывал эту войну еще пять лет назад. Башни, знаете ли, башнями, а нищета нищетой.

Внушать голодному человеку, что он сыт, долго нельзя, не выдерживает психика, а править сумасшедшим народом — удовольствие маленькое, особенно если учесть, что умалишенные излучению не поддаются...».

Много раз мы — читатели и ученики Стругацких, — думали: а может быть, сами братья были прогрессорами из другой звездной системы, знавшими наше будущее и изо всех сил пытавшимися нам помочь, чтобы оно не оказалось мрачным?

В 2009 году, в беседе для «Новой газеты», я спросил у Бориса Натановича:

— Если бы вам, как доктору Будаху в «Трудно быть богом», довелось беседовать с прогрессором с другой планеты, что бы вы попросили? Дать людям вволю хлеба, мяса и вина, кров и одежду? Вразумить жестоких правителей? Сделать так, чтобы люди получили все и не отбирали это друг у друга? Провести «массовую гипноиндукцию и позитивную реморализацию», чтобы люди больше всего любили труд и знание? Или, как в конце концов просит Будах, «оставить нас и дать нам идти своей дорогой»?

Ответ был таким:

— *Боюсь, что ответ доктора Будаха реально единственно верный. Все остальное — фантастика. Историю невозможно ни облагородить, ни обескровить, ни подлатать. Я уверен, что реальная история — самая благородная, бескровная и здоровая из всех виртуальных. Она как*

демократия по Черчиллю: отвратительна, но ничего лучше выдумать ни у кого не получится. Любая выдуманная история будет либо неосуществима, либо еще более отвратительна, чем реальная...

Но вот сегодня, — когда реальная история демонстрирует предсказанное Борисом Натановичем в 2008 году «Большое Огосударствление и Решительную Милитаризацию со всеми вытекающими отсюда последствиями касательно прав и свобод», — мы живем в причудливой смеси миров книг братьев Стругацких: «Обитаемого острова», «Трудно быть богом» и «Гадких лебедей».

Где «надобны не умные, а верные», и наказывают за «невосторженный образ мыслей».

Где «горожане стали очень серьезными и совершенно точно знают, что необходимо для блага государства».

Где «правда — это то, что сейчас во благо королю, а все остальное — ложь и преступление».

Где «страны, которые нравились господину Президенту, вели справедливые войны во имя своих наций и демократий, а страны, которые господину Президенту почему-либо не нравились, вели войны захватнические и даже, собственно, не войны вели, а попросту производили бандитские злодейские нападения».

Где «есть люди, которые не могут жить без прошлого, они целиком в прошлом, они живут традициями, обычаями, заветами, они черпают в прошлом радость и пример. Скажем, господин президент. Что бы он делал, если бы у нас не было нашего великого прошлого? На что бы он ссылался и откуда бы он взял себя вообще?»...

И все же, все же, все же.

«Ветер богов поднимает бурю, но он же раздувает паруса» («Волны гасят ветер»).

Грех уныния, — как сейчас сказали бы, «выученной беспомощности», — Борис Натанович Стругацкий, будучи агностиком, считал одним из самых тяжких.

РАЗРЕШЕНО НИГДЕ

ПРЕЗИДЕНТ ПОДПИСАЛ ЗАКОН, ФАКТИЧЕСКИ ОТМЕНЯЮЩИЙ
КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА СВОБОДУ СОБРАНИЙ

6 ДЕКАБРЯ 2023

Президент Владимир Путин подписал закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Подавляющая часть этого закона направлена на то, чтобы максимально усложнить жизнь иностранным агентам и лицам, «находящимся под иностранным влиянием».

Но есть в этом законе и то, что иноагентов напрямую не касается. Зато касается конституционного права граждан на свободу собраний, которое отныне скукоживается до минимума. Причем входя в противоречие даже с позицией Конституционного суда. Если кратко, то митинговать отныне будет разрешено примерно нигде.

Прежняя редакция статьи 8 закона 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» запрещала проведение публичных мероприятий на территориях, непосредственно прилегающих к «опасным производственным объектам и к иным объектам, эксплуатация которых требует соблюдения специальных правил техники безопасности».

На путепроводах, железнодорожных магистралях и полосах отвода железных дорог, нефте-, газо- и продуктопроводов, высоковольтных линий электропередачи.

В пограничных зонах (без разрешения «уполномоченных органов»).

И на территориях, «непосредственно прилегающих к резиденциям президента Российской Федерации, к зданиям, занимаемым судами, экстренными оперативными службами, к территориям и зданиям учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы».

Теперь список запретных зон существенно дополнен.

В него включены здания и территории речных, морских, железнодорожных и автомобильных вокзалов и станций, аэропортов, морских, речных портов и пристаней.

Здания и территории образовательных организаций, медицинских организаций, организаций социальной защиты населения, детские и спортивные площадки.

Культовые помещения, здания и сооружения, а также их земельные участки (в том числе, находящиеся в собственности религиозных организаций). Единственное исключение — места, где проводятся публичные богослужения и другие религиозные обряды и церемонии.

И, наконец, здания органов публичной власти, а также территории, непосредственно прилегающие к таким зданиям, объектам жизнеобеспечения, в том числе, обеспечивающим функционирование электрических, тепловых, водопроводных сетей, сетей водоснабжения и (или) водоотведения, сетей газоснабжения.

Главное здесь, конечно — запрет проводить публичные акции на территориях, прилегающих к зданиям, где находятся органы власти.

Более того, запрещено это делать и в самих зданиях. Нельзя будет провести ни митинг, ни пикет ни у здания Госдумы, ни у здания правительства России, ни у здания, которое занимает, например, петербургская администрация или Законодательное собрание. Ни у районного, ни у городского совета или администрации. И так далее.

Но где же гражданам выражать свое отношение к решениям органов власти, если они ими недовольны, как не рядом с ними, непосредственно у источника недовольства?

Вопрос вовсе не риторический — три года назад им задался Конституционный суд, куда обратились жительницы Коми, желавшие провести у здания администрации городского округа Сыктывкар митинг с обсуждением плохой работы общественного транспорта. Они получили отказ — мол, нельзя, в соответствии с республиканским законом, митинговать ближе, чем в 50 метрах от входа в здание администрации. И пожаловались в КС, заявив, что этот запрет имеет «главным своим предназначением воспрепятствование адресной публичной критике региональных и местных чиновников со стороны граждан и их объединений».

Решение суда, принятое в ноябре 2019 года, оказалось очень важным.

КС постановил, что этот запрет означает, по сути, «введение непреодолимого барьера для реализации на территории Республики Коми права на свободу мирных собраний вблизи любых органов региональной и муниципальной власти, а также любых республиканских государственных учреждений».

И что нельзя «автоматически» отказывать в проведении публичных акций в «запрещенных» местах без оценки того, действительно ли конкретная акция, которая предлагается, несет какую-либо угрозу для прав граждан, общественной безопасности и правопорядка.

Кроме того, КС рассмотрел тогда и региональный запрет на проведение публичных акций в местах, где их проведение «может повлечь нарушение функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, связи, создать помехи движению пешеходов и (или) транспортных средств, либо доступу граждан к жилым помещениям или объектам транспортной или социальной инфраструктуры».

Под подобными предложениями — якобы «создания помех для пешеходов или транспорта» — запрещают публичные акции во многих регионах (в том числе, конечно, и в Петербурге). Так вот, КС признал этот запрет неконституционным!

Суд отметил, что «проведение публичных мероприятий, как правило, сопряжено с известными неудобствами для не участвующих в них граждан» (создание помех работе транспорта, затруднение доступа к объектам социальной инфраструктуры и т.п.), но «такого рода издержки свободы мирных собраний сами по себе не могут служить веской причиной для отказа в проведении собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирований».

Поэтому «компетентные органы и должностные лица обязаны стремиться к принятию всех зависящих от них мер для их легального проведения в избранном организаторами месте и в запланированное время, в том числе, посредством минимизации вызываемых ими последствий, а не пытаться под любым предлогом изыскать причины, оправдывающие невозможность реализации права на организацию и проведение публичных мероприятий в указанном в уведомлении формате»...

Три года в Госдуме не торопились выполнить решение КС — и наконец сподобились. Но сделали ровно обратное: ввели

на федеральном уровне запрет проводить публичные акции не только у органов власти, но и у образовательных учреждений. Для справки: региональный запрет митинговать у образовательных учреждений действует в Петербурге — и на его основании уже много лет запрещают митинги на площади Сахарова, на краю которой находится один из входов в Санкт-Петербургский государственный университет. Причем запрещают даже в выходные дни, когда в СПбГУ нет занятий.

Правда, исполняя решение КС, из закона 54-ФЗ теперь убрано право регионов вводить дополнительные «запретные места» для митингов и пикетов под предлогом якобы создания помех для пешеходов, транспорта или доступа к объектам транспортной или социальной инфраструктуры.

Но не спешите радоваться: вместо этого 54-й закон теперь содержит абсолютно «резиновые» формулировки!

Теперь регионам разрешается «в целях защиты прав и свобод человека и гражданина, обеспечения законности, правопорядка и общественной безопасности» вводить запретные зоны для публичных акций, если это «обусловлено историческими, культурными, иными объективными особенностями субъекта Российской Федерации».

И устанавливать «иные места, в которых проведение публичных мероприятий ограничивается по времени их возможного проведения».

На таких «основаниях», ссылаясь на «исторические» или «объективные особенности», в любом регионе могут запретить проведение публичных акций просто где угодно.

ПОВЕЛИТЕЛИ СЛОВ

ГЕНЕРАЛЬНАЯ ПРОКУРАТУРА ОТКАЗАЛАСЬ ОБЪЯСНИТЬ ПРАВИЛА
УПОТРЕБЛЕНИЯ СЛОВА-КОТОРОЕ-НЕЛЬЗЯ-НАЗЫВАТЬ

27 ДЕКАБРЯ 2023

Василеостровский районный суд в Петербурге отказался заставлять Генпрокуратуру отвечать на мои вопросы: можно ли критиковать спецоперацию и использовать Слово-Которое-Нельзя-Называть из пяти букв? Или все это (как в почти шести тысячах случаев, когда граждан за это штрафовали) будет считаться «дискредитацией Вооруженных сил»?

Более того, суд согласился с логикой прокуратуры, по которой она может вообще никому и ни на что не отвечать, и это не будет нарушением их прав. Вот только в этом случае можно забыть и о Конституции, и о законах. И честно сказать, что мы живем в государстве, где закон — это то, что нужно власти в данный момент.

Вопросы Генпрокуратуре, направленные в мае 2022 года, я задавал вовсе не из простого любопытства.

С самого начала спецоперации, как только гражданам начали присуждать штрафы за «дискредитацию», появились абсурдные примеры поводов для соответствующих наказаний. О многих из них во время рассмотрения дела в Василеостровском суде говорил мой представитель юрист Александр Кобринский.

Таковыми были лозунги «Нет — (запретное слово)», нарисованные на плакате или написанные на женской сумочке, — хотя в них никак не упоминались ни спецоперация, ни Вооруженные силы. И плакат с восемью звездочками на нем, где суд самостоятельно установил (!), что они якобы означают. Какие тому доказательства? А не нужны доказательства.

И лозунги «Миру — мир!», на которых тоже не было ни слова о спецоперации и Вооруженных силах (стоит напомнить, что не так давно с этими лозунгами трудящиеся каждый год ходили на официальные демонстрации), объявляются «дискредитацией»!

И взятие в кавычки слова «спецоперация». И плакат со словами шестой заповеди. И многое, многое другое.

Объяснить это логически было невозможно. Предсказать, что именно правоохранительные органы и суд сочтут «дискредитацией» — тоже.

Между тем одним из базовых принципов права является принцип правовой определенности. Он предполагает возможность любого гражданина предсказывать последствия тех или иных своих действий. Заранее знать, что можно, а что нельзя и какие последствия вызовет то или иное поведение.

Обращение к Генпрокуратуре было вызвано необходимостью понять: где на сложившемся вокруг спецоперации правовом поле расставлены юридические «мины»?

Что дозволено — и что не дозволено, и если не дозволено, то почему?

Можно ли критиковать действия российских властей по проведению спецоперации? Или любая критика будет дискредитацией? Пусть это будет сказано прямо, однозначно, ясно и понятно для всех.

И еще я спросил, является ли правонарушением публичная демонстрация украинского флага, а также сине-желтых цветов, определяющих цветовую гамму этого флага? Потому что примеры «привлечения» за это тоже были. Например, как напомнил в Василеостровском суде Александр Кобринский, в апреле 2022 года Замоскворецкий районный суд города Москвы счел «дискредитацией» то, что гражданин разместил баннер сине-желтого цвета, при этом цвет стал одним из пунктов обвинения.

В ответ последовало молчание.

Три месяца Генпрокуратура не отвечала вообще (на два месяца превысив максимально допустимый срок, отведенный на ответ), а потом сообщила, что поскольку федеральным законом не объявлена война, то «наименование проводимой Вооруженными силами РФ специальной операции на территории Украины «войной» противоречит установленным действующим законодательством требованиям». О том, можно ли критиковать СВО и разрешен ли украинский флаг — ни слова.

Сразу же возникли вопросы:

Каким именно требованиям действующего законодательства это противоречит?

Где в действующем законодательстве установлен запрет называть так специальные или другие операции и где и в каком виде установлена ответственность за нарушение этого запрета?

Известно, что в 1994–2009 годах «наведение конституционного порядка» и «контртеррористическая операция» в Чечне происходили без всякого объявления войны, но общепринятым на протяжении многих лет, употребляемым многими официальными лицами, вошедшим в учебники и энциклопедии, является выражение «война в Чечне» или «чеченская война»...

Стало понятно, что отвечать по существу надзорный орган не желает. И было примерно понятно, почему.

Ответишь, что СВО нельзя критиковать, — подставишься под нарушение Конституции с пока еще закрепленной в ней свободой выражения мнений и пока еще отсутствующим в ней принципом безусловной истинности и закрытости для критики официальной точки зрения государственных органов.

Ответишь, что критиковать можно, — придется не только прекратить возбуждать новые дела по «дискредитации», но и пересматривать старые.

Что же, пришлось пойти в суд — чтобы заставить Генпрокуратуру ответить на вопросы.

В суде, который начался 8 декабря, нам представили некий «дополнительный ответ» из Генпрокуратуры от 5 декабря, где говорилось, что использование флага Украины, а также его цветов само по себе нарушением закона не является. Непонятно, почему для такого ответа понадобилось полгода, — но это лучше чем ничего. Теперь будет, как представляется, сложнее штрафовать, например, за аватарки в Сети (а такие «дела» возникают и по сей день).

На остальные вопросы мне ответить так и не пожелаали.

Между тем с мая, как сообщил суду на следующем и заключительном заседании 22 декабря Александр Кобринский, накопилось множество новых абсурдных примеров привлечения за «дискредитацию».

Так, в ноябре депутат петербургского ЗАКСа и лидер фракции «Яблоко» Александр Шишов был оштрафован за то, что

заявил о неуместности складывания георгиевской ленты в латинскую букву Z и не соглашался с объявлением минуты молчания в память о Владимире Жириновском. И не важно, что Шишлов вообще ни одним словом не поминал спецоперацию. Некая «экспертиза» решила, что «дискредитировал», — и этого суду оказалось достаточно.

В том же Петербурге бурятка Данара Эрендженова развернула у буддистского храма плакат с цитатой из Далай-ламы. Результат — задержание и дело о «дискредитации».

В ноябре якутский журналист Тимофей Ефремов был оштрафован за то, что употребил слово «фронт». Суд заявил, что это дискредитация Вооруженных сил. А житель Читы Иван Лосев был оштрафован за... рассказ в интернете о своем сне, где ему приснился президент Украины Зеленский.

Преподаватель из Барнаула Алексей Аргунов имел несчастье поставить лайк «сочувствую» к статье о том, как оштрафовали за «дискредитацию» лидера алтайских яблочников Александра Гончаренко. В решении суда было написано, что дискредитацию он осуществил, публично выразив свои эмоции с помощью лайка...

И этот абсурд — вполне обычный сегодняшний день российского правосудия первой четверти двадцать первого века.

Впрочем, далеко не ко всем российский закон так строг.

По словам Александра Кобринского, 30 октября десятки российских СМИ процитировали первого заместителя главы администрации президента Сергея Кириенко: «Против России ведется именно <...>, <...> очень широким фронтом, противостояние в зоне СВО — это только часть этой <...>. Кроме нее, есть колоссальная экономическая война — такого количества санкций не было никогда в истории ни против одной страны мира. Идет колоссальная война информационная, психологическая...» — сказал он.

И — никаких претензий и никаких административных протоколов.

Чуть ранее, 13 сентября, лидер фракции КПрФ Зюганов сообщил в Госдуме что «военно-политическая операция переросла в полноценную <...>... спецоперацию вы можете прекратить, <...> вы не можете прекратить, даже если вам захочется. У <...> есть два исхода: победа или поражение».

И — ничего: Генеральный прокурор, широко закрытыми глазами смотря на происходящее, так и не попросил Госдуму дать согласие на привлечение Зюганова к административной ответственности.

Выходит, иногда употреблять запретное слово можно? А нельзя ли точно сообщить, кому — можно, а кому — нельзя? И честно сказать, что есть законы для господ, а есть — для холопов?

Другой пример: Рамзан Кадыров публично обвинял командующего группировкой «Центр» в трусости и неумении командовать. Вот это — действительно дискредитация, но и о составлении протокола на Кадырова ничего не известно.

Ну а печально известный Стрелков-Гиркин постоянно и публично подвергает критике — вплоть до самой издевательской — ход спецоперации. И тоже — без каких-либо для себя последствий (*примечание: в 2023 году последствия — в виде уголовного дела и ареста, — все же наступили*).

Все это было озвучено в судебном заседании... и не встретило никакой реакции представителя прокуратуры.

Он ни словом не возразил ни на один из этих тезисов. Вместо этого говорилось о том, что, конечно, Конституцией каждому гарантируется свобода мысли и слова, но публичные действия, «направленные на дискредитацию использования Вооруженных сил РФ, (...) образуют составы административного правонарушения или уголовно наказуемого деяния» (что мы и без него в общем-то знаем). И что отсутствие ответа Генпрокуратуры на мои вопросы не является нарушением моих прав (!).

«Удивительная позиция для надзорного ведомства, — сказал я в суде. — По этой логике ни один государственный орган может никому из граждан ни на что не отвечать. И это якобы не будет нарушением их прав».

Между тем, закон говорит прямо противоположное (статья 10 федерального закона 59-ФЗ о порядке рассмотрения обращений граждан): государственный орган «дает письменный ответ по существу поставленных в обращении вопросов».

Однако, прямо в день суда, 22 декабря, Слово-Которое-Нельзя-Называть употребил президент Владимир Путин.

И, поскольку о составлении на него административного протокола ничего не сообщается, читателю предлагаются две гипотезы.

Либо к президенту России законы России применяются избирательно: ему дозволено то, что не дозволено другим.

Либо теперь (с учетом недавних заявлений сенатора Клишаса о том, что нет ничего легитимнее слов президента) тысячи дел о «дискредитации» будут пересмотрены, уплаченные штрафы — возвращены гражданам, а те, кто составлял на них протоколы и выносил судебные решения, — наказаны.

Хотелось бы, конечно, чтобы оправдалась вторая гипотеза. Но куда более вероятна первая.

ВСЯ ВЛАСТЬ САПОГАМ

ЧТО СТОИТ ЗА ПРЕДЛОЖЕНИЕМ СПИКЕРА ВОЛОДИНА ПУСКАТЬ
ВО ВЛАСТЬ ТОЛЬКО «СЛУЖИЛОЕ СОСЛОВИЕ»

18 ЯНВАРЯ 2023

Вслед за предложением ввести в Уголовный кодекс статью о конфискации имущества «уехавших негодяев, оскорбляющих Россию» спикер Государственной думы Вячеслав Володин предложил, чтобы на государственные должности и на госслужбу брали только тех, кто имеет военно-учетную специальность и служил в Вооруженных силах. И чтобы только таких людей допускали к выборам депутатов Госдумы.

Вячеслав Викторович, как известно, не только кандидат технических наук с диссертацией «Разработка и обоснование параметров весового дозирующего устройства стебельных кормов», но и доктор юридических. И в прошлом — профессор кафедры конституционного права.

Подобный бэкграунд вроде бы должен предполагать, что персонаж знаком с российской Конституцией, где пока еще действует вторая глава «Права и свободы человека и гражданина», а в ней статья 32, в которой есть два пункта — третий и четвертый.

П у н к т т р е т и й: «Не имеют права избирать и быть избранными граждане, признанные судом недееспособными, а также содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда».

П у н к т ч е т в е р т ы й: «Граждане Российской Федерации имеют равный доступ к государственной службе».

Ни в тот, ни в другой пункты инициативы г-на Володина ну никак не укладываются. Точнее, они им кардинально противоречат.

Невозможно, не нарушая Конституцию, запретить баллотироваться в Госдуму тем, кто не служил в армии. И невозможно, не нарушая Конституцию, принимать на государственную службу только тех, кто служил в армии.

Да, конечно, при нынешнем состоянии законодательного процесса российская Конституция — невелико и препятствие.

Но все-таки речь идет о статье из «неизменяемой» обычным путем второй главы Конституции: для того, чтобы изменить ее положения, нужно принять новую Конституцию. Целиком.

А такая задача пока что российской властью не ставится. Хотя, учитывая недавние заявления Владимира Путина о том, что права человека — враждебное изобретение, используемое недругами для «разрушения суверенитета России» (почти полная калька представления советских времен о «так называемых правах человека» как буржуазном измышлении), совершенно невозможно исключать и принятие новой Конституции, где вторая глава будет неузнаваемо переписана...

Многие уже оттянулись над инициативой Володина, как ведущей к тому, что немалую часть депутатов и чиновников, ни в какой армии не служивших, придется отодвинуть от власти (да и президент с министром обороны, как известно, тут не исключение). А еще — совсем недавно о том, что политики, которые призывают не обращать внимания на Конституцию России, должны покинуть конституционные органы власти страны, заявлял другой доктор юридических наук, председатель Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству Андрей Клишас.

Трудно предположить, что Вячеслав Володин внемлет этому призыву и покинет Госдуму, — но так же трудно предположить, что он вовсе не читал вторую главу Конституции. А если читал — значит, скорее всего, он старается таким путем не столько внести законодательное предложение (как уже сказано, крайне сомнительное с точки зрения реализации), сколько сделать реверанс в сторону армии, от действий которой сегодня куда больше, чем от действий Госдумы, зависят политические перспективы и режима, и самого Вячеслава Викторовича.

Объявить именно людей с армейским прошлым то ли «новым дворянством», то ли новым «служилым сословием», обозначить, что именно из них будут рекрутировать политическую элиту и на них будут делать ставку.

Это логично продолжает недавние заявления единороссов — о готовности выдвигать на предстоящих выборах участников СВО, давая им приоритет перед другими кандидатами.

Трогательное единство с единороссами, проявленное в этом вопросе коммунистами, «эсерами» и «жириновцами», заявившими об аналогичных намерениях, показывает не только то, что все это — «партии Путина в разных костюмах» (большой привет adeptам «умного голосования»), но и то, что политическая задача такого рекрутирования поставлена Кремлем.

Мировой опыт знает страны, где политическая элита имеет «армейское» происхождение. В том числе, и демократические страны — например, Израиль, где многие премьеры и члены правительства приходили в политику, уже дослужившись до генеральских чинов, а армейский опыт есть практически у каждого.

Но вряд ли у Кремля получится так, как в Израиле: и потому, что армия там построена на совсем других принципах, чем в России, и потому, что отношение к армии там совсем другое, чем в России.

В Израиле успешными политиками становились военные, добившиеся успехов в борьбе с противником, многократно превосходящим по численности. Именно поэтому они выигрывали выборы — в честной борьбе с другими политиками.

То, что российская ситуация, мягко говоря, иная, не требует особых доказательств.

Значит, совсем иным будет и результат.

СОГЛАСНО ПУНКТУ «Ж» ДА И «ПРОСТО ЛЕНЬ»...

ДЕПУТАТАМ И СЕНАТОРАМ ТЕПЕРЬ РАЗРЕШИЛИ НЕ
ОТЧИТЫВАТЬСЯ ПЕРЕД ИЗБИРАТЕЛЯМИ О СВОЕМ БОГАТСТВЕ.
И НЕ ТОЛЬКО ИМ

24 ЯНВАРЯ 2023

В Госдуме сообщили, что с 1 марта сведения о доходах, расходах и недвижимости депутатов и сенаторов (и членов их семей) перестанут размещать в интернете и предоставлять СМИ для публикации.

Обнародоваться будет только самая общая информация: сколько деклараций было подано, сколько не подано, были ли в них выявлены нарушения и так далее. Но без конкретики, кто и чем владеет.

Обязанность подавать декларации сохраняется — но знать, что в них написано, будет только начальство. Оно и организует проверку достоверности этих деклараций.

Общественности о чужих богатствах знать более не положено, ибо во многом знании, как известно уже три тысячи лет, много печали.

Основание для столь радостного для многих парламентариев события — президентский указ № 968 от 29 декабря 2022 года.

То, что практически в те же дни правительство предложило президенту (что он и сделал) внести в Госдуму проект закона о денонсации Европейской конвенции об уголовной ответственности за коррупцию, конечно, чисто случайное совпадение.

Упомянутый указ Владимира Путина называется «Об особенностях исполнения обязанностей, соблюдения ограничений и запретов в области противодействия коррупции некоторыми категориями граждан в период проведения специальной военной операции».

И пресс-секретарь президента Дмитрий Песков уверенно заявляет журналистам, что обязательная публикация сведений о доходах и имуществе отменена не для всех депутатов

и чиновников, а лишь для командированных на новые российские территории в период СВО.

Мол, читайте указ — там «нет места для какого-то двойного толкования».

Места для двойного толкования в указе и вправду нет.

Но складывается впечатление, что Песков не дочитал этот указ до конца.

Подавляющая часть указа действительно касается только тех, кто так или иначе принимает участие в СВО. За исключением самого последнего — малозаметного подпункта «ж» пункта 1 указа.

А в нем написано, что в период СВО «размещение в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на официальных сайтах органов и организаций сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых в соответствии с Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» и другими федеральными законами, и представление таких сведений общероссийским средствам массовой информации для опубликования НЕ ОСУЩЕСТВЛЯЮТСЯ (выделено мной. — *Б. В.*)».

Упомянутый федеральный закон обязывает размещать в Сети и передавать СМИ сведения о доходах, расходах и имуществе для всех, кто занимает государственные должности и работает на государственной и муниципальной службе.

Теперь — на период проведения СВО — эта обязанность снимается, независимо от того, имеют ли указанные лица к ней какое-либо отношение. И не только для депутатов, но и для многочисленных чиновников из министерств и ведомств.

Горячо поддерживающий это предложение глава думского комитета по госстроительству и законодательству Павел Крашенинников, не стесняясь, заявляет в интервью журналистам, что: из-за обязанности подавать декларации, которые становятся публичными, многие бизнесмены и общественники, мол, «отказываются избираться в представительные органы».

Потому что «надо возиться» с их оформлением и подачей, а «не всем это интересно, не всем это охота делать — лень...».

А кто-то просто «не хочет показывать свои доходы».

И «наметился заметный отток «народных избранников», как их раньше называли, из этих законодательных собраний и представительных органов».

Поэтому и возникла такая идея — не публиковать декларации, чтобы «защитить их персональные данные».

Конечно, дело не в том, что господам лень возиться с заполнением деклараций (не такое уж сложное это дело, а если что — всегда есть помощники). И не в защите «персональных данных» (лица, соглашающиеся занимать публичные должности, должны прекрасно понимать, что это обязывает к усиленной по сравнению с обычными гражданами «прозрачности» их существования).

Дело в том, что у немалого количества тех, кто занимает депутатские или чиновничьи места, стоимость нажитого непосильным трудом разительно превышает сумму того, что ими официально могло быть заработано за всю жизнь. Особенно, если кроме госслужбы они нигде и никогда не работали. И когда их декларации публикуются — неизбежно возникает множество неприятных вопросов.

Конечно, указанные лица давно научились эти вопросы игнорировать.

И научились прятать доходы и имущество — записывая их на иных лиц.

А статью 20 Конвенции ООН против коррупции — где говорится о признании в качестве уголовно наказуемого деяния «незаконное обогащение, т.е. значительное увеличение активов публичного должностного лица, превышающее его законные доходы, которое оно не может разумным образом обосновать», — нынешняя российская власть так и не ратифицировала. Ведь иначе слишком многих пришлось бы отправить вместо думских, сенаторских и иных кресел совсем на другие, куда более жесткие скамьи.

Но тем не менее мелкие неудобства, связанные с обязанностью публично декларировать свой роскошный образ жизни, для тех из «слуг народа», которые привыкли считать себя его хозяевами, все же доставлялись.

Теперь эти неудобства устранены президентским указом. Написанному по принципу «святой простоты».

ЛОВУШКА № 6

ВЛАСТЯМ ОЧЕНЬ ХОЧЕТСЯ ВЕРНУТЬ К ЖИЗНИ
6-Ю СТАТЬЮ КОНСТИТУЦИИ СССР. ТОЛЬКО СИЛЫ НЕТ:
НИ ГЕНЕРАЛЬНОЙ, НИ НАПРАВЛЯЮЩЕЙ

27 ЯНВАРЯ 2023

Экс-президент России, зампред Совета безопасности Дмитрий Медведев, недавно предлагавший поступать «по законам военного времени» с уехавшими критиками российской власти, продолжил свой полет фантазии. И предложил «устранить в целом из политического ландшафта» те политические силы, которые ведут «антигосударственную политику» и занимают «антигосударственную позицию».

Что он понимает под «антигосударственной позицией», Медведев не уточнил, но это и так ясно: критическую позицию относительно политики нынешней российской власти.

Не будучи способным спорить с критиками, Медведев предлагает их «устранить», то есть запретить.

Сорок лет назад это уже было. И называлось — *«антисоветская деятельность»*: распространение «идей антисоветского содержания», с которыми советская власть тоже не была способна спорить по существу, а потому запрещала и карала. Устраняла из «политического ландшафта», превращая его из многомерного в одномерный. То есть в линию — самой собой, генеральную, единственно верную.

В рамках этой линии, конечно, не было места никаким политическим силам, занимающим иную позицию, чем «государственная». Да, собственно, и политическая сила была только одна — КПСС, «руководящая и направляющая», с монопольным положением, закрепленным в 6-й статье Конституции.

Но наступил 1990 год, и 6-ю статью пришлось убрать из Конституции, а вскоре после этого перестала существовать и «руководящая и направляющая».

Зато в Конституции появилась (и остается до сих пор) глава о правах и свободах человека, где не содержится понятий

«антигосударственная политика» или «антигосударственная деятельность».

Напротив, в ней есть статья о свободе выражения убеждений и мнений, и в том числе — право на критическую оценку деятельности государства и любых его органов.

Правда, на эту статью практически не обращают внимания суды, рассматривая дела о «фейках об армии», — из их решений следует, что свободно можно выражать только то мнение, которое сформулировано государством. То есть, строго говоря, существует свобода выражения иного мнения.

Но вот со свободой ПОСЛЕ выражения иного мнения могут быть большие проблемы.

Логически продолжая эту тенденцию, персонаж, когда-то прославившийся выражением «свобода лучше, чем несвобода», предлагает запретить те политические силы, которые артикулируют иное мнение.

Собственно, выбор невелик: несогласных граждан много — даже по самым лояльным опросам, их не менее 20%, а из политически оформленных сил, по сути, на этом поле осталось только «Яблоко» («Партия народной свободы» практически устранилась от активной деятельности, ее лидеры Михаил Касьянов и Андрей Зубов эмигрировали, а иных зарегистрированных оппозиционных партий в стране просто нет).

«Яблоко» же продолжает не только высказывать свое мнение, категорически не совпадающее с официальным (призывает заключить соглашение о прекращении огня во время СВО, требует отменить репрессивные законы, поддерживает политзаключенных), но и участвует в выборах, агитируя граждан за эту позицию.

Это уже ведет к индивидуальным репрессиям — более 40 человек из партии попали под административную ответственность за «дискредитацию армии» (в том числе лидеры партии — Лев Шлосберг и Александр Шишлов), впереди суд по этой же статье у Эмили Слабуновой, против троих (Михаила Афанасьева из Хакасии, Владимира Ефимова с Камчатки и Анатолия Ноговицына из Якутска) возбуждены уголовные дела о «фейках» или «дискредитации». И понятно, что время от времени слышатся «тонкие намеки» на то, что могут закрыть и партию в целом.

Что по нынешним временам несложно технологически: даже если придется для этого поменять законодательство — организуют, что называется, за два дня в трех чтениях...

Этот вариант, конечно, возможен, но он не устранил инакомыслие в стране, поскольку «несогласные» граждане останутся: запретить их невозможно. Точно так же, как невозможно уничтожить правозащитное движение, закрывая «Мемориал» или Международную Хельсинкскую группу и объявляя «нежелательной организацией» Фонд Андрея Сахарова.

Последнее — еще одна нагляднейшая иллюстрация того, что политическое время все ускоряющимися темпами рванулось назад.

И все больше и больше становится тех, кто присвоил себе право выступать от имени Отечества, отождествляя свою личную шерсть с государственной, а позицию «несогласных» объявляя «антигосударственной» и подлежащей наказанию.

Почти 40 лет назад, когда началась горбачевская перестройка, ее важнейшим достижением было то, что несогласие с властью перестало считаться преступлением.

Нынешние функционеры Кремля Горбачева ненавидят, не упуская возможности его пнуть: за «развал СССР», за установление нормальных отношений с Западом, за ядерное разрушение, снявшее на десятилетия угрозу всемирной катастрофы. Хотя в подавляющем большинстве случаев без перестройки они сегодня были бы никем — были бы или отставными подполковниками, или преподавателями политэкономии социализма, или лекторами общества «Знание», или вечными младшими научными сотрудниками. И в лучшем случае выбились бы в мелкие клерки при исполкомах.

Что касается ядерной угрозы, то в последние год-полтора огромное число российских граждан каждый день слушает эти рассуждения от чиновников, депутатов и пропагандистов. Людей каждый день приучают к мысли о том, что ядерная война возможна, поскольку победа должна быть достигнута, а цена не имеет значения.

25 января в петербургском Законодательном Собрании фракция «Яблоко» предлагала рассмотреть внесенный ею проект закона, вводящий уголовную ответственность за призывы

к применению ядерного оружия (аналогичные проекты внесены «яблочниками» в Москве, Пскове и Карелии).

Но парламентское большинство исключило его из повестки дня, не желая даже рассматривать. И, видимо, считая ядерную войну допустимой и возможной.

Напомним, что 60 лет назад мир стоял перед угрозой ядерной войны — во время Карибского кризиса. И тогда хватило ума удержаться. В том числе потому, что тогдашние руководители государств видели войну своими глазами.

А сегодня с призывами к применению ядерного оружия или допустимости этого выступают те, кто — как упомянутый Дмитрий Медведев — ни в армии не служил, ни в боевых действиях не участвовал.

И вместо скорбного «никогда больше» твердит безумное «можем повторить».

БЛОКАДА ПАМЯТИ

БЕЗГРАМОТНЫЙ УРОК ИСТОРИИ ОТ ГУБЕРНАТОРА БЕГЛОВА

31 ЯНВАРЯ 2023

Петербургский губернатор Александр Беглов снова взялся проводить параллели между Великой Отечественной войной и нынешней спецоперацией в Украине.

И, выступая на телевидении в связи с Днем полного освобождения Ленинграда от блокады, заявил, что «блокаду держали представители 12 стран современного Евросоюза» и что «России сегодня противостоят те же враги, они так же поддерживают неонацистов на Украине, как 80 лет назад их страны поддерживали Гитлера».

Ранее он уверял, что европейские страны «снабжают оружием нацистов на Украине, как их отцы и деды», и что это «именно те страны, которые сейчас вместе с США пытаются взять в блокаду уже всю нашу страну».

Видимо, спичрайтеры Беглова (а то и он сам) настолько не знакомы с историей (хотя бы в объеме средней школы), что не знают, что во Второй мировой войне союзниками Германии из европейских стран были лишь Италия, Венгрия, Болгария, Румыния и Финляндия, а в блокаде Ленинграда из них участвовали лишь две страны — Германия и Финляндия.

Не знают, что оружие для нацистов — принудительно — изготавливалось на военных заводах лишь тех стран, которые были оккупированы Германией, а их правительства в изгнании противостояли Гитлеру. И точно так же противостояли ему упомянутые губернатором Бегловым Соединенные Штаты и Великобритания (вступившая в войну с нацизмом еще в 1939 году), которые тогда поставляли Советскому Союзу в значительных количествах оружие, технику и продовольствие, а сегодня являются наиболее активными критиками Кремля.

Впрочем, скорее всего мы имеем дело не с вопиющей безграмотностью, а со вполне сознательной (и прилежно отработываемой) пропагандистской линией. Суть этой линии

предельно проста: отождествить нынешнюю спецоперацию с Великой Отечественной войной.

Объявить ее такой же «народной» и «священной», обеспечив ей — в силу исторической памяти — неоспоримую общественную поддержку.

Для этого обществу внушают, что на той стороне, как и тогда, — «нацистский режим», и значит, спецоперация нужна для борьбы с ним и «освобождения» от него.

Что на карту, как и тогда, поставлено существование нашего государства.

И потому у России «не было выбора», и надо продолжать спецоперацию до победы.

Однако возникает естественный вопрос: почему же у России (в отличие от СССР во время Великой Отечественной войны) в этой борьбе практически нет союзников? И почему страны Запада не только не поддерживают российскую позицию, но и в той или иной форме помогают Украине?

Ответить на этот вопрос российская пропаганда может только одним путем: убедив общество, что и во время Великой Отечественной войны «коллективный Запад» был не союзником, а врагом. Поддерживал нацистов и снабжал их оружием. И если сегодня большая часть стран мира не поддерживает позицию России и голосует в ООН за ее осуждение — значит, надо убедить, что точно так же было и 80 лет назад.

Это, конечно, абсолютная подгонка прошлого под настоящее.

Ремейк «1984» Джорджа Оруэлла: «кто управляет настоящим — тот управляет прошлым», «историю, как старый пергамент, выскабливали начисто и писали заново — столько раз, сколько нужно».

Однако из истории не так просто начисто выскоблить слова: «антигитлеровская коалиция».

И не так просто начисто выскоблить слова: «ленд-лиз» и «второй фронт», «полярные конвои» и «Нормандия-Неман», «французское Сопротивление» и «Варшавское восстание». И многие, многие другие.

Правда, можно сделать вид, что ничего этого не было: не показывать это по телевидению и не вспоминать даже к торжественным датам. А вместо этого рассказывать, как во время Великой

Отечественной воевали «со всем миром» и победили чуть ли не в одиночку.

Вот где надо было бы поискать «фальсификацию истории», о недопустимости которой так много говорят в Кремле и на пропагандистских каналах.

Очень недолго пришлось бы искать — но, конечно, искать не будут.

А честный разговор о войне — например такой, как вели писатели-фронтовики Виктор Некрасов или Николай Никулин, — будут и дальше заменять официозными штампами и лубочными «реконструкциями», вычеркиванием «неудобных» эпизодов и лакировкой «удобных».

И тем не менее затея эта — безнадежна. Можно переписать учебники истории под выгодную текущей власти концепцию (как это не раз происходило).

Но переписать саму историю еще ни у кого не получалось.

ЕДИНСТВЕННАЯ «ТРАДИЦИОННАЯ ЦЕННОСТЬ» ВЛАСТИ — ОНА САМА

ВОТ ЕЕ И БУДУТ РЕКЛАМИРОВАТЬ. НА ДЕНЬГИ ГРАЖДАН

13 ФЕВРАЛЯ 2023

Петербургский парламент решил выделять бюджетные деньги на социальную рекламу — «сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей», «защиты исторической правды», «сохранения исторической памяти» и «противодействия фальсификации истории».

Ссылаясь на указ президента, изданный в ноябре 2022 года, где перечислены эти «традиционные ценности».

Предложение, мягко говоря, спорное — и я говорил об этом от имени «Яблока» на заседании Законодательного собрания. Но все, конечно, приняли — как же можно не дать денег на то, о чем всё время говорит Путин?

Правда, если посмотреть указ внимательно, увидим, что в числе «традиционных ценностей» не только те, о которых любят напоминать думские депутаты, чиновники и пропагандисты (патриотизм, служение Отечеству, крепкая семья, приоритет духовного над материальным, единство народов России), но и другие, общечеловеческие ценности: жизнь, достоинство, права и свободы человека, гражданственность, гуманизм, милосердие, справедливость. Но укреплять все эти ценности надо не социальной рекламой, развешивая ее на каждом углу, а практической политикой государства и реальными примерами. А с этим, как нетрудно видеть, есть проблемы.

Например, с приоритетом духовного над материальным — судя по образу жизни многих «слуг народа» — у них, как бы это помягче сказать, не очень.

О гуманизме и милосердии (как и о справедливости) можно спросить у политических заключенных, которые получают за высказывание мнения, отличающегося от мнения Министерства

обороны, больше лет лишения свободы, чем дают за умышленное убийство.

Права человека лично президент объявил враждебным изобретением, используемым недругами для разрушения российского суверенитета.

Что касается человеческой жизни, то нам рассказывают, что нет лучшей доли, чем отдать ее за государственные интересы, которые в список традиционных ценностей, заметим, совершенно точно не входят.

Это — ровно то, о чем говорил Ян Рачинский, получая Нобелевскую премию мира для «Мемориала»: сакрализация государственной власти как высшей ценности, провозглашение абсолютного приоритета того, что этой власти угодно считать «государственными интересами», над личностью, ее свободой, достоинством и правами. Конечно, это калыка со сталинского государства, где человек всегда был «винтиком» и «пылью под ногами». И как тут не вспомнить знаменитое из Фридриха Дюрнематта: «Мы столько раз жертвовали собой для государства, что пора бы государству пожертвовать собой для нас».

Выступая на заседании петербургского парламента, депутат Александр Рассудов сказал, что ценности, по которым надо жить, могут быть только общечеловеческими, например — такими, как десять заповедей из Ветхого Завета.

Было бы неплохо. Но эти ценности, во-первых, достаточно известны без всякой социальной рекламы. А во-вторых, за плакат с одной из этих заповедей — шестой — выписывают штраф от 30 до 50 тысяч рублей за «дискредитацию Вооруженных сил»...

А если говорить о «защите исторической правды» и «фальсификации истории» — любимых темах Путина, — сразу возникает вопрос (опять же, я задавал его с трибуны парламента): а судьбы кто?

Кто будет определять, какова эта правда и что есть фальсификация?

Губернатор Петербурга Александр Беглов (как я рассказывал в «Новой», уверяющий, что во время Второй мировой мы воевали чуть ли не со всей Европой, и, видимо, плохо учивший в школе про антигитлеровскую коалицию и ленд-лиз)?

Или бывший министр культуры, а ныне советник президента Владимир Мединский, который считает, что историческая правда — то, что выгодно государству, что важны не факты, а интерпретации, и что у нашего народа лишняя хромосома?

Или его одиозное «Военно-историческое общество», которое подменяет историю пропагандой и, например, повторяет противоречащие установленным фактам домыслы о том, что в карельском урочище Сандармох захоронены не тысячи жертв сталинских репрессий, а «казненные финнами красноармейцы»? Замечу: точно так же нам когда-то рассказывали, что не было никаких секретных протоколов к пакту Молотова—Риббентропа, а потом это было признано постановлением Верховного Совета СССР в 1989 году. И что польских офицеров в Катыни расстреляли фашисты (а в 2010 году Госдума приняла постановление, где констатировала, что это преступление совершено по прямому указанию Сталина).

Или патриарх Кирилл, заявляющий, что Россия в своей истории «никогда ни на кого не нападала» (из учебников и книг пока не изъяты упоминания о множестве войн, которые начинала Российская империя)?

Кстати, именно по инициативе РПЦ появился масштабный проект «Россия — моя история», с созданием множества «исторических парков». И, например, от того, что создано в Петербурге, профессиональные историки хватаются за голову. Так, в числе смутьянов, вредящих государству, в этом «парке» представлены декабристы, революционеры и советские диссиденты. При этом центральная власть всегда права, и все цари изображены исключительно радетелями за благо народа, включая Ивана Грозного со всеми его злодеяниями. Зато все, кто выступал против царей, — сплошь злодеи, а декабристы, как уверяется, якобы сотрудничали с иностранными разведками.

Или, наконец, определять, что есть историческая правда, будет лично президент Путин? Который еще в апреле 2014 года, во время прямой линии, вещал о том, что «Харьков, Луганск, Донецк, Херсон, Николаев, Одесса не входили в состав Украины в царские времена, это все территории, которые были переданы в Украину в 20-е годы советским правительством»?

Харьков, Луганск, Донецк, Херсон, Николаев и Одесса в состав Украины в царские времена действительно не входили. Но в состав Украины и Киев не входил, и Чернигов, и Житомир.

Вот только пусть сторонники «русского мира» не спешат радоваться: так было лишь потому, что не было в Российской империи такого административного образования — «Украина». И административного образования «Россия» — в границах, соответствующих РСФСР, а потом Российской Федерации, — в Российской империи тоже не было. Ибо она делилась не на «Россию», «Украину» и так далее, а на губернии...

Если бы псевдоисторические рассуждения были исключительно теоретическими изысканиями, это было бы не страшно. Но проблема в том, что они становятся основанием для практической политики, которую выстраивают, ссылаясь на якобы «исторические права».

Эта политика, как известно, называется реваншизмом, опасность которого либеральная часть общества явно недооценила — увлекшись просмотром красочных фильмов о неправомерно нажитых дворцах, виллах, яхтах и виноградниках. А тем временем российская власть все больше воодушевлялась безнадёжной, но вредной и опасной идеей возрождения бывшей советской империи (или, по крайней мере, большей ее части).

В Великобритании посмотрели бы как на сумасшедшего на политика, который всерьёз заговорил бы об «исторических правах» на территории бывшей империи, предложив «вернуть их в родную гавань», или занялся бы «защитой англоязычных граждан» в чужой стране, неся туда силой «британский мир», или заявил бы, что «границы Великобритании нигде не заканчиваются». И в Литве никто, будучи в здравом уме и ясной памяти, не требует экспансии до границ Великого княжества Литовского, в начале XV века простиравшегося от Балтийского до Черного моря...

Однако для нынешнего российского режима реваншистские мечты — не безумные фантазии маргинальных политиков, а руководство к действиям — что мы и видим в течение последних лет.

Тратить деньги граждан на рекламу, подгоняющую историю под нужды текущей политики, — значит, за их же счет обосновывать эти действия.

ВЕЧЕР В ДУМУ

ЛЮДЕЙ С СУДИМОСТЬЮ ПРЕДЛАГАЮТ ДОПУСТИТЬ
ДО ДЕПУТАТСКОГО МАНДАТА. ПОКА НЕ ВСЕХ И НЕ ВЕЗДЕ,
НО ТО ЛИ ЕЩЕ БУДЕТ

18 ФЕВРАЛЯ 2023

Вслед за инициативой выдвигать кандидатами в депутаты «ветеранов спецоперации» (в этом политически правильном и своевременном порыве слились все думские партии) появилась другая, еще более впечатляющая.

«Единая Россия» устами главы своего центрального исполкома Александра Сидякина заявила, что для участия в праймериз кандидатам в депутаты с «новых территорий» (ДНР, ЛНР, Херсонская и Запорожская области) не придется предъявлять справку об отсутствии судимости, потому что в «текущих реалиях» в этих регионах «невозможно соблюдать все формальности». И потому к кандидатам будут предъявлять «менее жесткие требования, чем в других регионах России».

На сегодня в «ЕР» установлен запрет для участия в праймериз кандидатов, имеющих судимость. Но на «новых территориях», по словам Сидякина, у кого-то может не быть возможности «представить справку об отсутствии судимости своевременно, поскольку это завязано на украинские органы». И партия «должна с этим научиться работать».

Параллельно депутат Госдумы, член комитета по обороне, бывший зам командующего Южным военным округом генерал-лейтенант Андрей Гурuleв заявил, что военные из числа бывших заключенных — это «люди с широким кругозором и хорошим образованием», и что «да, они были заключенными по различным статьям, но они вызвались добровольцами защищать свою Родину».

Идея, конечно, подкупающая своей новизной: помочь бывшим уголовникам с «новых территорий» стать депутатами, обеспечить, так сказать, приток свежей крови в думский застоявшийся организм, обновить лексикон (он, правда, у некоторых

народных избранников и так не сильно отличается от того, что принесут «ветераны спецоперации» из числа бывших экзков), расширить кругозор и уровень познаний депутатского корпуса.

Конечно, для этого просто необходимо не огорчать «ветеранов» упоминанием об их «славном прошлом». И вот в Госдуме по предложению Евгения Пригожина уже активно разрабатывают поправки, запрещающие «дискредитацию участников боевых действий и добровольцев, в том числе бывших осужденных». С запретом публиковать «сведения негативного характера» и вообще любую критику участников СВО, а также информацию об их «прошлых правонарушениях». А то, мол, СМИ, блогеры и Telegram-каналы выискивают о них «негативную информацию», выставляют участников боевых действий «в неприглядном свете, представляя их злодеями и преступниками».

В том, что такие поправки разработают и примут, сомнений нет, и понятно, из каких «ветеранов» будут формировать думский кадровый резерв. Ведь именно на этих людей сейчас, как говорят представители всех думских партий, «есть запрос».

Так что вечер вам в думскую хату.

Впрочем, все не так просто.

Свои праймериз «Единая Россия» может проводить как хочет — ее внутреннее дело. Но требование федерального закона — об обязательном указании при подаче кандидатами документов на выдвижение и регистрацию информации о судимостях (даже погашенных) — никто пока еще не отменял.

Более того: если кандидат не указал о своей судимости — это, по закону, безусловное основание для его снятия с выборов.

При этом факт судимости (даже погашенной) и соответствующая статья указывается в избирательном бюллетене. Дабы избиратели знали, кто им предлагается для возможного выбора.

Конечно, нет никаких проблем — при наличии политической воли — изменить закон за два дня в трех чтениях. И убрать это требование (а заодно и обязанность указывать в бюллетене возможное криминальное прошлое) для участников СВО и кандидатов с «новых территорий», сохранив его для всех остальных.

Для «иностранных агентов» и «аффилированных с ними лиц» указывать в бюллетене этот факт строго обязательно —

и уже был прецедент на прошлых думских выборах: политический заключенный Андрей Пивоваров баллотировался от «Яблока», и в избирательном бюллетене рядом с названием партии стояла соответствующая «маркировка». И кроме того, не менее 25% площади всех агитационных материалов надо было отдавать под соответствующий дисклеймер крупным шрифтом.

Ну, а бывшие уголовники, судя по всему, куда более приемлемы для власти, чем «иностранные агенты», и даже вполне желательны в качестве депутатов.

Полная калька сталинских времен: в отличие от «политических», уголовники для власти, как говорили тогда, «социально близкие».

ПАМЯТНАЯ ДОСКА БОРИСУ СТРУГАЦКОМУ

4 МАРТА 2023

В Петербурге установили мемориальную доску знаменитому писателю-фантасту Борису Стругацкому — на доме 4 по улице Победы, где он жил с 12 мая 1964 года по 19 ноября 2012 года, до самой своей кончины.

Подготовка к установке мемориальной доски была долгой — из-за необходимости соблюдения установленной городским законом процедуры. В том числе, надо было найти организацию, которая взяла бы на себя хлопотное дело: все расходы по проектированию, изготовлению и установке мемориальной доски, но и такая нашлась — ООО «Теннис Хаус», во главе с генеральным директором Марком Газархом.

Во время подготовки были смешные моменты. Так, для подготовки постановления городского правительства об установке мемориальной доски Комитет по культуре попросил у нас... справку, что Борис Стругацкий был писателем.

«А в энциклопедию нельзя заглянуть? Или в книжные магазины? — спросил я. — И вообще, у вас Пушкин без справки стоит: где бумага, что он был поэт?»

«Мы все понимаем, но порядок такой...» — грустно ответили в комитете.

Когда я приехал за этой справкой в Союз писателей Санкт-Петербурга, там началось безудержное веселье. «Вот именно я буду тем человеком, который выпишет справку, что Борис Натанович был писателем!» — хохотал зампред Союза и директор Фонда братьев Стругацких Сергей Арно. Что же, копия этой справки и поныне висит у меня на стене в рабочем кабинете в Законодательном собрании...

Но все закончилось хорошо — доска установлена и будет напоминать всем, что в этом доме жил один из двух великих, добрых и мудрых братьев, на книгах которых выросло не одно

поколение. И чье творчество необычайно актуально и по сей день, когда мы живем в причудливой смеси миров «Трудно быть богом», «Обитаемого острова» и «Гадких лебедей».

На церемонии открытия кроме Андрея Стругацкого — сына Бориса Натановича, были его ученики: писатели Вячеслав Рыбаков, Тимур Максютов, Марианна Алферова. Пришли на церемонию поэт Вадим Жук, художник Алексей Кирьянов, правозащитник Григорий Михнов-Вайтенко, проектировщики и изготовители мемориальной доски — Алексей Сухов, Екатерина Каспарьянц, Игорь Томский, скульптор Татьяна Каракозова, сделавшая эскиз, и многие, многие читатели и почитатели братьев Стругацких.

Кстати, совсем рядом с этим домом — на пересечении Московского проспекта, улицы Фрунзе и улицы Победы — находится площадь, которую по моей инициативе в 2014 году назвали площадью Братьев Стругацких. И сейчас Петербург — единственный город в мире, где память об Аркадии и Борисе Стругацких увековечена в топонимике.

Да, серых, как и предсказывал Борис Натанович, сменили черные.

Но их время недолгое.

ПАМЯТЬ НЕ ДАЕТ РАЗОГНАТЬСЯ

В ПЕТЕРБУРГЕ ГОТОВЯТ К СНОСУ ШКОЛУ, ГДЕ УЧИЛАСЬ
ОЛЬГА БЕРГГОЛЬЦ — ПОЭТ, ДРАМАТУРГ, ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН
ГОРОДА, «МУЗА ЛЕНИНГРАДСКОЙ БЛОКАДЫ»

17 МАРТА 2023

Именно слова Берггольц «Никто не забыт и ничто не забыто» высечены на мемориальной стене Пискаревского кладбища, где лежат полмиллиона жертв блокады. Но теперь часть памяти об Ольге Федоровне решено пустить под бульдозер — ради того, чтобы не замедлять движение автомашин. А в качестве «компенсации» предложено назвать строящийся мост ее именем...

В ближайшие годы через Неву перебросят еще один мост — условное название «Большой Смоленский». В том, что он нужен, сомнений нет. Сомнения есть в том, как организовать въезд на этот мост с идущего вдоль Невы проспекта Обуховской Обороны.

Простейший вариант — въезд на мост из крайнего правого ряда движения по проспекту, по «стрелке» светофора. Он немного замедлит движение — но не критично: во-первых, есть еще второй ряд, а во-вторых, проспект Обуховской Обороны — вовсе не скоростная магистраль.

Но даже в малой степени жертвовать интересами автомобилистов проектировщикам не хочется — и они запланировали организацию дополнительной полосы движения, из которой будут заезжать на мост.

Вот только для того, чтобы «пробить» эту полосу, надо пожертвовать семью историческими зданиями. Обычными, рядовыми, но историческими — которые по городскому закону сносить запрещено.

«Подумаешь, проблема! — сказали питерские чиновники, всегда внимательно прислушивающиеся к голосу строителей. — Значит, изменим закон так, чтобы разрешить снос этих зданий».

Сделать это несложно — учитывая, что абсолютное большинство в городском парламенте у послушных Смольному фракций (единороссы, ЛДПР и «Новые люди»).

Но вот незадача: одно из предназначенных под снос зданий — дом 54 по проспекту Обуховской Обороны — это бывшее семиклассное коммерческое училище, а затем — трудовая школа. В ней несколько лет училась Ольга Берггольц, которая неоднократно возвращалась к своей школе в воспоминаниях.

На здании школы в память об Ольге Берггольц размещена мемориальная доска. А еще в этом же доме в 1941 году была сформирована дивизия народного ополчения Володарского района, которая принимала участие в обороне Ленинграда.

«Жаль, но нет другого варианта!» — начали в унисон уверять чиновники и некоторые коллеги-депутаты. Жалко, конечно, школу — но ничего не поделаешь, мост очень нужен. Да и здание школы — не архитектурный шедевр, что о нем жалеть?

Это, конечно, лукавство: сохранение школы не препятствует строительству моста, речь лишь о том, как будет организовано движение по проспекту Обуховской Обороны.

Выбор прост: машины будут ехать чуть быстрее — но ценой сноса школы. Или чуть медленнее — но школа будет сохранена...

Выбор был уверенно сделан в пользу первого варианта. Закон, разрешающий снос указанных семи зданий, включая школу, для строительства моста, был принят. А поправка к закону, которую вносил я, предлагая запретить этот снос, была отклонена.

Не помогло даже коллективное обращение блокадников, требующих сохранить эту школу: его за день до голосования в Законодательном собрании выложили в интернете. В записи обращения участвовали Николай Николаевич Мотовилов, Ирина Михайловна Десятова и Вера Викторовна Сомина.

Вера Викторовна, в гостях у которой я недавно был, еще в 5-летнем (!) возрасте познакомилась с Ольгой Берггольц: ее мама дружила с поэтессой, и та уделяла маленькой Вере много времени, водила на прогулки и воспитывала. И в последующие годы Вера Сомина, уже став искусствоведом, много общалась с Ольгой Федоровной...

Ну а в качестве «компенсации», как уже сказано, фракция «Справедливая Россия» предложила назвать будущий мост не Большим Смоленским, а мостом Ольги Берггольц. Чтобы таким путем сохранить память о ней.

Я ответил, что это все равно, что предложили бы снести Эрмитаж — а для «сохранения памяти» о нем переименовать Дворцовый мост в Эрмитажный.

Молчание было ответом.

ЧРЕЗВЫЧАЙЩИНА

В УСЛОВИЯХ ЭПИДЕМИИ ВЛАСТИ ХОТЕЛИ ИМЕТЬ ПРАВА
И НЕ ИМЕТЬ ОБЯЗАННОСТЕЙ. ОПЫТ ПРИЖИЛСЯ

28 МАРТА 2023

Как только в последние 20 лет ни называли российский политический режим: и «управляемой демократией», и «электоральным авторитаризмом», и «гибридным» (ох, сколько мы спорили об этом с Екатериной Шульман), и «недостойным правлением»...

Последние годы дают основание назвать его «правлением по понятиям».

Три года назад, когда началась эпидемия ковида, сразу же началась и эпидемия «псевдо чрезвычайщины».

Ни в России в целом, ни в регионах не были введены ни режим чрезвычайного положения (ЧП), ни режим чрезвычайной ситуации (ЧС). И не был объявлен карантин. Почти во всех случаях власти вводили только режим «повышенной готовности» (что означает наличие «угрозы возникновения чрезвычайной ситуации»).

Однако постановлениями правительства и распоряжениями губернаторов вводились многочисленные запреты и ограничения:

на свободу передвижения граждан,
на экономическую деятельность,
на работу предприятий и организаций,
а также штрафы за нарушение этих запретов и ограничений.

Эти запреты, конечно, ограничивали права и свободы граждан. Чего стоило одно только требование «самоизоляции» для пожилых людей (при том, что они не более опасны для окружающих, чем молодые)! Или всеобщие запреты посещать парки и скверы (где опасность заразиться самому или заразить других уж точно меньше, чем аналогичная опасность в открытых для посещения продуктовых магазинах или общественном транспорте).

Но суть не только в абсурдности запретов. Она в том, что эти запреты вообще не могли вводиться: по федеральному закону о защите населения от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, режим «повышенной готовности» не дает властям права ограничивать права и свободы граждан.

Это право могло бы появиться у властей только в случае введения карантина, режимов ЧС или ЧП. Но их, как уже сказано, не вводили. Зато вводили меры, которые де-факто им соответствовали, хотя де-юре объявляться не могли.

В условиях эпидемии власти хотели иметь права и не иметь обязанностей. Хотели, с одной стороны, вводить множество ограничений и штрафов за нарушение этих ограничений, а с другой — не нести при этом никаких затрат.

Потому что, например, если бы власти ввели режим ЧС, карантина или ЧП, пришлось бы, в соответствии с законодательством, компенсировать гражданам все убытки от введенных ограничений и принимаемых «чрезвычайных» мер. Если же эти режимы не введены, никому и ничего можно не платить.

По содержанию мы имели, конечно, режим чрезвычайной ситуации. А по форме — «режим повышенной готовности».

По сути было одно, а по оформлению — совсем другое. Это и означает, что право заменено на «понятия».

Голоса скептиков — в том числе и автора — тогда, конечно, звучали. И сомнения озвучивались. В ответ мы слышали, что опасность ковида столь смертельно велика, что не до юридических тонкостей и формальностей. Эффективность важнее формальной законности. Что тут думать — трясти надо, как в известном анекдоте...

Опасность и вправду была велика. Но были — и остаются — и неустранимые сомнения в том, в какой мере принятие решений «по понятиям» помогло бороться с этой опасностью.

А сейчас — хоть и применительно к совершенно иной ситуации — мы наблюдаем очень похожее явление во время спецоперации.

Федеральный конституционный закон «О военном положении» предусматривает ограничения прав и свобод граждан при введении указанного положения. Соответствующий перечень, приведенный в статье 7 этого закона, включает 19 пунктов.

Однако в России в целом военное положение сейчас не введено. Оно введено — указом президента России от 19 октября 2022 года № 756, — только на территориях ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей. В Брянской, Курской, Белгородской, Воронежской, Ростовской областях, Краснодарском крае, а также в Крыму и Севастополе введен «средний уровень реагирования», включающий применение шести из 19 пунктов, предусмотренных при военном положении. Еще в нескольких регионах введен «уровень повышенной готовности» и задействованы четыре из 19 указанных пунктов. А во всех остальных регионах страны введен «уровень базовой готовности» (задействованы два из 19 пунктов).

Между тем упомянутый закон «О военном положении» никаких «средних уровней реагирования», «уровней повышенной готовности» и «уровней базовой готовности» не предусматривает.

И применение каких-либо пунктов, перечисленных в статье 7, в регионах, где военное положение не введено, этим законом не позволено.

А еще отметим, что статья 8 закона «О военном положении» позволяет установить некоторые ограничения в тех регионах, где военное положение не введено. Но это вовсе не те ограничения, которые перечислены в указе № 756. И потому содержащийся в указе пункт, по которому «при необходимости в РФ в период действия военного положения могут применяться иные меры, предусмотренные ФКЗ «О военном положении», позволяющий, по сути, вводить любые элементы военного положения по всей стране, в указанный закон укладывается плохо, чтобы не сказать больше.

Все эти сомнения, однако, уверенно игнорируются властями, считающими, что в спецоперационные времена надо добиться поставленных целей, не обращая внимания на формальности и юридические тонкости. И, как и в случае с ковидом, закон отступает перед целесообразностью, а право — перед понятиями.

Параллельно принимают законы, криминализующие любое мнение о специальной военной операции и ее участниках, отличающееся от сформулированного властями. Чем, конечно

же, резко ограничивают право граждан на свободное выражение мнений и убеждений.

Это также возможно лишь при тотальном введении военного положения, и это также вводится без его объявления.

И вообще, «борясь с врагами, не выбирайте средств». Нет, это говорили не Сталин и не его соратники. И не Ленин и его большевики. Это говорил Сен-Жюст в Конвенте 230 лет назад. За год до того, как самому отправиться на гильотину, заметим...

Конечно, правление «по понятиям» куда проще и легче, чем по закону.

Даже тогда, когда — как сейчас — законодательное оформление любого высочайшего повеления организуется за два дня в трех чтениях.

Когда любое сомнение в правильности высочайшего повеления наказывается, какслушание.

Когда парламент превращен в «аплодирующий орган» и состоит из пяти партий Путина в разных костюмах.

И когда вряд ли найдется суд, который решится признать незаконным решение, принятое «по понятиям».

Вот только при таком правлении резко возрастает — ввиду того, что отключены все корректирующие механизмы — вероятность ошибок.

И резко уменьшается — в силу того же — вероятность их исправления.

С понятными последствиями — которые, собственно, мы и наблюдаем.

А РОДИНА В КУРСЕ, ЧТО ЕЙ ИЗМЕНЯЮТ?

ЗА «СТАЛИНСКИМИ СРОКАМИ» ИДУТ «СТАЛИНСКИЕ ЗАКОНЫ»,
А ЗАТЕМ — РЕПРЕССИИ ДЛЯ ТЕХ, КТО ВСЕ ЭТО ПРИДУМАЛ

12 АПРЕЛЯ 2023

«Сталинский четверг» в 25 лет лишения свободы потребовал выписать Владимиру Кара-Мурзе якобы за «государственную измену» представитель обвинения, назвав Владимира при этом «врагом, который должен быть наказан».

И вслед за «сталинскими сроками» и «сталинской лексикой» о «врагах» и «изменниках» идут и «сталинские законы» — максимально приближая репрессивное законодательство к печально знаменитой 58-й статье УК РСФСР о «контрреволюционных преступлениях».

Начинающейся со слов «контрреволюционным признается всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских советов и правительств Союза ССР, союзных и автономных республик или к подрыву или ослаблению внешней безопасности Союза ССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции; любые действия, которые наносят ущерб военной мощи Союза ССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории; шпионаж на сторону врага, бегство или перелет за границу».

В четверг, 13 апреля, Госдума планирует в срочном порядке ужесточить наказание по ряду статей Уголовного кодекса РФ и в том числе — ввести наказание вплоть до пожизненного за «государственную измену».

По словам главы думского комитета по безопасности, бывшего первого зампреда Следственного комитета Василия Пискарева (автора многих репрессивных законов, в том числе — печально известной уголовной статьи 207.3 о «фейках об армии»), эти поправки «поддержаны всеми фракциями, представленными

в Комитете». 10 апреля поправки были одобрены Комитетом по конституционному законодательству и вынесены на пленарное заседание.

Кроме пожизненного заключения за «измену», за «совершение устрашающих действий, создавших угрозу гибели людей и направленных на дестабилизацию ситуации в стране» срок лишения свободы увеличивается *с 15 до 20 лет*.

За «вербовку или вовлечение в совершение террористических преступлений» минимальный срок лишения свободы увеличивается *с 5 до 7 лет*, а минимальное наказание за пособничество — *с 10 до 12 лет* (максимальный срок по данной статье — до 20 лет).

Участникам террористических сообществ будет грозить *от 10 до 15 лет* лишения свободы (сейчас — от 5 до 10 лет).

За действия, направленные на повреждение объектов транспортной инфраструктуры и жизнеобеспечения населения, а равно за нанесение вреда здоровью людей в целях подрыва экономической безопасности и обороноспособности страны будет грозить *до 20 лет* лишения свободы (сейчас 15 лет).

Для справки: рост порогов наказания, во-первых, предусматривает его отбывание в учреждениях с особым режимом заключения, а во-вторых, право на условно-досрочное освобождение у тех, кто осужден пожизненно, появляется не раньше чем через 25 лет и при условии примерного поведения.

«Пожизненное» за «государственную измену» — точная калька статьи 58-1 о «контрреволюционных преступлениях», предусматривавшей за «измену Родине» наказание вплоть до расстрела с конфискацией имущества. Тогда высшей мерой наказания был расстрел, сейчас — пока — пожизненное заключение.

Ключевое слово — «пока», потому что некоторые особо ретивые депутаты Госдумы — как лидер «эсеров» Сергей Миронов, прошедший большой творческий путь от геологического молотка (в молодости был геологом) до кувалды Пригожина — предлагают вернуть смертную казнь, призывая Конституционный суд пересмотреть свою позицию относительно ее невозможности.

Учитывая состояние, в котором в последние годы находится эта судебная инстанция, при наличии команды сверху никаких

сложностей в пересмотре не предвидится. И будет ровно как в Белоруссии у Александра Лукашенко, где за «госизмену» предусмотрена смертная казнь.

Что касается других пунктов 58-й статьи, то почти все они уже реализованы в законодательстве — причем с близкими к прежним сроками. Разве что формулировки чуть другие.

Например, «любое действие с намерением насильственно отторгнуть от Советского Союза любую часть его территории или вторжение с целью захватить власть» (58-2) — аналогия статей 278 и 279 УК РФ о насильственном захвате власти и вооруженном мятеже.

«Контакты с иностранным государством в контрреволюционных целях или отдельными его представителями» (58-3) — аналогия статьи 275.1 УК РФ о «сотрудничестве на конфиденциальной основе с иностранным государством, международной либо иностранной организацией».

«Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений, а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания» (58-10) — аналогия целого ряда статей УК РФ (ст. 280 — о публичных призывах к совершению экстремистской деятельности, ст. 280.3 — о «дискредитации» Вооруженных сил, ст. 280.4 — о публичных призывах к действиям, направленным против безопасности государства) и так далее, и тому подобное.

Что же касается «госизмены», то в статье 275 УК РФ дано крайне расплывчатое определение: в том числе под ней понимается «оказание финансовой, материально-технической, консультационной или иной помощи иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям в деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации».

Учитывая, что деятельностью, «направленной против безопасности РФ», сегодня могут объявить почти все что угодно (на усмотрение следователя и суда), «изменником» рискует стать любой, кто контактирует с иностранцами и на кого при этом укажет перст «органов, которые не ошибаются».

И, как подсчитали журналисты, в 2021 и 2022 годах по этой статье завели почти в два раза больше уголовных дел, чем в 2019 и 2020 годах...

Чем все это вызвано? Ответ прост: страхом и неуверенностью властей.

Будь реальная поддержка их действий такой, как рисуют лояльные социологические службы и рассказывают пропагандисты, — не требовались бы ни «сталинские сроки», ни «сталинские законы», приравнивающие нелояльность к государственной измене, а инакомыслие к экстремизму.

Вот только прокладчикам этой «сталинской дороги», не учившим или забывшим историю, неведомо, что на ней очень многие из тех, кто фабриковал дела, обвинял и приговаривал, и думал, что так будет всегда, на следующем витке репрессий сами отправлялись в их жернова.

ОН ОСТАВИЛ НАМ ВЫБОР

СЕГОДНЯ — 90 ЛЕТ БОРИСУ НАТАНОВИЧУ СТРУГАЦКОМУ

15 АПРЕЛЯ 2023

Сегодня, 15 апреля, исполнилось бы 90 лет Борису Натановичу Стругацкому.

Одному из братьев, в чьих мирах произведений, сменяющих друг друга, мы живем уже три десятилетия.

«Стругацкие никогда не пытались предсказывать, — говорил мне Борис Натанович полтора десятилетия назад. — Просто рисовали картинки, которые казались им одновременно и любопытными, и правдоподобными».

Как теперь выясняется, очень многое оказалось «нарисовано» чудовищно правдоподобным.

Например, «Гадкие лебеди», где «страны, которые нравились господину Президенту, вели справедливые войны во имя своих наций и демократий. Страны, которые господину Президенту почему-либо не нравились, вели войны захватнические и даже, собственно, не войны вели, а попросту производили бандитские злодейские нападения».

Где «есть люди, которые не могут жить без прошлого, они целиком в прошлом, более или менее отдаленном. Они живут традициями, обычаями, заветами, они черпают в прошлом радость и пример. Скажем, господин Президент. Что бы он делал, если бы у нас не было нашего великого прошлого? На что бы он ссылся и откуда бы он взялся вообще».

Где самый смелый поступок — демонстративно вытереть щеку от брызг, летящих от господина Президента, который «изволил взвинтить себя до последней степени».

Или «Обитаемый остров» — с излучением башен, под воздействием которого «мозг облучаемого терял способность к критическому анализу действительности, человек мыслящий превращался в человека верующего, причем верующего исступленно, фанатически, вопреки быющей в глаза реальности».

С государственной идеологией, построенной на «идее угрозы извне», и мечтой «вернуть в лоно, предварительно строго наказав» бывшую «провинцию старой империи, провозгласившую независимость в тяжелые времена».

С правителями, у которых «две цели, одна — главная, другая — основная. Главная — удержаться у власти. Основная — получить от этой власти максимум удовлетворения».

И конечно, «Трудно быть богом» — с Патриотической школой и ее девизом «Умные нам не надобны, надобны верные», и с основными установлениями нового государства: «слепая вера в непогрешимость законов, беспрекословное оным повиновение, а также неусыпное наблюдение каждого за всеми».

С наказанием за «невосторженный образ мыслей».

С черными, пришедшими после серых.

С королем, который «по обыкновению, велик и светел, а дон Рэба безгранично умен и всегда начеку».

И с определением правды как того, что «сейчас во благо королю, а все остальное — ложь и преступление» (не по такой ли логике построены сегодня все дела о «фейках» и «дискредитации»?).

Ах, как жаль, что «ТББ» (общеупотребительное название повести) так и не воплотилась на экране в аутентичном варианте, потому что вышедший 10 лет назад фильм Алексея Германа имеет к книге отдаленное отношение.

Увы, знаменитый режиссер, снимая фильм «о своем», не захотел понять книгу Стругацких. И из его картины исчезли не только многочисленные — и важнейшие для понимания — рассуждения главного героя.

Исчезла проблема ВЫБОРА («главная тема Стругацких — это выбор», — раз за разом повторял Борис Натанович).

Тяжелейшая нравственная проблема — возможности или невозможности вмешательства в дела чужого мира.

Может ли и должен ли человек с Земли спокойно смотреть, как в средневековом мире, куда он послан разведчиком, убивают, пытаются, насилуют, казнят? В какой степени он может — и может ли вообще — вмешаться?

Напомню слова Антона — дона Руматы — в самом начале повествования:

«Мне не нравится, что мы связали себя по рукам и ногам самой постановкой проблемы. Мне не нравится, что она называется Проблемой Бескровного Воздействия. Потому что в моих условиях это научно обоснованное бездействие... Я знаю все ваши возражения! И я знаю теорию. Но здесь нет никаких теорий, здесь типично фашистская практика, здесь звери ежеминутно убивают людей! Здесь все бесполезно. Знаний не хватает, а золото теряет цену, потому что опаздывает...»

Но это — и многое другое — из фильма Германа ушло. И ушла суть книги.

Правда, иллюзий у меня не было с тех пор, как Герман сказал, что «думал о Путине как прообразе Руматы». Совершенно ошарашенный, я прибежал к Борису Натановичу, сказав, что у меня Путин всегда ассоциировался не с Руматой, а с совсем другим героем повести «Трудно быть богом» — доном Рэбой. «У меня тоже», — ответил Борис Натанович. Кстати, году примерно в 2006-м, когда президент проводил свою интернет-конференцию, у Стругацкого поинтересовались, о чем он хотел бы спросить Путина.

«Ни о чем, — сухо ответил Борис Натанович. — У нас с ним нет общих тем для разговора...»

Между тем была — была! — возможность экранизации «ТББ», причем по сценарию, написанному самими братьями Стругацкими в 1966–1968 годах.

История с этим так и не воплощенным сценарием получилась детективной.

По словам Бориса Натановича, сценарий считался безнадежно утраченным.

А потом, в феврале 2020 года (огромная благодарность Алине Клименко и профессору Алексею Ельяшевичу), был случайно обнаружен в Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга.

Вместе со «сценарным делом», где подробно описан процесс доработки и прохождения сценария на «Ленфильме».

И наконец, была доказана гипотеза (не раз высказанная братьями Стругацкими), что фильм тогда не был снят именно из-за разгрома «Пражской весны».

В «сценарном деле» — два впечатляющих документа, отличающихся по времени лишь на месяц.

26 июля 1968 года художественный совет Третьего творческого объединения киностудии «Ленфильм» высоко оценил сценарий «по его идейно-нравственному и художественному уровню», одобрил его и рекомендовал руководству студии для включения в тематический план 1969 года и запуска в режиссерскую разработку.

А уже 26 августа 1968 года директор Третьего творческого объединения Г. Малышев пишет авторам письмо, сообщая, что «опыт экранизации романа «Трудно быть богом» удачным признать нельзя» и что «руководство студии не сочло возможным принять предложенный сценарий».

Что случилось за этот месяц, хорошо известно: 21 августа 1968 года закончилась попытка строить «социализм с человеческим лицом», войска пяти стран Варшавского договора вошли в Чехословакию, раздавив «Пражскую весну».

По воспоминаниям Бориса Стругацкого, еще за пять лет до этого, когда писалась «ТББ», авторы скажут себе:

«Нами управляют жлобы и враги культуры. Они никогда не будут с нами. Они всегда будут против нас. Они никогда не позволят нам говорить то, что мы считаем правильным, потому что они считают правильным нечто совсем иное».

А через 30 лет после подавления «Пражской весны» Борис Натанович скажет в интервью одному из лучших своих учеников: именно тогда «стало окончательно, до ледяного холода в душе, ясно: моя страна — просто полуфашистское тоталитарное государство».

При этом, как говорил мне в интервью Борис Стругацкий, в молодости они с братом были «настоящими сталинцами», считавшими, что все происходящее — правильно, если и встречаются какие-то недостатки и неприятности — это неизбежно, не ошибается только тот, кто ничего не делает. И лишь после XX съезда КПСС в 1956 году, где Никита Хрущев выступал со знаменитым докладом «О культе личности Сталина и его последствиях», началось прозрение.

«Мы довольно быстро, — скажет Борис Натанович, — примерно к XXII съезду партии, поняли, что имеем дело с бандой жлобов и негодяев во главе страны. Но вера в правоту дела социализма и коммунизма сохранялась у нас очень долго.

Оттепель способствовала сохранению этой веры — нам казалось, что наконец наступило такое время, когда можно говорить правду, и многие уже говорят правду, и ничего им за это не бывает... Этот процесс эрозии убеждений длился, наверное, до самых чешских событий 1968-го. Вот тогда и наступил конец всех иллюзий».

Оттепель 60-х закончилась, и начался долгий период реакции: недаром в 70-е годы у Стругацких не вышло ни одной новой книги — только пара переизданий.

Хотя с цензурными придирками и разгромной официозной критикой они сталкивались и раньше.

Так, герой «Попытки к бегству» Саул Репнин, по первоначальному замыслу авторов, должен был бежать в будущее из советского концлагеря, но по требованию начальства из «Молодой гвардии» концлагерь был заменен на немецкий.

Что касается «ТББ», то в 1966 году «Известия» констатировали, что повесть, «вышедшая после интересных и нужных первых книг «Страна багровых туч» и «Путь на Амальтею», к сожалению, не свидетельствует об идейном и художественном росте авторов». А в 1967 году «Октябрь», возглавлявшийся отъявленным мракобесом Кочетовым, обвинял повесть в том, что она может «бросить тень на самоотверженную помощь нашего государства освободительным движениям в малоразвитых и колониальных странах»...

Вот что напишет потом Борис Натанович:

«Сегодняшний читатель просто представить себе не может, каково было нам, шестидесятникам-семидесятникам, как беспощадно и бездарно давил литературу и культуру вообще всемогущий партийно-государственный пресс, по какому узенькому и хлипкому мосточку приходилось пробираться каждому уважающему себя писателю: шаг вправо — и там поджидает тебя семидесятая (или девяностая) статья УК, суд, лагерь, психушка, в лучшем случае — занесение в черный список и выдворение за пределы литературного процесса лет эдак на десять; шаг влево — и ты в объятиях жлобов и бездарей, предатель своего дела, каучуковая совесть, иуда, считаешь-пересчитываешь поганые сребреники... Сегодняшний читатель понять этих дилемм, видимо, уже не в состоянии. Свобода —

она как воздух или здоровье: пока она есть, ты ее не замечаешь и не понимаешь, каково это — без нее или вне ее...»

В начале 90-х, когда мы познакомились с Борисом Стругацким, эти его воспоминания казались жутким напоминанием о прошлом, которое никогда не повторится.

Сегодня они кажутся до ужаса злободневными: ведь «сегодняшний читатель» наблюдает последствия работы аналогичного «пресса», который давит все сильнее и сильнее. И отсутствие свободы очень даже замечается. И все чаще вспоминается фраза из не самой известной, но одной из лучших, по моему мнению, повестей Стругацких — «Второе нашествие марсиан»:

«Хоть бы одна сволочь спросила, что она должна делать. Так нет же, каждая сволочь спрашивает только, что с ней будут делать».

И последнее, особенно остро вспоминающееся сейчас, когда учителя доносят на «политически неблагонадежных» учеников.

Это из «Отягощенных злом» — последнего большого произведения братьев Стругацких, где в образе Г.А. Носова воплощена их (цитируя Бориса Стругацкого) «любимейшая, годами лелеемая идея Учителя с большой буквы».

«В истории было много случаев, когда ученики предавали своего учителя.

Но что-то я не припомню случая, чтобы учитель предал своих учеников».

Борис Натанович Стругацкий своих учеников не предавал никогда.

А Учителем он был не только для тех, кто ходил на его знаменитый литературный семинар, но и для нескольких поколений читателей.

И в их ряды встают все новые и новые ученики — настолько важно и актуально все, что написали они с братом.

АДМИНРЕСУРС В КАМУФЛЯЖЕ

ЧТО ЕЩЕ ПРИГОТОВИЛИ ВЛАСТИ, ЧТОБЫ ВЫБОРЫ
ОКОНЧАТЕЛЬНО ПРЕВРАТИЛИСЬ В ФАРС

24 МАЯ 2023

18 мая Госдума приняла в третьем чтении очередные изменения в законодательство о выборах.

И, как принято в последние годы, пошла по пути «законодательного тюнинга»: проект, должный обеспечить проведение выборов в четырех «новых регионах», где действует военное положение, оброс по пути многочисленными дополнениями — как говорится, чтобы два раза не вставать.

Первоначальный законопроект, внесенный сенаторами Андреем Клишасом и Вячеславом Тимченко и депутатами Госдумы Павлом Крашенинниковым, Дмитрием Вяткиным, Леонидом Ивлевым и другими, предполагал изменения лишь в федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».

На выходе он превратился в закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и второе вырос в объеме.

Отзыв сенаторов

И начинается он теперь с положения, которое вообще не имеет отношения к избирательному законодательству: возвращается отмененная много лет назад возможность «политического» (не связанного с кончиной, приговором суда, прекращением гражданства и так далее) досрочного отзыва сенаторов.

Теперь это сможет сделать Совет Федерации «по представлению органа государственной власти субъекта Российской Федерации, принявшего решение о наделении его полномочиями сенатора Российской Федерации».

Иначе говоря, предложить отозвать сенатора смогут как законодательные органы регионов, так и губернаторы. По каким причинам? Да по любым: тут их закон ни в чем не ограничивает.

С одной стороны, нынешний механизм назначения сенаторов таков, что ни одна несогласованная в президентской администрации кандидатура даже не будет выдвинута. А с другой — теперешним сенаторам дают понять, что если вдруг кто-то из назначенных вдруг окажется недостаточно лояльным и послушным — миг лишится своего поста.

Раньше, как уже сказано, такая возможность существовала — и ею воспользовались, например, при отзыве в мае 2011 года Сергея Миронова с поста представителя петербургского Законодательного собрания в Совете Федерации. После чего Сергей Михайлович автоматически лишился и поста спикера Совета Федерации, который освобождали для готовящейся уйти с поста губернатора Санкт-Петербурга Валентины Матвиенко.

Тогда Миронов выступил в питерском парламенте с пламенной речью, о которой сегодня он, думается, предпочел бы не вспоминать. Но увы: сохранилось немало очевидцев (в том числе и автор статьи).

«Я буду говорить о политической свободе, — гремел лидер эсеров с трибуны. — Сегодня здесь, в когда-то самом демократическом городе России, вы начинаете охоту на ведьм, и вновь поднимает голову агрессивно-послушное большинство».

«Сегодня ЗАКС — не главное подразделение Смольного, управляемое губернатором, деятельность которого не поддерживает бóльшая и лучшая часть петербуржцев». «Вы будете голосовать, по сути, за запрет на профессию, за наказание за политические взгляды, за политическое инакомыслие». «Вам не нравится, что я говорю о Матвиенко, Тюльпанове (Вадим Тюльпанов — спикер ЗАКС. — *Б. В.*) и их коллегах из «Единой России». Вам нравятся только бурные продолжительные аплодисменты».

Речь, впрочем, не помогла, а я тогда сказал Миронову, что ему совершенно не на что обижаться: как назначали его в 2001 году спикером Совета Федерации «по понятиям» (точнее, по воле Владимира Путина) — так «по понятиям» и сняли...

Выборы в условиях военного положения

Статью 10.1 Федерального закона об основных гарантиях избирательных прав, говорящую о проведении выборов или референдума при введении режима повышенной готовности

или чрезвычайной ситуации, дополняют нормой о проведении выборов и в условиях военного положения.

Для этого губернаторов регионов, где это военное положение введено, наделяют правом не ранее чем за 130 дней и не позднее чем за 90 дней до дня голосования направить в Центризбирком предложение о проведении выборов или референдума на этой территории.

ЦИК не позднее чем через пять дней со дня поступления предложения проводит консультации с Министерством обороны и ФСБ и по их итогам принимает решение о назначении (проведении) соответствующих выборов (в том числе с возможностью сокращения сроков избирательных действий), референдума или об отклонении предложения губернатора об их проведении.

О своем решении проводить выборы или референдум ЦИК «незамедлительно информирует» президента России, а о своем решении выборы или референдум не проводить — незамедлительно информирует губернатора.

Далее: «В случае, если подготовка и проведение выборов, референдума на территории субъекта Российской Федерации после их назначения... могут представлять угрозу жизни и здоровью граждан Российской Федерации», выборы или референдум откладываются по решению ЦИК, о чем она, опять же, «незамедлительно информирует Президента Российской Федерации».

И наконец, в случае «устранения обстоятельств, послуживших основанием для отложения выборов, референдума» избирательная кампания или кампания референдума может быть возобновлена по решению ЦИК.

Само собой, при этом остается за кадром вопрос об осмысленности каких-либо выборов в условиях военного положения — когда многие права граждан официально ограничены, запрещены митинги, пикеты и другие публичные акции, ограничена свобода передвижения, введена военная цензура за «почтовыми отправлениями и сообщениями, передаваемыми с помощью телекоммуникационных систем, а также контроля за телефонными переговорами» и так далее.

И кстати: как собираются обходить действующую норму статьи 7 Федерального конституционного закона «О военном положении», согласно которой «на территории, на которой

введено военное положение, референдумы и выборы в органы государственной власти и органы местного самоуправления не проводятся»? Если никаких изменений этой нормы описываемый законопроект не предусматривает?

Или законодательный процесс уже настолько превратился в судорожное оформление предписаний Кремля, что над такими юридическими мелочами никто даже не задумывается?

И еще о выборах в «новых регионах», которые явно предписано обеспечить любыми средствами. В целях «обеспечения безопасности, защиты жизни и здоровья граждан Российской Федерации, реализации и защиты избирательных прав граждан Российской Федерации при проведении первых выборов в органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления» в этих регионах можно устанавливать, как деликатно написано, «особенности реализации отдельных положений» федерального закона об основных гарантиях избирательных прав.

Эти «особенности» вправе устанавливать даже «высшие должностные лица» этих регионов (назначенные президентом России), и они могут предусматривать, в частности, «возможность использования в целях реализации активного избирательного права помимо паспорта или документа, заменяющего паспорт гражданина, также иных документов, выданных органами публичной власти и их должностными лицами и содержащих персональные данные». Какие именно «иные документы» могут быть предъявлены для получения бюллетеня для голосования, не указывается. Простор открывается необъятный, как и возможности для произвола. Опять же — при полном отсутствии контроля.

Наконец, в тех же целях «обеспечения безопасности, защиты жизни и здоровья граждан Российской Федерации, реализации и защиты избирательных прав граждан Российской Федерации» власти «новых регионов» могут сократить продолжительность голосования.

Бесконтрольные выборы

Что касается любых выборов (не только в «новых регионах»), то в законодательство в очередной раз вводятся нормы, существенно облегчающие административное воздействие на

результат выборов и снижающие возможности для общественного контроля.

Так, параллельно с отменой открепительных удостоверений, как якобы уже почти не востребованных, на региональных выборах «по решению избирательной комиссии субъекта Российской Федерации, организующей подготовку и проведение указанных выборов, для голосования избирателей могут образовываться избирательные участки за пределами территории субъекта Российской Федерации, где такие избиратели обладают активным избирательным правом». Особенности образования таких участков, составления списков избирателей и протоколов об итогах голосования будет устанавливать ЦИК.

На практике это уже было — когда создавались избирательные участки для голосования граждан, уехавших на дачные участки. И число таких граждан все равно оказалось небольшим.

Но сейчас, как представляется, «удаленные участки» вводят совсем для других целей — чтобы приписать к ним беженцев, уехавших из «новых регионов» во время боевых действий, но формально зарегистрированных по прежним адресам. Понятно, что на таких участках будут минимальные возможности для общественного контроля — и максимальные возможности для фальсификаций.

Далее. Запрещается проведение предвыборной агитации с использованием информационных ресурсов, в том числе сайтов, доступ к которым заблокирован Роскомнадзором (кроме прочего, теперь к кандидатам смогут придаться, если они будут ссылаться на фейсбук или инстаграм).

Зато теперь — о великая милость! — можно будет бесплатно раздавать избирателям специально изготовленные агитационные материалы, стоимость которых на единицу продукции «не превышает 2% величины прожиточного минимума в целом по Российской Федерации на душу населения», то есть на данный момент — 278 рублей. Действующее ограничение было — 100 рублей, так что лимит вырос почти втрое.

Серьезно сокращается число тех, кто может присутствовать при подсчете голосов. Сейчас, по закону, на это имеют право представители СМИ — и не раз им удавалось фиксировать нарушения и предавать их огласке. Теперь при подсчете

голосов смогут присутствовать только журналисты, которые оформлены в СМИ по трудовому договору, то есть состоят в штате редакции. Те, кто работает по гражданско-правовому договору или на иных основаниях, от наблюдения за подсчетом будут отстранены. С учетом того, что сегодня «нештатников» в СМИ (особенно в независимых, не имеющих возможность держать большой штат) большинство, последствия понятны.

И наконец, что очень существенно, устанавливается, что полномочия доверенных лиц кандидатов прекращаются «одновременно с прекращением агитационного периода». Поскольку агитационный период заканчивается «в ноль часов по местному времени дня, предшествующего дню голосования», это означает, что доверенные лица кандидатов не смогут присутствовать при подсчете голосов и получать протоколы об итогах голосования. Что существенно сократит возможности кандидатов для наблюдения (тем паче ранее был упразднен институт членов комиссий с совещательным голосом).

Само собой, все описанные выше проблемы и трудности коснутся только «неправильных» кандидатов — для «правильных» все будет обеспечено.

Логичен, конечно, вопрос, остается ли в выборах смысл в таких условиях. Но на него каждый участник избирательного процесса отвечает сам.

НЕ УКАЗ, ГОВОРЯТ

ВЕРХОВНЫЙ СУД РЕШИЛ, ЧТО ЧАСТИЧНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ
НЕ ЗАКОНЧЕНА. ОСТАЛЬНОЕ — ВСЕ СЛОВА

26 МАЯ 2023

Пленум Верховного суда РФ подтвердил то, о чем я писал в «Новой газете» в декабре: частичная мобилизация, объявленная указом президента России № 647 от 21 сентября 2022 года, несмотря на многочисленные заявления различных должностных лиц, включая самых высших, не закончена.

Для ее окончания необходим указ президента, устанавливающий четкую дату и время ее отмены.

Это серьезно расходится с позицией администрации президента, заявляющей в ответах депутатам региональных парламентов от «Яблока», призывающим издать указ об окончании мобилизации, что для издания такого указа якобы «не имеется правовых оснований».

Как выясняется — очень даже имеется. И это мнение высшей судебной инстанции в стране.

В постановлении пленума Верховного суда РФ от 18 мая 2023 года «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» рассмотрены многие важные вопросы.

В том числе впервые дается правовое определение военного времени, вооруженного конфликта, военных и боевых действий.

Но, может быть, самое существенное — установление, что «периоды мобилизации (общей и частичной) начинаются с даты и времени начала действия мобилизации, которые устанавливаются указом Президента Российской Федерации об объявлении мобилизации, и заканчиваются датой и временем отмены мобилизации».

Иначе говоря: пока не издан правовой акт (а он в данном случае может быть только указом президента, поскольку его указом и объявлялась частичная мобилизация) о дате и времени отмены частичной мобилизации, она не закончена.

А пока она не закончена, как рассказывала «Новая газета», в соответствии с 647-м указом, продолжается действие контрактов о прохождении военной службы, заключенных военнослужащими. То есть если у кого-то даже и закончился срок контракта, его все равно не увольняют, и он продолжает служить.

Кроме того, пока длится этот период, резко сокращается (по сравнению с установленным Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе») перечень оснований для увольнения (в том числе досрочного) с военной службы как для «контрактников», так и для мобилизованных после 21 сентября (они по указу президента имеют статус военнослужащих по контракту).

В законе указаны десятки оснований для увольнения, в том числе по семейным обстоятельствам, в связи с необходимостью ухода за родственниками и многие другие, а в указе оставлены только три основания: признание негодным к военной службе, вступление в силу приговора суда о лишении свободы и достижение предельного возраста.

Да, самые разные должностные лица не раз заявляли, что «частичная мобилизация закончена».

28 октября 2022 года об этом заявлял министр обороны Сергей Шойгу,

1 октября эта информация была размещена на официальном сайте президента России.

1 ноября 2022 года пресс-секретарь президента Дмитрий Песков сообщал, сославшись на некую «правовую позицию», о том, что указ о завершении частичной мобилизации вообще не нужен.

Президент Владимир Путин, выступая в декабре 2022 года на саммите в Бишкеке, заявил, что «никаких факторов для новой частичной мобилизации в России сейчас нет».

Но все это — слова. А не документы, имеющие юридическую силу. Пока же такого документа нет, суды (были прецеденты) отказывают в признании решений о мобилизации незаконными, так как официально она не завершена. И военкоматы вполне могут продолжать присылать гражданам повестки...

Депутаты от «Яблока» из четырех региональных парламентов — Санкт-Петербурга, Москвы, Пскова, Карелии, а также из Великого Новгорода — направляли президенту России обращения,

призывая издать указ об окончании периода частичной мобилизации.

И получили практически одинаковые ответы с отказом.

Так, в ответе, который пришел депутатам от фракции «Яблоко» в Законодательном собрании Санкт-Петербурга — Александру Шишлову и мне, — говорится, что призыв по мобилизации «осуществлялся до достижения установленной численности, необходимой для выполнения Вооруженных сил РФ поставленных задач», и что «по сообщению Минобороны России, установленная численность была достигнута, в связи с чем призыв по мобилизации завершен». Поэтому «правовых оснований для издания в связи с этим акта Президента РФ не имеется».

Эмилиии Слабуновой из Законодательного собрания Карелии ответили, как и петербуржцам: такого указа не будет, так как для него отсутствуют «правовые основания». Подобный же ответ получила Анна Черепанова из Великого Новгорода. Ей к тому же Министерство обороны объявило о завершении мероприятий по частичной мобилизации.

А вот Артуру Гайдуку в Псковское областное собрание депутатов и вовсе пришел ответ из администрации президента о том, что указ о мобилизации продолжает действовать, так как «военные комиссариаты продолжают комплектовать воинские части за счет граждан, изъявивших желание добровольно участвовать в СВО, а также граждан, желающих поступить на военную службу по контракту»...

Несложно предположить, почему не хотят издавать указ об окончании «частичной мобилизации», ограничиваясь лишь словами.

Это позволяет и на неопределенный срок сохранить «закрепление» военнослужащих, не допуская их увольнения из армии, и позволяет в любой момент, вполне легитимно и без всякого издания новых правовых актов, продолжить частичную мобилизацию.

Заявив, например, что для «выполнения поставленных задач» нужна дополнительная численность Вооруженных сил.

Так что, если власти хотят снизить уровень тревоги в обществе — издание указа о четкой дате и времени окончания частичной мобилизации совершенно необходимо.

Вопрос только в наличии политической воли для этого.

НАРОДУ ГРЕХ ЖАЛОВАТЬСЯ!

КС ОТКАЗАЛ РОССИЯНАМ В ПРАВЕ
КРИТИКОВАТЬ РЕШЕНИЕ О НАЧАЛЕ СВО И ПРОВОЗГЛАСИЛ
ГОСУДАРСТВО ВЫСШЕЙ ЦЕННОСТЬЮ

23 ИЮНЯ 2023

Конституционный суд России в один день — 30 мая 2023 года — принял тринадцать постановлений об отказе в принятии к рассмотрению жалоб на конституционность статьи 20.3.3 КоАП РФ о наказании за «дискредитацию Вооруженных Сил».

Все постановления совершенно одинаковы и отличаются только именами заявителей: Кристина Маркус, Константин Васильев, Екатерина Васильева (о деле петербурженки, оштрафованной за пацифистскую надпись на дамской сумочке, я рассказывал в «Новой газете»), Дарья Демьянчук, Ольга Аптышева, Евгения Исаева, Алексей Кононов, Александр Мец, Иван Рубненьков, Максим Филиппов, Кристина Шатрюк, Илья Яшин, Константин Логидич.

Заявители оспаривали статью о «дискредитации» как противоречащую статьям 13, 15, 19, 28, 29, 31 и 55 Конституции РФ.

Поскольку в Конституции еще записаны права на свободу выражения мнений и убеждений, позволяющие гражданину давать критическую оценку решений власти, было интересно, как КС будет обосновывать отказ отменять статью о «дискредитации» (в том, что он откажет, сомнений не было никаких).

Суд справился с этой задачей, объявив государство «конституционной ценностью», его решения, касающиеся специальной военной операции, — не подлежащими сомнению, а их критику — отрицанием конституционного строя.

Как тут не вспомнить Евгения Шварца: «Господин Дракон велел передать, что любое сомнение будет наказано как ослушание». Или Стругацких: «Правда — это то, что сейчас во благо королю. Все остальное — ложь и преступление».

Статья 20.3 КоАП, которая предусматривает наказание за выражение критического мнения об использовании Вооруженных

сил РФ и исполнении государственными органами своих полномочий, по мнению заявителей, нарушает права на свободу совести, мысли и слова, свободу собраний и запрет на установление какой-либо идеологии как государственной или обязательной, а также нарушает принцип равенства и запрет дискриминации, поскольку признает «административно наказуемыми исключительно те мнения и убеждения, которые связаны с критической оценкой использования Вооруженных Сил РФ и исполнения государственными органами своих полномочий за пределами территории Российской Федерации».

Однако, по мнению Конституционного суда, она не нарушает ничего.

Конституция, полагает суд, «не только не исключает, а прямо допускает принятие государственными органами РФ решений и мер, в том числе связанных с использованием Вооруженных Сил Российской Федерации, для защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности и задает конституционные параметры для таких действий».

А дальше следует пассаж, который, бесспорно, войдет в будущие учебники политической истории.

Из постановления Конституционного суда:

Конституция РФ «не предполагает и не допускает, чтобы гарантированные ею права и свободы человека и гражданина использовались для отрицания конституционного строя Российской Федерации, в котором государство, образованное многонациональным народом Российской Федерации в определенных им параметрах, как гарант и средство обеспечения реализации и защиты прав и свобод человека и гражданина, является конституционной ценностью, подлежащей уважению и защите гражданами Российской Федерации и всеми иными лицами, находящимися на территории России, а защита Отечества признается не только конституционной — юридической обязанностью, но и прежде всего долгом гражданина Российской Федерации».

Еще раз и медленно: конституционной ценностью, подлежащей защите, объявлено государство.

Ни разу в решениях самого Конституционного суда государство не указывалось среди конституционных ценностей.

Потому что высшей ценностью — и это прямо записано в статье 2 Конституции — является человек, его права и свободы, а государство — инструмент, обязанностью которого (цитируя ту же статью Конституции) является признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина.

Переворачивая эту пирамиду, объявляя конституционной ценностью само государство, КС заявляет о недопустимости использования прав и свобод граждан для «отрицания конституционного строя» — но что он понимает под этим отрицанием?

Из постановления Конституционного суда:

«Отрицанием конституционного строя» КС объявляет «действия, посягающие на правопорядок, общественный порядок и безопасность и иные охраняемые Конституцией РФ ценности, «даже если внешне такие действия имеют признаки реализации указанных конституционных прав». И приводит в пример действия, подпадающие под статью о «дискредитации», отмечая, что хотя «статья 20.33 КоАП РФ не содержит указания на то, что речь идет о дискредитации в связи с проводимой в настоящее время специальной военной операцией, вместе с тем очевидно, что федеральный законодатель, действуя в рамках предоставленных ему полномочий и пределах своей дискреции, установил административную ответственность за соответствующие деяния, прежде всего принимая во внимание указанные обстоятельства».

После этого КС с римской прямоотой пишет в своем решении, что с учетом ранее проведенной проверки конституционности международных договоров между Российской Федерацией и Донецкой Народной Республикой, Луганской Народной Республикой, Запорожской областью и Херсонской областью о принятии их в Российскую Федерацию, «такое регулирование в период проведения указанной специальной военной операции тем более не может вызывать сомнения с точки зрения конституционности».

Раз так, полагает КС, «принятые государственными органами РФ соответствующие решения и меры не могут быть произвольно, исключительно на основе субъективной оценки и восприятия поставлены под сомнение с точки зрения их направленности на защиту интересов РФ и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности».

Вообще-то оценки всегда субъективны, как и восприятие. И, казалось бы, ставя под сомнение какие-либо решения и действия государства, граждане лишь реализуют свои конституционные права на свободу выражения мнений и убеждений?

Нет, говорит Конституционный суд, хоть это (как процитировано выше) и имеет «внешние признаки реализации конституционных прав», на самом деле какое-либо сомнение в решениях по СВО — покушение на конституционные ценности и отрицание конституционного строя.

И оно особо опасно потому, что «деятельность по защите интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержанию международного мира и безопасности по своей природе осуществляется нередко в условиях высокого риска, с угрозой для жизни и здоровья», и «для ее эффективности большое значение имеет морально-психологический настрой лиц, непосредственно решающих соответствующие задачи и выполняющих тем самым воинский, служебный и гражданский долг, а одним из его важнейших условий является поддержка обществом как соответствующих решений и мер, так и реализующих их лиц, выступающая таким образом в качестве проявления конституционных принципов взаимного доверия общества и государства».

Однако нигде в Конституции нет принципа «взаимного доверия общества и государства». Государство может это доверие заслужить, принимая решения на благо общества, а может и не заслужить.

И общество не обязано поддерживать решения государства: это нельзя вменять ему в обязанность, возводя в конституционный принцип.

Напротив, если общество полагает решения и действия государства неверными, государство обязано к этому прислушаться и изменить политику.

Это, между прочим, прямо следует из основ конституционного строя, где написано, что народ — а не государство и не его должностные лица — является единственным источником власти...

Впрочем, у Конституционного суда другая логика, все больше напоминающая советскую, и тексты передовых статей газеты «Правда».

В постановлении говорится, что выступления и высказывания, «целенаправленно несущие в себе негативную оценку

деятельности по защите интересов РФ и ее граждан, поддержанию международного мира и безопасности, могут, особенно с учетом их накопительного эффекта, оказывать негативное воздействие на реализацию соответствующих мер и решений».

И «снижать решительность и эффективность выполнения Вооруженными Силами РФ и другими государственными органами поставленных задач, мотивированность военнослужащих и иных непосредственно участвующих в этом лиц и тем самым фактически — даже не преследуя непосредственно именно такой цели — содействовать силам, противостоящим интересам Российской Федерации и ее граждан, препятствующим поддержанию международного мира и безопасности».

Из всего этого КС делает вывод о том, что статья 20.3.3 «не может рассматриваться ни как вводящая обязательную идеологию, ни как направленная на пропаганду войны, которая в Российской Федерации запрещена, или как дискриминационная по отношению к лицам в зависимости от их убеждений».

И не посягает на свободу личности «выбирать и придерживаться тех или иных убеждений и действовать в соответствии с ними, поскольку такая свобода не предполагает совершения лицом правонарушений».

И не ставит под сомнение «возможность выражать собственное мнение по поводу деятельности Вооруженных Сил РФ, лиц, им содействующих, и государственных органов РФ, в том числе указывать на наличие недостатков, если это не сопряжено с произвольным отрицанием конституционно-предопределенных характера, целей и задач данной деятельности и основывается на открытой достоверной информации».

При этом КС «не исключает выявления фактов направленности действий граждан, которым придается видимость конструктивного выражения позиции, на дискредитацию соответствующих решений, мер и деятельности».

Пассаж о «видимости конструктивного выражения позиции» — конечно, выдающийся с точки зрения права (впрочем, как и многие, процитированные выше).

Кто будет определять, конструктивная позиция содержится в действиях граждан или нет? Конкретный районный суд, который, как показывает практика, присуждает штрафы за «дискредитацию» за лозунги «Миру — мир», с которыми сорок

лет назад советские граждане ходили на демонстрации, или за напоминание о заповеди шестой?

Впрочем, смысл сказанного КС предельно ясен: указывать на «наличие недостатков» при проведении СВО можно (этой трактовке, бесспорно, порадуются Пригожин и Гиркин), а сомневаться в ее правильности — нельзя.

...Читая это решение КС, вспоминаю другие времена — когда КС был другим и принимал другие решения.

Когда в «особых мнениях» судей КС, которые оценивали в 1995 году указы Бориса Ельцина о начале другой — «контртеррористической» операции в Чечне (среди них были и тогда Валерий Зорькин и Гадис Гаджиев, принимавшие сейчас постановления о статье о «дискредитации»), звучали достаточно жесткие оценки решений власти, и для них было очевидным, что в них можно сомневаться.

Когда в «особом мнении» покойного ныне судьи Анатолия Кононова говорилось, что «содержащиеся в актах решения обосновываются преимущественно необходимостью защиты суверенитета, территориальной целостности, конституционного порядка, государственной безопасности и прочих государственных интересов, а права человека стоят в этом перечне на последнем месте, однако их нельзя признать однопорядковыми: статья 2 Конституции Российской Федерации недвусмысленно и однозначно относит Человека, его Права и Свободы к высшей ценности». И констатируется, что «этот основной отличительный принцип настоящей Конституции был грубо нарушен в пользу государственных предпочтений».

Таких же мнений — о приоритетности ценности человека, его прав и свобод над другими конституционными ценностями — придерживались тогда и другие судьи: Николай Витрук и Владимир Лучин.

Но теперь приоритеты сменились: главным стало государство, в решениях которого недопустимо сомневаться.

Кстати, с точки зрения логики КС, в решениях государства времен Ельцина или Горбачева сомневаться тоже нельзя? Не говоря уже о временах Сталина?

МЯТЕЖ ПРИГОЖИНА. ЧТО ЭТО БЫЛО?

ТО, ЧТО НАЧИНАЛОСЬ КАК «ПРЕДАТЕЛЬСТВО» И «УДАР В СПИНУ»,
ЗАКОНЧИЛОСЬ НЕСВОЙСТВЕННЫМ КРЕМЛЮ ГУМАНИЗМОМ

26 ИЮНЯ 2023

Вопрос «Что это было?» в отношении пригожинского путча, безусловно, является одним из самых задаваемых.

Это была не попытка государственного переворота (разве что, как шутят, частного), потому что не было заявленного стремления к смене власти — только смены нескольких фигур. Правда, поведение части элиты показывало, что они опасались смены власти и поэтому или оглушительно молчали, выжидая, или пустились в бег.

Это был вооруженный мятеж, развернувшийся за 200 километров от Москвы, и, к счастью, обошедшийся без серьезного кровопролития. Организованный владельцем частной армии, которую власть сама выпестовала и взрастила и о возможности выхода которой из-под контроля давно предупреждали. Начинавшийся с предельно жестких заявлений с обеих сторон и обещанием сурового наказания мятежникам и закончившийся актом гуманизма, совершенно несвойственного российской власти в последние годы.

Неминуемо возникает вопрос: если такая гуманность проявлена к организаторам и участникам вооруженного мятежа — будет ли она проявлена к тем, кого в последние пятнадцать месяцев власть жестоко наказывала за неизмеримо меньшие преступления, а именно — за «фейки» и «дискредитацию»?

Будут ли освобождены сидящие по этим статьям, а сами статьи отменены?

Начиная с марта 2022 года, когда Госдума стремительно приняла законы о наказании за «фейки» и «дискредитацию», возбуждено почти две сотни уголовных и более шести тысяч административных дел против тех, кто высказывает точку зрения на происходящее во время СВО, отличающуюся от официальной.

При рассмотрении всех этих дел ни прокуратура, ни суды — хотя речь идет лишь о словах — не проявляют ни малейшего снисхождения.

Отправляют в СИЗО до суда, а потом, как Алексея Горинова, или Илью Яшина, или Марию Пономаренко, или Ивана Барышникова, приговаривают к лишению свободы на шесть-семь-восемь лет (порой меньше дают за убийство).

Недавно (я рассказывал об этом в «Новой газете») под это была подведена база даже на уровне Конституционного суда, который объявил несогласие с решениями власти по СВО ни много, ни мало как отрицанием конституционного строя.

Но когда случился реальный вооруженный мятеж, его решили простить. Хотя даже с точки зрения статей УК (а не только здравого смысла) речь идет о неизмеримо более тяжком деянии.

Борьба с мирным несогласием ведется предельно жестоко — а когда появляется несогласие отнюдь не мирное — картина кардинально меняется.

Собственно, о том, что законы в России применяются избирательно, по принципу «друзьям — все, врагам — закон» и отсутствует реальное равенство перед законом (гарантированное Конституцией, между прочим), известно. Но уже давно это не было продемонстрировано так наглядно, как сейчас. Когда сначала Генпрокуратура докладывает президенту, что возбуждение уголовного дела законно и обоснованно, а потом пресс-секретарь президента сообщает, что оно будет закрыто, а вагнеровцы — прощены, в силу былых заслуг.

Кстати, Евгений Пригожин в своих выступлениях перед началом мятежа не сказал практически ничего, чего не говорили бы на протяжении последних лет оппозиционеры — и о том, что происходило на Донбассе в 2014–2022 годах, и о том, насколько обоснованны тезисы о необходимости СВО. Но стоило бы сегодня любому из оппозиционеров повторить сказанное Пригожиным — и статья УК (а то и не одна) была бы обеспечена.

И еще одна небольшая, но примечательная деталь: в Ростове военная техника ЧВК «Вагнер» повредила более 10 тысяч кв. м дорожного полотна, и сейчас его, по сообщению мэра города, будут ремонтировать. За счет бюджета, естественно. Притом

что оппозиционеров после митингов штрафуют на миллионные суммы за якобы вытоптанные газоны...

Впрочем, принцип «друзьям — все, врагам — закон» применительно к «Вагнеру» демонстрируется уже давно. То есть с самого его появления.

Пять лет назад, в феврале 2018 года, после гибели российских граждан в Сирии в боях под Дейр-Эз-Зором, основатель «Яблока» Григорий Явлинский обращался к президенту Владимиру Путину, указывая на чрезвычайную опасность появления «частных военных компаний» с неясным правовым статусом.

Главное в его обращении: разрастание наемнического бизнеса под прикрытием государства и при абсолютной информационной закрытости приведет к быстрому формированию, закреплению и усилению неконституционного, но очень опасного института. Юридический вакуум и путаница поддерживаются для удобства ведения т.н. гибридных операций и войн, чтобы снять с государства ответственность — как за действия служащих частных военных компаний, так и за их судьбу, будь то гибель или попадание в плен. Эта силовая структура — по сути, незаконное вооруженное формирование, которое может использовать кто угодно (при наличии денег и склонности к авантюрам) в каких угодно целях как за границей, так и внутри страны.

Но предупреждение не было услышано — напротив, с началом СВО возможности и ресурсы Пригожина существенно выросли, поскольку его компания оказалась достаточно эффективной в боевых действиях. И потому не стоит удивляться, что новый Франкенштейн в какой-то момент вышел из-под контроля — начал твердить о «зле», о «защите интересов русского народа» от коррупционеров и о «марше справедливости».

И тогда президент Владимир Путин заговорил о «предательстве, непомерных амбициях и личных интересах», которые привели к измене. А, значит, «тот, кто организовал и готовил военный мятеж, кто поднял оружие на боевых товарищей, — предал Россию. И ответит за это». Мол, армия и государственные органы «получили необходимые приказы».

Что было потом — граждане могли наблюдать в прямом эфире.

Была продемонстрирована стандартная реакция — то, к чему приучены «органы» в борьбе с «внутренним врагом»: возбудить дело, провести обыски и заблокировать информационные ресурсы. Проблема возникла лишь одна — с доставкой фигуранта в суд для избрания ему меры пресечения.

Однако выяснилось:

Что небольшая частная армия может, практически не встречая сопротивления, фактически захватить два крупных города и пойти маршем к столице.

Что Росгвардия (чьей обязанностью, кстати, является именно борьба с подобными явлениями), ФСБ, ФСО, МВД и другие силовые структуры де-факто не могут этому продвижению помешать.

Что часть бизнес-элиты бросается в бега, спешно разлетаясь из Москвы.

Что из публичного пространства исчезают не только почти половина членов Совета безопасности, но и министр обороны и начальник Генштаба. (Хотя, когда в стране вооруженный мятеж, — кому, как не им, выступать, объяснять, как собираются его подавить?)

Что как воды в рот набирают записные пропагандисты типа обычно крайне словоохотливой Маргариты Симоньян.

Что губернаторы выкладывают в интернете посты «Наш регион — с президентом!», а граждане региона при этом безмолвствуют.

И что нет ни одного митинга в поддержку президента, организованного «Единой Россией» или другими сторонниками Путина — несмотря на его слова о «мятеже» и «измене». И никто не вышел на улицы с его портретами — как быть с известным заявлением Володина, отождествляющим Путина и Россию?

Впрочем, «отличились» не только те, кто всегда истово демонстрировал преданность Путину, а в эти дни спрятался под корягой, но и некоторые из тех, кто считается его оппонентами.

Так, Михаил Ходоровский призвал поддержать Пригожина, «помочь людям его услышать, пока он говорит правду», «останавливать тех, кто пытается ему противостоять» и «помогать «Вагнеру горячкой».

Мол, надо «помогать хоть черту, если он решил выступить против этого режима».

Это насквозь знакомая — и насквозь порочная логика поддержки якобы «врага моего врага». Поддержки меньшего зла против большего (это «меньшее» потом оказывается ничуть не меньшим — ровно таких уже выбрали в Думу «умным голосованием»). Да еще и совмещенная с призывом к другим брать вилы и идти с ними против танков.

На тех, кто его за это раскритиковал, Ходорковский гневно обрушился: мол, не время для «розовых соплей».

И тут наступила развязка, показавшая то, что многим было ясно с самого начала: что Пригожин выступает не против режима, а за свое место в режиме.

Последнее: что дальше?

Многие в унисон пишут, что произошла «десакрализация Путина» и что это приведет к серьезным переменам.

Возможно, приведет, но не факт, с каким знаком будут эти перемены.

Может случиться сдвиг к «перестройке-2», а может — и в другую сторону, с усилением репрессий в качестве мести за испытанное унижение.

Вполне вероятны перемены в Минобороны.

Но мало что изменится по существу от того, что вместо Шойгу и Герасимова будут условные Дюмин и Суровикин.

Да, отношение общества к Путину, наверное, изменилось.

Но перемены к лучшему настанут, только когда соответственно изменится отношение к его политике.

КАКОЙ-ТО КРУТОЙ УКЛОН

ЗАЧЕМ ВВОДИТЬ ТЮРЕМНЫЕ СРОКИ ДЛЯ УКЛОНИСТОВ,
ЕСЛИ, ПО СЛОВАМ ПРЕЗИДЕНТА, В МОБИЛИЗАЦИИ НЕТ
НЕОБХОДИМОСТИ?

4 АВГУСТА 2023

Один из главных ньюсмейкеров Госдумы последнего времени, председатель комитета по обороне генерал-полковник Андрей Картаполов предложил ввести уголовную ответственность за уклонение от призыва на военную службу по мобилизации.

Правительственная комиссия по законопроектной деятельности проект Картаполова уже одобрила.

Сейчас уголовная ответственность установлена только за уклонение от срочной службы или альтернативной гражданской. Но, видимо, по мнению генерала Картаполова, еще больше стало «попахивать» тем, что обычным гражданам, в отличие от него, под страхом наказания запрещается называть соответствующим словом.

Действующая редакция статьи 328 УК РФ устанавливает ответственность за уклонение от прохождения военной и альтернативной гражданской службы. Первая часть статьи вводит наказание за уклонение от призыва на военную службу при отсутствии законных оснований для освобождения от этой службы — начиная от штрафа размером до 200 тысяч рублей и заканчивая лишением свободы на срок до двух лет.

Вторая часть статьи вводит наказание за уклонение от прохождения альтернативной гражданской службы лиц, освобожденных от военной. Оно мягче: максимум, можно получить арест на срок до шести месяцев.

В поправке Картаполова предлагается дополнить эту статью 328 УК еще одной — третьей частью,

введя наказание за уклонение от призыва на срочную службу по мобилизации или в военное время при отсутствии законных оснований для освобождения от этой службы.

Для справки: уклонением от призыва считается неявка гражданина без уважительных причин по повестке военного комиссариата на мероприятия, связанные с призывом на военную службу, к которым статья 32 Федерального закона 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» относит явку на медицинское освидетельствование, заседание призывной комиссии или для отправки в воинскую часть.

Под уважительными причинами (статья 7 закона) считаются:

- заболевание или увечье, связанные с утратой трудоспособности;
- тяжелое состояние здоровья или смерть близкого родственника или усыновителя либо участие в похоронах таких лиц;
- непреодолимая сила или иное обстоятельство, не зависящее от воли гражданина;
- «иные причины, признанные уважительными призывной комиссией или судом».

Также «уклонение» может выражаться и в «незаконном получении гражданином освобождения от военной службы или отсрочки от нее», например, путем симуляции болезни.

Размер и характер наказания за «уклонение от мобилизации» в отзыве правительства не уточняется. Однако осенью после объявления «частичной мобилизации» Картаполов вместе с председателем думского комитета по безопасности Василием Пискаревым уже предлагал ввести для «уклонистов от мобилизации» наказание: либо штраф до 500 тысяч рублей, либо принудительные работы, либо лишение свободы на срок до пяти лет.

Но потом авторы заявили, что, поскольку «частичная мобилизация» завершена, поправки потеряли актуальность. А теперь, выходит, актуальность снова появилась?

Напомним (об этом не раз рассказывала «Новая газета»), что, несмотря на заявления высших должностных лиц, включая президента и министра обороны, «частичная мобилизация» формально не закончена. Это подтвердил пленум Верховного суда РФ в своем постановлении от 18 мая 2023 года «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы», констатируя, что период «частичной

мобилизации» заканчивается «датой и временем отмены мобилизации».

Эти дата и время, как известно, до сих пор так и не установлены, а на все запросы (включая те, что направляли региональные депутаты от «Яблока» из Петербурга, Москвы, Карелии, Пскова и Великого Новгорода) президентская администрация и Минобороны неизменно отвечают, что для издания президентского указа об окончании периода «частичной мобилизации», мол, «нет правовых оснований».

В результате ситуация повисает в воздухе.

С одной стороны, никаких повесток в военкоматы для призыва по мобилизации гражданам уже давно не приходит. А с другой стороны, пока мобилизация не закончена, продолжают — в соответствии с президентским указом № 647 от 21.09.22 — служить те «контрактники», у которых завершился срок действия контракта, и резко сокращен перечень оснований, по которым военнослужащие могут уволиться из армии по своей инициативе.

Но главное в том, что если по каким-то причинам власть захочет продолжить мобилизацию, то не понадобится издавать никаких новых указов или распоряжений.

Можно просто начать присылать повестки.

И если сейчас «уклонистам» грозит административная ответственность за неявку в военкомат (депутаты недавно подняли его с 3 до 30 тысяч рублей), то в случае принятия поправки Картаполова (в чем сомневаться не приходится) им будет грозить уже отправка в колонию на срок до двух лет.

Будет или не будет продолжена мобилизация — сейчас сказать невозможно.

Президент Владимир Путин в июне заявлял, что «нет необходимости в новой мобилизации».

Но необходимость может и появиться.

И если такое решение примут, его законодательное обеспечение — для куда более жесткого наказания «уклонистов» — будет уже готово.

P. S.

Как сообщил Андрей Картаполов, законопроект об уголовном наказании за уклонение от мобилизации будет внесен

в Госдуму этой осенью. Наказывать «уклонистов» предлагается штрафом до 500 тысяч рублей или лишением свободы до пяти лет (то есть, именно так, как Картаполов предлагал еще в ноябре 2022 года).

По словам Картаполова (цитируем интервью «Парламентской газете»), поправка необходима «для того, чтобы восстановить, назовем это так, статус-кво, выровнять ситуацию», потому что «у нас есть ответственность за уклонение от службы по призыву, а вот за уклонение от службы по мобилизации она до сих пор не установлена». Между тем, «военная служба — это государственное дело, и каким бы путем человек к службе ни пришел, если он нарушает свои обязанности, отказывается от их выполнения — он должен понести наказание». Проект, по словам генерала, «более чем актуальный, так что тянуть с процедурой нет никакой необходимости».

МАТЧ-РЕВАНШ С ИСТОРИЕЙ

КАК «ПОПАДАНЧЕСКАЯ» ФАНТАСТИКА СТАЛА МЛАДШЕЙ
СЕСТРОЙ ПРОПАГАНДЫ И ПОДГОТОВИЛА ОБЩЕСТВО
К НЕМЫСЛИМЫМ РАНЕЕ СЦЕНАРИЯМ

10 АВГУСТА 2023

То, что реваншизм — в классическом понимании, как политика, основанная на так называемых «исторических правах», — превратился в последние годы в одну из главных идеологических опор российского режима, достаточно очевидно.

Доказательства мы наблюдаем почти каждый день — в выступлениях первых лиц государства, в сетевых откровениях высокопоставленных блогеров и в криках государственных пропагандистов.

Все они, привычно воображая нынешнюю Россию — Российской империей, сетуют на якобы несправедливо утраченные «исторические территории», которые обязательно надо вернуть.

И совершенно неважно, что в истории не было таких прецедентов: ни рухнувшие империи, ни тем паче их осколки, возомнившие себя их наследниками, никогда и нигде никаких «несправедливо утраченных территорий» вернуть не смогли.

Но история никого и ничему не учит — она только жестоко наказывает за невыученные уроки. А нынешние российские власти, которые многое забыли, и ничему не научились, ведут себя в точности, как было в «Обитаемом острове» братьев Стругацких.

Помните, как там призывали поступить с бывшими провинциями старой империи, Хонти и Пандеей, получившими независимость в тяжелые времена? «Вернуть гадов в лоно, предварительно строго наказав».

Там, заметим, «вернуть гадов» (да и «строго наказать») не получилось. Впрочем, «Обитаемый остров» давно уже выглядит не фантастикой, а документалистикой...

В сегодняшней российской реальности очевидно и то, что политика является реваншистской, и то, что немалая часть

граждан эту политику поддерживает, радуется присоединению «новых территорий», и верит, что Россия лишь «возвращает свое», полагающееся ей по праву.

Что же воспитало такие общественные настроения? Кроме оглушительной пропаганды, конечно?

И тут стоит обратить внимание на то, что обычно ускользает от внимания политологов — потому что лежит совсем в другой области.

Именно в «путинские» годы в России заполнила полки магазинов так называемая «попаданческая» фантастика. Где герои, неведомым путем заброшенные в российское прошлое, но сохранившие свои знания и умения, — как военные, так и технические, — начинают «исправлять» отечественную историю, легко и уверенно меняя ее течение в сторону побед, завоеваний и крушения многочисленных врагов.

Жанр «альтернативной истории» — в том числе, пошедшей по альтернативному пути благодаря посланцу из будущего, изменяющему ее ход, — очень популярен в мировой фантастике. Как популярно и желание людей, — хотя бы в мечтах, — «переиграть» события прошлого.

В этом жанре творили авторы не просто известные — знаменитые. И в нем есть произведения совершенно классические: такие, как «И грянул гром» Рэя Бредбери (с каноническим «эффектом бабочки»), как «Патруль времени» Пола Андерсона и «Конец вечности» Айзека Азимова (помните знаменитую аббревиатуру МНВ — «минимально необходимое воздействие?»), «Да не опустится тьма» Лайона Спрэг де Кампа и «Человек в высоком замке» Филипа Дика, как «Да здравствует Трансатлантический тоннель. Ура!» и трилогия «Звезды и полосы» Гарри Гаррисона, и другие.

И даже отдельный «Институт экспериментальной истории» был создан братьями Стругацкими — правда, их «прогрессоры», начиная с Антона-Руматы, вмешивались не в земную, а в инопланетную историю.

А потом Владимир Сержин напишет целый цикл — «Институт экспериментальной истории», где двое неразлучных друзей, нарисованных с искрометным юмором, прогрессорствуют в земной истории, порой меняя ее течение в отдельных точках.

И вот уже, например, в результате их деятельности Наполеон Бонапарт возводит на престол Франции чудом спасшегося дофина Людовика, вождь восставшей Вандеи Жорж Кадудаль становится губернатором Бретани, а потомок Д'Артаньяна (прообразом которого был капитан-лейтенант королевских мушкетеров Шарль де Батц де Кастельмор) становится хранителем большой королевской печати, и утверждает поданные королем и принятые Генеральными Штатами эдикты «О равенстве сословий» и «О свободе вероисповеданий»...

Но российская «попаданческая» фантастика последних двух десятилетий — это другой случай. Это — воспевание и пропаганда реваншизма. И реализация великодержавного комплекса неполноценности, отягощенного тоской о рухнувшей империи. В том числе, советской. Ибо именно империя авторам этих книг (как и их героям) представляется лучшей из возможных форм организации, а демократию, отождествляемую с проклятым Западом (который, конечно, всегда старается нагадить России) они ненавидят всей душой.

* * *

Если речь идет о временах до XX века, то герой этой фантастики или сразу (чтобы проще было) попадает на место царя или великого князя, или начинает с низов — но быстро поднимается по служебной и военной лестнице, используя свои навыки или бывшего майора спецназа, или капитана разведки, или «реконструктора», виртуозно владеющего разными видами оружия, или талантливого инженера.

И недрогнувшей рукой режет ткань отечественной истории, перекраивая ее на новый — победный, — лад.

Что далеко ходить — приведем примеры.

Один из популярных отечественных фантастов — Роман Злотников, — отправляет очередного «попаданца» то на место сына Бориса Годунова, царевича Федора (который, чудесно спасаясь, становится царем, повергая врагов России), то на место генерал-адмирала Алексея Александровича Романова, в реальности — одного из главных виновников Цусимского поражения (после чего начинаются славные победы и небывалые технические достижения).

Читать эти пафосные циклы откровенно скучно — но пипл, как говорится, хавает. Впрочем, Злотников — автор известный (и чутко улавливающий политическую конъюнктуру), а подавляющее большинство других авторов подобной фантастики малоизвестно, но крайне плодovито, выпуская книги целыми сериями.

Вот лишь часть того, что выходило в последние годы.

«Наш современник, завладев телом Петра III, подавляет гвардейский мятеж и вправляет вывих истории. Вместо «Золото-го века Екатерины» Россия вступает в Стальную эру Петра Освободителя, где не будет ни засилья фаворитов, ни разгула крепостничества, ни крестьянской войны. Емельян Пугачев честно служит в армии, братья Орловы присоединяют Аляску, а Потемкин — Приморье, набирает обороты промышленная революция, спущены на воду первые пароходы, перевооруженная Ломоносовым и Кулибиным русская армия рвется в бой. Пришло время возвращать византийское наследие, пора Двуглавному Орлу распахнуть победные крылья над Царьградом, а Православному Кресту — вновь воссиять над Святой Софией!» (Герман Романов, «Петр Освободитель»).

«Наш современник, россиянин Корнелий, послан древними славянскими богами Родом, Перуном, Ярилой, Сварогом и Велесом из нашего времени в далекое прошлое, чтобы воспрепятствовать распаду Киевской Руси. Для выполнения этой сложной задачи боги даруют Корнелию вечную молодость, обеспечивая неограниченными средствами. Оказавшись в 1140 году, Корнелий изо всех сил служит отечеству. Он становится князем, формирует армию, создает разведку и контрразведку, по всей Руси строит дороги и крепости. Но боги никому ничего не дают даром, поэтому главные испытания у Корнелия еще впереди» (Игорь Корнилов, «Империя Русь»).

«Бывший офицер спецназа Андрей Русаков, оказавшийся волею судьбы в XVII веке, при дворе князя Иеремии Вишневецкого, и назначенный его первым советником, взялся за осуществление задуманного плана. Оторвавшись от преследования казаков гетмана Хмельницкого, Андрей начал, наконец, производство новых для этой эпохи видов боевой техники и приступил к обучению личного состава. Тем временем разгорается

пламя войны, начатой Хмельницким. Польский сейм посылает на подавление восстания большое войско, в Москве напряженно думают, как лучше поступить с Хмельницким — поддержать или отказать в помощи, чтобы не портить отношений с Речью Посполитой» (Борис Давыдов «Московит»).

«Вадим Демидов сделал все возможное для победы русской армии над полчищами французского императора. Для этого Вадиму, спортсмену-фехтовальщику и талантливому химику, пришлось внедрить в военное дело позапрошлого столетия различные новшества — от полевых кухонь, до динамита. Но враг еще не сломлен, и складывать оружие пока рано. Вождем мир и брак с прелестной Настенькой Соковой остаются лишь в мечтах. Ведь путь к ним лежит через решающую схватку с последним оплотом армии Наполеона Бонапарта» (Вячеслав Коротин, «Шпага императора»).

«Языческая Русь десятого века. Пылают погребальные костры и кровь заколотых жрецами младенцев льется на каменные алтари древних богов. С дружиной головорезов, сея смерть и разрушение, на Киев идет зловещий конунг Вольдемар. Немногочисленные христиане со дня на день ожидают расправы. Сюда, в этот чужой и страшный мир неведомое Нечто таинственным образом перенесло молодого московского врача по имени Владимир. Ему нужно выжить самому, а заодно спасти девушку Любаву-Сероглазку, которую он встретил и полюбил. Но зачем он здесь? И что ждет его впереди?» (Иван Апраксин, «Подменный князь»).

«Российский круизный лайнер «Некрасов» в районе Карибского моря попадает в природную аномалию и оказывается... в XVII веке. Команда и пассажиры «Некрасова» не успели опомниться, как тут же подверглись жесточайшему обстрелу пиратской эскадры. Настоящие флибустьеры ничем не напоминали героев «Пиратов Карибского моря» — они по-настоящему омерзительны и беспощадны. В результате атаки мало кто из экипажа лайнера остался в живых. Но тем, кто выжил, предстояло изменить ход мировой истории. А главное — истории России...» (Алексей Волков, «Шаги командора»).

«Георгий Князев — бывший офицер ВДВ, ушедший со службы, чтобы найти убийц своей семьи. Отыскав и жестоко покарав

негодяев, он вынужден бежать в далекое прошлое, на Русь незадолго до нашествия Батыя. Назвавшись потомком древней династии базилевсов, Князев с друзьями и соратниками оседает среди лесов и болот, чтобы претворить в жизнь свой план по построению Славного Отечества. И монголы страшно пожалуют, что решили сунуть свой нос в дела «Корпорации «Русь» (Михаил Ланцов, «Корпорация «Русь»).

«Андрей Кижеватов, бывший спецназовец ГРУ, зайдя в странную телефонную будку, перенесся из дождливого вечера в жаркий полдень... Смутного времени. На дворе самое начало XVII века. По дорогам разъезжают татары-крымчаки, готовые зарубить любого русского, который не силах за себя постоять. Андрей понимает, что ему срочно нужно добраться до Москвы, где по слухам умер Борис Годунов, и вот-вот начнутся события, от исхода которых зависит судьба всего Российского государства» (Юрий Корчевский, «Золото мертвых. Смута»).

«Вчерашний беспризорник, из родного XXI века переместившийся в Киевскую Русь, становится могущественным князем. Возмужав в битвах, Иван мудро правит Галичем. Княжество его богатеет, подданные довольны. Но недоволен сам «беспризорный» князь. Далеко не все, что он задумал, удалось. Средневековые диктуют свои правила игры, и воспользовавшись ситуацией, Иван захватывает Волынь. Это вызывает озлобление у его давнего недруга, великого киевского князя Святослава. Лишь невиданное по масштабам нашествие половцев останавливает междоусобицу. Святослав решает забыть вражду и позвать на Ивана помощь. Ведь только Галицко-Волынский князь владеет страшным оружием: огнедышащими змеями-смоками» (Анатолий Дроздов, «Беспризорный князь»).

«Россия конца 19 века. Экономический подъем и развитие промышленности Российской Империи соседствуют с нищетой и безграмотностью подавляющей части её населения... Какие возможности у обыкновенного подпоручика пограничной стражи, из обедневшего княжеского рода, в провинциальном Ченстохове? Честно служить и надеяться, что начальство и царь-батюшка его не позабудут. Так бы и было, но... По воле катализма наш современник оказался в теле молодого выпускника Первого Павловского военного училища. Как выживет он

в мире, который для него чужой? Поплывёт ли по течению или воспользуется шансом — построить свою жизнь заново» (Алексей Кулаков, «На границе тучи ходят хмуры»).

«Мистическая сила грубо вытащила молодого парня из своего времени и забросила в прошлое, чтобы заставить его сражаться за свои интересы. Неподготовленный юноша из XXI века вынужден стать линейным солдатом века XVIII и отправиться в составе Кексгольмского полка Рижской дивизии на войну, в которой вот-вот схлестнутся могущественные империи всей Европы. Какая судьба ему уготована? Изменить будущее? Совершить подвиг? Сможет ли наш герой стать генералом? Тут-то до капральских галунов как до Луны... но дорогу осилит идущий!» (Иван Ланков, «Красные камзолы»).

«Он был инвалидом, который никому не нужен и казалось, что жизнь его подходит к финалу. Но судьба даровала ему второй шанс начать все с начала, и отставной офицер ФСБ Вадим Соколов оказывается в прошлом. Вокруг него двенадцатый век. Он снова молод и силен. Однако куда направиться и кем он должен стать в прошлом своего мира? Можно стать первооткрывателем и воином, купцом и феодалом. Но он выбирает иной путь и становится ведуном, предназначение которого остановить Крестовый поход против славян и разгромить врагов своего народа. С этого начинается новая жизнь отставного офицера и впереди его ждут приключения, война и путешествия с варягами по Венедскому морю» (Василий Сахаров, «Ведун»).

«Лейтенант Российской армии Максим Баранов уже успел и повоевать в «горячих точках», и схлопотать ранение, и осесть «в тылах», где от скуки увлекся военно-исторической реконструкцией. Но на очередном полевом выезде случилось чрезвычайное происшествие — напившись до изумления со своими сотоварищами, лейтенант очнулся в траншее под огнем гаубиц. А рядом оказались русские солдаты в униформе Русской Императорской армии. Они и просветили Баранова, приняв его за контуженого офицера, что состоят в корпусе генерала Самсонова, вокруг Восточная Пруссия, конец августа 1914 года — начало Первой мировой войны. Приняв командование над горсточкой испуганных и растерянных солдат, Максим начинает то, чему его учили в РВДУ имени Маргелова, — рейд по немецким тылам.

Сумеет ли новоявленный поручик Империи воплотить в жизнь свой безумный замысел?» (Михаил Ланцов, «Безумный Макс. Поручик империи»).

«Наш современник проваливается в прошлое, за пару лет до начала Смутного времени. Внешнее сходство с покойным Иваном Грозным играет с ним злую шутку — все принимают его за царевича Дмитрия. Но «чудом спасенный» Дмитрий Иванович не желает вступать в игру за престол. Он готов подружиться с Борисом Годуновым, чтобы совместно отбить польскую интервенцию. Однако судьба распоряжается по-другому — в России начинается боярский мятеж, переросший в «бессмысленный и беспощадный» народный бунт. И чтобы спасти страну от ужасов гражданской войны, Дима решается стать правителем. Лжедмитрий? Да. Но это совсем другой Лжедмитрий» (Михаил Ланцов, «Лжедмитрий. Игра за престол»).

«Сознание офицера спецназа с позывным «Ермак», прошедшего Афган, две чеченских кампании, несколько других конфликтов и заграникомандировок, после смерти переносится в 1888 год. Новое тело принадлежит четырнадцатилетнему сироте — будущему казаку Амурского войска. Теперь Ермаку надо найти своё место в новом мире. Что делать дальше, такой вопрос перед Ермаком не стоит. Он умеет защищать Родину, и не важно, как она называется — Российская Федерация, Советский Союз или Российская империя, но один в поле не воин. У героя есть боевой опыт грядущих времён, послезнание о драматических событиях будущей истории и желание избежать такой судьбы для Родины. А ещё казачата из родной станицы и методика обучения спецназа. Сможет ли он применить свои умения офицера XXI века, чтобы изменить события нового для себя мира? Делай что должно, и будь что будет. Время покажет» (Игорь Валериев, «Ермак»).

«Умудренный годами мужчина из двадцать первого века и малоопытный, всеми обманутый юный император Петр Второй. Что может быть между ними общего? Ничего. Если только не эта встреча посреди бескрайней, заснеженной пустоши, где время застыло вечностью. Встреча, спаявшая их в одно целое. Теперь у них все общее: и жизнь, и судьба, и долг. И трудов им предстоит ой как немало, потому что проблем в Российской империи более

чем достаточно. И пусть они только в начале пути, главное — сделать первый шаг, потому что любая долгая дорога начинается именно с него» (Константин Калбазов, «Бульдог»).

«Великий князь Константин Николаевич не «продавливать» продажу Аляски САСШ, а напротив, старается прирастить Российскую империю Америкой» (Алексей Осадчий. «Константинополь-Тихоокеанский»). Ну, а у Алекса Куна петровский флот оснащается... броненосцами (в реальности появившимися на полтора века позднее), уверенно побивая шведов и прочих недругов. Странно, что только броненосцами, а не крылатыми ракетами.

* * *

Впрочем, есть и другая часть российской «попаданческой» фантастики — герои которой, как правило, стремятся «переиграть» либо времена Великой Отечественной или предвоенные, или «спасти СССР» (исчезновение которого мучает их непреходящими фантомными болями). Для решения первой задачи герою нередко удается пробиться к самому Сталину (как правило, перевозимому авторами подобных книг), после чего начинаются военно-технические чудеса.

В этом жанре творит и упомянутый Роман Злотников, в цикле «Дорога к вождю», где «благодаря путешественнику во времени удалось сорвать немецко-фашистский блицкриг 1941 года», и многие другие.

Прекрасно улавливающие «верховым чутьем», куда дует ветер конъюнктуры. Как, например, Алексей Махров с книгой «Это теперь моя война»:

«Вступившись за старика, ограбленного отморозками-гастарбайтерами, наш современник, немолодой инженер-строитель, получает удар в затылок и теряет сознание — чтобы очнуться в июне 1941 года, в горящем разбомбленном эшелоне, под огнем авиационных пушек фашистских стервятников, в теле своего 16-летнего деда. Как ему выжить на Западной Украине, встречавшей гитлеровцев хлебом-солью, и спасти попавшие в окружение семьи комсостава? Поможет ли боевой опыт Приднестровья и Югославии, где он сражался добровольцем, в партизанской войне против немцев и украинских нацистов? Удастся

ли «попаданцу» изменить ход истории и предотвратить разгром мехкорпусов Красной Армии в величайшем танковом сражении под Дубно?». Как политически верно вставлены «украинские нацисты», и предательская Западная Украина, не правда ли?

Преклонение перед «вождем» доходит порой до небывалых высот. Вот, например:

«Такой книги еще не было! Самый неожиданный поворот вечного сюжета о «попаданце». После смерти в нашей реальности, И.В. Сталин возрождается в параллельном мире Меча и Магии. Общенародная Держава против аристократической Империи! Красная Армия против боевых драконов-людоедов! Сможет ли Красный Властелин в белом кителе с одинокой Золотой Звездой превратить магическую войну в Отечественную и вновь привести народ к Великой Победе?» (Сергей Шкенов, «Красный властелин»).

Что касается «спасения СССР», то вот один из ярких примеров последних лет:

«Писатель-фантаст Михаил Карпов, бывший снайпер ОМОНа, в 2018 году попадает в страшную автокатастрофу, теряет сознание и чудесным образом приходит в себя в 1970-м. Это год его рождения. Карпов бродит по родному Саратову, любит чистую полноводную Волгой, лакомится настоящим мороженым, вспоминая детство, и пытается понять, чего хочет от него Провидение. Он считает, что в прошлое его забросили высшие силы... но с какой целью? Неужели его миссия в том, чтобы сохранить от развала Советский Союз? После некоторых сомнений и колебаний Михаил решает: да, он посвятит свою жизнь спасению СССР. Да и писателем-фантастом в Стране Советов быть гораздо выгоднее (Евгений Щепетнов, «1970»)...

* * *

В одном из самых знаменитых произведений братьев Стругацких — «Полдень. XXII век», — есть заключительная глава «Какими вы будете».

В ней Леонид Горбовский — звездолетчик, десантник, открыватель цивилизаций, который «из всех возможных решений выбирал самое доброе», — рассказывает о встрече в Космосе

с человеком, который помогает экипажу в безнадежной ситуации после аварии. А потом объясняет, кто он такой:

«Я, — говорит, — ваш отдаленный потомок. Мы, потомки, очень иногда любим навестить вас, предков. Поглядеть, как идут дела, и показать вам, какими вы будете. Предков всегда интересует, какими они будут, а потомков — как они стали такими. Правда, я вам прямо скажу — такие экскурсии у нас не поощряются. С вами, предками, нужен глаз да глаз. Можно такого натворить, что вся история встанет вверх ногами. А удержаться от вмешательства в ваши дела иногда очень трудно. Так вмешаться, как я, например, сейчас вмешался, — это еще можно. Или вот один мой друг. Попал в битву под Курском и принялся там отражать танковую атаку. Сам погиб и дров наломал — придумать страшно. Правда, атаку он не один отражал, так что все прошло незаметно. А вот другой мой товарищ — тот все порывался истребить войско Чингиза. Еле удержали. Вот, собственно, и все. А теперь я пойду, обо мне наверняка уже беспокоятся». И тут я завопил: «Постойте, один вопрос! Значит, вы теперь уже все можете?» Он с этакой снисходительной ласкою поглядел на меня и говорит: «Что вы, Леонид Андреевич! Кое-что мы, конечно, можем, но в общем-то работы еще на миллионы веков хватит. Вот, — говорит, — давеча тушили тушили одну паршивенькую галактику, да так и отступились. Слабоваты пока. А вы, — говорит, — товарищи, на правильном пути. Вы нам нравитесь. Мы, — говорит, — в вас верим. Вы только помните: если вы будете такими, какими собираетесь быть, то и мы станем такими, какие мы есть. И какими вы, следовательно, будете»...

Бесконечно далеко — как по уровню литературного мастерства, так и по уровню этики, — до Стругацких и их героев всем перечисленным выше авторам и героям реваншистской фантастики путинской эпохи.

В отличие от героев Стругацких, они лишены рефлексий, сомнений и жалости (помните, как Румата отвечает доктору Будаху: «сердце мое полно жалости, я не могу этого сделать»?).

Им неведома проблема выбора, в том числе морального — главная в творчестве АБС (а что такое «эффект бабочки», они вообще не подозревают).

Зато они крайне озабочены величиим страны, которая всегда и во всем права, никогда не признает ошибок, и всегда живет в режиме «осажденной крепости», страдая от происков Запада.

И стремятся (что в принципе не свойственно героям Стругацких) всех победить, разгромить и уничтожить, полагая, что правда — исключительно в силе.

Читатель, на которого рассчитаны эти книги (а на полках магазинов их немало), постепенно проникается простой мыслью: если историю так просто «переиграть» на бумаге — почему бы не сделать это в реальности, посчитавшись за былые, реальные или мнимые обиды? Сыграть с историей «матч-реванш»?

Тем временем реваншистское подкрепление подоспело и с другой стороны: уже с 1 сентября старшекласников будут учить по новому единому учебнику, авторы которого — бывший министр культуры, а ныне помощник президента Владимир Мединский и ректор МГИМО Анатолий Торкунов.

В учебнике, как говорят авторы, переписаны не только разделы о постсоветских годах (с добавлением отдельного раздела о временах 2014–2023 года, включая СВО, которая названа оборонительной войной против США и НАТО), но и разделы о советских временах — 70-х и 80-х годах прошлого века.

Постсоветское время описано так: «Идеей фикс Запада стала дестабилизация положения внутри России. Конечная цель не особо скрывается: это расчленение России и контроль над ее ресурсами».

Трудно всерьез спорить с человеком, полагающим (как Мединский), что у россиян имеется лишняя хромосома.

Но все же стоит напомнить, что войну, которую российская власть в свое время развязала против Чечни, требовавшей независимости, Запад всячески поддерживал.

И всячески помогал России — и деньгами, и продовольствием, и технологиями — именно в те времена, когда, согласно нынешней мифологии, она была «слабой» как политически, так и экономически. А вовсе не пытался ее «расчленить» и «контролировать ресурсы» (которые Запад охотно покупал все последние годы).

Украина, в свою очередь, в учебнике объявлена «ультранационалистическим государством», где «любое инакомыслие жестко преследуется, а оппозиция запрещена».

О том, как преследуется (вплоть до многолетних тюремных сроков) инакомыслие и оппозиция в России, Мединский, естественно, не упоминает. Но ведь ученики могут и сами вспомнить.

Конечно, крайне интересен вопрос: как же Мединский (родившийся в 1970 году) и Торкунов (который уж точно специалист не по отечественной истории — кандидатскую защищал по Южной Корее, а потом работал на кафедре истории и культуры стран Азии и Африки) собираются переосмысливать 70-е и 80-е годы? Объявлять брежневский застой достижением, а разрядку и перестройку — ошибкой?

Авторы между тем анонсируют и дальнейшее переписывание учебников — уже для более младших классов, где проходят историю России более ранних лет.

Можно уверенно прогнозировать (учитывая нынешний тренд), что российская история будет предельно отлакированной. В ней не будет ни захватнических войн, ни геноцида, преследований по религиозному и национальному признакам, ни угнетения колоний. Будет исключительно мирное расширение до Тихого океана.

Заметим, что прежние учебники — написанные в том самом СССР, распад которого президент Путин считает «величайшей геополитической катастрофой», — совсем иначе рассказывали о Российской империи: как о «тюрьме народов». И воспитывали, мягко говоря, недобрые чувства к царской власти и слившемуся с ней в «симфонии» духовенству.

Теперь будут приучать к другой концепции. В которой Океания всегда воевала с Остзией. А кто не согласится, может и срок получить.

Оптимизма добавляет только одно: когда сменится эпоха, обязательно будут и другие учебники. Как это не раз уже бывало.

А труды Мединского будут лишь иллюстрацией к книге Оруэлла: «Историю, как старый пергамент, выскабливали начисто и писали заново — столько раз, сколько нужно».

ДА ХОТЬ ГОЛОС СОРВИТЕ...

ЗА ПОСЛЕДНИЕ НЕСКОЛЬКО ЛЕТ ГОСДУМА МЕНЯЛА
ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ ЗАКОН 9 РАЗ. И ВОТ ЧТО ПОЛУЧИЛОСЬ

14 АВГУСТА 2023

Предстоящие в сентябре в стране региональные и муниципальные выборы охватят 85 из 89 регионов России. В двадцати одном будут выбирать губернаторов, в двадцати — региональные парламенты, в остальных пройдут муниципальные выборы.

Все эти выборы состоятся в условиях очередного масштабного изменения избирательного законодательства: Госдума, захватившая на Охотный Ряд после выборов осени 2021 года, меняла правила выборов девять раз.

Изменения коснулись практически всех этапов избирательного процесса.

И не сказать, чтобы в лучшую сторону.

Ограничения избирательного права

Для начала от любого участия в избирательном процессе решительно отстраняются «иностранные агенты».

Те, кого Министерство юстиции включит в свой «реестр», без всякого суда поражаются во многих избирательных правах. Они могут выдвигаться и избираться (указывая во всех предвыборных материалах свой «иноагентский» статус), но они не вправе «осуществлять деятельность, способствующую либо препятствующую выдвижению кандидатов, спискам кандидатов, избранию зарегистрированных кандидатов, достижению определенного результата на выборах, а также в иных формах участвовать в избирательных кампаниях». Кроме того, они не могут быть членами избирательных комиссий любого уровня и не могут вносить пожертвования в избирательные фонды кандидатов и партий.

Для примера: если «иноагенты» являются членами соответствующей партии, то не могут быть делегатами съездов или конференций, которые выдвигают списки и кандидатов, не могут участвовать в предвыборной агитации, не могут публично

обсуждать проведение избирательной кампании, не могут оказывать помощь и поддержку кандидатам и партиям, и так далее и тому подобное.

С учетом того, как легко и, по сути, произвольно Минюст включает граждан в «иноагентские» списки, возможности для отстранения «неудобных» от участия в избирательной кампании открываются почти безграничные.

И еще о возможности участия в кампании: раньше избираться не могли «осужденные за преступления экстремистской направленности», имеющие неснятую и непогашенную судимость. Теперь они не смогут избираться еще в течение пяти лет после погашения или снятия судимости.

Избирательные участки

Меняются принципы образования избирательных участков: раньше численность избирателей, зарегистрированных на участке, не должна была превышать 3 тысячи человек, теперь в городах федерального значения и административных центрах субъектов Федерации это ограничение (по согласованию с региональным избиркомом и ЦИК) снимается, при этом «верхняя планка» численности вообще не установлена.

На практике это, конечно, может привести к усложнению наблюдения за выборами — при большем числе избирателей на участке это становится труднее, между тем именно в городах федерального значения и региональных «столицах» наблюдатели, как правило, более активны.

Правда, число наблюдателей на участке (и это касается не только крупных городов), которых может назначить партия или кандидат, увеличивается с двух до трех, что может частично компенсировать «укрупнение» участков.

Более серьезное новшество, которое касается избирательных участков — возможность их образования (по решению регионального избиркома) «за пределами территории субъекта Российской Федерации, где такие избиратели обладают активным избирательным правом».

Особенности образования таких участков, составление списков избирателей и протоколов об итогах голосования будет устанавливать ЦИК.

С одной стороны, эти «экстерриториальные участки» вводят, чтобы приписать к ним беженцев, уехавших из «новых регионов» во время боевых действий, но формально зарегистрированных по прежним адресам.

А с другой стороны, как уже заявила глава ЦИК Элла Памфилова, на «экстерриториальных участках» в сентябре в «новых регионах» смогут голосовать военные, находящиеся в зоне боевых действий (но голосовать они будут на выборах в тех регионах, где проживают).

Как все это будет сделано технически — большой вопрос, но ясно, что на всех этих «экстерриториальных участках» трудно будет всерьез говорить о каком-либо контроле или наблюдении. Что резко увеличивает простор для фальсификаций.

Избиратели

Новации ждут нас и при составлении списков избирателей.

Теперь паспортные данные избирателей могут быть сразу напечатаны в соответствующих списках вместе с фамилиями, именами и отчествами (сейчас они вписываются в ручную членом комиссии, выдающим избирательный бюллетень).

Казалось бы, хорошо — экономия времени. Но на самом деле это существенно облегчает фальсификации: куда проще проголосовать за другого человека (например, в рамках так называемой «карусели»), не надо искать его паспортные данные и вносить их в списки. То же самое касается и голосования на дому, которое все чаще служит удобным инструментом для фальсификаций.

Избирательные комиссии

Иначе, чем сейчас, будут работать избирательные комиссии.

Главное изменение — больше не будет членов участковых, окружных и территориальных избирательных комиссий с правом совещательного голоса, они останутся только в ЦИК и региональных избиркомах.

Это резко сокращает возможности контроля за выборами со стороны политической оппозиции, главным образом — на избирательных участках во время голосования и подсчета.

Теоретически оппозиционные партии могут предложить своих кандидатов для назначения членами комиссий (в том числе участковых) с правом решающего голоса. А практически, как рассказывала «Новая газета», делается все, чтобы не назначить представителей оппозиции в участковые комиссии (так, в Петербурге есть целые районы, где в июне в участковые комиссии не был назначен ни один кандидат, направленный «Яблоком», имеющим фракцию в Законодательном собрании и преимущественное право на включение в состав комиссий).

Что касается членов комиссий с правом совещательного голоса, то ранее их назначению власти не могли воспрепятствовать — любая партия, выдвинувшая зарегистрированных кандидатов или списки, и любой зарегистрированный кандидат имели право назначить «своего» члена комиссии с правом совещательного голоса.

Этого члена комиссии нельзя удалить с избирательного участка, который имеет право доступа ко всем документам избирательной комиссии и может присутствовать при подсчете голосов (он не вправе выдавать бюллетени, не может участвовать в подсчете голосов и не имеет права голоса при принятии комиссией решений).

Практика выборов, на которых предпринимались попытки фальсификаций, показывает, что члены комиссий с правом совещательного голоса от оппозиции — кость в горле у фальсификаторов, очень часто они реально препятствовали нарушениям.

И вот от ненужных свидетелей электоральных преступлений решили избавиться самым простым путем — ликвидировать этот статус.

Когда в Госдуме принимали соответствующие поправки, их авторы уверяли, что отмена членов комиссий с правом совещательного голоса компенсируется правом назначения третьего наблюдателя — но это никакая не «компенсация», потому что полномочия наблюдателя значительно меньше, чем у члена комиссии с совещательным голосом, и его можно в любой момент удалить с участка, придравшись к тому, что он якобы во что-то «вмешивается».

Если говорить о регистрации кандидатов, то здесь нас ждет, пожалуй, единственное положительное изменение законодательства, которое я бы не постеснялся назвать «поправкой имени Вишневого», памятуя опыт выборов 2021 года, где против меня были выставлены еще два «Бориса Вишневских», перед выборами сменивших имена и фамилии, а также и внешность для плаката на избирательном участке.

Теперь в законе для борьбы с такими «двойниками» написано, что если кандидат менял фамилию, или имя, или отчество в период избирательной кампании либо в течение года до дня официального опубликования (публикации) решения о назначении выборов, в избирательном бюллетене также указываются его прежние фамилия, или имя, или отчество. Что, конечно, снижает влияние искусственных «двойников».

Электронное голосование

Но зато на этих выборах нам подарено «дистанционное электронное голосование» (ДЭГ). Решение о том, проводить его или нет, в каждом регионе принимает соответствующий избирком по согласованию с ЦИК.

ДЭГ — как не раз демонстрировалось — позволяет «странным» образом изменить результаты выборов на противоположные реальной воле избирателей.

Именно таким путем лишили победы «яблочника» Сергея Митрохина на думских выборах 2021 года, когда вчистую выиграв голосование бюллетенями, он проиграл провластному кандидату при добавлении результатов «электронного».

ДЭГ, как утверждают почти все не зависящие от власти эксперты и как рассказывала в январе 2022 года «Новая газета», не обеспечивает тайны голосования, не дает никаких гарантий того, что все его участники существуют в реальности (а не являются «ботами», сгенерированными теми, кто имеет доступ к системе), не допускает общественного контроля за ходом и подведением итогов голосования и не дает оснований верить, что система не подвержена внешнему воздействию в целях изменения результатов голосования на нужные властям.

«Схватить за руку» при воровстве голосов или их «вбрасывании» практически невозможно: при использовании ДЭГ ничего нельзя ни проверить, ни пересчитать.

Более того: физически нечего «пересчитывать» — потому что в законе специально прописано, что невозможно установить связь между персональными данными избирателя и результатом волеизъявления.

И даже сам избиратель не сможет потом проверить, как «электронно» зачтен его голос — никаких доказательств у него не остается.

Общественный контроль

Но даже если ДЭГ и не используется, в нынешней редакции избирательного законодательства резко сокращаются возможности для общественного контроля при голосовании и подсчете.

Во-первых, это связано с упомянутой отменой членов участковых, окружных и территориальных избирательных комиссий с правом совещательного голоса.

Во-вторых, если раньше при подсчете голосов могли присутствовать любые представители СМИ (и нередко они помогали зафиксировать нарушения и предавать их огласке), то теперь присутствовать смогут только те, кто работает в СМИ по трудовому договору, то есть состоят в штате редакции. А «нештатники», в том числе — работающие по гражданско-правовому договору или на иных основаниях, от наблюдения за подсчетом будут отстранены. При этом «нештатников» в СМИ (особенно в независимых, не имеющих возможность держать большой штат) сегодня большинство, и вполне понятно, к чему приведет такое ограничение: свидетелей фальсификаций станет еще меньше.

Но этим авторы изменений избирательного законодательства не ограничиваются: теперь устанавливается, что полномочия доверенных лиц кандидатов прекращаются «одновременно с прекращением агитационного периода».

А поскольку агитационный период заканчивается «в ноль часов по местному времени дня, предшествующего дню голосования», это означает, что доверенные лица кандидатов не

смогут присутствовать при подсчете голосов и получать протоколы об итогах голосования. И «ненужных свидетелей» станет еще меньше...

Военное положение

Наконец, последний блок изменений касается выборов в «новых регионах», где введено военное положение.

Раньше — и это выглядит вполне логичным — ни о каких выборах в условиях военного положения и речи быть не могло, и это было прямо записано в законе. Действительно, какие выборы и какая избирательная кампания, когда официально запрещены митинги, пикеты и другие публичные акции, ограничена свобода передвижения и введена военная цензура? Не говоря уже о том, что на части «новых регионов» идут боевые действия?

Но поставлена политическая задача — во что бы то ни стало легализовать власть в «новых регионах».

И во имя решения этой задачи разрешено — с согласия ЦИК, Минобороны и ФСБ — провести там выборы. С отклонением от общих норм избирательного законодательства — в частности, голосовать можно по предъявлению не только паспорта, а практически любой бумажки, ранее выданной властями «новых регионов».

Понятно, что трудно говорить в таких условиях о реальных, «прозрачных» и честных выборах и об общественном контроле за ними, но этим никто и не заморачивается: нужный результат будет оформлен и записан в протоколы, а кто недоволен — пожалуйста, в суды тех же «новых регионов». С заранее известным результатом...

Да, не в первый раз правила выборов подгоняют под желаемый властям результат. Но давно уже это не делали так откровенно.

Возникает закономерный вопрос: есть ли смысл — как для граждан, так и для политиков (это не относится к пяти «партиям Путина в разных костюмах», сидящим в Госдуме, и почти неотличимым друг от друга) — участвовать в таких выборах?

Конечно, каждый сам для себя отвечает на этот вопрос.

Но нельзя сегодня не заметить, с каким сильнейшим раздражением власти в разных регионах реагируют, например, на избирательную кампанию кандидатов от «Яблока», идущих под одним и тем же лозунгом «За мир и свободу!» и представляющих альтернативу политике властей.

Между тем эту позицию — даже по самым лояльным соопросам — поддерживает немалое число граждан. И в этом власть видит для себя реальную опасность.

И вот в Екатеринбурге кандидату от «Яблока», 21-летней Елизавете Казанцевой открыто угрожают насилием, при помощи ножей и болторезов уничтожают партийные плакаты и баннеры. А в Великом Новгороде власти отказываются согласовывать пикеты «Яблока», изымают газету «Я за мир!» и демонтируют рекламные стенды у подъездов, чтобы не допустить расклейки «яблочных» плакатов.

Это значит, что власть отчаянно стремится не допустить на выборах представления альтернативы ее политике. Как посмели, если с самого «верха» уверяют, что общество сплотилось воедино и все партии поддерживают СВО? Значит, ничто не должно нарушать эту стройную картину...

На этих выборах альтернатива тем не менее есть.

И выборы пока остаются единственным безопасным способом для граждан поддержать эту альтернативу и заявить о несогласии с происходящим.

ПЕТР ПЕРВЫЙ — ВРАГ НАРОДА

СТУДЕНТАМ ГУМАНИТАРНЫХ ВУЗОВ
ПРЕДЛАГАЮТ КСЕНОФОБСКИЙ УЧЕБНИК,
ВОСПЕВАЮЩИЙ АБСОЛЮТНОЕ САМОДЕРЖАВИЕ,
АГРЕССИВНОЕ ПРАВОСЛАВИЕ И ИМПЕРСКИЕ ВОЙНЫ

28 АВГУСТА 2023

Коллектив авторов из Государственного академического университета гуманитарных наук под руководством Сергея Перевезенцева, доктора исторических наук, «консервативного публициста», члена руководства «Всемирного русского народного собора» и специалиста по «православному пониманию истории», выпустил учебник для социогуманитарных вузов «Основы российской государственности».

В нем чутко уловлена нынешняя политическая линия, вместе с которой и колеблется необходимая, по мнению авторов, «государственная интерпретация истории», чья задача — «обосновать величие страны и народа».

Нынешняя Россия объявляется «исторической и духовной наследницей всех предшествующих государств, существовавших на территории нашей страны: Русской земли, Российского государства, Российского царства, Российской империи, СССР» (кстати, с правами на имущество предков).

Как сказано, «по сравнению с западноевропейскими или азиатскими странами на протяжении всей своей истории Россия представляла и продолжает представлять отдельную цивилизацию». Имея «мессианское предназначение»: преобразовать мир и тем самым спасти человечество.

Начиная повествование, авторы с сожалением констатируют, что после распада СССР в России установилась ситуация «исторического плюрализма»: при отсутствии официальной позиции сосуществовали и дискутировали между собой «различные интерпретации отечественной и мировой истории».

Этот, по мнению неких неназванных политических сил и общественных движений, «исторический плюрализм» обернулся

«настоящей «исторической вакханалией», и возникла опасность разрушения единого исторического сознания народа, а значит, опасность существования народа и государства».

А потому остается открытым вопрос о разработке «новой официальной интерпретации истории России, которая послужила бы дальнейшему существованию и развитию единого исторического сознания народа».

Ибо, как уверяют в учебнике, «современному российскому обществу, чтобы жить дальше, защищать и расширять свое место под солнцем в той жесточайшей конкуренции, которая господствует в мировом сообществе, нужна героическая, духоподъемная, укрепляющая народное сознание интерпретация истории».

Эту «героическую» студентам тут же и предлагают.

Заявляется, что «Российское государство во все времена обеспечивало развитие не только русскому народу, но всем народам, жившим в пределах русских границ».

И что «в течение многих веков русский народ нес на своих плечах основную тяжесть государственного строительства, созидания экономического и культурного богатства страны», но при этом «никогда за всю многовековую историю российской государственности не пользовался никакими привилегиями — ни экономическими, ни законодательными, ни социальными, ни политическими». Напротив, «именно русские во все времена использовались правителями России как основной материальный и человеческий ресурс для исполнения разнообразных государственных задач».

При этом «присущие русским черты национального характера — жертвенность, открытость, трудолюбие, терпимость и стойкость в борьбе с невзгодами — стали важным условием того, что русские сумели сплотить вокруг себя многие другие народы, жить с ними в дружбе и добрососедстве».

В результате чего «совместными усилиями народы России, объединившись вокруг русского народа, создали уникальное цивилизационное образование — российскую цивилизацию».

Остается, конечно, вопрос по существу — а как, собственно, эти сплотившиеся впоследствии народы попали в «пределы русских границ»?

Тут авторы предельно деликатны: оказывается, «постепенный территориальный рост Российского государства в XIV–XIX вв. привел к тому, что в составе российского населения оказалось множество различных народов». Начиная с финно-угорских: мол, «подданными русского государя постепенно стали в XIV–XV вв. — коми-зыряне и коми-пермяки, в XV–XVI вв. — мордва, марийцы, удмурты, чуваша, башкиры, а также ханты и манси, проживавшие в Западной Сибири». А в XVII веке, «по мере продвижения русских первопроходцев все дальше на восток, под высокую руку русского царя перешли калмыки, а также коренные жители Сибири». Далее, в XVIII веке, «в состав российского населения вошли чукчи, казахи и другие народы».

Да, вынуждены признать авторы учебника, не все народы соглашались мирно подчиниться русской власти». А почему, собственно, они должны были соглашаться?

Так, «почти сорок лет, с 1552 по 1585 г., сопротивлялись российским властям поволжские марийцы, чуваша и удмурты, отказываясь принимать православие и платить государственные подати».

Опять же, а с какой стати они должны были принимать православие?

Несколько раз, констатируют авторы, «поднимали мятежи против законных властей башкиры и казахи» (как трогательно звучит — «против законных властей»).

И далее: «два крупных мятежа, обернувшихся настоящими военными действиями, произошли в Польше: в 1830–1831 гг. и в 1863–1864 гг. Только в ходе нескольких значительных военных операций в 1865–1885 гг. удалось включить в состав Российской империи среднеазиатские территории. Самой длительной стала Кавказская война 1817–1864 гг., по результатам которой в числе подданных русского государя оказались народы Северного Кавказа»...

Вообще говоря, это называется завоеваниями и экспансией. С которой, конечно, не всегда соглашались завоеванные.

Ничего необычного в этом нет: все империи начиная с Римской, расширяясь, вели себя одинаково. Но вместо того, чтобы констатировать этот простой факт, в учебнике плетут словесные

кружева о «постепенном территориальном росте» (не уточняя, каким путем) и «переходе под высокую руку русского царя».

Более того, заявляется, что «присоединение к России чаще всего оказывалось спасительным». Мол, «установление твердой власти на Северном Кавказе привело к прекращению войн и вражды между народами, населяющими этот регион», а в Средней Азии «русские власти освободили рабов, остановили разорительные междоусобные войны среднеазиатских правителей и их взаимные грабительские набеги и ограничили произвол местной знати».

Вообще говоря, примерно так же могли бы написать в своем учебнике монгольские историки — о том, как был ограничен «произвол местной знати» на территории Руси в период татаро-монгольского ига, когда там установилась «твердая власть» и надо было брать у хана ярлыки на княжение.

Подобное воспевание завоевательных войн, которые вели российские властители, и уверения в том, что для покоряемых народов эти завоевания были исключительно полезны (правда, некоторые не хотели понимать своего счастья), — пример, когда в прошлом черпают идеологическое обоснование для настоящего.

Аналогичное объяснение мы видим, когда авторы переходят к советским временам. Упрекая большевиков, которые при создании СССР «совершенно произвольно устанавливали границы союзных и автономных республик».

Угадайте с трех раз, какой пример они приводят первым?

Ну конечно, пример Украинской ССР, когда «не обратили внимания на нужды и требования основной части населения СССР — русского народа».

А ведь и Харьков, и Екатеринослав-Днепропетровск, и Луганск, и Юзовка-Донецк, и Мариуполь, и Мелитополь, и Херсон, Николаев и Одесса «всегда считались частью России и никогда не были частью Малороссии-Украины» — пишут официальные историки.

Ровно эти же реваншистские утверждения девятый год несутся как из Кремля (обосновывая политику на «украинском направлении»), так и из эфиров пропагандистских телеканалов.

Частью какой России были эти территории? Если частью Российской империи, то да, были, но нынешняя Россия ей не тождественна, как бы того ни хотелось пропагандистам. И никакой отдельной «России» в империи не было, она делилась на губернии, а не на «Россию», «Украину» и так далее.

Что касается других территорий, то студентам предлагается усвоить, что «очень часто в национальные республики запросто передавались исконные русские земли или же произвольно проводились границы, разделяющие один и тот же народ (например, Южную Осетию передали в состав Грузинской ССР, а Северная Осетия осталась в составе РСФСР)».

Мало того что авторы плохо знают историю, так им неведома еще и география. Иначе они бы знали, что вопрос с Южной и Северной Осетией был так решен не потому, что злые большевики хотели разделить народы, а потому (мне это хорошо известно по временам горных путешествий), что Рокский перевал, соединяющий две Осетии, непроходим большую часть года, и снабжение Южной Осетии всем необходимым, как и любое сообщение, было возможно только из Грузии.

Далее в учебнике сообщается, что «в конце 1980-х — 1990-е гг. этот большевистский волюнтаризм стал одной из главных причин многих кровавых событий на территории бывшего СССР, а на Украине последствия большевистского волюнтаризма проявились в наши дни».

В этой ситуации, уверяют авторы учебника, «ряд российских исследователей заговорили об опасности распада Российской Федерации по модели СССР», причем «западные политики активно поддерживали этот процесс, а западные фонды под лозунгом защиты демократии вкладывали в эту поддержку серьезные финансовые ресурсы», в итоге «так называемый парад суверенитетов, ставший одной из причин распада СССР, с 1992 г. все больше распространялся и по России».

Никаких доказательств, что «западные политики поддерживали распад Российской Федерации», не приводится. Как и доказательств того, что в эту поддержку вкладывались деньги «западных фондов». Тут предлагается поверить на слово...

Закончив с территориально-историческими вопросами, авторы переходят к идеологическим.

И в первую очередь обрушиваются на либеральную идеологию, которая «за последние тридцать лет со всей очевидностью показала свою тоталитарную сущность, стремление направить все народы мира, а то и заставить их развиваться по одним и тем же правилам, установленным самой либеральной идеологией».

Мол, «по убеждению современных либеральных идеологов, все национальное, религиозное, культурное разнообразие мира должно исчезнуть».

Никаких доказательств столь сильного утверждения не приводится — опять же, студентам предлагается поверить высокоученым авторам на слово.

Между тем им предлагается поверить в заведомо ложные утверждения.

И потому, что не существует никаких «либеральных идеологов», заявляющих процитированное (видимо, поэтому авторы не могут назвать их имена), и потому, что тоталитаризм, отрицающий и подавляющий свободу личности в угоду «государственным интересам» и предусматривающий контроль государства за всеми сторонами общественной и частной жизни, есть абсолютная противоположность либерализму, провозглашающему приоритет прав и свобод человека.

Однако авторы учебника считают противоположностью либерализму не тоталитаризм, а консерватизм, и предлагают термин «русское хранительство». Предполагающий приоритет государства над обществом, а общества — над личностью, признающий традиции «важнейшим источником формального права», а традиционные религии — «духовным фундаментом общества».

И констатируют, что к XVI веку в России «была разработана политическая идеология и на этой основе построена своеобразная система политического устройства, отвечавшая историческим вызовам и вошедшая в историю под названием «самодержавие». Которое без особых изменений существовало до 1917 года, а многие его черты угадываются и в последующем политическом устройстве страны».

Вот тут хочется согласиться с авторами полностью — потому что черты самодержавия «легко угадываются в политическом устройстве страны» и сегодня.

Но именно эту модель авторы считают наиболее подходящей и всячески восхваляют — заявляя, что «огромная роль государства в организации жизнедеятельности людей на протяжении многих веков обусловила формирование особых черт политической культуры в нашей стране», и в том числе — «ориентации на единоначалие». И что только благодаря самодержавному правлению «Россия за XV–XIX вв. неимоверно расширила свои границы, став одним из самых крупнейших государств мира», и «несмотря на неоднократные попытки завоевания со стороны многообразных недругов, Российское государство сохранило свою независимость, более того, предоставило возможность свободного развития различным народам, пришедшим под руку русского царя».

Правда, в предшествующих учебниках Российская империя именовалась «тюрьмой народов», а вовсе не пространством для их свободного развития. Но позволю себе утверждение, что и этот учебник — не последний...

Помимо либерализма весьма критически в учебнике оценивается и институт демократии. Причины такого критицизма — в «фанатичной убежденности западных интеллектуалов и политических деятелей в абсолютном преимуществе либерально-демократического устройства общества и господствующей теоретической модели демократии, которая не учитывает множество особенностей и нюансов исторического, политического, социального, экономического, культурного и даже природно-географического бытия других народов». И якобы «протест во всем мире вызывает настойчивое стремление ведущих западных государств использовать идею демократии как средство насильственного уничтожения традиционных социально-политических устоев иных народов и цивилизаций с целью установления собственной политической, экономической и культурной гегемонии».

Вообще-то демократия — вещь универсальная. И она никак не привязана к «особенностям и нюансам».

Авторам, воспевающим самодержавие, демократия, конечно, не мила — но совсем отрицать ее не получается (тем паче даже в Конституции Россия именуется демократическим государством).

Поэтому пусть она будет — но с «особенностями». Когда власть вроде как и выбирается — но поскольку она «от бога», то остается несменяемой.

Тем не менее, уверяют авторы, «политическому сознанию русского народа с древности были присущи идеи народовластия». Вот только Петр Первый подкачал: «в ходе так называемой европеизации — в процессе введения новой структуры государственного управления, созданной по европейскому образцу, — превратил вполне естественное для русских политических традиций «самодержавие» в «европейскую абсолютную монархию», что привело «к исчезновению традиционных, насчитывающих не одну сотню лет институтов народного самоуправления».

Но потом положение постепенно стало исправляться. И хочется прослезиться, читая, что «дворянские собрания, бывшие изначально органами сословного самоуправления, стали школой народовластия для высшего образованного сословия», так как «избранные на свободных выборах предводители дворянства имели высокую и благородную обязанность действовать в интересах всей губернии, уравнивали власть назначенного губернатора, неизбежно замечали нужды простого народа и имели все инструменты к улучшению его жизни».

А затем, «в середине XIX в., в годы правления императора Николая Первого», с придыханием пишут авторы, «в русскую мысль вновь возвращается идея национального призвания государя и государства, врученного ему Богом».

Ибо «свой императорский долг Николай воспринимал как служение Богу, России и российскому народу» и впервые за сто с лишним лет вновь «сознательно принял на себя миссию русского православного царя». И своих подданных государь «также направлял к исполнению сознательного служения Богу, царю и Отечеству», подведя черту под «оголтелым преклонением перед всем западным, нерусским, вошедшим в моду при Петре Первом».

Не менее комплиментарно, чем о Николае Первом, авторы отзываются о графе Сергее Уварове, который «всего в трех словах сформулировал «охранительные начала» Российской империи, «залог силы и величия Отечества».

Так, пишут авторы учебника, «родилась одна из самых знаменитых в истории России формул, выражающая идеальные принципы устройства традиционной России:

«Православие. Самодержавие. Народность». И в этой формуле «обозначено триединство веры, власти и народа, но это еще и краеугольный принцип, на основе которого предполагалось строить всю российскую жизнь».

Принцип, который «восстановил духовную связь России с собственным прошлым, утерянную в XVIII столетии, и связал настоящее и будущее России с ее духовными и историческими корнями»...

Понятно, что «охранительные начала» — это именно то, что наиболее близко авторам во главе с «консервативным публицистом». Но в более ранних учебниках истории (а также в трудах серьезных историков), которые еще не изъяты из библиотек, излагались иные оценки деятельности как «православного царя», так и графа Уварова.

Николай Первый максимально усилил централизацию власти, учредил политический сыск (знаменитое Третье отделение), жестоко подавил польское восстание, прославил страну как «жандарма Европы», борясь с любыми проявлениями «духа перемен» в европейской жизни (как при подавлении венгерской революции).

Был создан комитет для надзора за печатью, выросла плата за обучение в университетах, усилился надзор за студентами и профессорами, а министром просвещения стал князь Ширинский-Шихматов, требовавший, чтобы «впредь все положения и науки были основаны не на умствованиях, а на религиозных истинах». Почти как у нынешних адептов упомянутого «русского хранительства».

Что касается армии, то, как вспоминал военный министр при Александре Втором, Дмитрий Милютин, в ней «гонялись не за существенным благоустройством войска, не за приспособлением его к боевому назначению, а за внешней только стройностью, за блестящим видом на парадах, педантичным соблюдением бесчисленных мелочных формальностей, притупляющих человеческий рассудок и убивающих истинный воинский дух». Это закончилось позором Крымской войны, которую Николай не пережил...

Обо всем этом авторы учебника скромно умалчивают — не укладывается в концепцию. А говоря о другом Николае — Втором и его реформах 1905 года, сетуют, что «между правительством Николая и Государственной Думой были лишь краткие периоды взаимопонимания», потому что Дума «отличалась активной оппозиционной деятельностью», и «лидеры либеральных думских фракций неустанно боролись за расширение властных полномочий Думы, а в феврале-марте 1917 г. путем заговора уничтожили российское самодержавие и тем самым похоронили всю традиционную российскую государственность».

Опять же, историки, менее подверженные политической конъюнктуре, чем авторы учебника, несколько иначе оценивают политические события того времени (желающих отсылаю, например, к книге Владимира Кара-Мурзы «Реформы или революция»). И полагают, что стремление партии кадетов, ведущей в Первой Думе, — добиться «ответственного министерства», ответственности министров перед парламентом и перехода к парламентскому строю — было направлено как раз на предотвращение революции. Но Николай Второй такой путь отверг — такое ограничение его самодержавного правления его категорически не устраивало. Чем это закончилось — известно, и вовсе не «заговор либеральных думских фракций» тому виной, а катастрофическая неспособность «царя-страстотерпца» управлять страной...

Разобравшись с демократией и прославив самодержавие, авторы переходят к «традиционным базисным ценностям российской цивилизации и цитируют консерватора, монархиста и ненавистника либерализма Константина Леонтьева — мол, «всеобщая равноправная свобода (даже и в той неполной форме, в которой она доступна теперь) есть не что иное, как уготовление пути антихристу».

Тут же находится место для очередного камня в огород неких, в очередной раз не названных по имени «ультралиберальных идеологов», навязывающих «культ смерти (эвтаназия для больных, старых и немощных, суицид для подростков, отказ от деторождения, прерывание беременности)».

А потому «российское общество сумеет сохранить цивилизационное своеобразие и политический суверенитет только

в том случае, если будет опираться на комплекс традиционных российских базисных ценностей».

Большую тревогу, по мнению авторов учебника, вызывает то, что «к сожалению, в 1990-е годы базисные российские ценности, веками объединявшие народы России, стали подменяться некими «общечеловеческими», либеральными по своему смыслу ценностями». А в странах Запада и вовсе происходят процессы, «направленные на разрушение семьи». И далее, конечно, весь набор известных штампов: про «родителя № 1» и «родителя № 2», про то, что «детям в школе навязываются поведенческие образцы, связанные с нетрадиционной сексуальной ориентацией или трансгендерным переходом, а родители и даже сами дети, выступающие против такой практики, подвергаются преследованиям вплоть до уголовных наказаний», и про недопустимость «отклоняющихся от социальной нормы сексуальных и семейных отношений», и про то, что «некоторые активные западноориентированные группы и организации занимаются продвижением и популяризацией среди российской молодежи образа однополрого или группового брака, не признанных российским законодательством»...

Однако на пути этих вредных влияний твердо стоит президент Владимир Путин со своим указом «Об утверждении основ государственной политики и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

Далее идут рассуждения о том, что эти ценности позволяют защищать и укреплять суверенитет России. И со ссылкой на субъектов распространения «деструктивной идеологии» — «чуждой российскому народу и разрушительной для российского общества системы идей и ценностей». Ибо угрозу традиционным ценностям представляют «деятельность экстремистских и террористических организаций, отдельных средств массовой информации и массовых коммуникаций, действия Соединенных Штатов Америки и других недружественных иностранных государств, ряда транснациональных корпораций и иностранных некоммерческих организаций, а также деятельность некоторых организаций и лиц на территории России».

Говоря об идеях, которые отражаются в ценностях, авторы учебника приводят идеи «служения, соборности, порядка

и цивилизационной самобытности России». Которые «транслируются в СМИ и интернете, присутствуют в музыкальных и литературных произведениях, фильмах и театральных постановках».

И приводят характерные примеры: «рекламные ролики на ТВ, призывающие служить по контракту, музыкальные композиции певцов Shaman («Я — русский») и О. Газманова («Вперед, Россия!»), фильмы о военных, спортивных, технологических победах и достижениях России».

Здесь же снова возникают заявления о том, что «именно русский народ был наименее защищенным в социальном плане на протяжении длительного времени» (откуда авторы это взяли — неизвестно, никаких доказательств не приводится) и что его «государствообразующая роль подразумевала в истории очень тяжелые и очень ответственные обязанности» (опять же, какие именно «тяжелые обязанности» имеются в виду — неизвестно, но студенты должны поверить на слово). И что в русской философии «очень распространенными являются размышления о принципиальной устремленности русского народа в вечность, наличии у него ответственной сверхзадачи и особого предназначения в истории».

Еще авторы ссылаются на фильм «Брат-2», где главный герой Данила Багров говорит: «Я вот думаю, что сила в правде: у кого правда, тот и сильнее». Что иллюстрирует «свойственную нашему народу установку «жить по правде», т.е. по справедливости».

Правда, тут же и в том же учебнике выясняется, что сила вовсе не в правде, а во власти. Потому что «залогом могущества страны, ее стабильного внутреннего развития и уважения к ней на геополитическом пространстве всегда считалась сильная власть».

И что «отличительной чертой отечественной политической культуры является «властечетричность»: именно власть является условием существования всех и всего».

Подобное отношение к власти объясняется «многовековой традицией, олицетворяющей верховные установления с носителями «высшей истины». И цитируется Николай Михайлович Карамзин, автор «манифеста русского консерватизма»: мол,

«Россия основалась победами и единоначалием, гибла от новластиа, а спаслась мудрым самодержавием».

Более поздние по времени верноподданнические примеры «мудрого самодержавия» следуют в учебнике немедленно: заявляется, что современные российские граждане «политическими лидерами считают тех политиков и правителей, при которых страна была сильной и уважаемой на международной арене (например, И.В. Сталин, В.В. Путин)». Кто бы сомневался в авторах...

Наконец, авторы переходят к «социокультурным угрозам российской государственности».

Среди них они выделяют «наиболее значимые, касающиеся каждого человека — гражданина нашей страны и представляющие серьезную опасность для российского общества и Российского государства: угрозы, связанные с утратой нашей цивилизационной идентичности и национального культурно-духовного наследия».

И тут же пример: «Бесконтрольная миграционная политика приводит к размыванию этнической структуры общества, вымыванию социокультурного ядра российского общества, межнациональным конфликтам, резкому скачку нагрузки на социальную систему и правоохранительные органы». Который сопровождается фотографией «орд мигрантов» в метро.

Как минимум это называется ксенофобией — если не разжиганием межнациональной вражды. И этому авторы, приверженные «традиционным ценностям», предлагают учить студентов?

Еще одной «социокультурной угрозой» объявляется (как же без этого) «активная целенаправленная деятельность самых различных политических и псевдогуманитарных структур, открыто пропагандирующих и оказывающих финансовую поддержку любым формам активности, направленным на разрушение национально-государственной идентичности (защита «угнетенных» народов и «дискриминируемых» сексуальных меньшинств). И конечно, «различные проекты, направленные на фальсификацию истории».

Как предупреждают авторы учебника, «гражданское общество в нашей стране на протяжении 1990–2000-х гг. испытывало существенное иностранное влияние». Мол, в России «долгие годы активно вели свою деятельность различные иностранные

некоммерческие организации, которые под видом содействия развитию демократии и реализации прав человека в реальности преследовали иные цели».

И программы действовавших тогда разных фондов, которые были направлены на поддержку науки, культуры, искусства, образования, здравоохранения, «на самом деле способствовали распространению либеральных идей и ценностей, внедрению несвойственных нашей стране образовательных и культурных практик, подрыву традиционных основ социальных отношений в российском обществе».

Однако «для противодействия угрозе национальной безопасности, которая возникает в результате деятельности таких организаций, на государственном уровне» в 2012 году было введено — что всячески одобряется авторами — понятие «иностранный агент»...

Как заявляют авторы, «одним из серьезных направлений государственной исторической политики должно было бы стать создание единой концепции отечественной истории».

Не хватает слов — «высочайше утвержденной».

Чтобы студентов учили сплошному православию, самодержавию и народности, в духе графа Сергея Уварова, так любовно написанного в учебнике.

Чтобы они были уверены, что власть — от бога (не смущаясь тем, что в Конституции пока еще написано иное) и по этой причине ей надо беспрекословно подчиняться и недопустимо противодействовать.

Чтобы у них воспитывалась неприязнь к либеральным ценностям, навязываемым с Запада, и возникал образ «коллективного Запада» в роли исторического врага.

Чтобы они верили, что победы адмирала Федора Ушакова были обусловлены тем, что перед боем он молился, а бездарный и слабый Николай Второй, чье правление довело страну до краха, был «святым царем-страстотерпцем».

Чтобы они верили, что Россия несла покоренным народам исключительно мир и процветание — в отличие от Запада, который нес угнетение.

И не знали и не задумывались, в каких тяжких оковах империя держала и преследовала входящие в нее народы.

Не случайно, что этот учебник издан одновременно со столь же конъюнктурным учебником истории для старшеклас-ников — о котором рассказывала «Новая газета».

Да и работают авторы в том самом вузе, президентом кото-рого является один из авторов этого учебника истории, акаде-мик Александр Чубарьян. Защищавший докторскую диссертаци-ю по теме «В.И. Ленин и формирование советской внешней политики», входивший в «комиссию по противодействию по-пыткам фальсификации истории в ущерб интересам России» и бывший доверенным лицом Владимира Путина на выборах.

Последняя цитата из учебника: «К сожалению, политиче-ских спекуляций на истории не удавалось избежать ни одному государству в мировой истории, в том числе и государствам на постсоветском пространстве».

Золотые слова, как говорится.

О ПРАВЕ ПАЛАЧЕЙ НА ТАЙНУ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ

НЕВОЗМОЖНО БОРОТЬСЯ, КАК ПРИЗЫВАЕТ ПРЕЗИДЕНТ,
С ФАЛЬСИФИКАЦИЕЙ ИСТОРИИ, КОГДА АРХИВЫ ЗАСЕКРЕЧЕНЫ

12 СЕНТЯБРЯ 2023

На заседании Российского организационного комитета «Победа» президент России Владимир Путин заявил, что «открытая демонстрация архивных документов поможет в борьбе с теми, кто перевирает историю в угоду политической повестке и личным амбициям». Что таких людей «немало в Европе, в которой многим людям напрочь отшибло и память, и совесть». И что «подлинные документы являются самыми убедительными аргументами и доказательствами».

Необходимость открытой демонстрации архивных документов — бесспорна. Однако призывая к открытости в этом вопросе, российским властям (как и некоторым другим) следовало бы начать с себя.

Потому что именно ей (власти) свойственно упорное и многолетнее нежелание открывать архивные документы. Как представляется, потому, что они иногда могут оказаться крайне нежелательными с точки зрения «политической повестки» аргументами и доказательствами.

Почти двадцать лет назад, в 2004 году, был принят Федеральный закон «Об архивном деле в Российской Федерации». В целом, вполне приличный. И устанавливающий в своей 24-й статье, что «пользователь архивными документами имеет право свободно искать и получать для изучения архивные документы».

Но — в соответствии с 25-й статьей этого же закона — ограничивается доступ к архивным документам, содержащим «сведения, составляющие государственную и иную охраняемую законодательством РФ тайну». Также установлено на 75 лет ограничение на доступ к архивным документам, «содержащим сведения о личной и семейной тайне гражданина, его частной жизни, а также сведения, создающие угрозу для его безопасности». Все

это, как показывает практика, позволяет закрыть доступ ко множеству важнейших документов. Это первое.

Второе: огромный пласт архивных материалов — касающийся НКВД–КГБ, Службы внешней разведки, МВД, Минобороны, а также архивы МИДа, — вообще не передан на хранение в систему Росархива и под действие закона не подпадает.

Стремление все засекретить, скрыв от посторонних глаз, унаследовано российскими властями от их советских предшественников: в этом они очень схожи.

Перечень сведений, составляющих государственную тайну, утвержденный указом президента России в 1995 году, с момента его издания менялся сорок два (!) раза и сейчас включает 119 позиций.

Формулировки указа позволяют (а решение принимают руководители соответствующих ведомств) формально засекретить почти все что угодно — конечно, в «целях обеспечения безопасности государства».

Да, в соответствии со статьей 13 Федерального закона «О государственной тайне», органы государственной власти, руководители которых наделены полномочиями по отнесению сведений к государственной тайне, обязаны периодически, но не реже чем через каждые 5 лет, пересматривать перечни сведений, подлежащих засекречиванию «в части обоснованности засекречивания сведений и их соответствия установленной ранее степени секретности», а срок засекречивания сведений, составляющих государственную тайну, не должен превышать 30 лет.

Вот только никакого реального пересмотра, судя по всему, не происходит (по крайней мере, в сторону снятия режима секретности), а упомянутый 30-летний срок «в исключительных случаях может быть продлен по заключению межведомственной комиссии по защите государственной тайны».

Это исключение, как говорят историки (например, Никита Петров), давно стало правилом. И никого ни разу не наказали за необоснованное продление срока секретности.

Формально, по данным Росархива, под грифом «секретно» остаются сегодня не более 4% от всего массива документов, хранящихся в государственных архивах (включая и документы до 1917 года). В том-то и лукавство. Если же брать отдельно

документы высших органов советской власти — решения Политбюро, докладные записки МИД, КГБ, Минобороны и др. важных ведомств, то тут доля оставленного на секретном хранении составит свыше 50%. Особенно если говорить о периоде 1960–1980-х годов. А тридцать-то лет со дня создания этих документов давно минули!

Личный фонд Сталина

Так, по словам Никиты Петрова, существует личный фонд документов Иосифа Сталина, в 11-й описи которого находится примерно 1700 дел. Но порядка 200 дел из них до сих пор числятся на секретном хранении, в том числе приказы Ставки Верховного главнокомандования, записки Наркомата обороны, переписка с НКВД–МГБ, важнейшие донесения МИД. А тут прошло не то что тридцать — более семидесяти лет, но эти документы так и отсутствуют в общем доступе.

Архивы бывшей КПСС в свое время были переданы (усилиями специальной комиссии Верховного Совета РСФСР, экспертом которой был Петров) на государственное хранение. Но и среди них остается множество закрытых документов, в том числе большая часть документов Политбюро ЦК ВКП(б)–КПСС, которое в советские годы фактически руководило государством.

Между тем в этих архивах — и в фонде Сталина, и в документах Политбюро — должны быть важнейшие для понимания исторической правды документы. И не только о политических репрессиях 30–40-х годов прошлого века и их организаторах, включая «расстрельные списки» с чудовищно откровенными резолюциями.

Здесь должны быть документы о подготовке «пакта Молотова–Риббентропа» — от 23 августа 1939 года с его секретными протоколами, — который три года назад был расценен российским МИДом как правильный и выгодный для СССР, хотя в постановлении Съезда народных депутатов СССР от 24 декабря 1989 года «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года» ему давались совсем другие оценки.

Здесь должны быть документы о подготовке менее известного, но не менее важного «договора о дружбе и границе»

с нацистской Германией от 28 сентября того же года. О начале советско-финской войны и «Майнильском инциденте» (после которого начались боевые действия советских войск против Финляндии). Документы о происходившем в Сандармохе, где чекисты расстреливали граждан разных национальностей (напомним, что в последнее время активно распространяются домыслы имени Мединского и его «Военно-исторического общества» о том, что там-де «белофинны расстреливали пленных красноармейцев»). Документы о расстреле чекистами польских военных в Катыни (что в последнее время снова пытаются отрицать провластные историки и пропагандисты). И многие, многие другие.

И, конечно, в этих архивах (особенно в документах Политбюро) должны храниться документы, рассказывающие о подавлении советскими войсками народного восстания в Венгрии в 1956 году и подавлении «Пражской весны» в 1968 году (когда в Чехословакию якобы вот-вот готовилось вторгнуться злобное НАТО), о преследовании советских диссидентов, о Карибском кризисе и интервенции в Афганистане.

Ну а что касается «личных и семейных тайн», то их якобы бережное хранение очень часто используется как предлог для отказа в доступе к архивным документам.

Доходит, по словам Никиты Петрова, до абсурда: не только послужные списки, проступки и судимости, но даже и даты смерти объявляются «тайной» — как якобы «персональные данные», каковыми они быть не могут по определению...

Силовые архивы

..Теперь — о «силовых» и ведомственных архивах. Здесь картина еще более печальна.

Закрываются для исследователей практически все архивы МВД (как «центра», так и управлений МВД на местах), при этом в них находятся и документы НКВД периода массовых репрессий. И — большей частью — закрыты архивы бывшего КГБ.

Нет даже информации ни о количестве архивных дел, ни о принципах их комплектования. Несмотря на петицию о доступе к архивам КГБ, которую подписали около 60 тысяч человек, Межведомственная комиссия по защите государственной тайны продлила их секретность до 2044 (!) года.

Речь идет о документах 1917–1991 годов, и даже для документов 1991 года указанные в законе о гостайне 30 лет предельного срока засекречивания прошли еще полтора года назад, но снимать гриф «секретно» категорически не хотят.

Якобы то, что содержится в этих архивах, по мнению комиссии, «сохраняет свою актуальность», а его распространение «может нанести ущерб национальной безопасности».

Универсальная формулировка: судя по практике последних лет, почти все что угодно, если это понадобится как предлог, может «нанести ущерб национальной безопасности».

Полностью недоступен для исследователей архив Службы внешней разведки.

Архив МИДа формально доступен, но и там, во-первых, доступ возможен только по спецпропускам, а во-вторых — часть документов засекречена.

Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО) заявляет, что рассекретил большую часть архивных документов. Но это документы, что называется, «низшего уровня». В том числе, закрыты для исследователей документы, касающиеся периода Великой Отечественной войны и ему предшествовавшего, документы Генерального штаба, Ставки Верховного главнокомандования, НКВД, НКГБ, контрразведки СМЕРШ и военной разведки.

Какие могут быть секреты в этой сфере по прошествии восьмидесяти лет? Что в этих документах может угрожать «безопасности государства»?

Неизвестно. Но факт остается фактом: доступ к документам о Великой Отечественной остается во многом закрытым, режим секретности продлен до 2040 года.

Заметим: российские официальные лица не устают твердить о якобы злонамеренных попытках со стороны Запада «фальсификации истории» о Великой Отечественной войне, попытках «пересмотреть ее результаты», «отрицать подвиг советского народа» и так далее и тому подобное.

Казалось бы, откройте архивы, предъявив, как говорит Владимир Путин, «подлинные документы, — и западным фальсификаторам и злоумышленникам будет дан достойный и неопровержимый отпор?

Но нет, этого не происходит. Почему?

Гипотеза есть только одна: «подлинные документы» могут дать такую картину истории тех лет, которая серьезно отличается от нарисованной в учебниках (особенно недавно выпущенных) и представляемой в речах руководителей государства и выступлениях государственных пропагандистов.

А еще подлинные документы КГБ, МИДа и других ведомств могут представить совсем в ином свете политику советских властей в послевоенный период.

Когда на территории учебных центров в Советском Союзе готовили будущих «участников национально-освободительного движения» (проще говоря, боевиков, а то и террористов) из Никарагуа, Анголы, Мозамбика, Сирии, Ливана, Венесуэлы, Колумбии и Организации освобождения Палестины.

Когда проводились «диверсионные операции» за границей в целях уничтожения политических оппонентов Кремля и щедро снабжались оружием диктаторы всех мастей с разных континентов. Когда «советские инструкторы» и «советники» воевали в Алжире и Египте, Йемене и Вьетнаме, Сирии и Анголе, Мозамбике и Эфиопии, Камбодже и Бангладеш, Лаосе и Ливане (для справки: перечень этих стран и годы участия в боевых действиях прямо указаны в приложении к Федеральному закону «О ветеранах»)...

...Еще одна — во многом закрытая архивная страница — история Большого террора.

Засекречены до 2044 года, как уже сказано, архивы НКВД–КГБ. Засекречены общая картотека арестованных и осужденных (находящаяся в ГИАЦ МВД) и документы, касающиеся массовых арестов. И закрыта значительная часть информации о деятельности ГУЛАГа.

В доступе к этим документам заинтересованы многие родственники и потомки осужденных в годы Большого террора, а также правозащитники и журналисты. Но единственное, что сегодня по факту предоставляется, — это возможность для родственников жертв репрессий ознакомиться с материалами уголовных дел.

При этом открытыми для исследователей являются только дела тех, кто был реабилитирован — и то по миновании 75-летнего

срока, не полностью и без возможности копирования. А дела по тем, кто не был реабилитирован (в том числе, сотрудникам НКВД, которые сами стали жертвами репрессий на очередном витке террора), вообще не выдают для ознакомления исследователям.

Один из ярких примеров — «дело Игоря Яковлева», моего коллеги по «Яблоку», который в 2020 году получил от Управления ФСБ России по Псковской области архивные следственные дела родственников его жены: Анисима и Алексея Бельченковых, репрессированных в 1938 году.

Документы были полностью рассекречены, но на некоторых страницах дела имена и фамилии сотрудников НКВД, участвовавших в «деле Бельченковых», были или закрыты бумажкой или вымараны маркером.

На требование Яковлева предоставить ему дело без изъятий, УФСБ по Псковской области ответило отказом. И сослалось при этом на... закон о ФСБ, который позволяет не раскрывать сведения о сотрудниках.

ФСБ формально не является правопреемником ни КГБ, ни НКВД — но псковские чекисты заявили, что считают сотрудников НКВД СССР 1930-х годов сотрудниками ФСБ.

Яковлев обратился в военную прокуратуру Псковского гарнизона, и она заявила, что ФСБ вправе не раскрывать информацию, порочащую честь и достоинство указанных сотрудников НКВД, так как они не были признаны виновными в фальсификации дел и применении незаконных методов расследования (!).

Между тем Бельченковы были полностью реабилитированы на основании указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года, который гласит: «Осудить внесудебные массовые репрессии периода сталинизма, признать антиконституционными действовавшие в 30–40-х и начале 50-х годов «тройки» НКВД–УНКВД, коллегии ОГПУ и «особые совещания» НКВД–МГБ–МВД СССР и отменить вынесенные ими внесудебные решения, не отмененные к моменту издания настоящего Указа Президиума Верховного Совета СССР, считать всех граждан, которые были репрессированы решениями указанных органов, включая лиц, осужденных впоследствии за побег из мест незаконного спецпоселения, реабилитированными».

Игорь Яковлев пошел в суд — и проиграл во всех инстанциях, хотя в октябре 2021 года представитель УФСБ по Псковской области заявила в Мосгорсуде, что ФСБ не является правопреемницей НКВД.

В определении судебной коллегии Мосгорсуда сказано примечательное: «наличие в запрашиваемых заявителем документах сведений, относимых к частной жизни, личной и семейной тайне лиц, фамилии и должности которых отражены в документах, в силу закона относятся к категории ограниченного доступа, поскольку позволяют идентифицировать личность субъектов информации, а также составляют тайну их частной жизни».

Переводя с судебного на русский: узнать имена тех, кто виновен в смерти родственников, кто фабриковал их «дело», даже по прошествии восьмидесяти с лишним лет, никак невозможно, потому что это «составляет тайну их частной жизни».

Эта логика чудовищна: о какой «частной жизни» палачей идет речь? Речь идет об их служебной деятельности, о том, что при их активном участии погибли невинные. Но их имена якобы нельзя назвать?

Уверен, что имена не только всех жертв сталинских репрессий, но и имена всех палачей должны быть названы. Всех, кто входил в «тройки» и «особые совещания», кто возбуждал и «расследовал» (намеренно беру в кавычки), кто пытал и избивал, кто обвинял и судил: у них нет и не должно быть права на сокрытие их имен под предлогом «защиты частной жизни».

Между тем нынешняя власть совершенно не скрывает своего негативного отношения к тем, кто хранит память о сталинских репрессиях, и раздражения их деятельностью: «Международный Мемориал» (получивший в 2022 году Нобелевскую премию мира) и Правозащитный центр «Мемориал» ликвидированы как юридические лица и обозваны «иноагентами», под персональные репрессии попали такие известнейшие исследователи сталинских репрессий, как Юрий Дмитриев из Карелии, участвовали попытки демонтажа табличек проекта «Последний адрес»...

История Игоря Яковлева, заметим, далеко не единична. По словам Никиты Петрова, практически все суды по доступу к архивным документам проиграны: как правило, судьи становятся

на сторону государства. Но любое закрытие архивов рождает «поле для домыслов». А тем более — архивов, которые связаны с тоталитарным прошлым, из которого необходимо извлечь уроки.

Известно: тот, кто не помнит о прошлом, обречен на его повторение.

Нет сомнений: доступ к этой памяти затрудняется (или стирается сама память) именно для того, чтобы это повторение облегчить.

ПСКОВСКИЙ ПРЕЦЕДЕНТ: КАК СТАТУС «ИНОАГЕНТА» ВМЕШАЛСЯ В ВЫБОРЫ

15 СЕНТЯБРЯ 2023

В сентябрьских выборах, проходивших в разных регионах России, за одним исключением в Великом Новгороде, не участвовали те, кто объявлен Минюстом «иностранным агентом» — ввиду огромных препятствий для них на этом пути.

Правда, президент Владимир Путин недавно заявил, что «иноагентам» якобы никто не мешает «заниматься общественной деятельностью за деньги иностранного государства», от них всего лишь требуют «хотя бы показать источник финансирования».

Но практика показывает совсем иное.

Во-первых, «иноагентом» — вопреки уверениям президента — Минюст объявляет и без всякого иностранного финансирования.

Или, судя по делу московского «яблочника» Андрея Морева, которое только что рассматривалось (он оспаривал внесение в «иноагентский» реестр), министерство заявляет в суде, что факт иностранного финансирования подтвердить не может, «но он наверняка есть».

Никаких оснований относиться к Минюсту как к английским джентльменам, которым принято верить на слово, не имеется. Но его чиновники ведут себя по принципу старого анекдота «и тут-то мне и пошла карта».

Бесспорно, это принципиально новое слово в юриспруденции: его распространение существенно облегчило бы жизнь прокурорам.

Выступая в суде, они могли бы говорить: «Никаких доказательств виновности подсудимого у меня нет, но он наверняка виновен». И просить обвинительный приговор.

Впрочем, по «политическим» делам прокуроры, если посмотреть, давно уже выступают так, как если бы указанная норма стала общепринятой и утвержденной...

А во-вторых, «иноагенты» без всякого суда поражены во множестве прав, включая избирательные.

Статья 11 Федерального закона «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием», содержит 18 (!) видов запретов и ограничений, включая внесудебные поражения в конституционных правах, в том числе — избирательных.

Так, «иноагент» не может быть назначен на должности в органах публичной власти, в том числе замещать должности государственной гражданской службы и муниципальной службы, быть членом избирательной комиссии, комиссии референдума. Это называется «Где ты, статья 32 Конституции?».

Да, другая статья Конституции — 55-я — позволяет ограничить конституционные права, но «только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства».

Какие угрозы основам конституционного строя или обороне страны, или безопасности государства представляет членство «иноагентов» в избирательных комиссиях, остается совершенно неясным.

Но власти и не утруждают себя обоснованиями.

Далее. «Иноагент» не вправе «осуществлять деятельность, способствующую либо препятствующую выдвижению кандидатов, списков кандидатов, избранию зарегистрированных кандидатов, выдвижению инициативы проведения референдума и проведению референдума, достижению определенного результата на выборах, референдуме, а также в иных формах участвовать в избирательных кампаниях, кампаниях референдума». Также «иноагентам» запрещается вносить пожертвования в избирательные фонды кандидатов, зарегистрированных кандидатов, избирательных объединений, в фонды референдума.

На практике это означает, что «иноагентов» не может быть ни на одном этапе избирательного процесса. Начиная с выдвижения

кандидатов и предвыборной агитации и заканчивая подсчетом голосов и определением результатов.

Выдвигаться в депутаты или губернаторы и даже президенты «иноагенты» могут: они не поражены в пассивном избирательном праве.

Однако они должны отдавать четверть площади своих агитационных материалов на указание своего статуса «иноагентов».

При этом — в соответствии с перечисленными ограничениями — «иноагенты» не могут жертвовать деньги даже в собственный избирательный фонд и пользоваться собственными средствами.

Более того, они не имеют права участвовать даже в собственной избирательной кампании: вести агитацию, встречаться с избирателями и так далее и тому подобное. И почти все, что должен делать кандидат, можно при желании (а в этом случае оно у властей почти наверняка появится) подвести под «участие в иной форме» или «деятельность, способствующую избранию» или «достижению результата на выборах»...

Иными словами, зарегистрировавшись, кандидат-«иноагент» должен удалиться в глушь и сидеть там, не высывая носа и смиренно ожидая результатов выборов.

Если же «иноагент» является не кандидатом, а членом той или иной партии, то он не имеет права принимать никакого участия в выдвижении от нее кандидатов на выборные должности. Он не может быть делегатом конференции или съезда, который выдвигает кандидатов, и он не может быть руководителем партии или ее регионального отделения и подписывать решения о выдвижении кандидатов.

И на этом пути партии (понятное дело, оппозиционные, потому что в других партиях «иноагентов» нет) ждет «засада», уже отработанная на минувших выборах в Псковской области.

16 июня 2023 года «иноагентом» был признан член политкомитета партии «Яблоко» и глава Псковского регионального отделения партии Лев Шлосберг (о том, как он оспаривал этот статус в суде, недавно рассказывал в «Новой газете» Леонид Никитинский). Он стал вторым членом Политкомитета (первой была Светлана Ганнушкина), получившим этот ярлык.

В июле партийное отделение должно было выдвигать кандидатов на муниципальных выборах в семи районах области. Шлосберг в этом участвовать, как сказано выше, уже не мог.

24 июня собралась конференция Псковского «Яблока» и избрала нового председателя отделения — депутата Псковского областного собрания Артура Гайдука.

Поскольку «Яблоко» имеет фракцию в областном собрании, собирать подписи для выдвижения кандидатов ему не надо — достаточно выдвижения на конференции.

16 июля конференция Псковского «Яблока» выдвинула списки кандидатов в 7 районах области и кандидатов по одномандатным округам.

Территориальные избирательные комиссии (ТИК) сперва зарегистрировали партийные списки «Яблока»... а потом в районные суды поступили иски от представителей 3 партий («Справедливой России», «Партии Роста» и «Партии пенсионеров») с требованием об отмене регистрации «яблочников».

Причина? Якобы избранный 24 июня председатель Псковского «Яблока» Артур Гайдук не мог исполнять обязанности руководителя отделения до 18 июля, когда налоговая служба внесла сведения о нем в ЕГРЮЛ. И не мог 16 июля подписывать документы конференции.

Эта «претензия» категорически не укладывается в закон: «политические» полномочия руководителя партии или ее отделения вступают в силу сразу после его избрания. Он немедленно получает право вести конференцию или съезд партии, выступать от имени партии и подписывать ее решения, в том числе о выдвижении кандидатов. Это прямо вытекает из норм сразу нескольких федеральных законов: «О политических партиях», «Об общественных объединениях» и «Об основных гарантиях избирательных прав граждан». Да иное было бы абсурдно: если прежний председатель сложил полномочия и избран новый, он сразу начинает руководить партией и подписывать решения, в том числе — о выдвижении кандидатов, а не ждет, пока сведения о нем внесут в ЕГРЮЛ.

И тем не менее все районные суды отменили регистрацию списков «Яблока» во всех районах, а потом эти решения «засилили» и Псковский областной суд, и Третий кассационный суд.

Кассационные жалобы в Верховный суд, конечно, были поданы, но суд почему-то не назначил (хотя должен был) заседания по ним до выборов 10 сентября.

При этом при рассмотрении одинаковых — до пробелов и знаков препинания! — исковых заявлений представителей Партии роста, «Справедливой России» и Партии пенсионеров, 7 разных прокуроров районов зачитали в 7 судебных заседаниях 7 идентичных текстов заключений.

Во всех 7 судах на заседания не явились представители тех самых ТИК, которые регистрировали списки «Яблока»: их интересы представляли штатные сотрудники областного избиркома, которые от имени соответствующих ТИК признали искивые требования.

Судьи 7 районных судов написали 7 одинаковых по содержанию решений, в которых одинаковым образом установили обстоятельства дела и одинаково мотивировали свои выводы.

Во всех 7 решениях ни один из доводов «Яблока», опровергающих позицию истцов с опорой на нормы федерального законодательства, не получил содержательной мотивированной оценки.

Это ни при каких обстоятельствах не может быть случайностью. И стоять за этим может только администрация Псковской области.

Для которой, судя по ее действиям (и уже не первый год), «Яблоко» является не оппонентом, с которым надо конкурировать и спорить, а врагом, подлежащим уничтожению.

И чьи интересы услужливо обеспечили 3 указанные партии: «эсеры», Партия роста и «пенсионеры», подавшие в суды необходимые заявления...

Псковский пример — если он не будет дезавуирован Верховным судом — крайне опасен.

Потому что таким же методом (объявив «иноагентом» главу партии или ее отделения) можно помешать выдвижению кандидатов от любой неугодной партии. Избавившись от оппозиции уже на начальном этапе.

Конечно, для этого требуются соответствующие судьи и прокуроры, а также соответствующие «эскортные» партии (вроде указанных или каких-нибудь «новых людей»), но в этом в стране, как показывает практика, недостатка нет.

МАЛАЯ ФОРМА «БОЛЬШОГО ТЕРРОРА»

ПРОКУРАТУРА ОТКАЗАЛАСЬ РЕАГИРОВАТЬ НА УСТАНОВКУ
ПАМЯТНИКУ ТИРАНУ СТАЛИНУ В ВЕЛИКИХ ЛУКАХ

29 СЕНТЯБРЯ 2023

15 августа в Великих Луках у проходной завода «Микрон» открыли восьмиметровый памятник Иосифу Сталину.

Изготовленный по проекту скульптора Михаила Красильникова четыре года назад, этот памятник собирались установить в Волгограде, но после серьезного общественного резонанса от этой затеи отказались.

Потом памятник пытались установить в Московской области или в Воронеже, но безуспешно: нигде местные власти не соглашались ставить памятник тирану, главному организатору и вдохновителю массовых репрессий, жертвами которых стали десятки миллионов невинных людей.

И вот, наконец, место нашлось: Великие Луки.

В двух километрах от места, где поставили памятник, на территории Великолукской крепости, до войны находилась тюрьма НКВД, через которую в годы «Большого террора» прошли сотни, если не тысячи ни в чем не повинных советских людей, по воле Сталина окончивших свои жизни в расстрельных рвах и в лагерях.

В 2006 году бывший председатель великолукского «Мемориала» и член партии «Яблоко» Александр Алексеевич Лукьянов (скончавшийся в 2009-м) приводил цифры по Псковской области: репрессировано с 1918 по 1953 год 61 588 человек, реабилитировано впоследствии — 45 498 человек. По городу Великие Луки реабилитировано 634 человека, по Великолукскому району — 1420 человек. Приговорены к расстрелу — 8205 жителей области, к заключению — 17 828, сосланы — 6142, дети и родственники, оказавшиеся с ними, — 11 654, пострадало от раскулачивания не менее 12 700 человек. И далеко не факт, что все попали в эту статистику...

Узнав об этом, я написал письмо прокурору Псковской области.

Процитировал многочисленные решения высших органов власти СССР и России, осуждающие сталинские репрессии и объявляющие их преступлением.

И попросил принять меры для демонтажа памятника, попирающего законы, гуманизм и здравый смысл.

Пришел ответ — от исполняющего обязанности прокурора Псковской области Алексея Попова — с отказом принимать меры.

Для начала: и. о. прокурора области называет восьмиметровый памятник «малой архитектурной формой» и сообщает, что участок, где стоит памятник, находится в собственности АО «Опытный завод «Микрон», а сам памятник возведен на частные средства. И что «законодательство Российской Федерации не содержит положений, обязывающих собственников малых архитектурных форм согласовывать их размещение с органами власти». Еще он сообщает, что «правовых актов об установке памятника органами местного самоуправления Великих Лук не принималось».

Однако памятник стоит не на территории завода, а перед проходной — в общедоступном месте: проходящие мимо граждане (как и работники завода) не обязаны быть ежедневными свидетелями увековечения памяти человека, на совести которого гибель миллионов невинных соотечественников. И в чьей бы собственности участок ни находился, установка памятника палачу и людоеду — не только глумление над памятью его жертв, но и попрание законов, осуждающих его деяния.

Но прокуратура смотрит на это широко закрытыми глазами — такими же, какими она смотрит в Петербурге и Москве на исчезновение табличек проекта «Последний адрес», хранящих память о жертвах сталинских репрессий.

В этом плане особенно выразительно звучит отнесение восьмиметрового «Тараканища» (как назвал его один из моих респондентов) к «малым архитектурным формам», размещение которых не требует согласования.

Зато таблички «Последнего адреса», величиной немногим более мобильного телефона, в Петербурге никак не могут легализовать, поскольку власти отказываются относить их к объектам благоустройства и определить порядок установки.

Три года назад Смольный обещал мне разработать этот порядок — но воз и ныне там. И таблички (недавно был очередной случай) снимают после анонимных доносов, ссылаясь на то, что установка якобы «не согласована»...

Конечно, все это не случайно: перед нами — четкая и ясная тенденция, которая называется «реабилитация Сталина и сталинизма». Вопреки, как уже сказано, многочисленным решениям органов власти, осуждающим сталинские преступления.

Это как патрон в обойму укладывается в линию на возврат репрессивного государства, где человек — пыль под ногами, где жертвой репрессий может быть каждый и где «органы не ошибаются».

И где те же прокуроры, которые закрывают глаза на реабилитацию сталинизма, требуют «сталинские сроки» за несогласие с государством и выражение мнения, отличающегося от официального.

Еще в 2015 году фракция «Яблоко» в петербургском парламенте вносила проект закона о недопустимости увековечения имени Сталина, установки ему памятников и названия его именем улиц, площадей и набережных.

Проект отказались даже рассматривать на заседании. За исключение его из повестки дружно голосовали единороссы и коммунисты, эсеры и жириновцы.

«ПОКА МЫ ЛГАТЬ НЕ ПЕРЕСТАНЕМ — НЕ УМЕР СТАЛИН»

ПАМЯТНИК ОРГАНИЗАТОРУ УБИЙСТВ
НА МЕМОРИАЛЕ УБИТЫМ — ЭТО РАНЕЕ НЕВОЗМОЖНО БЫЛО
СЕБЕ ПРЕДСТАВИТЬ. А ТЕПЕРЬ ЕСТЬ — В ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ

2 ОКТЯБРЯ 2023

Сентябрь начался поручением президента Владимира Путина создать в стране «Национальный центр исторической памяти» и «оперативно решить все организационные и финансовые вопросы», поскольку «защита исторической памяти — один из приоритетов в стратегии национальной безопасности России».

И закончился известием об установке бюста Сталина в мемориальном комплексе в Тверской области, созданном в память о репрессированных советских гражданах и более шести тысячах поляков, расстрелянных весной 1940 года.

Недавно, как рассказывала «Новая газета», прокуратура Псковской области отказалась реагировать на установку 8-метрового памятника Сталину в Великих Луках, объявив его «малой архитектурной формой».

И почти каждую неделю приходят сообщения об уничтожении того, что хранит память о жертвах репрессий — начиная от мемориалов расстрелянным полякам и заканчивая табличками «Последнего адреса».

Начну с цитаты.

«Россия не может в полной мере стать правовым государством и занять ведущую роль в мировом сообществе, не увековечив память многих миллионов своих граждан, ставших жертвами политических репрессий».

Точное число репрессированных лиц остается неизвестным.

Общенациональный памятник жертвам политических репрессий не установлен.

Недопустимыми являются продолжающиеся попытки оправдать репрессии особенностями времени или вообще отрицать их как факт нашей истории».

Нет, это не документ признанного «иноагентом» и ликвидированного «Мемориала» или «Сахаровского центра».

И не выступление правозащитников на акции «Возвращенные имена», где зачитывают скорбный список расстрелянных в годы Большого террора (кстати, очередную такую акцию в Москве только что запретила мэрия под предлогом ковида, хотя митингу-концерту в честь присоединения «новых регионов» с участием верноподданных артистов вирус, конечно, не стал помехой).

Это — Концепция государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 15 августа 2015 г. № 1561-р.

Подпись: «Председатель Правительства Д.А. Медведев».

В ее рамках предписывалось, в частности:

- создание условий для свободного доступа пользователей к архивным документам и иным материалам, связанным с вопросами политических репрессий;
- формирование инфраструктуры, связанной с увековечением памяти жертв политических репрессий;
- обеспечение доступности для населения мемориальных объектов, посвященных памяти жертв политических репрессий.

О том, насколько «свободен» доступ к архивным документам, связанным с репрессиями, я недавно рассказывал в «Новой газете». В частности про то, что моему коллеге по «Яблоку» Игорю Яковлеву даже через суд не удалось узнать имена палачей НКВД, которые причастны к гибели его репрессированных родственников (впоследствии реабилитированных), потому что это «составляет тайну их [палачей] частной жизни» и «порочит их честь и достоинство».

Что же касается «формирования инфраструктуры» и «доступности мемориальных объектов», то, как уже сказано, эта инфраструктура и объекты начали все чаще и чаще уничтожаться или таинственно пропадать.

Зато появляются новые «мемориальные объекты» — посвященные памяти палача, а не жертв. Как пишут журналисты, бюст, который установлен в Тверской области, — это уже четвертый

памятник Сталину, появившийся в России после 24 февраля 2022 года.

А вообще, из 110 (!) памятников Сталину в общественных местах почти 90% были установлены в «путинскую эпоху».

На это никак не реагирует прокуратура — при том, что (пока не отмененными) решениями высших органов власти СССР и России сталинские репрессии признаны преступлением и официально реабилитированы их жертвы.

И этому открыто радуются те, кто видит Путина «новым Сталиным», делящим, как восемьдесят лет назад, мир с лидерами других великих держав на «сферы влияния».

Те, кто конвейерным методом выпускает книги, статьи и посты в Интернете, прославляющие Сталина.

И те, кто призывает к новым репрессиям против новых «врагов народа». Как Александр Дугин с его кровавыми призывами к репрессиям, которые якобы «необходимы и неизбежны», заявлениями типа «Ты либерал? Если победят патриоты, ты отправишься по этапу. И не спрашивай: за что? Потому что ты либерал», и стенаниями о том, что «когда в СССР были репрессии, страна была великой и сильной».

Мечтающие о «новом Сталине», конечно, уверены, что арестовывать, сажать и расстреливать будут тех, кто им неприятен.

Забывая, что в те времена в жернова машины репрессий попадали — в свой черед — и те, кто обвинял, и те, кто арестовывал, и те, кто поддерживал и одобрял.

А потом писал отчаянные письма: «Передайте товарищу Сталину, что произошла чудовищная ошибка»...

Вот бы для чего создавать «Национальный центр исторической памяти» — чтобы общество не забывало о преступлениях против собственного народа, совершенных диктатором и его подручными.

Но, судя по всему, под «исторической памятью», которая нуждается в сохранении, в Кремле имеют в виду лишь *удобную историческую память*.

Тщательно препарированную, заботливо подогнанную под текущую политическую линию и надежно очищенную от всего, что противоречит стройной концепции о том, как Россия была всегда окружена врагами, стремящимися ее уничтожить, но

неизменно их побеждала. И как она никогда не начинала войн, но почему-то непрерывно при этом расширялась, неся исключительно процветание покоренным народам...

В эту концепцию прекрасно укладывается мудрый вождь и учитель, корифей философии, биологии и языкознания — товарищ Сталин (и установка памятников ему), но совершенно не укладываются сталинские репрессии. И потому память о них, конечно, не нужна для создаваемого «национального центра».

Как не нужна память о Катыни и советско-финской войне. О пакте Молотова–Риббентропа и телеграмме Сталина Риббентропу (опубликованной 25 декабря 1939 года в газете «Правда») о «дружбе народов Германии и Советского Союза, скрепленной кровью». И о статьях в советских газетах 1939–40-х годов, называвших Вторую мировую войну «преступной бойней, развязанной англо-французскими империалистами», а Польшу — «уродливым детищем Версальского договора».

Эту память можно вычеркнуть из учебников. Или объявить «неисторической». Назвать «заведомо ложным» все, что не соответствует официальной трактовке, изложенной в выступлениях нынешних вождей и нынешних учебниках истории. А если что, так пригрозить судом всем, кто будет эти «заведомо ложные сведения» распространять. Объявив официальные трактовки «заведомо истинными» (именно так, как известно, рассматриваются дела о «военных фейках»)...

В краткосрочной перспективе это может получиться, но в долгосрочной — обречено на провал.

Потому что можно уничтожить «Мемориал» и убрать таблички «Последнего адреса», поставить памятники Сталину и завалить полки книжных магазинов его прославлениями, но не удастся уничтожить память о преступлениях.

Она все равно прорвется — как трава через асфальт.

И наступит время, когда если и останутся где-то памятники палачам — то лишь в назидание потомкам, но категорически невозможно будет появление новых.

*«Как будто дело все в убитых,
в безвестно канувших на Север —
а разве веку не в убыток
то зло, что он в сердцах посеял?»*

*Пока есть бедность и богатство,
пока мы лгать не перестанем
и не отучимся бояться, —
не умер Сталин».*

Это в далеком 1959 году написал Борис Чичибабин, 100-летие со дня рождения которого было в январе этого года.

Бывший политзаключенный за «антисоветскую деятельность», а в 1990 году — лауреат Государственной премии СССР, русский поэт, почти всю жизнь проживший на Украине.

НЕЖИВЫЕ КАРТИНКИ

ЛЮДИ — ИЛЛЮСТРАЦИИ ДЛЯ СМИ,
И «САКРАЛЬНЫЕ ЖЕРТВЫ» ДЛЯ ПОЛИТИКОВ.
ПОЧЕМУ РОССИЯ НЕ ВЫСКАЗАЛА НИ СЛОВА СОЧУВСТВИЯ
НИ НАРОДУ ИЗРАИЛЯ, НИ НАРОДУ ПАЛЕСТИНЫ

16 ОКТЯБРЯ 2023

ХАМАС поблагодарил президента России, заявив, что «высоко ценит его позицию в отношении продолжающейся сионистской агрессии и неприятия блокады Газы и расценивает его действия как «спасение палестинского народа». И на российских госканалах, время от времени оговариваясь «мы, конечно, против терроризма», сочувствуют палестинцам, показывают демонстрации в арабских странах в поддержку ХАМАС (но не показывают акции в поддержку Израиля в Европе) и громко возмущаются обстрелами Газы — забывая, какое количество ракет (более пяти тысяч) было выпущено по Израилю только в начале октября. Такая тактика и стратегия, — с отсутствием эмпатии в отношении Израиля и жертв палестинского террора и употреблением выражений «наши палестинские друзья», — может привести к серьезному охлаждению отношений со страной, которая в последние десятилетия была если не союзником, то благожелательным партнером.

Ситуация, прямо скажем, беспрецедентная: Россия, позиционирующая себя как непримиримого борца с международным терроризмом, получает публичную благодарность от организации, которая и раньше была признана террористической многими странами мира, в том числе в Великобритании, США, Канаде, Австралии, Японии, странах Евросоюза и Израиле, а после резни 7 октября в кибуце Кфар-Аза и расстрелов участников музыкального фестиваля и вовсе стала одним из самых чудовищных символов терроризма.

И теоретически, и прагматически от подобных благодарностей Кремлю стоило бы максимально дистанцироваться.

Но этого не случилось.

Не прозвучало и соболезнований жертвам хамасовского террора (и вообще никаких сожалений о жертвах с обеих сторон).

И слова «террор» и «террористы» не найти в эти дни в выступлениях и заявлениях российских официальных лиц (Россия не считает ХАМАС террористами — даже после жутких событий последних дней). Вместо этого — претензии к США, которые «пытались монополизировать урегулирование».

Удивительного в этом ничего: все это уже было в советские времена.

Осталось только заговорить об «израильской военщине, известной всему свету», и призвать ее к ответу...

...Террористическую атаку на Израиль немедленно и категорически осудили Великобритания и США, Франция и Германия, Нидерланды и Испания, Грузия и Венгрия, Чехия и Украина, Италия и многие другие страны мира и Европы.

Российский же МИД — устами министра Сергея Лаврова — лишь «выразил глубокую озабоченность в связи с резким обострением ситуации в зоне палестино-израильского конфликта» и призвал обе стороны — устами Марии Захаровой — к «необходимой сдержанности».

Устами же государственных пропагандистов виноватым в случившемся был, конечно, назван «коллективный Запад», а оценки колебались от злорадства до плохо скрываемой радости.

Точь-в-точь, как у их советских предшественников: ровно так же они реагировали на «шестидневную войну» 1967 года и «войну Судного дня» 1973 года. Чем, впрочем, закончились эти войны — хорошо известно.

Через несколько дней президент Владимир Путин сравнил израильскую блокаду сектора Газа с блокадой Ленинграда нацистами в годы Второй мировой войны и заявил, что наземная операция ЦАХАЛ в Газе недопустима, так как множит боль и страдания мирных палестинцев.

После чего заметил, что Израиль «подвергся беспрецедентной по своей жестокости атаке и, конечно, имеет право на защиту, имеет право на то, чтобы обеспечить свое мирное существование», но подчеркнул, что «нужно озаботиться решением этого вопроса мирными средствами».

И что Россия исходит «из безальтернативности решения палестино-израильского конфликта путем переговоров», а целью этих переговоров должна стать «реализация ооновской формулы «двух государств», предполагающей создание независимого палестинского государства со столицей в Восточном Иерусалиме, сосуществующем в мире и безопасности с Израилем».

Наконец, в ночь на 14 октября Россия внесла в Совет безопасности ООН проект резолюции с призывом к «немедленному, прочному и полностью соблюдаемому гуманитарному прекращению огня, безопасному освобождению всех заложников, распределению гуманитарной помощи и безопасной эвакуации нуждающихся гражданских лиц». Слово «ХАМАС» (как и слово «терроризм» или «террористы») в проекте не упоминается...

Как уже сказано, Россия упорно не признает ХАМАС (или «Исламское движение сопротивления») террористической организацией, несмотря на все кровавые деяния, которые за ней числятся.

Причина была сформулирована почти 20 лет назад спецпредставителем МИД России по ближневосточному урегулированию Александром Калугиным: «Группировка ХАМАС не внесена в России в список террористических организаций, поскольку она не действует на российской территории. Соответственно, у нас нет юридической оценки ее деятельности».

На лукавство этой аргументации указывалось многократно: целый ряд организаций, которые Россия признает террористическими, тоже не действуют на российской территории (например, «Аль-Каида», «Египетский исламский джихад» или «Фронт Ан-Нусра»). А кроме того, жертвами терактов хамасовцев на территории Израиля не раз становились проживающие там российские граждане, как и в этот раз. Наконец, ХАМАС отказывается прекратить террор, отказывается признать Израиль, а в своей «Хартии» открыто призывает к уничтожению Израиля и убийствам евреев, заявляя, что «нет решения палестинскому вопросу, кроме как посредством джихада».

Все это, однако, совершенно не мешало российским властям признавать организацию со столь специфической теорией и практикой как легитимного партнера для переговоров: лидеры ХАМАС неоднократно посещали Москву.

Так, в сентябре 2022 года в Москву приезжала делегация ХАМАС во главе с Исмаилом Ханией, встречалась с министром иностранных дел Сергеем Лавровым и посещала Госдуму, после чего Хания заявил, что ХАМАС разделяет «многие позиции российской внешней политики». А в марте 2023 года в Москве с делегацией хамасовцев встречался замминистра иностранных дел России Михаил Богданов...

...Казалось бы, после событий 7 октября у российских властей были все основания изменить позицию — настолько очевидно террористический характер носили действия ХАМАС.

Из более чем 1300 погибших израильтян — немногим более 250 военных, остальные — мирные граждане, включая младенцев.

Ведущие мировые (а не только израильские) СМИ пишут о результатах действий террористов, приводя убийственные факты. Так, израильские «Вести» приводят рассказ врача Рона Азари, который занимался опознанием тел погибших и который говорит, что у него «было такое чувство, будто я сел в машину времени и вернулся в 1945 год, чтобы расчистить концентрационный лагерь», и что «террористы заминировали тела, чтобы тот, кто придет этим людям на помощь, взорвался бы вместе с ними».

Но нет, риторика и стилистика не меняются.

И на российских госканалах, время от времени оговариваясь «мы, конечно, против терроризма», сочувствуют палестинцам, показывают демонстрации в арабских странах в поддержку ХАМАС (но не показывают акции в поддержку Израиля в Европе) и громко возмущаются обстрелами Газы — забывая, какое количество ракет (более пяти тысяч) было выпущено по Израилю только в начале октября.

При этом к мирному решению, переговорам и неприменению силы нередко призывают те же люди, которые в других ситуациях требуют на противоположной стороне выжечь все до основания и не давать никакой пощады. И не проявляют ни малейшего сочувствия к страданиям гражданских лиц. И выступают за максимальное жесткое поведение по отношению к террористам и за категорический отказ от каких-либо переговоров...

Что касается неизменно звучащих призывов Москвы к созданию «независимого палестинского государства», то неплохо

бы напомнить, что дважды за последние двадцать лет предпринимались попытки приблизиться к нему и реализовать принцип «мир в обмен на территории».

И оба раза Израиль, передав территории, не получил мира.

В первый раз, в 1995 году, в результате заключения соглашения «Осло-2», на Западном берегу реки Иордан — в Иудее и Самарии — была создана самоуправляющаяся Палестинская национальная автономия (ПНА) с выборными органами власти. Для того чтобы кнессет (парламент Израиля) одобрил это соглашение, у правящей коалиции не хватало двух голосов (проголосовать были готовы только 59 депутатов из 120). И тогда двух депутатов из оппозиции, попросту говоря, купили, предоставив им посты в правительстве. Но это не помогло: после подписания соглашения террористическая активность ХАМАС и других аналогичных организаций не прекратилась, а власти ПНА продемонстрировали полную неспособность этому противодействовать.

Через десять лет, в 2005 году, премьер-министр Ариэль Шарон провел в жизнь свой план «одностороннего размежевания»:

Израиль вывел войска и эвакуировал поселенцев из сектора Газа в надежде, что там заживут, решая собственные проблемы, а не сводя жизнь к войне против Израиля.

Но теракты и ракетные обстрелы территории Израиля не прекратились — при том, что Израиль исправно поставлял в сектор Газа воду и электричество (нынешняя блокада, которой так возмущается Кремль, заключается в том, что эти поставки прекратились, — но хочется посмотреть на страну, которая после жестокого теракта против своих жителей поступила бы иначе).

Яркий пример: до «размежевания» на севере сектора Газа израильские поселенцы построили огромные теплицы, напичканные сложнейшей микроэлектроникой, где выращивалось значительное количество фруктов и овощей. Первое, что сделали жители Газы после «размежевания», — разгромили и сожгли эти теплицы, сплывав танец победы над врагом на развалинах, а потом на их месте построили установки для запуска ракет...

Как решать эту проблему — при том, что жизнь в Газе, как описывает известный политолог и журналист Сергей Шелин,

устроена так, что внутренние потребности обеспечивает финансовая помощь ООН, а вооружение оплачивают Катар и Иран и поэтому ХАМАС совершенно не волнует развитие экономики в секторе, — точно не знает никто. Но даже не представители Израиля, а президент Сальвадора Найиб Букеле, сальвадорец с палестинскими корнями, сейчас говорит: «Я уверен, что самое лучшее, что может случиться с палестинцами, — это полное исчезновение ХАМАС».

Кремль, впрочем, существование ХАМАС, судя по всему, вполне устраивает. А разговоры о «страдающих палестинцах» — не более чем элемент пропаганды, потому что люди — и не только чужие, но и свои — российской (как и советской) властью воспринимаются как инструмент для достижения тех или иных целей. Не потому ли им внушается, что лучшее, что они могут сделать, — это умереть за государство и его интересы, сформулированные правителями?

ХАМАС, заметим, воспринимает граждан точно так же — чему только что был явлен яркий пример, когда его руководство призвало жителей Газы не эвакуироваться по призыву Израиля из северной части сектора перед возможной наземной операцией.

Логика чудовищна и хорошо знакома: чем больше людей, оставшись, погибнет — тем больше будет эффектных картинок для СМИ о «зверствах сионистских агрессоров» и тем больше денег потом можно получить от Катара и Ирана на новое оружие.

Правда, судя по всему, множество людей все-таки решили эвакуироваться (тем более что весь сектор Газа — 40 километров в длину и не более 12 в ширину), не желая быть ни «живым щитом» для ХАМАС, ни персонажами будущих иллюстраций...

Последнее. Тактика и стратегия, выбранная сейчас российскими властями на Ближнем Востоке, видится крайне непродуманной. Чтобы не сказать больше.

Потому что отсутствие эмпатии в отношении Израиля и жертв палестинского террора, сравнение блокады Газы и блокады Ленинграда (в Израиле, где все от мала до велика помнят Вторую мировую, это сравнение вызвало бурю возмущения) и употребление выражений «наши палестинские друзья» может привести к серьезному охлаждению отношений со страной,

которая в последние десятилетия была если не союзником, то благожелательным партнером.

С которой Россию — по понятным причинам — связывают миллионы нитей. Которая является самой технологически «продвинутой» в регионе и сотрудничество с которой чрезвычайно выгодно. И которая была до сих пор максимально сдержанна в конфликте России и Украины.

Разрушать все это — ради чего? Ради сохранения террористов из ХАМАС как проблемы для Запада?

А ведь дело не ограничивается ХАМАС: только что спецпредставитель президента России по Афганистану, директор второго департамента Азии МИД РФ Замир Кабулов, заявил, что Россия в будущем может признать правительство, сформированное движением «Талибан» (которое официально запрещено в России и считается террористическим, но с ним поддерживают отношения), но «его представители должны заслужить признание». И что Москва «не считает их террористами по существу»...

P. S.

Российский МИД с сожалением сообщил, что число россиян, погибших в Израиле после атаки ХАМАС, возросло до 16, и еще 8 граждан РФ числятся в списках пропавших без вести.

Вопрос о том, что еще должно произойти, чтобы ХАМАС признали террористом и публично отвергли его благодарности, остается открытым.

О ЛИШЕНЦАХ

ОЧЕРЕДНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ ПО ЛИШЕНИЮ ГРАЖДАНСТВА МИГРАНТОВ И УНИЧТОЖЕНИЮ 20 ПРОЦЕНТОВ ИНАКОМЫСЛЯЩИХ

21 ОКТЯБРЯ 2023

Председатель Следственного комитета России (СКР) Александр Бастрыкин предложил лишать гражданства натурализованных мигрантов, если они уклоняются от участия в СВО.

Конечно, российская Конституция прямо запрещает принудительно лишать гражданства (не важно, врожденного или приобретенного). Но один раз этот конституционный барьер уже переступили — и ничего, обошлось, те, кто должен стоять на страже Основного закона, сделали вид, что не заметили. И если будет на то политическая воля — обойдется и на этот раз.

Тем более что за мигрантов вряд ли в массовом порядке заступятся: они в этом плане очень удобный объект.

Предложение Бастрыкина прозвучало на конференции «Сплоченность общества и укрепление межнациональных отношений», посвященной одной из любимых тем как российских правоохранительных органов, так и российских националистов: преступности среди мигрантов.

Глава СКР назвал актуальным вопрос о «приоритетном направлении натурализованных граждан для участия в решении задач проведения специальной военной операции» и призвал пресекать их уклонение от воинского учета. По его словам, «если ты не готов, будучи гражданином Российской Федерации, исполнять свой воинский долг, надо принимать решение о лишении такого человека гражданства».

Это далеко не первое предложение Бастрыкина такого рода: в январе 2023 года он говорил, что только в первой половине 2022 года более 60 тысяч совершеннолетних граждан Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана получили гражданство России, а вместе с ним и «конституционную обязанность

по защите принявшей их страны» и что их надо в приоритетном порядке направлять на СВО.

Кроме того, «мигрантская» (точнее, «антимигрантская») тема все последние годы звучит из уст главы СКР.

Так, в мае 2023 года на Петербургском международном юридическом форуме он говорил о проблеме иностранной преступности, о случаях групповых нападениях мигрантов на русских с целью унижения и сетовал, что не все иностранцы горят желанием изучать русский язык и культуру, а многие прямо противопоставляют свои этнические традиции принятым в России.

Чуть раньше — в апреле 2023-го — Бастрыкин призывал ввести в стране «весомый налог» за использование трудовых мигрантов, чтобы мотивировать работодателей нанимать граждан РФ. По его словам, в стране нужно разработать «дорожную карту» по замещению трудовых мигрантов гражданами России, чтобы снизить социальную напряженность.

В ноябре 2021 года глава СКР призывал к введению обязательной геномной регистрации всех трудовых мигрантов, въезжающих в Россию из ближнего зарубежья. И отмечал, что в стране наблюдается рост числа преступлений, совершаемых иностранцами. Хотя тогда даже в Госдуме ему отвечали, что мигранты не оказывают «определяющего воздействия» на показатели преступности в стране.

Наконец, еще в 2017 году Бастрыкин говорил, что «этническая преступность» наиболее активно проявляет себя в Московском регионе и Санкт-Петербурге, а также в Краснодарском крае, Иркутской, Свердловской и Новосибирской областях и что в этих регионах налицо «возникновение этнических анклавов, представляющих угрозу для местного населения»...

Впрочем, сейчас вряд ли мы имеем дело с попыткой «понести в массы» в политических целях антимигрантские идеи, рисуя очередной «образ врага».

Куда более вероятна более прагматическая версия: натурализованные мигранты — удобный и почти бессловесный (ввиду своей уязвимости и отсутствия влиятельных защитников) ресурс для пополнения рядов участников СВО.

Никакого серьезного общественного беспокойства или протеста привлечение натурализованных мигрантов к военной

службе не вызовет. А угроза лишиться гражданства — с перспективами депортации — для них крайне существенна.

Да, конечно, с правовой точки зрения лишение «приобретенного» гражданства сомнительно — чтобы не сказать больше. Ведь в статье 6 российской Конституции прямо написано, что гражданство Российской Федерации является единым и равным независимо от оснований его приобретения и что гражданин Российской Федерации не может быть лишен гражданства Российской Федерации или права изменить его.

Иначе говоря, лишить гражданства — в том числе за уклонение от военной службы и участия в СВО — в принудительном порядке невозможно. Это дорога с односторонним движением: если человек, родившийся не в России, впоследствии получил гражданство, лишиться его он может только по собственной воле. И никакие проступки не могут быть основанием для лишения гражданства

Однако, как уже сказано, этот конституционный барьер однажды уже был преодолен.

Через несколько дней, 26 октября 2023 года, вступает в силу новая редакция Федерального закона «О гражданстве РФ», принятая еще в апреле, где сказано, что можно лишить «приобретенного» гражданства (это изящно названо «решением о прекращении гражданства») за совершение «действий, создающих угрозу национальной безопасности» страны.

А также — за совершение преступлений примерно по шестидесяти статьям УК РФ, в том числе статьи 207.3 (публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных сил России), статьи 280.3 (публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных сил России) и статей об ответственности за экстремистскую или террористическую деятельность.

Никаких попыток оспорить эту норму ни один субъект обращения в Конституционный суд РФ не предпринимал. И вряд ли предпримет в ближайшее время, учитывая наличие в Госдуме пяти партий, неотличимых в отношении к СВО до степени смещения и соревнующихся в «антимигрантских» инициативах.

Правда, даже если бы такое обращение и последовало, крайне мало надежд на то, что нынешний Конституционный

суд решился бы признать указанные нормы неконституционными.

И, кстати, столь же мало надежд на то, что российская правоохранительная система отреагирует на людоедские высказывания депутата Госдумы генерал-лейтенанта Андрея Гурулева.

Указанный персонаж в эфире «России-1», заявив, что общество «на 80% доверяет президенту», договорился до заявлений о том, что та часть российского общества (названная им «гнилью»), которая не поддерживает президента Владимира Путина, должна быть «если не изолирована, то хотя бы как-то уничтожена». Если это не открытые призывы к геноциду — найдите другое слово.

В нормальном обществе реакция на эти заявления, — как политическая, так и юридическая, — последовала бы немедленно.

Однако, о реакции на эти заявления Александра Бастрыкина (обычно весьма оперативно откликающегося на самые разные ситуации) пока ничего не известно.

«АНТИФАШИЗМ» РАЗЫГРАЛСЯ

НА КАВКАЗЕ — ПОПЫТКА ЕВРЕЙСКИХ ПОГРОМОВ.
КРЕМЛЬ МОЛЧИТ

30 ОКТЯБРЯ 2023

В Черкесске толпа, собравшаяся перед домом правительства, потребовала не пускать в республику приезжих из Израиля и выселить из Карачаево-Черкесской Республики всех евреев.

В столице Кабардино-Балкарии — Нальчике — сожгли строящийся еврейский культурный центр, оставив на стенах антисемитские надписи.

В Дагестане местные жители пришли к отелю «выселять евреев», которых там, правда, не оказалось, а в местных чатах призывают ничего не продавать евреям, не покупать у них товары и не сдавать им жилье.

А затем аэропорт Махачкалы взяли штурмом «встречающие» рейс из Тель-Авива, которые требовали не пускать израильтян в республику.

Тогда собравшиеся начали досматривать (!) выезжающие из аэропорта машины в поисках евреев и в тех же целях ворвались в здание аэропорта и на взлетно-посадочную полосу.

Это Россия 20-х годов нынешнего века.

Ничего, впрочем, удивительного: события последних трех недель очевидно вели к тому, что антисемитскую карту выложат на стол.

Реакция российских властей на события 7 октября (и последующие) на Ближнем Востоке не оставляла сомнений в том, чью сторону Кремль поддерживает в этой войне.

Россия отказывается публично осуждать преступления террористов ХАМАС (и называть их террористами), голосует в Совете безопасности против резолюции, осуждающей террористическую атаку ХАМАС на Израиль, а затем на Генеральной ассамблее ООН голосует против поправки Канады аналогичного содержания.

Государственные информагентства России именуют ХАМАС не террористами, а «радикалами» (хотя и пока еще не «борцами сопротивления», как арабские страны и Турция) и полны гневного осуждения ответной операции Израиля против ХАМАС, ведя формально антиизраильскую, а по сути — антисемитскую пропаганду (точно так же в советские времена антисемитизм подавался под видом «антисионизма»).

В свою очередь, ХАМАС «высоко оценивает» позицию президента России Владимира Путина, посылает свою делегацию в Москву и называет Россию «ближайшим другом».

Все это каждый день показывается и рассказывается российской аудитории, и эти посеянные «зубы дракона» не могли не взойти.

Тем более что до этого пропаганда поочередно указывала как на «врага» то на грузин, то на украинцев, то на американцев, то на англичан...

Что же, сигнал был правильно понят, а мишень указана.

Недаром слово «погром» — одно из тех, родившихся в России, которое стало международным.

И все происходящее — звенья одной цепи.

Федеральный центр до сих пор хранит гордое молчание об антисемитском буйстве. А местные власти лепечут что-то невнятное. Так, глава Дагестана Сергей Меликов (замечу: генерал-полковник и бывший первый замдиректора Росгвардии) сперва заявляет, что хочет «отметить оперативную работу МВД и муниципальных властей, благодаря которым удалось быстро исправить возникшее недоразумение», а потом, после прорыва толпы в аэропорт, твердит о неких «зарубежных телеграм-каналах», которые возбудили граждан. А глава Северной Осетии Сергей Миняйло говорит, что «происходящее в Дагестане — это спланированная извне провокация».

То есть чудом не случившийся погром — это так, «недоразумение»? И то, что произошло в аэропорту, — тоже?

Муфтии Северного Кавказа выступили с заявлением о том, что происходящее «противоречит духу исламской религии и традициям народов Северного Кавказа» и что «антисемитизму нет места в многонациональном Северном Кавказе».

Хотелось бы верить, что нет места.

Но что делать с видеосвидетельствами, в том числе — у отеля и в аэропорту? Где не видно ни одного почтенного муфтия, который бы напоминанием о канонах ислама и своим авторитетом стыдил собравшихся?

Происходящее вполне заслуживало немедленного возбуждения уголовных дел, и не по одной статье. Тут вам и экстремизм, и массовые беспорядки, и возбуждение межнациональной вражды и ненависти, и препятствия для работы транспорта, и самоуправство — целый букет. И нет никаких сомнений, что, случись (не дай бог) что-то подобное в другом регионе по отношению к чему-либо иному, — уголовные дела были бы уже возбуждены, а силовые структуры — подняты по тревоге.

Тут же полиция, как сообщают государственные информагентства, «ведет разъяснительную работу с протестующими». И лишь потом — через три часа — начинает задерживать погромщиков. Не то что на оппозиционных митингах — там вместо «разъяснительной работы» сразу валят на асфальт и волокут в автозак.

Позднее следственный комитет (Дагестана, не центральный аппарат СКР) возбудил-таки уголовное дело — но только о массовых беспорядках.

И часть протестующих задержана. И аэропорт очищен.

И ГУ МВД по Северо-Кавказскому округу обещает сурово наказать всех участников беспорядков.

Посмотрим, что будет на самом деле.

Внимание, вопрос: если бы аналогичная толпа попыталась провести не антисемитский, а антипрезидентский или антиправительственный митинг — сколь быстрой была бы реакция «органов»?

Стоит вспомнить и то, какие сроки получали те, кто бросал бумажные стаканчики в полицейских, и те, кто участвовал в совершенно мирном ингушском протесте.

Последнее. Что характерно — полное молчание Москвы.

Ни слова осуждения — по состоянию на поздний вечер 29 октября — ни от президента, ни от его пресс-секретаря, не говоря уже о других ВИП-персонах.

Как тут не вспомнить дурно пахнущую (как бы ни относиться к Чубайсу) президентскую «остроту» про «Моше Израилевича».

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ И «ЗВЕРОПОДОБНЫЕ ТРУСЫ»

КАК СМОТРИТСЯ СНИСХОЖДЕНИЕ К ПОГРОМЩИКАМ
НА ФОНЕ «ИНГУШСКОГО ДЕЛА», В КОТОРОМ НЕ БЫЛО
НИ НАСИЛИЯ, НИ УЩЕРБА, НИ НЕНАВИСТИ

4 НОЯБРЯ 2023

Через неделю после погрома в Дагестане — с массовыми беспорядками, фактическим захватом международного аэропорта, насилием по отношению к полиции, многомиллионным ущербом, проверками документов, устроенными погромщиками в поисках евреев, и откровенно антисемитскими призывами — стало ясно, что его участники отделаются сравнительно мягкими мерами наказания.

Задержаны были 83 человека (при том, что, по оценкам МВД Дагестана, участвовало в беспорядках более 1200 человек), но, несмотря на возбуждение уголовного дела о массовых беспорядках, отправлены под арест лишь 15 человек.

Причем не по уголовным, а по административным статьям о мелком хулиганстве и нарушении установленного порядка проведения публичных акций, и на сроки от 3 до 10 суток.

Первоначальные заявления представителей власти были жесткими. Глава Дагестана Сергей Меликов (генерал-полковник Росгвардии) называл погромщиков «звероподобными трусами» и «предателями», обещая, что «поблажек не будет никому».

Но затем все быстро вошло в знакомую колею.

Президент Владимир Путин, промолчав (привычная «пауза») почти сутки, собрал закрытое совещание с членами Совбеза, правительства и главами силовых ведомств, где заявил, что беспорядки в Дагестане были «инспирированы в том числе через социальные сети, не в последнюю очередь с территории Украины, руками агентуры западных спецслужб».

После этого федеральные каналы начали наперебой транслировать утверждения об «инспирированной провокации»,

а общественность стала призывать к снисхождению и пониманию тех, кого «спровоцировали».

Популярные спортсмены — такие как Хабиб Нурмагомедов и Махмуд Магомедов — призвали «наказать тех, кто устроил бардак через телеграм-каналы, но не наших молодых ребят, смягчить наказание до административного». А Духовное управление мусульман Республики Татарстан призвало к снисхождению в адрес тех, кто «пошел на это от отчаяния и чувства несправедливости».

В чем именно отчаялись те, кто прорвался в аэропорт в поисках евреев (им лично совершенно точно ничего не сделавших), не уточнялось.

Проявить понимание, впрочем, согласились не все. Даже совершенно лояльные персонажи.

Так, упомянутый Сергей Меликов заявил: «Давайте по степени вины каждый будет отвечать», а дагестанский депутат Госдумы Султан Хамзаев (автор многих, мягко говоря, неоднозначных инициатив) напомнил о 260-миллионном (в рублях) ущербе аэропорту и «огромном репутационном уроне для республики», вопросив: «Вы хотите, чтобы закон работал, или хотите решения по-братски?» Недовольство высказал и сенатор Андрей Клишас.

За этим, однако, последовали упомянутые — весьма щадящие — наказания первых погромщиков, а затем Владимир Путин выступил еще раз, на встрече с членами Общественной палаты, сказав о «заокеанских деятелях» и «украинской агентуре». И хотя он заявил, что власти Дагестана должны отреагировать на беспорядки в соответствии с российскими законами, подчеркнул, что происходящие события нужно «воспринимать объективно» и понимать, «где корень зла».

Вряд ли после этих заявлений у силовиков и чиновников останутся сомнения, где искать «корень зла».

Возникает очень удобная конструкция: ежели виновны забугорные провокаторы — стало быть, по всей строгости российского закона им и отвечать. Их (пока не названных по именам, но это не препятствие), возможно, даже заочно арестуют и заочно осудят на большие сроки.

А рядовых погромщиков, поддавшихся по «молодости и наивности» на столь изощренную провокацию, можно большей частью «понять и простить».

Это вам не пластиковые стаканчики в полицейских бросать (с последующими их невыносимыми страданиями), не ценники в продуктовом магазине менять, не спектакли ставить и не на совете депутатов выступать с пацифистскими речами: за такое никакой пощады не будет. Не говоря уже о «понимании» или «прощении».

Конечно, определенное снисхождение — к тем, кто сам ничего не громил и не отличился антисемитскими призывами и действиями, — можно было бы понять.

Но оно было бы более убедительным, если бы проявлялось и в других случаях.

И не только в случаях с Алексеем Гориновым и Михаилом Афанасьевым, Сашей Скочиленко и Марией Пономаренко, Всеволодом Королевым и Викторией Петровой, Женей Беркович и Светланой Петрийчук, Владимиром Кара-Мурзой и Ильей Яшиным, Андреем Пивоваровым, Владимиром Ефимовым, Василием Неустроевым и многими другими, которые ничего не громили и ни к чему антиконституционному не призывали, и точно не причинили никому никакого ущерба.

Эти истории на слуху, а есть случай, почти (и незаслуженно) позабытый.

С мирным ингушским протестом, где весьма суровому наказанию подверглись — что весьма существенно — единоверцы участников событий в Махачкале.

Начиная с осени 2018 года в Ингушетии протестовали против изменения границ республики в пользу Чечни. Тысячи людей проводили мирные митинги и сходы, неделями (без единого нарушения общественного порядка!) не расходились с площадей, принимали резолюции, выбирали делегатов на конгресс ингушского народа. Люди хотели одного — чтобы их услышали и приняли решение в соответствии с их мнением, вынеся вопрос на референдум.

26 марта 2019 года прошел мирный митинг в Магасе, после которого на площади осталось примерно 150 человек, вставших 27 марта на молитву около 4 часов утра.

И тут была устроена провокация: сперва кто-то взорвал светошумовую гранату, а затем силовики начали разгонять собравшихся, применяя силу, в том числе к старикам. За них заступилась молодежь — при этом лидеры протеста призывали разойтись и ни в коем случае не применять никакого насилия.

В результате семеро лидеров протеста — Малсаг Ухажов, Ахмед Барахоев, Муса Мальсагов, Исмаил Нальгиев, Багаудин Хаутиев, Барак Чемурзиев и Зарифа Саутиева — были осуждены за применение насилия и создание «экстремистского сообщества» на сроки от 7,5 до 9 лет. Еще 44 человека уже вышли на свободу, отсидев от года до полутора. 16 сотрудников ингушской полиции, которые пытались помешать «силовикам» из других регионов применять силу к протестующим, были уволены, а затем осуждены за «неисполнение приказа». И еще около 300 человек привлекли к административной ответственности по митинговой статье к штрафам, принудительным работам и арестам... Так вот, не припомню, чтобы кто-то из тех, кто сейчас призывает к снисхождению и пониманию участников беспорядков в Махачкале, 4 года назад заступался за участников мирного протеста в Ингушетии.

Ни великие чемпионы, ни духовные лидеры из других республик.

Что касается провокации в Махачкале, то она, наверное, была.

Но не только со стороны анонимных телеграм-каналов.

Призывы к антисемитскому шабашу упали на хорошо подготовленную почву — очевидную демонстрацию того, на чьей стороне стоит российская власть в новой войне Израиля против ХАМАС.

Когда сразу после чудовищных зверств, устроенных в Израиле 7 октября террористами ХАМАС, — и это зафиксировано нательными камерами и записями с телефонов, найденных у уничтоженных боевиков (эти записи были показаны иностранным журналистам и депутатам Кнессета и вызвали настоящий шок), — делегация ХАМАС приезжает в Москву.

Когда российские пропагандисты применяют антисемитскую риторику (один из них, не стесняясь, советует тем, кто

хочет «убивать евреев», ехать в Газу — и не встречает никакой реакции прокуратуры или Следственного комитета).

Когда государственные каналы транслируют фейки о якобы «500 убитых израильской ракетой в больнице в Газе», хотя больница цела, и даже ВВС и NYT извинились перед Израилем за то, что первоначально распространили этот фейк.

Когда Владимир Путин заявляет, что «в секторе Газа без разбора уничтожают сотни тысяч ни в чем неповинных людей, которым некуда бежать и негде укрыться от бомбардировок», — хотя даже террористы ХАМАС (чьи заявления выдаются за заявления «минздрава Палестинской автономии», хотя ПНА не контролирует сектор Газа и враждует с ХАМАС) говорят о тысячах погибших. И тем самым усиливает антиизраильскую псевдогуманистическую риторику, избирательно сокрушаясь по поводу страданий палестинского народа, чего не делал по отношению к другим страдающим народам.

И вслед российское телевидение рассказывает о происходящем так, как будто бы операция Израиля против ХАМАС началась как атака на ни в чем не повинных людей, а не в качестве ответа на зверства террористов 7 октября.

Наконец, соглашусь с коллегой по «Яблоку» Александром Гнездиловым: Путин пытается перенаправить враждебность мусульманского мира (в том числе российских мусульман) с действительного виновника проблем жителей Газы (диктаторского режима ХАМАС и его покровителей из Тегерана) на «коллективный Запад», в том числе США и Израиль.

Так что в этой ситуации нельзя удивляться тому, что в Дагестане временно закрывают синагоги, у еврейских центров дежурит полиция, а горские евреи считают, что вопрос о реальном наказании погромщиков будет «лакмусовой бумажкой»: если его не случится — значит, дан сигнал к тому, что такие действия одобряются властями и могут продолжиться.

Последнее.

Двойные стандарты поведения в отношении участников разных протестов жестко детерминированы известным принципом «свой — чужой».

Те, кто получает драконовские сроки за оппозиционные акции или «несогласные» высказывания, — «чужие», ведь они

выступают против политического курса власти и должны быть наказаны без малейшего снисхождения.

А те, кто не выступает против власти, а лишь доводит до логического развития (пусть и незаконными методами) властные же пропагандистские установки, видя себя проводниками «государственного курса» и охранителями «традиционных ценностей», — «свои», заслуживающие «понимания» и «прощения».

История показывает, что это крайне опасный путь.

Особенно в многонациональной стране.

ПРЕСТОЛ-ТО ЕСТЬ. ЯРЛЫК БЫ...

ЧТО НЕ ТАК С ИСТОРИЕЙ, КОТОРУЮ ПОЛЮБИЛ ПРЕЗИДЕНТ

8 НОЯБРЯ 2023

История стала любимой наукой Владимира Путина — все чаще и чаще он обращается к событиям прошлого, даже глубокого, ища в них идеологическое обоснование настоящего.

Главным образом в истории ищется то, что укладывается в гипотезу «вечно осажденной крепости»: Запад всегда был врагом России, стремящимся ослабить, подчинить и покорить ее.

На встрече с членами Общественной палаты президент заявил, что Александр Невский «ездил в Орду, кланялся ордынским ханам, получал ярлык на княжение в том числе и прежде всего для того, чтобы эффективно противостоять нашествию с Запада», потому что «ордынцы вели себя нагло, жестоко, но они не затрагивали главного: наш язык, традиции, культуру, на что претендовали западные завоеватели».

Естественно, никто из собравшихся не посмел не то, что возразить президенту — не посмел даже об этом подумать.

Хотя в детстве и юности их учили совсем другой истории.

Истории, в которой нашествие Орды принесло десяткам княжеств Древней Руси (никакого единого государства тогда не существовало) неисчислимые бедствия и разорения, многократно описанные в летописях.

Истории, в которой ярлык на княжение Александр (как и другие русские князья) получал не для того, чтобы «противостоять нашествию с Запада», а для того, чтобы править в своей вотчине.

Обязываясь за это собирать для хана дань и посылать войско по требованию хана для участия в его походах. И конечно, он стремился быть при этом «старшим» из русских князей, получив самый престижный ярлык — на «стол» великого князя Владимирского.

Истории, в которой русские князья были сплетены как с Европой (особенно литовско-польскими родами), так и

с Ордой многочисленными родственными связями, что не мешало частенько поднимать оружие и на родственников.

Истории, в которой русские княжества почти непрерывно воевали друг с другом за территории и ресурсы, порой разоряя дотла русские же города и уводя в полон их жителей. И брали в союзники тех, с кем в данный момент совпадали интересы, — как с востока, так и с запада.

Известно, что русские князья в долгие века междоусобных войн на Руси (с начала XI до середины XV века) в разных и постоянно меняющихся союзах осаждали города Древней и Средневековой Руси (Киев, Новгород, Тверь, Рязань, Владимир, Чернигов, Галич, Волынь, Смоленск и другие), иногда при поддержке половецких дружин.

Президенту вторит патриарх Кирилл, заявляющий, что Александр Невский «был великой надеждой для нашего народа, находившегося под игом Орды, потому что умел дипломатическим искусством, правильными словами, подарками ограждать народ от нападений, оставаясь с ханом в добрых отношениях, а вот для отражения нашествия с Запада ему приходилось обнажать меч и вставать во главе войска».

И все та же песня: «если хану и Орде нужны были наши богатства, сокровища, материальные ценности, то те, кто наступал с Запада, руководствовались иными целями: им нужно было завоевать Русь, обратить народ в свою веру и таким образом подчинить его духовным и политическим центрам в Европе, чужим и по вере, и по культуре».

Вообще-то захват «богатств, сокровищ и материальных ценностей» — с обложением данью, унижительным получением «ярлыков на княжение» и поклонами хану — как раз и называется завоеванием и подчинением.

Между тем роль Орды еще не так давно изображалась совсем иначе, и не кем-нибудь, а предшественником нынешнего патриарха!

Вот что в своем послании писал в 2005 году патриарх Алексий, вспоминая Куликовскую битву: «625 лет назад, в трудное время междоусобной раздробленности, полчища иноплеменников, оскверняя православные святыни и опустошая землю Русскую, угрожали самому существованию Московского государства».

И еще: «На поле Куликовом ценой величайших жертв Русь не только нанесла сокрушительный удар могуществу Золотой Орды, но и спасла государства Европы, заслонив их собою от грозного иноплеменного нашествия...»

Утверждение о Руси, спасшей Европу от Орды, тиражировалось в российской истории не один век. Но теперь высочайше велено считать иначе — что Русь не «заслонила собою Европу», а, напротив, спасалась от Запада при помощи Орды.

Однако был такой известнейший персонаж в русской истории — Даниил, князь Галицкий и Волынский. Сражавшийся с Ордой еще в знаменитой (и закончившейся катастрофой для русских князей) битве на реке Калке в 1223 году. Воевавший с венграми, а потом взявший их в союзники в борьбе с Ордой (так же, как литовцев, поляков и немцев). Великий князь Киевский и соперник Александра Невского. Принявший от папы Иннокентия IV корону «короля Руси» и разгромивший в Приднепровье ордынское войско.

Где тут «противостояние нашествию с Запада»? Нет его. Зато есть противостояние Орде, и недаром в учебниках, книгах и энциклопедиях Даниил описан как «поборник единства русских земель»...

Но это — как и многое другое — решительно не укладывается в концепцию, согласно которой именно условный «Запад» был исконным и главным врагом. Значит, надо или забыть о «неудобной» части истории, или ее переписать. Недаром Мединский и компания работают над новыми учебниками, излагающими «государственную интерпретацию истории», соответствующую нынешней генеральной линии.

Стоит заметить, что доходит до анекдотов — когда в «антизападную концепцию» тот же патриарх из всех сил встраивает Петра Первого, прославляемого ими наряду с Александром Невским.

Патриарх Кирилл уверяет, что «Санкт-Петербург был всегда оплотом защиты от Запада», что «Петр боролся с западными влияниями, направленными на ослабление России», потому что понимал, что «различного рода псевдодуховные течения идут с Запада».

На кого рассчитаны заявления патриарха? На тех, кто вообще не учил историю в школе? Ведь в реальной истории Петр

остался совсем другим государственным деятелем, ставшим со своим «окном в Европу» одним из символов именно европейского пути России.

Да, этот путь был во многом продиктован биографией Петра, которого чуть не убили в старой боярской Москве, и потом всю жизнь он ее люто ненавидел. Но этот путь — неоспоримый факт.

Петр строил Петербург как альтернативу этой Москве, и он создавал новую элиту, которую нельзя было вырастить в Москве, а потому единственным выходом оказывалось помещение ее в принципиально иную, европейскую среду.

Петр, воюя с Карлом XII за выход к Балтике, стремился к новому положению России в Европе, к преодолению ее изоляции, оставшейся с «ордынских» времен. И самым активным образом перенимал европейские военные и технические достижения, отказываясь от замшелых традиций прошлого, при сопротивлении — перелаывая «старое» через колено, с предельной жестокостью. А вовсе не «боролся с западными влияниями». Что касается «псевдодуховных течений», то хорошо известно специфическое (чтобы не сказать больше) отношение Петра к церкви и ее канонам.

Впрочем, и президент, и его подданные давно перестали опасаться отступать не только от исторических фактов, но и от прежних интерпретаций прошлого.

В эпоху «клипового сознания» кто о них вспомнит? Ведь, как известно, Океания всегда воевала с Остзией.

ВЕДАЮТ, ЧТО ТВОРЯТ

МОЯ ЛИЧНАЯ АПЕЛЛЯЦИЯ НА ПРИГОВОР САШИ СКОЧИЛЕНКО

18 НОЯБРЯ 2023

Возмущение и ярость — эмоции, которые у многих горожан вызывает приговор, вынесенный Василеостровским судом 16 ноября художнице Саше Скочиленко за размещенные в магазине «Перекресток» пять ценников с мнением, расходящимся с позицией Министерства обороны.

Но нужны не только эмоциональные, но и рациональные оценки. А они таковы: нарушены все пять принципов уголовного закона, прописанных в Уголовном кодексе Российской Федерации (статьи 3, 4, 5, 6, 7). Принцип законности, принцип равенства граждан перед законом, принцип вины, принцип справедливости и принцип гуманизма.

В этом приговоре нет законности. Потому что статья 207.3 УК РФ, вмененная Скочиленко, вводит ответственность за распространение ЗАВЕДОМО ЛОЖНЫХ сведений о деятельности российских вооруженных сил. То есть сведений, о которых Скочиленко, распространяя их, точно знала, что они ложные. Однако она — и это многократно заявлялось в процессе — считала их истинными, а противоположное в суде доказано не было.

В приговоре нет равенства граждан перед законом. Потому что убийцы и насильники порой получают меньшие сроки (а то и помилование впоследствии), чем Скочиленко. Не то что никого не убившая, но и вообще никому не причинившая никакого ущерба (заметим, что потерпевших в этом деле нет). А те, кто устроил в стране вооруженный мятеж, приведший к гибели людей, и вовсе прощены.

В приговоре нет вины. Потому что никаких доказательств ее в процессе не было предъявлено, а «экспертиза», положенная в основу обвинения, была полностью разбита в судебных заседаниях.

В приговоре нет справедливости. Которая в статье 6 УК РФ определяется как соответствие наказания характеру и степени

общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного.

Никакой «общественной опасности» ценники, провисевшие в магазине недолгое время, не представляли. Что касается личности, то речь идет о человеке, никогда не судимом и тяжело больном. Но это не помешало прокурору заявить в суде, что Сkochилeнko «совершила тяжкое преступление против общественной безопасности, которое подрывает основы государства российского».

Как же легко, если верить прокурору, подорвать основы российского государства, и как же непрочны эти основы, если их могут подорвать пять ценников в магазине!

Наконец, в приговоре нет гуманизма. Между тем в статье 7 УК РФ записано, что «наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства».

Как уже сказано, Саша — человек, мягко говоря, нездоровый, она нуждается в специальном питании и регулярном наблюдении врачей. Полтора года она провела в СИЗО, потому что прокурор упорно требовал ее не отпускать, а суд легко с этим требованием соглашался (я давал поручительство за Сашу, чтобы ей изменили меру пресечения, и обосновывал это в суде). И если она, с ее состоянием здоровья, будет вынуждена еще четыре с половиной года (если считать сроки в СИЗО) провести в колонии, это неминуемо приведет и к ее страданиям, и к унижению ее человеческого достоинства...

Прокурор Александр Гладышев и судья Оксана Демяшева — профессиональные юристы. Не зная эти принципы уголовного закона они не могут.

Однако прокурор, апеллируя к народу, который, по его мнению, является «потерпевшим в этом деле» (!), и обвиняя Сkochилeнko в том, что она «не только не раскаялась, но и продолжала сеять панику», потребовал для Саши 8 лет лишения свободы, а судья приговорила ее к 7 годам. И ни малейших колебаний и сомнений не отражалось во время процесса (много раз был на заседаниях) на их лицах.

Значит, евангельское «прости им, ибо не ведают, что творят» — не о них: они, главные символы этого процесса, прекрасно ведали, что творят.

Значит, не имеют значения конспирологические версии и не имеет значения, давали ли им указания поступить так, как они поступили, или не давали, звонили им «сверху» или не звонили, и если звонили, то кто именно.

Если указания и звонки были и они согласились их исполнять, они несут равную ответственность с теми, кто набирал номер.

Нельзя не привести еще один пример из этого дела — когда судья Демяшева не раз отказывала Скориченко даже в объявлении короткого (на 15 или 30 минут) перерыва, чтобы она могла поесть, выпить воды, сходить в туалет и принять лекарство. При этом Сашу привозили в суд утром, оставляя ее без завтрака в СИЗО, а возвращали назад вечером, уже после ужина. Для нее это была бы единственная за день возможность поесть — однако судья отказывала ей в просьбе.

Между тем есть Кодекс судейской этики. Где написано, что судья должен «следовать высоким стандартам морали и нравственности» и «избегать всего, что могло бы умалить высокий авторитет судебной власти и причинить ущерб репутации судьи». И что «поведение судьи в ходе судебного разбирательства должно способствовать поддержанию уверенности общества и участников процесса в объективности и беспристрастности судьи».

О каких «стандартах морали и нравственности» можно говорить, когда принимаются решения такого рода? Какой «высокий авторитет судебной власти» создается такими решениями судьи Демяшевой?

О какой «уверенности общества и участников процесса в объективности и беспристрастности судьи» можно говорить? Жду ответа на свое обращение в Квалификационную коллегия судей Санкт-Петербурга, направленное в середине октября, с просьбой провести проверку описанных действий судьи Демяшевой на соответствие Кодексу судейской этики...

Юристы, правозащитники, политики, журналисты гадают сейчас: в чем причина столь жестокой расправы над Скориченко?

Она не известный политический активист (и вообще не активист и не политик), она ранее не участвовала в раздражающих власть действиях или акциях... Но уже во время судебного процесса обращение с ней столь напоминало пытку, а приговор оказался столь демонстративно жестоким, что даже среди сторонников СВО звучат протестующие голоса...

Гипотеза только одна: это показательная расправа, акция устрашения общества — чтобы люди замолчали, перестали открыто высказывать несогласие с официальной позицией властей, которая объявлена непогрешимой, а расхождение с ней — наказуемым.

И конечно, это далеко не единственный пример процесса, где принимаются бесчеловечные решения с отбрасыванием любых аргументов защиты и демонстративным презрением к праву и справедливости. Разве по другим лекалам шли или еще идут процессы Алексея Горинова и Владимира Кара-Мурзы, Михаила Афанасьева и Ильи Яшина, Евгении Беркович и Светланы Петрийчук? Напомним, что в деле Беркович и Петрийчук судья Екатерина Пахомова неоднократно продлевала нахождение их в СИЗО, для чего не было ни малейших оснований, кроме требования прокурора. Хотя и это дело, как и «дело Скочиленко», построено на юридически ничтожной «экспертизе».

И сотни административных дел о «дискредитации Вооруженных Сил» — за редчайшими исключениями — суды рассматривают по таким же лекалам, игнорируя аргументы защиты.

Последнее. Кроме судьи и прокурора, в этом деле есть еще три человека, чьи имена необходимо назвать.

Это Галина Баранова — пенсионерка, написавшая на Сашу Скочиленко донос в полицию. В интервью питерским журналистам она заявила, что гордится своим поступком, а группу поддержки Саши назвала «кодлой».

И это Анастасия Гришанина и Ольга Сафонова, на чью упомянутую «экспертизу» (намеренно беру в кавычки) опирается обвинение.

В суде было доказано, что эта «экспертиза» безграмотна, выполнена с нарушениями закона, не соответствует требованиям к экспертизе и в принципе несостоятельна. Что авторы этой «экспертизы» взяли на себя функцию оценки достоверности

сведений, которые распространяла Скочиленко (став добровольными помощниками обвинения), на что не имели никакого права.

Они — вместе с судьей и прокурором — ответственны за мучения Саши Скочиленко, как уже происшедшие, так и будущие.

«Маятник качнется в другую сторону», — сказала Саша в последнем слове на суде.

Это обязательно случится. Вот только хотелось бы, чтобы поскорее.

СВОБОДНЫЙ ЧЕЛОВЕК ПО ДОРОГЕ К СВОБОДЕ

УШЛА НИНА КАТЕРЛИ, ТАК И НЕ ДОЖДАВШИШЬ
ВНУЧКУ ЕВГЕНИЮ БЕРКОВИЧ ИЗ ТЮРЬМЫ

21 НОЯБРЯ 2023

Ушла Нина Семеновна Катерли — писатель, публицист, правозащитник и антифашист.

В последнее время о ней чаще всего вспоминали как о бабушке режиссера Жени Беркович, которая вместе со Светланой Петрийчук почти семь месяцев находится в СИЗО по лживому обвинению в рамках «театрального дела».

Но задолго до этого «дела» имя Нины Семеновны было прекрасно известно всем, кто интересуется культурой и политикой.

И потому, что она написала пятнадцать интереснейших книг — большей частью в жанре, как скажет писатель Яков Гордин, «фантастического реализма», где «то, чего быть не может, вырастает из абсолютной реальности и выписано с такой же достоверностью, как и остальная жизнь».

И потому, что ни одно коллективное письмо — с протестом против политических преследований и несправедливых приговоров, в защиту политзаключенных, в защиту исторического Петербурга — много лет не обходилось без ее подписи, и, пока позволяли здоровье и силы, она приходила на митинги протеста.

И потому, что не было в нашем городе более отважного и последовательного антифашиста, чем она, еще в конце 80-х годов прошлого века возвысившая свой голос против неонацизма, зарождавшегося в стране, победившей в Великой Отечественной.

До середины 70-х годов Нина Катерли работала инженером в «химико-технологическом» НИИ, но писать начала еще в конце 60-х. В 1973 году вышла первая публикация: журнал «Костер» напечатал рассказ «Добро пожаловать». А в 1981 году вышла первая книга: сборник рассказов «Окно», за которой последовали и другие.

«Такая проза со времен Гоголя называется петербургской, — скажет потом о ее творчестве писатель Александр Житинский. — С характерным для нее балансированием на грани реальности, таинственными и чудесными превращениями города и его обитателей, позволяющими через дымку сказки увидеть суровую правду жизни...»

Но только «фантастическим реализмом» Нина Семеновна не ограничилась: в октябре 1988 года в «Ленинградской правде» вышла ее публицистическая статья «Дорога к памятникам» — о пропитанной зоологическим антисемитизмом книге «О классовой сущности сионизма» Александра Романенко.

Книга эта — между прочим, одобренная обкомом КПСС — есть в моей библиотеке: иногда надо хранить и такие «произведения». И нельзя не отметить, что многие пассажи «борца с сионизмом», особенно — прославляющие «борцов палестинского сопротивления сионистской агрессии», почти дословно сегодня, через 35 лет, копируются российской пропагандой...

После выхода статьи Катерли «борец с сионизмом» обвинил ее в клевете. И начался почти двухгодичный судебный процесс, в котором Романенко потерпел сокрушительное поражение и вынужден был отказаться от своего иска.

Об этом процессе Нина Семеновна потом напишет книгу «Иск», которая уже стала библиографической редкостью и за которую в 1999 году она получит премию Дома книги и Санкт-Петербургского ПЕН-клуба «Честь и свобода».

За «Дорогой к памятникам» последовали десятки других статей, посвященных опасности фашистской угрозы в нашей стране и борьбе за права человека. Что касается прозы, — книг «Курзал», «Сенная площадь», «Тот свет», «Красная шляпа», «Дневник сломанной куклы», «Волшебная лампа» (в соавторстве с дочерью, Еленой Эфрос) и других, то Яков Гордин называл их «учебником человечности».

Многолетняя дружба связывала Нину Катерли с Борисом Стругацким. Они были единомышленниками в такой степени, что Борис Натанович доверял ей ставить свою подпись под коллективными письмами, обращениями и заявлениями — если Нина Семеновна их одобряла. Оба они много лет поддерживали политических заключенных и переписывались

с ними. А потом наступил тот печальный вечер 19 ноября 2012 года, когда Нина Семеновна позвонила мне и сообщила о кончине Бориса Натановича...

Общественная активность Нины Катерли была огромной — при этом она была абсолютно бесстрашным человеком, не боявшимся выступать против самых высокопоставленных персон.

В декабре 2010 года Нина Семеновна обратилась к главе Следственного комитета Александру Бастрыкину с заявлением на Владимира Путина (в то время — премьер-министра). Тогда в суде рассматривалось второе «дело Ходорковского и Лебедева», и за десять дней до приговора Путин, выступая на «прямой линии», заявил: «Мы должны исходить из того, что вина господина Ходорковского в суде доказана».

Катерли в своем заявлении написала, что в этом высказывании «могут содержаться признаки преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 294 УК РФ: «Вмешательство в какой бы то ни было форме в деятельность суда в целях воспрепятствования осуществлению правосудия».

Несколько месяцев заявление путешествовало по инстанциям, и в конце концов Останкинский межрайонный следственный отдел следственного управления по СВАО города Москвы отказал не только в возбуждении дела, но даже и в проведении проверки. Поскольку «доводы о вмешательстве Путина В.В. в деятельность суда объективного подтверждения не имеют и основаны лишь на домыслах».

Правда, установить, «домыслы» это или нет, следователи могли только в ходе проверки. Но в проверке было отказано. Как говорил тогда один из адвокатов Михаила Ходорковского — Юрий Шмидт, — «сама мысль о проведении какой-либо проверки в отношении Путина ужасает следователей, которые стремились любым способом ее избежать, не заботясь о законности и сочиняя требования к составу преступления, которых в законе нет»...

Будучи правозащитником, Нина Катерли не была в стороне от политики — до тех пор, пока могла, она приходила на митинги, поддерживала демократических кандидатов на выборах, все последние годы была членом «Яблока» и этого не скрывала.

Все последние месяцы она мечтала о свободе для внучки — Жени Беркович. Чье «дело» основано на лживой «экспертизе»

специалиста по несуществующей науке «деструктологии» и открытого антисемита — такого же, как «борец с сионизмом» Александр Романенко.

В каждом нашем телефонном разговоре (а они порой были по несколько раз за день) она говорила о судьбе Жени и Светланы Петрийчук, спрашивала, что мы можем сделать для того, чтобы им помочь. И в каждом своем эфире на «Живом Гвозде», «Ищем выход» и других каналах я старался вспомнить о Жене и Светлане, зная, что Нина Семеновна очень внимательно это слушает.

Никто не знает, насколько именно переживания за Женю сократили срок жизни, отпущенный Нине Семеновне, но то, что сократили, — точно.

Ей не было дано увидеть внучку на свободе.

Но она, как и Женя, была абсолютно свободным человеком. Добрым, мужественным и несгибаемым.

Такой она останется в нашей памяти.

«МОНУМЕНТАЛЬНО- ДЕКОРАТИВНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ»

ПСКОВСКАЯ ПРОКУРАТУРА НА ЗАЩИТЕ ПАМЯТНИКА СТАЛИНУ

30 НОЯБРЯ 2023

Прокуратура Псковской области признала незаконность установки памятника Сталину в Великих Луках, но принимать меры для его демонтажа отказывается под абсурдным предложением.

Это следует из ответа, который я получил от первого заместителя прокурора Псковской области Константина Мозерова.

Напомню, что в сентябре (об этом рассказывала «Новая газета») я от имени фракции «Яблоко» в питерском ЗакСе направлял в прокуратуру области обращение, прося демонтировать открытый в августе памятник Сталину в Великих Луках «как попирающий законы, гуманизм и здравый смысл».

В ответ и.о. прокурора области Алексей Попов сообщил об отсутствии «оснований для надзорного реагирования».

Мол, участок, где стоит памятник, находится в собственности АО «Опытный завод «Микрон», а монумент возведен на частные средства, в связи с чем собственники не обязаны согласовывать его размещение с органами власти. При этом прокуратура назвала восьмиметровый памятник «малой архитектурной формой», установка которой не подлежит согласованию. Однако сообщила, что «правовых актов об установке ... органами местного самоуправления Великих Лук не принималось».

Я написал жалобу в управление Генпрокуратуры по СЗФО, указав, что в Великих Луках все памятники — независимо от того, кому принадлежит земельный участок, — являются достоянием города и могут быть установлены только по решению органов власти. Такого решения в данном случае нет. И что квалификация восьмиметрового памятника в качестве «малой архитектурной формы» является таким же издевательством над законом и здравым смыслом, как и сама установка памятника

Сталину — в то время, когда еще живы люди, ставшие жертвами сталинских репрессий, их родственники, а также представители целых народов, которые были репрессированы по его указаниям.

И вот пришел ответ от первого зампрокурора области, где по-прежнему памятник именуют «малой архитектурной формой», более того — элементом «монументально-декоративного оформления».

Тем не менее прокуратура вынуждена была признать, что памятник установлен незаконно: нет полагающегося решения Великолукской городской думы.

Но если вы думаете, что, признав этот факт, прокуратура требует демонтировать памятник, то вы ошибаетесь.

Вместо этого прокуратура «направляет разъяснение» главе города Великие Луки. Чтобы внимательнее читали законодательство. Мол, тщательнее надо.

Мне же прокуратура пишет, что, оказывается, некие «инициативные граждане» готовят документы для будущего согласования установки памятника.

У нас в Петербурге (да и в других регионах), если незаконно установить не то что восьмиметровый памятник — безобидную инсталляцию из фанеры, его тут же снесут, не обращая внимания на то, что какие-нибудь граждане уже готовят документы для согласования. Но тут, как вы понимаете, ситуация принципиально иная.

Понятно, что прокуратура категорически не хочет заставлять демонтировать незаконно установленный памятник тирану и убийце. И не хочет выполнять свои обязанности — обеспечивать исполнение закона.

Конечно, продолжим настаивать на демонтаже этого «монументально-декоративного оформления».

Прекрасно понимая при этом, в какое время живем и что Сталин для многих работников «органов, которые не ошибаются», — вполне себе социально близкий персонаж, в отличие от тех, кто возмущается установкой ему памятников.

Поэтому на чудовищный срок осужден Юрий Дмитриев — организатор мемориала жертвам сталинских репрессий в Сандармохе.

Поэтому презентацию книги о Сандармохе в Петербурге срываает полиция, получившая «сообщение» от очередного доносчика.

Поэтому памятник советским гражданам польской национальности, расстрелянным во время сталинских репрессий, увозят с Левашовского кладбища в Петербурге — якобы для реставрации после того, как его облили краской, — и несколько месяцев не возвращают на место, отказываясь сообщить правозащитникам и депутатам от «Яблока», когда же закончится эта реставрация...

А в завершение — цитата.

«Каждому могли быть предъявлены надуманные и абсолютные абсурдные обвинения, миллионы людей объявлялись врагами народа, были расстреляны или покалечены, прошли через муки тюрем или лагерей и ссылок. Это страшное прошлое нельзя вычеркнуть из национальной памяти и тем более — невозможно ничем оправдать. Никакими высшими так называемыми благами народа. Политические репрессии стали трагедией для всего нашего народа, для всего общества. Последствия мы ощущаем до сих пор. Наш долг — не допустить забвения».

Это не Сергей Ковалев, не Арсений Рогинский, не Юрий Дмитриев, не Ян Рачинский, не Григорий Явлинский и не Светлана Ганнушкина.

Это Владимир Путин — всего шесть лет назад, в октябре 2017 года.

ГЛАВНОЕ — НЕ ПЕРЕПУТАТЬ

ПРОКУРАТУРА И МВД НЕ НАШЛИ ЭКСТРЕМИЗМА В ПРИЗЫВЕ
УНИЧТОЖИТЬ РОССИЯН, НЕ ПОДДЕРЖИВАЮЩИХ ПУТИНА

5 ДЕКАБРЯ 2023

Центр по противодействию экстремизму УМВД по Восточному округу города Москвы не нашел нарушений законодательства об экстремистской деятельности в скандальном заявлении депутата Госдумы генерал-лейтенанта Андрея Гурулева.

Генерал-депутат, выступая 15 октября в эфире телеканала «Россия-1» в программе «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым», заявил, что общество доверяет президенту на 80%, а «вся вот эта гниль, которая осталась, она должна быть ну если не изолирована, то хотя бы как-то уничтожена».

Коллеги из «Новой газеты» организовали сбор подписей, которые были направлены руководству правоохранительных органов, а я написал генеральному прокурору, прося провести проверку и возбудить уголовное дело, полагая, что заявления Гурулева направлены не просто на разжигание ненависти по мотивам политической вражды, но к подрыву целого ряда положений Конституции Российской Федерации.

Генпрокуратура переслала обращение в прокуратуру Москвы, а та отправила его в Управление МВД по Восточному округу. И вот результат: экстремизма не найдено.

Ранее заявления Гурулева рассматривала комиссия Госдумы по депутатской этике. И назвала (устаами главы комиссии, Валентины Терешковой) призыв уничтожить несогласных «фигурой речи» и «образным выражением, которое не является оскорблением и служит для прояснения мысли выступающего». И вообще, по мнению комиссии, выражение мнения «по отдельным вопросам общественно-политической жизни государства» является «неотъемлемым правом» депутата Госдумы.

Насчет «неотъемлемого права» — что называется, золотые слова. Вот только за выражение на заседании муниципального

совета своего мнения по «отдельным вопросам общественно-политической жизни государства», связанным с проведением СВО, депутат Алексей Горинов получил семь с половиной лет лишения свободы. Хотя он никого не призывал ни «изолировать», ни «уничтожить»...

Разумеется, особых иллюзий относительно реакции правоохранительных органов на заявление Гурулева у меня не было.

Они широко закрытыми глазами смотрели на заявления вице-спикера Госдумы Петра Толстого о том, что против передачи РПЦ Исаакиевского собора выступают потомки тех, кто, «высочив из-за черты оседлости, разрушал храмы». И на угрозы депутата Госдумы Адама Делимханова в адрес противников Кадырова-старшего.

И на избивание беззащитного человека Кадыровым-младшим. И о результатах расследования (не говоря о наказании) тех, кто избил в Чечне журналистку «Новой газеты» Елену Милашину и адвоката Александра Немова ничего не слышно...

Теперь же экстремизма «не найдено» в публичном заявлении о том, что 20% несогласных с властью граждан, — это «гниль», которая подлежит уничтожению.

По сути, прямой призыв к убийству десятков миллионов людей по политическим мотивам.

Но это — не экстремизм.

И призыв взорвать ядерный заряд над Сибирью — не экстремизм.

И ХАМАС — не экстремизм.

Экстремизм — это «нетрадиционная ориентация».

Главное — не перепутайте.

«ОТЕЧЕСТВО САМО РАЗБЕРЕТСЯ»

РАЗРАБОТЧИК ЗАКОНА «О ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ»
ЛУГОВОЙ САМ ЖЕ ЕГО НАРУШИЛ. И ТЕПЕРЬ ПРИЗЫВАЕТ
К РАСПРАВЕ НАД ЖУРНАЛИСТКОЙ

14 ДЕКАБРЯ 2023

Известное выражение Публия Корнелия Тацита «Чем ближе крах империи, тем безумнее ее законы» в последние годы вспоминается все чаще и чаще — когда орган, именуемый в нынешней России законодательным, принимает очередное решение о запретах и наказаниях.

Впрочем, ничуть не лучше и публичные заявления и действия тех, кто эти законы принимает.

Небезызвестный депутат Госдумы от ЛДПР Андрей Луговой (соавтор множества запретительных и репрессивных законов) репостнул в своем телеграм-канале скриншот с номером и возможными адресами проживания научной журналистки Аси Казанцевой. В исходном посте написано: «Для тех, кто лично хочет довести до Аси, что предательство своей страны — это самый страшный грех».

Также Луговой воспроизвел публикацию, в которой говорится, что Казанцева, занимающая антивоенную позицию, якобы «предала свою страну и общество».

Это — не только откровенная травля человека за его общественно-политическую позицию, это еще и оскорбление чести и достоинства, потому что не соглашаться с действиями властей своей страны — вовсе не предательство.

Помните знаменитый эпизод из фильма «О бедном гусаре замолвите слово»? Где герой Евгения Леонова говорит герою Олега Басилашвили, чиновнику Третьего отделения: «А вы от имени Отечества не выступайте: оно само разберется, кто ему враг, а кто друг!»

А еще — это прямое и грубое нарушение Федерального закона «О персональных данных», которые защищает права граждан на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну.

И есть еще статья 137 УК РФ — о нарушении неприкосновенности частной жизни. Пункт 1 этой статьи, что называется, напрашивается: «незаконное соби́рание или распро́странение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, без его согласия либо распро́странение этих сведений в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации».

Между прочим, не кто иной, как депутат Луговой, в последние годы не устал твердить о необычайной важности защиты персональных данных российских граждан, был страшно озабочен тем, что эти данные могут «утечь» за рубеж, требовал принять соответствующие законы — и был их соавтором.

Но когда речь зашла о лично ему неприятной журналистке — вся депутатская забота о неприкосновенности персональных данных куда-то растворилась.

Ну конечно, если речь идет о «врагах» и «предателях», то никакой защиты персональных данных им не полагается.

Вот если речь идет о «лучших людях города» — тут-то защита должна быть организована в полном объеме...

Без сомнения: попытайся кто-либо из российских граждан распространить телефон и возможные адреса проживания депутата Лугового — реакция правоохранительных органов не ставила бы себя ждать.

Тут же можно, не напрягаясь, предсказать их реакцию: ноль. Ибо «друзьям — все, врагам — закон».

Правда, глава ЛДПР Леонид Слуцкий сказал журналистам, что «уточнит» ситуацию с Луговым, но опять же можно легко предсказать результат «уточнения».

И точно так же, видимо, можно предсказать реакцию правоохранительных органов на новые скандальные заявления генерал-депутата Андрея Гурулева.

Как писала «Новая газета», в его предыдущих высказываниях на телеканале «Россия-1» — о том, что не поддерживающие Путина 20% граждан России являются «гнилью», которая должна быть «уничтожена», — Центр «Э» экстремизма не нашел. Я направлял по этому вопросу обращение в Генпрокуратуру, та переслала обращение в прокуратуру Москвы, та — в МВД,

и в итоге Центр «Э» сообщил, что «нарушений законодательства об экстремистской деятельности не выявлено».

Вдохновившись своей безнаказанностью, Гурулев решил продолжать — в той же программе «Воскресный вечер с Соловьевым», — и предложил вернуть смертную казнь «для внутренних врагов», которые устраивают теракты, призвав брать пример с соседней Беларуси, где таких, мол, расстреливают на месте.

Смертная казнь в России, как известно, невозможна: в ноябре 2009 года Конституционный суд России принял решение о том, что никакие суды в России более не могут выносить смертные приговоры.

Возможно (и даже скорее всего), генерал-депутат Гурулев этого решения Конституционного суда не читал. И даже не считал нужным это делать, перед тем как призывать к возврату смертной казни.

И еще из серии «друзьям — все, врагам — закон»: глава Чечни Рамзан Кадыров заявил, что его сына Адама, который избил в СИЗО Никиту Журавеля, не за что наказывать. Напротив, заявил он, «было бы хорошо, если бы он там его на месте убил».

Молчание правоохранительной системы в ответ на это заявление не менее оглушительно, чем ее молчание в предыдущих случаях.

Конечно же, все описанное выше — вовсе не экстремизм. Если что, это — «личное мнение депутата», на которое он имеет право (как поведала думская комиссия по этике в ответ на заявления Гурулева).

Экстремизм — это другое.

Например, заявления о необходимости смены власти на выборах.

«ОТКРОЮ КОДЕКС НА ЛЮБОЙ СТРАНИЦЕ — И НЕ МОГУ, ЧИТАЮ ДО КОНЦА...»

ЧЕТЫРЕ ЧАСА ПРЯМОЙ ЛИНИИ — КРАТКИЕ ТЕЗИСЫ.
В ОСТАЛЬНОМ — НИЧЕГО НОВОГО

15 ДЕКАБРЯ 2023

За четыре с лишним часа прямой линии Владимиру Путину задали 67 вопросов. В том числе — самый распространенный и самый главный: когда все это закончится и наступит мир?

Ответы, за редчайшими исключениями, не принесли ничего нового.

Мир наступит, когда СВО «достигнет своих целей» (по смыслу — когда Украина капитулирует). Начать СВО «Россию вынудили». «Необходимости в новой мобилизации нет». «Главное — это укрепление суверенитета» (без объяснений, кто и как на него покушался). «Одесса — русский город». «Двойников у президента нет».

Единственная новость — Путин выступил против запрета абортов («Решение должна принимать женщина»).

Зато на вопросы жен мобилизованных он не ответил.

Как и на многие из тех, что всплывали на экране. Например: «Как можно переехать в Россию, о которой рассказывают по Первому каналу?»

«Почему ваша реальность расходится с нашей действительностью?»

«Почему местная власть работает так, что тысячи людей вынуждены обращаться лично к президенту? Нужна ли нам такая власть?»

Нет нужды подробно анализировать ответы Путина — почти все это звучало уже десятки раз. Важны, однако, два момента.

Во-первых, он был уверен в себе и ни о чем не жалел. События 2023 года явно укрепили его в представлении, что он, имеющий возможность распоряжаться ресурсами огромной страны

и не связанный ограничениями в виде непослушных парламентов и независимых судов, все равно «дождет и переждет».

А во-вторых, это не было предвыборным выступлением, потому что выборы-24 Путин, очевидно, считает формальностью. И потому он почти ничего не обещал, просто не считая это нужным.

Из ответов на, конечно же, специально отобранные вопросы (случайностей тут не бывает) хочется отметить некоторые — наиболее характерные.

О том, что нужно укрепление не только внешнего суверенитета, под которым он понимает «укрепление обороноспособности страны и безопасности по внешнему контуру», но и «укрепление общественного суверенитета — обеспечение прав, свобод граждан страны, развитие нашей политической системы, парламентаризма».

Что касается первого, подобное представление о суверенитете — архаика XIX века: в XXI веке вполне суверенными являются и те, кто не заиклен на «обороноспособности и безопасности по внешнему контуру». Если же говорить о втором, то совсем недавно тот же Путин называл права и свободы человека средством для разрушения российского суверенитета.

Вопрос о мире, как уже сказано, был самым частым у граждан перед прямой линией.

Президент ответил, что мир наступит, когда СВО достигнет своих целей, которые не меняются: «денацификация и демилитаризация Украины, и ее нейтральный статус». Но это не предложение о мире, это предложение о капитуляции.

Назвав юго-восток Украины «пророссийскими территориями», президент заявил, что «Одесса — русский город». Привычно путая РСФСР — Российскую Федерацию — с Российской империей. Русских по национальности в Одессе всегда было немало, но столь же много было украинцев, а евреев еще сто лет назад было почти столько же, сколько русских (в 2001 году, для справки, украинцев было 61%, русских — 29%). Что называется, не бьются цифры. И вообще, попытки выяснять, какой город «чьим» был в истории и этим обосновывать политику — это очень опасный путь...

Об острейшем вопросе — мобилизации — президент высказался так: «Необходимости во второй волне мобилизации нет».

При этом он отказался отвечать на вопросы жен мобилизованных (они были направлены в большом количестве и видны на экране во время прямой линии): «Когда мобилизованных отпустят?», «Почему 300 тысяч человек должны служить за всю страну?», «Когда начнутся мирные переговоры?».

Правда, из уст президента прозвучали слова «трагедия», и «это глупо и безответственно со стороны политического руководства страны». Но речь шла, как вы понимаете, об Украине.

Один из самых популярных вопросов последних дней — о росте цен на яйца — без ответа не остался. С характерной для президента шуткой: мол, он «недавно разговаривал с министром сельского хозяйства, спрашивал, как у него с яйцами, — говорит, что все в порядке».

Причина же кризиса, оказывается, — кто бы мог подумать! — в том, что «спрос увеличился в связи с ростом доходов населения и объёма производства нет». Потому что в правительстве был сбой: «вовремя не открыли импорт». Но сейчас яйца придут из Турции и Беларуси, и все наладится. Вопросы о том, почему выросли цены на все остальное, президенту на всякий случай не задавали.

Из Свердловской области спросили о буквально катастрофе в медицине, а точнее — об «отсутствии здравоохранения», где «полная разруха, еще советский ремонт, зарплаты персонала низкие». В ответ президент стал говорить о программе поддержки первичного звена здравоохранения, обещав ее продлить. Вопросы о том, почему надо всем миром собирать деньги на дорогостоящее лечение, зато непрерывно растут расходы на оборону и силовиков, президенту опять же не адресовали.

Зато был в очередной раз оказан типично «ручной» способ управления: дети из Судака спросили, почему в спортзале нет отопления, протекает крыша, прогнили полы, а стены покрыты плесенью, — и, как сообщается, прямо во время прямой линии в отношении директора завели уголовное дело о халатности.

И еще Путина спросили о деле журналистки Александры Баязитовой (ей просили 14 лет по обвинению в вымогательстве, за убийство дают меньше, в итоге дали пять лет). Президент ответил характерной оговоркой:

«Что она, видный оппозиционный деятель, чтобы на нее охотиться?» То есть «охотиться» на «видных оппозиционных деятелей» можно и даже нужно?

Ответы на два внешнеполитических вопроса вряд ли улучшат отношения России с соответствующими странами. Сначала Путин заявил, что выступает за создание Палестинского государства со столицей в Восточном Иерусалиме (привет «другу Биби»), а потом — что не Россия отказала в помощи Армении, а «Армения признала, что Карабах является частью Азербайджана» и что «нас особо и не информировали». Не стоит потом удивляться, если Армения будет искать более надежных партнеров.

Наконец, как водится, прозвучал вопрос, должный подчеркнуть человеческие качества президента, — что он читает? (Напомним, что два года назад это был «Колобок»).

Путин первым вспомнил про... Уголовный кодекс. И уже потом — про то, что у него на ночном столике лежит томик Лермонтова.

Сразу вспомнился Владимир Высоцкий:

*Нам ни к чему сюжеты и интриги —
Про все мы знаем, все, чего ни дашь.
Я, например, на свете лучшей книгой
Считаю кодекс уголовный наш.
И если мне неймется и не спится
Или с похмелья нет на мне лица,
Открою кодекс на любой странице —
И не могу, читаю до конца...*

ЛИШИТЬ, НЕВЗИРАЯ НА КОНСТИТУЦИЮ

СК ПРЕДЛАГАЕТ РАСШИРИТЬ ПРАКТИКУ ЛИШЕНИЯ
ГРАЖДАНСТВА. ВРЯД ЛИ КТО ВСПОМНИТ О КОНСТИТУЦИИ
И В ЭТОТ РАЗ

16 ДЕКАБРЯ 2023

Следственный комитет России (СКР) предложил лишать приобретенного гражданства России за совершение любых тяжких или особо тяжких преступлений.

Сейчас по закону, вступившему в силу полтора месяца назад, приобретенного гражданства можно лишиться за совершение преступлений по примерно шестидесяти статьям УК РФ (в том числе за «фейки об армии» и за «дискредитацию Вооруженных сил»).

СКР хочет расширить этот список — в дни 30-летия принятия Конституции, которая лишать гражданства категорически запрещает.

На официальном сайте СКР сообщается:

«...в рамках межведомственной системной работы по противодействию преступности мигрантов Следственный комитет России участвует в разработке профилактических мер в этой сфере» и что «СК России всегда выступал за закрепление на законодательном уровне нормы о лишении натурализованных граждан российского гражданства в случаях совершения ими преступлений».

После вступления в силу нового закона «О гражданстве Российской Федерации» в октябре этого года, сообщает СКР, указанная норма «уже применяется на практике», и следственные органы столицы «направили в МВД России данные о семи осужденных для решения вопроса о прекращении гражданства Российской Федерации».

Указанные лица, сообщает СКР: «совершили такие преступления, как уклонение от прохождения военной и альтернативной гражданской службы, незаконный оборот наркотиков,

публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, изнасилование и насильственные действия сексуального характера».

Вместе с тем, сетует Следственный комитет, «действующее законодательство предусматривает возможность лишения приобретенного гражданства лишь при совершении такими лицами определенного перечня преступлений». Например, указанная норма действует при совершении изнасилования, но не действует при совершении убийства, за которое установлены более длительные сроки лишения свободы.

В этой связи предлагается: «проработать вопрос о внесении в законодательство изменений, предусматривающих лишение приобретенного (не по рождению) гражданства РФ за приготовление, покушение или совершение любого умышленного тяжкого или особо тяжкого преступления, а не только за отдельные виды преступлений»....

Возможность лишения гражданства в свое время существовала в Советском Союзе и была предусмотрена статьей 33 Конституции СССР, где говорилось, что «основания и порядок приобретения и утраты советского гражданства определяются законом «О гражданстве СССР». Указанный закон содержал перечень оснований, по которым гражданства можно было лишить или оно признавалось «утраченным».

В Конституции РСФСР — по состоянию на начало 1990 года — содержалась аналогичная норма, допускающая лишение гражданства.

Но уже в 1992 году в Конституции, дополненной Съездом народных депутатов России, было записано, что «гражданин Российской Федерации не может быть лишен ее гражданства». Ни по каким основаниям. Точка.

В нынешней Конституции, принятой в декабре 1993 года, есть аналогичная статья — 6-я, где сказано, что «гражданин Российской Федерации не может быть лишен гражданства Российской Федерации или права изменить его».

И что «гражданство Российской Федерации является единым и равным независимо от оснований его приобретения».

Казалось бы, конституционные нормы сформулированы так, что не допускают двойного толкования. Лишить гражданства —

ни врожденного, ни приобретенного — невозможно без воли самого гражданина (если он пожелает из гражданства выйти).

И тем не менее сначала принимается в новой редакции упомянутый закон «О гражданстве РФ», где предусмотрено лишение приобретенного гражданства за совершение ряда преступлений, а теперь СКР предлагает эти возможности еще больше расширить. Чтобы грозить натурализованным гражданам лишением гражданства по еще более широкому перечню оснований.

Ничего говорить про Конституционный суд не будем: надежд на него в этом случае ровно никаких. Уж если «обнуление» сроков правления действующего президента было признано вполне соответствующим Конституции, то здесь и подавно проблем не будет.

А вот действующего президента процитируем:

14 декабря, во время «прямой линии», Владимир Путин заявил, что в России сейчас «по разным подсчетам, свыше 10 миллионов мигрантов трудовых».

Что «в настоящее время существует потребность в рабочей силе», и хотя «мы прежде всего заинтересованы в квалифицированной рабочей силе», но «без рабочей силы более низкой квалификации тоже вроде как не обойтись».

И что «нужно, чтобы все мигранты, без всяких сомнений, уважали наши законы и традиции народов Российской Федерации, а соответствующие органы власти следили бы за этим соблюдением и своевременно бы реагировали на нарушения».

Как почти всегда у Путина, мысль сформулирована так, что понимать ее можно по-разному. С одной стороны, без мигрантов никак. С другой стороны, они должны уважать законы, а «соответствующие органы» — реагировать на нарушения.

Уважать законы надо — это бесспорно. И реагировать на их нарушения тоже надо.

А вот лишать за нарушения закона гражданства — нельзя. Такого наказания Конституция не предусматривает.

Но, судя по практике последних лет, с Конституцией считаются все меньше и меньше. Несмотря на то что ее гарантом является президент.

Впрочем, гарантом прав и свобод человека и гражданина он тоже является.

РЕПТИЛОИДЫ ДАЖЕ ЛУЧШЕ ВЫГЛЯДЯТ...

НЕНАУЧНАЯ РЕЦЕНЗИЯ НА НАУЧНУЮ РАБОТУ — КАК
КЛИНИЧЕСКАЯ ГЛУПОСТЬ ПЫТАЕТСЯ СТАТЬ ИДЕОЛОГИЕЙ

19 ДЕКАБРЯ 2023

«...Существуют тайные структуры, которые ведут борьбу за передачу власти на планете Земля представителям рептоидной космической цивилизации. А для этого им надо уничтожить русское население России.

...На планете Земля живут люди, которые людьми не являются. Нелюдь в более поздние времена искусственно вывела на Земле человекоподобных биороботов. Появились они на Земле десятки тысяч лет назад.

...Первой феминисткой была демоница Лилит, жена Адама-Архидемона.

...Католичество не относится к христианству. На Западе принято называть христианством то, что Иисус всегда отрицал и считал сатанизмом.

...Выходец из русского племени, известный как пророк Мухаммед, написал Коран для арабов.

...Доказано наукой: женщина всю последующую жизнь рождает от своего первого мужчины. Вовлечение женщины в науку и работу — способ отбить желание рожать и пестовать детей.

...Демократия породила оральный секс, который способствует раковым заболеваниям горла и ротовой полости...»

Нет-нет, это не выступления на митинге убогих активистов «НОДа».

Это — научная статья «Российская семья как основа отечественной государственности», опубликованная в № 9 петербургского научного журнала «Юридическая наука: история и современность».

Журнал издается Фондом содействия образованию в области правоохранительной деятельности «Университет», Ассоциацией философии права Санкт-Петербурга и молодежной

Ассоциацией «Философия права», и аккредитован в российском индексе научного цитирования.

Авторами статьи первоначально были названы депутат Госдумы Игорь Ананских, главный научный сотрудник Юридического института в Петербурге Михаил Сальников, доктор юридических наук из Воронежа Николай Литвинов, генерал-лейтенант запаса ФСБ России и казачий генерал Иван Миرون и гендиректор клинического санатория из Воронежа Илья Харин.

Читать статью про «русскую семью как основу...» непросто: в одних местах душит неудержимый хохот, а от других возникает ощущение лютого позорища.

Конечно, главный вопрос: «как же он служит в очистке»?

Почему эта гремучая смесь мракобесия, безграмотности, мании политического преследования и мании политического величия вообще опубликована в научном журнале как научная статья?

И как такой журнал (у кого хватит душевного здоровья — почитайте этот и другие номера) мог попасть в индекс научного цитирования?

Цитирую только наиболее выразительные места.

В современной России русская семья стала объектом гибридной войны коллективного Запада, который делает все для того, чтобы русская женщина в плане сохранения семьи и деторождения становилась на сторону врагов Отечества.

США и коллективный Запад сформулировали политические цели убийства русских.

Угасающий Запад объявил переполненную жизнелюбием Россию своим смертельным врагом.

Духовный учитель папы римского Евгения III Бернар Клевровский сформулировал идеологическое обоснование геноцидно-генетической войны, выборочного уничтожения славян.

«Манифест Коммунистической партии» написал немецкий еврей Хершел Леви Мордехай, имевший псевдоним Карла Маркса.

По мнению различных авторов и источников, на планете Земля живут люди двух основных видов: «люди Земли», созданные по образу и подобию Божьему; и люди, созданные «из праха земного» с помощью космических генных технологий.

Первые, люди Бога, созидатели, руководствуются высокими нравственными принципами. Их ценности: мир, семья, дети, культ женщины-матери, созидание, сохранение природы.

Другой вид, землеродные изделия; генно-модифицированные существа; биологический искусственный интеллект. Их ценности: война, убийства, террор, революции, публичные дома, педофилия, людоедство, наркомания, уничтожение системы жизнеобеспечения космического корабля «планета Земля» и т.п.

Все 90-е годы с территории России уходили за рубеж мощнейшие караваны с самыми молодыми и красивыми девушками и женщинами. Уходили на Запад, на Восток, на Юг. Увозили геннофонд России на сексуальную эксплуатацию, для использования на органы.

Западная Европа сформулировала задачу разрушения семьи путем установления равенства полов. Это называлось феминизм.

Сексуальная связь женщины с первым партнером меняет ее родовую генетику. Наиболее ярко это выражается при изнасиловании белых девственниц инородцами.

Наглядным примером последствий секса с инородческими сексуальными партнерами могут служить многочисленные международные фестивали, спортивные олимпиады, когда русские особи женского пола отдавались неграм. В последующем, имея белого мужа, такие женщины стали рожать от белых, генетически здоровых своих мужей, детей «ни в мать, ни в отца, а в черного и дебильного молодца».

Либерализм — политическая платформа уродов и пройдох, стремящихся правовым образом сохранить награбленное, уворованное, стащенное. Русскому человеку такая гадость чужда. Мы гордый славянский народ, сильный и смелый.

Либерализм — это идеология искусственного биологического интеллекта.

Либерализм сопровождается разрушением государственности; деградацией права; разрушением института семьи и материнства; развитием проституции; половых извращений; педофилии и т.п. Либерализм — это превращение человека в зверя, ориентированного только на удовлетворение основных инстинктов.

В России после госпереворота 1991 года был установлен политический режим оккупации. Победитель, США, создал свой механизм государственной власти на оккупированной территории России, сформировал для России свою политическую, культурную, бизнес-элиту, разработал законодательство для России.

Русские позволили уничтожить прародину Гиперборею. Они позволили уничтожить свою арийскую державу, существовавшую две тысячи лет».

А еще в статье написано, что русские несли цивилизацию многим народам практически на всех континентах Земли.

Что в Российской империи все этносы «под своим крылом» собирали русские, которые тянули на себе народы Кавказа и Средней Азии — а те после распада СССР устроили «геноцид русских»...

...Еще раз подчеркнем, что это не пародия и не троллинг: это — «научная» статья.

Правда, бросается в глаза, что она наспех «склеена» из совершенно разных как по содержанию, так и по стилю кусков: бюрократические пассажи и восхваления президента Владимира Путина сменяются мракобесными вымыслами, слухами и фейками.

Часть написанного не выдерживает даже простейшего фактчекинга.

Например, Карл Маркс никогда не носил имя Хершел Леви Мордехай — так звали его отца, который еще в 1817 году, за год до рождения сына, принял лютеранство и был крещен под новым именем — Генрих Маркс. Сам же Карл тоже был крещен — в 1824 году.

Но два доктора юридических наук и один генерал ФСБ не заморачиваются достоверностью: они старательно подчеркивают национальность Маркса, заявляя, что «марксизм-ленинизм был европейской экстремистской идеологией захвата власти в России» (скажите кто-нибудь Зюганову, чтобы приготовился к включению в соответствующий список).

Насчет того, что в России мальчик «сызмала воспитывался в духе трепетного отношения к Женщине», то тут у авторов, говорящих о своей приверженности «традиционным ценностям», концы с концами не сходятся совсем: видимо, не читали «Домострой».

Наконец, что касается «многочисленных и крепких» детей в дореволюционной России, то не составляет никакого труда найти статистические данные об ужасающей детской смертности в то время — из-за болезней, недостаточного ухода, нищеты и других причин. Действительно, в России, особенно в крестьянских семьях, было много детей, но далеко не все их них доживали даже до подросткового возраста. Конечно, детская смертность была в прошлом высока во многих странах — не только в России, но, например, в 1901 году коэффициент младенческой смертности в России был 298,8 на 1000 человек, в то время как в Норвегии — 93 на 1000...

Один из заявленных авторов — депутат Госдумы Игорь Ананских — сразу же от статьи отрекся, заявив, что когда он ее прочитал, у него «волосы зашевелились во всех местах». И что у него должна быть статья в этом журнале про семейные ценности, но она еще не вышла.

Редакция журнала подтвердила гипотезу, опубликовав на своем сайте официальные извинения в адрес депутата: мол, он был случайно указан среди авторов текста, а его статья выйдет в 10-м номере.

Поверим, что это так, но если изучить сайт журнала повнимательнее, обнаружится один из предыдущих номеров — № 7, со статьями тех же авторов (Игорь Ананских, Николай Литвинов, Михаил Сальников, Иван Миронов, Илья Харин) «Интервенционистский характер польско-европейской агрессии против России. История и современность».

Здесь помимо упоминаний о том, что «после разрушения СССР Украинская Советская Социалистическая республика под руководством уроженца волынского воеводства второй Речи Посполитой, воспитанника УПА Л. М. Кравчука заявила о своем суверенитете» и заявлений о том, что коллективный Запад в Украине «превратил славяно-русское население в объект геноцидной войны и организовал работу биологических лабораторий по исследованию славянской ДНК», так же как и в первой статье, рассказывается, что «христианство-католицизм Ватикана и христианство православия — диаметрально противоположные учения».

Что «по мнению специалистов, католицизм Европы — это религия Амона-Сета, богов древнего Египта». Что «католицизм

зародился в египетских Фивах, в городе Ау-Сет. Который называется «город Бога разрушения и пустыни». Что центр мирового сатанизма вначале находился в Иерусалиме, а после разрушения по приказу императора Тита храма Яхве-Сета жрецы Амона создали свой виртуальный храм сначала в Тире, потом в Карфагене, а затем перебрались в Рим. Что, заменив римское язычество христианством, жрецы Амона-Сета возродили фиванский храм под сенью центральной христианской твердыни. Так возник известный всему миру Ватикан». И так далее и тому подобное.

От этой статьи депутат Ананских не отрекался — видимо, потому что ее никто не заметил, как и предыдущие его публикации в этом же журнале.

Впрочем, может статья, указанный журнал — типичное издание, где оказывают типичные услуги: вписывают в число авторов ВИП-персонажей, которые нуждаются в научных публикациях, для престижа или для последующей защиты разных диссертаций.

Те, вполне возможно, якобы «свои» публикации даже не считают нужным читать. И обращают на них внимание, только когда начинается скандал — как с указанной статьей про «зверолюдей», «рептилоидов» и демократию как причину орального секса.

СЛУЖИТЬ ДО УКАЗА

ЧАСТИЧНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ И ЗАКЛЮЧЕННЫЙ КОНТРАКТ
С МИНОБОРОНЫ ОКАЗАЛИСЬ ФАКТИЧЕСКИ БЕССРОЧНЫМИ

22 ДЕКАБРЯ 2023

Жены тех, кто был мобилизован осенью прошлого года для участия в СВО, настойчиво просят ограничить их срок службы одним годом и отпустить домой.

Министерство обороны — против, заявляя, что они должны служить до указа президента об окончании частичной мобилизации.

Того самого, для издания которого, по мнению президентской администрации, якобы нет «правовых оснований».

В октябре нынешнего года ко мне обратилась целая группа жен мобилизованных из Северо-Западного федерального округа. Они просили внести изменения в законодательство, ограничив срок службы по мобилизации одним годом, — чтобы их мужья могли вернуться домой.

Я написал министру обороны Сергею Шойгу, прося поддержать это предложение — чтобы срок службы по частичной мобилизации ограничивался одним годом (кроме тех случаев, когда мобилизованные добровольно соглашаются этот срок продлить).

Ответа пришлось ждать почти два месяца, но все же он пришел.

За подписью врио начальника 2-го управления Главного организационно-мобилизационного управления Генерального штаба ВС РФ С. Дроздова сообщается, что «срок военной службы граждан РФ, призванных в рамках частичной мобилизации, истекает по завершении периода частичной мобилизации на основании соответствующего указа президента РФ». И что «установление иного срока военной службы граждан РФ, призванных в рамках частичной мобилизации, полагается нецелесообразным».

Иначе говоря — призванные по «частичной мобилизации» должны служить до тех пор, пока президент Владимир Путин

не издаст указ о ее завершении. А он его не издает! Более того, его администрация заявляет, что указ и не нужно издавать.

Депутаты от «Яблока» в четырех региональных парламентах — Законодательном собрании Санкт-Петербурга, Московской городской думе, Псковском областном собрании, Законодательном собрании Карелии, а также в Думе Великого Новгорода — много раз писали президенту России, призывая издать указ об окончании частичной мобилизации. И каждый раз получали отказы.

В ответах президентской администрации сообщалось, что призыв по мобилизации «осуществлялся до достижения установленной численности, необходимой для выполнения Вооруженными силами РФ поставленных задач».

Что, «по сообщению Минобороны России, установленная численность была достигнута, в связи с чем призыв по мобилизации завершен» и потому «правовых оснований для издания в связи с этим акта президента РФ не имеется».

Или просто писали, что указа не будет, так как для него отсутствуют «правовые основания».

Для справки: Владимир Путин во время ежегодной пресс-конференции сообщил, что в рамках частичной мобилизации было призвано 318 000 человек...

О том, что в указе президента об окончании частичной мобилизации нет необходимости, 1 ноября 2022 года говорил пресс-секретарь президента Дмитрий Песков.

«Сообщаем: указ не нужен. На этот счет у нас есть заключение государственно-правового управления администрации президента. Точка поставлена. Частичная мобилизация завершена», — заявил Песков.

О том, что «частичная мобилизация» завершена, 28 октября 2022 года говорил министр обороны Сергей Шойгу. В декабре 2022 года президент Владимир Путин, выступая на саммите в Бишкеке, заявил, что «никаких факторов для новой частичной мобилизации в России сейчас нет». А в июне 2023 года Путин заявил, что «нет необходимости в новой мобилизации».

Однако точка в этом деле вовсе не поставлена.

Как рассказывала «Новая газета», пленум Верховного суда РФ своим постановлением от 18 мая 2023 года определил, что

частичная мобилизация продолжается до тех пор, пока президент, ее объявивший своим указом № 647 от 21 сентября 2022 года, не издаст указ о «дате и времени отмены частичной мобилизации».

А теперь Министерство обороны официально отвечает, что пока такой указ не издан, мобилизованные должны продолжать служить. И что ограничение одним годом срока военной службы по мобилизации (то есть демобилизация тех, кто был призван по указу № 647) «полагается нецелесообразным» — пусть служат и дальше.

До какого времени? До указа. А когда будет указ? Неизвестно, когда будет, и неизвестно, будет ли вообще, учитывая позицию президентской администрации.

Кстати, служить «до указа» должны не только мобилизованные, но и контрактники: по указу № 647, пока длится период частичной мобилизации, продолжается действие ранее заключенных контрактов на прохождение военной службы. Не важно, что у кого-то истек срок контракта, — уйти из армии он не может.

Разрешить эту ситуацию можно только одним путем: скорейшим изданием указа президента о завершении частичной мобилизации.

Иначе военная служба мобилизованных и контрактников превращается, по сути, в бессрочную.

ОСНОВНОЙ ЗАПРОС

ГЛАВНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИТОГ ГОДА:
БОЛЬШИНСТВО РОССИЯН ОСОЗНАЛО НЕОБХОДИМОСТЬ
МИРНЫХ ПЕРЕГОВОРОВ

25 ДЕКАБРЯ 2023

Не только опрос «Новой газеты», но и данные социологических служб фиксируют рост числа российских граждан, выступающих за мирные переговоры с Украиной.

По ноябрьским данным Левада-центра, за продолжение СВО выступает 36%, за мирные переговоры — 57%. В феврале нынешнего года картина была иной: 43% — за продолжение СВО, 50% — за мирные переговоры.

Да, число тех, кто считает правильным решение о начале СВО, достаточно велико: по данным ВЦИОМ, в январе оно составляло 68%, а не поддерживало это решение 20%. Тем не менее формирование очень серьезного запроса на мир является главным политическим итогом уходящего года.

И одновременно — главным вопросом года наступающего: будет ли этот запрос реализован?

Предложение о прекращении огня и проведении мирных переговоров выдвигалось с первых дней СВО.

Политкомитет «Яблока» принял соответствующее заявление уже 24 февраля 2022 года, а затем многократно подтверждал свою позицию. С этим требованием многократно выходили на пикеты (с неизменными задержаниями) политические и общественные активисты. Оно звучало в социальных сетях и в оставшихся независимыми от власти СМИ.

И хотя общественные предпочтения за минувшие 22 месяца колебались, даже в условиях оглушающей милитаристской пропаганды решающего преимущества сторонники продолжения СВО ни разу не имели. А к концу 2023 года, как уже сказано, число выступающих за мирные переговоры существенно превысило число сторонников продолжения боевых действий. Последние четко разделились на две партии: одна — российские

«Z-патриоты», требовавшие идти на Киев, Одессу и далее «до польской границы», другая — эмигрантская политическая «тусовка», требовавшая продолжать боевые действия до «краха режима».

Суть предложения о прекращении огня была, казалось бы, предельно проста:

это прежде всего прекращение уничтожения людей. Единственный способ сберечь человеческие жизни и остановить «счетчик» жертв и разрушений.

Только в этих условиях — когда огонь прекращен — можно вести переговоры и обсуждать любые вопросы.

В феврале 2023-го эта позиция в «Новой газете» была заявлена в статье Григория Явлинского «Прекратите!». В ней говорилось, что «на сегодняшний день все стороны намерены продолжать (...), ошибочно рассчитывая на военную победу, которая в современных условиях недостижима ни для кого». Что закончить вооруженный конфликт «на поле боя», как некоторые мечтают, не получится. Что продолжение военных действий в любой форме — наступательной или позиционной — не сулит никакого положительного развития событий ни для России, ни для Украины, ни для западных стран. Что если не прекратить огонь, то последствия будут катастрофическими и скорее всего необратимо разрушительными. И главное — что ежечасно погибающих людей не вернуть уже никогда...

На статью яростно набросилась эмигрировавшие эксполитики, ничем не рискующие и ничего не теряющие, не находящиеся под грузом административных или уголовных дел, находящиеся на свободе и в полной безопасности.

Они обвинили Явлинского в том, что он «написал очередную колонку прямо по кремлевскому темнику», что он «призывает украинцев сдаться», что он предлагает Украине «признать потерю территорий», а главное — что это предложение очень «выгодно Путину».

В статье не говорилось ни слова ни о «признании потери территорий», ни о «сдаче», а якобы «выгодно ему» прекращение огня Путин никогда не предлагал — это не останавливало критиков, которых Лев Шлосберг очень точно назвал «партией чужой крови». Они непреклонно требовали продолжать боевые

действия: никакого прекращения огня и никаких переговоров! Правда, требовали они этого из баров, кафе и эфирных студий: гибнуть во имя желаемых ими целей должны были другие...

Конфликт давно уже перешел в позиционную стадию, в которой на протяжении многих месяцев почти не меняется ситуация на линии соприкосновения, лишь увеличивается число жертв и масштаб разрушений.

Но «партия чужой крови», сделавшая ставку не на мир, упорно не желала (и не желает) признавать очевидное.

В том числе и тот факт, что Кремль не нуждается ни в какой «передышке». Как мы видим, продолжение боевых действий не мешает ни набору контрактников, ни производству оружия, ни закупке снарядов...

Но несмотря это, не только эмигрантское сообщество продолжает об этом твердить.

Только что американский Институт изучения войны в очередной раз заявил, что Путин может добиваться временного прекращения огня, которое принесет пользу России, поскольку даст время подготовиться к новому наступлению. А New York Times пишет о неких «сигналах», которые якобы через посредников направляет Западу Владимир Путин — о своей заинтересованности в прекращении огня.

Опять же, никаких публичных заявлений об этом Путин не делал. Напротив, на недавней прямой линии он продолжал говорить то же самое, с чего начинал 24 февраля 2022 года, — о «денацификации», «демилитаризации» и «нейтральном статусе» Украины. А его пресс-секретарь Дмитрий Песков заявил той же NYT, что Путин готов к переговорам, но при условии достижения заявленных целей...

Сколько еще так может продолжаться? Месяцы? Годы? Неизвестно: ответ на этот вопрос зависит от множества внешних и внутренних факторов. Но есть и другой вопрос: сколько людей еще погибнет с обеих сторон? Что будет с экономикой Украины? Что будет с миллионами беженцев? И что будет в России, где мы наблюдаем не только экономические проблемы, но и усиление ожесточения и агрессии, возврат к советским практикам жизни и рост политических репрессий, грозящих перейти в политический террор?

Эти вопросы задают себе очень многие в нашей стране — и постепенно приходят к тому, что нужен мир, а не «победа в СВО» (тем более что существуют совершенно разные представления о том, как эта победа должна выглядеть).

Между тем единодушно за «продолжение СВО и победу» — все пять парламентских партий: «Единая Россия», КПРФ, «Справедливая Россия», ЛДПР и «Новые люди». Они давно уже неотличимы друг от друга и дружно голосуют не только за запретительные и репрессивные законы, но и за денонсацию международных договоров России, в том числе Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ). На думском сайте торжественно сообщалось, что голосование в Госдуме по этому вопросу 16 мая 2023 года было единогласным: его поддержали 405 парламентариев, проголосовавших против, воздержавшихся не было.

Это означает, что сторонники мирных переговоров, составляющие большинство даже по данным лояльных социологических служб типа ВЦИОМ, лишены парламентского представительства. Единственная зарегистрированная партия с антивоенной позицией — «Яблоко» — представлена только в четырех региональных парламентах, но не в Госдуме (и не в Совете Федерации).

И потому предложение о прекращении огня и мирных переговорах в принципе не звучит с думской трибуны — оттуда звучат совсем другие слова. Примерно те же, что с экранов телевизоров на «шоу ненависти». Хотя будь парламент действительно представительным органом (а тем более избранным на честных выборах), он не смог бы сегодня игнорировать запрос на мир и переговоры.

Возможна ли реализация этого запроса? Дадут ли, если это произойдет, эти переговоры результат? Не факт: они могут оканчиваться и безрезультатными. Но пока они будут идти, не будут гибнуть люди.

Напомню о многократно раскритикованных с обеих сторон Минских соглашениях: да, их потенциал не был использован и они не привели в итоге к миру, потому что на то не было политической воли. Но шанс был.

А главное, если посмотреть на статистику погибших с обеих сторон в 2014–2021 годах, мы сразу же увидим — на несколько

лет — многократное снижение числа жертв конфликта после заключения этих соглашений...

Реализация запроса на мир, предложение о прекращении огня и мирных переговорах — может быть, и не лучшее решение, то точно лучшее из возможных. Лучшее из того, что дано в сегодняшней ситуации.

Цена отказа от запроса на мир — жизни людей. А они — высшая ценность, важнее, чем территории, ресурсы и политические интересы.

МИР НЕ МОЖЕТ БЫТЬ «УНИЗИТЕЛЬНЫМ»

ОБМЕНЫ УДАРАМИ НЕ ОТНИМАЮТ ШАНС, НО ЕГО ОТДАЛЯЮТ

5 ЯНВАРЯ 2024

2023 год я заканчивал статьей в «Новой газете» о формирующемся в обществе и становящемся все более популярным запросе на мир, на прекращение огня в Украине и переговоры как главном итоге года.

И шансе — пусть и не очень большом — на реализацию этого запроса.

Обмен ударами, случившийся в последние дни ушедшего года и первые дни года наступившего, выглядит как ответ тех, для кого этот запрос неприемлем.

Кто заинтересован в продолжении боевых действий, а не в их прекращении, полагая, что победа может быть достигнута на поле боя.

Стоит только поднажать, перетерпеть, набрать новых солдат и офицеров, получить или произвести новое оружие...

Жертвы и разрушения в Белгороде, Харькове и Киеве могут усложнить реализацию запроса на мир. Но могут и приблизить ее.

В «Утреннем развороте» 4 января на канале «Живой Гвоздь» ведущие спросили меня: надо ли помогать пострадавшим в Белгороде (как ни странно, по проведенному в эфире опросу, так считают отнюдь не все)?

Я ответил, что кровь у всех людей одного цвета. Что человеческие жизни — бесценны, а гибель людей — трагедия, и надо сожалеть о жертвах и помогать пострадавшим. А те, кто считает, что помогать им не надо, видимо, никогда в жизни не попадали (и пусть и не попадут!) в ситуацию, когда среди погибших или раненых будут их родные и близкие...

Происходящее в эти (и не только в эти) дни, когда один удар влечет за собой в качестве ответа второй, тот — третий, четвертый и так далее, может длиться очень долго. И потому нет иного

пути, кроме прекращения огня и переговоров, что означает и прекращение гибели людей.

Оно может быть очень долгим: достаточно вспомнить, что между Северной и Южной Кореей оно длится уже семьдесят лет (!), а полноценного мирного договора между ними так и нет. Но все это время не погибают люди — ни с той, ни с другой стороны. И, кстати, посмотрите, какой уровень жизни и технологий сегодня у Северной Кореи, а какой — у Южной...

Только что были редкие за последнее время хорошие новости: впервые за долгое время (с 7 августа) состоялся обмен военнопленными. В Россию возвращено 248 человек (официальные данные Минобороны), в Украину — 230.

Это означает, что коммуникация сохраняется, что разговоры между российской и украинской стороной (пусть и при участии посредников) не только возможны, но и могут приносить результат.

Значит, возможно и соглашение о прекращении огня и переговоры. Сколь угодно долгие — но без обстрелов и стрельбы, без жертв и разрушений.

Да, возможно, что каждый удар и каждая новая жертва, увеличивая степень ожесточения, усложняют продвижение к этой цели.

Потому что велико желание посчитаться за свои потери, наказать и отомстить.

И потому что очень много есть желающих объяснить, что продолжение боевых действий нужно, чтобы потери не были напрасными, а мир будет «унизительным».

Но возможно и иное: понимая, что обмен ударами может продолжаться сколь угодно долго, будет нарастать понимание того, что все-таки надо прекратить огонь.

Что надо разорвать цепочку причин и следствий, в которой каждое следствие становится новой причиной.

Иначе в ней будут появляться все новые и новые звенья, каждое из которых означает смерть и кровь.

ВНЕ КОНТЕКСТА

КАК ПОД ВИДОМ «ГУМАНИСТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ»
СТИРАЕТСЯ РАЗНИЦА МЕЖДУ ДОБРОМ И ЗЛОМ.

8 ЯНВАРЯ 2024

Два из трех президентов американских университетов — Гарвардского и Пенсильванского, Клодин Гэй и Лиз Мэгилл — ушли в отставку после обсуждения в Конгрессе США коллективных призывов к насилию над евреями, с которыми выступили студенты этих университетов.

Тогда, как рассказывала «Новая газета», всем троим президентам задали вопрос: нарушают ли эти призывы (прозвучавшие после хамасовской резни 7 октября 2023 года) политику их учебных заведений?

Гэй и Мэгилл ответили, что «это зависит от контекста». В российской транскрипции — «все не так однозначно»...

Что же, главная хитрость зла — не столько прикинуться добром, сколько уверить, что добра вообще не существует.

Суть дела не только в антисемитизме, проповедуемом многочисленными «борцами за свободу Палестины» под маской «антиколониализма» и «защиты угнетенных». Если бы вдруг (не дай бог!) их родные и близкие стали жертвами чудовищной резни, такой как 7 октября (а ранее на места их благополучного обитания с территории, откуда пришли убийцы, много лет летели бы ракеты и приходили террористы, взрывающие автобусы и клубы), — много ли сочувствия к «угнетенным» и «страдающим», устроившим резню, они нашли бы в своих душах? Или потребовали бы самой жесткой реакции на террор и возмутились, если бы эта реакция была названа «непропорциональным применением силы»?

Дело в сильнейшем смещении понятий, которое за последние два года мы наблюдаем у очень многих, причем в разных странах.

Когда под предлогом «зависимости от контекста» и «все не так однозначно» или стирается различие между добром и злом, или зло выдается за добро и наоборот.

Когда агрессор, творящий беспримесное зло, вдруг предстает в облике жертвы обстоятельств, которая подвергалась дискриминации и получала душевные травмы. И которая была «вынуждена» проявить агрессию — и потому ее действия заслуживают понимания и сочувствия, а то и полного оправдания. А жертва — если она посмеет сопротивляться — объявляется агрессором, который, оказывается, давно готовил нападение, но его просто опередили.

Когда родственники погибших 7 октября (цитирую социолога Виктора Вахштайна) не могут понять из статьи философа Джудит Батлер, почему их родные стали жертвами не чудовищного погрома и геноцидальной резни, а «вспышки очистительного насилия», «вдохновляющего акта эмансипации и антиколониального сопротивления». При этом единомышленниками г-жи Батлер террористы объявляются ведущими «мужественное сопротивление», а те, кто борется с террористами, получают ярлыки «угнетателей» и «колонизаторов»...

Все описанное имеет четкое определение: мы имеем дело с моральным релятивизмом, все больше и больше расширяющим сферу своего влияния.

Массовым становится убеждение в том, что добра нет, а есть только разные степени зла. И что все «зависит от контекста», то есть с какой стороны посмотреть, и для обоснования своей позиции всегда найдется тот ракурс, с которого ситуация будет выглядеть как эту позицию подтверждающая.

Эту логику много лет в различных ситуациях использовали различные политические режимы — и не только тоталитарные, но и вполне демократические (вспомним известное «Наш сукин сын», сказанное президентом США в адрес одного из латиноамериканских диктаторов). И классическое *Realpolitik* — это ведь именно о том, что ценностей нет, а есть только прагматические интересы...

Но именно в последние годы эта логика стала распространяться, как лесной пожар.

С одной стороны, она превращается в одну из основ политики нынешней российской власти, которая на критику своих действий отвечает «а у них еще хуже», «там вообще за это расстреливают»... При этом пропагандисты рассказывают о «несвободе

слова» и «преследованиях политических оппонентов и журналистов» на Западе (нет, чтобы на себя оборотиться).

В рамках этой же «релятивистской» логики власть, подобно советской предшественнице, объявляет свои решения вынужденными. Ссылается на разные прецеденты — например, на «косовский», при этом забывая, что в те времена Россия выступала против независимости Косова, заявляя, что ее население не пользуется правом на самоопределение.

Блокаду Газы российский президент, которого «высоко ценит» ХАМАС, сравнивает с блокадой Ленинграда, но рядом нет независимых СМИ, которые могли немедленно разбить это сравнение...

А с другой стороны, этой логикой пользуются (большей частью левые) многочисленные «борцы с колониализмом и дискриминацией», в результате чего (еще раз процитирую Виктора Вахштайна) «постколониальные исследования превратились в риторическую машину оправдания зверств ХАМАС».

Беспокойства у их авторов не вызывает лишь один вид насилия и дискриминации — призывы убивать евреев и уничтожить еврейское государство. Они не укладываются в выбранную «постколониалистами» картину мира, где «жертвы колониализма» могут совершать любые преступления, и на них закроют глаза, зато ответ на террор будет объявлен «геноцидом».

«Постколониалисты» не замечают насилия со стороны ХАМАС, но крайне озабочены насилием в отношении Газы. Заявляют, как генсек ООН Антониу Гуттериш, что резня 7 октября — результат того, что «палестинский народ подвергался удушающей оккупации в течение 56 лет» (при том что Израиль покинул сектор Газа в 2005 году, предоставив его жителям самоуправление и продолжая бесплатно снабжать их водой, газом и электричеством). Участвуют, как «экоактивистка» Грета Тунберг, в митингах под лозунгом «Палестина от реки до моря», смысл которого — в уничтожении Израиля. Или пишут, как журналистка Маша Гессен, статьи, где ситуация в секторе Газа сравнивается теперь уже не с блокадой Ленинграда, а с Варшавским гетто.

Между тем (сошлюсь на экономиста и аналитика Андрея Мовчана), в отличие от ХАМАС, евреи Варшавского гетто не

призывали уничтожить Германию и немцев, не сжигали немецких детей, не насиловали немецких женщин и не праздновали убийства немцев.

А вокруг Варшавского гетто (в отличие от Газы) не находилось множество стран, населенных евреями, с населением многократно большим, чем в Германии, и эти страны не направляли в гетто гуманитарную помощь, оружие и деньги...

Все это — признаки тяжелой и усиливающейся болезни, поразившей часть общества, симптомы которой — потеря моральных ориентиров и отрицание признаваемых всеми (или почти всеми) ценностей. С переменой мест правды и лжи, агрессоров и их жертв, белого и черного. И с представлением людоедских суждений как допустимого «выражения свободы мнений» и требованием «толерантности» и «эмпатии» в отношении убийц и бандитов с учетом их тяжелого детства, безрадостной юности и отсутствия жизненных перспектив.

Именно отсюда рождаются упомянутые «все не так однозначно» или «это другое», позволяющие в упор не видеть зло и презрительно отмахиваться от добра.

Масштабы этой болезни таковы, что может оправдаться печальное утверждение братьев Стругацких из романа «Отягощенные злом»: «Из десяти девять не знают отличья тьмы от света, истины от лжи, чести от бесчестья, свободы от рабства».

Излечение от этой болезни необходимо. Оправдание зла «контекстом» — недопустимо.

Поскольку (приписывается то Илье Эренбургу, то Александру Солженицыну) «волкодав прав, людоед — нет».

ЗРИТЕЛИ НЕ В КАССУ

«ОТМЕНА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ» ПРОИСХОДИТ НЕ НА ЗАПАДЕ:
АЛЕКСАНДРИНСКИЙ ТЕАТР СНЯЛ ПОПУЛЯРНЫЙ СПЕКТАКЛЬ
«1881», ПОТОМУ ЧТО АВТОР ПЬЕСЫ — АКУНИН

13 ЯНВАРЯ 2024

Александринский театр отменил запланированный на 12, 13 и 14 января показ одного из лучших своих спектаклей — «Один восемь восемь один», рассказывающий о последних днях царствования императора Александра Второго, его убийстве, первых днях царствования Александра Третьего и провале попытки осуществления хотя бы и небольших, но либеральных реформ.

Спектакль популярнейший (билеты распродаются мгновенно) и невероятно актуальный (недаром в отличие от других персонажей на сцене главные антагонисты — министр внутренних дел Михаил Лорис-Меликов и обер-прокурор Синода Константин Победоносцев — одеты в дорогие офисные костюмы нашего века).

В ноябре 2023-го, когда я смотрел спектакль, было ощущение «полного погружения» в ту эпоху — настолько мастерски он поставлен Валерием Фокиным.

И все же он снят — почему?

Да потому, что поставлен по пьесе опального ныне Бориса Акунина, вчера объявленного «иностранным агентом», а до того — включенного Росфинмониторингом в список «террористов и экстремистов».

Об отмене спектакля мне сообщила моя помощница, которая купила билеты на «1881» на 14 января. Но днем 12 января ей пришло электронное письмо, что спектакль отменен. На сайте театра, в афише на 13 и 14 января (дни, когда спектакль должен был идти), вместо «1881» появилась информация, что на основной сцене в эти дни пройдет экскурсия «Блистательный Александринский театр».

Сомневаться в том, что это связано с включением Акунина в известный список, не приходится, хотя театр вчера никаких

объяснений для журналистов не давал. Питерские СМИ пишут, что в сети «ВКонтакте» в группе театра сообщили только, что «все верно, ближайшие показы спектакля отменены, все средства за купленные билеты будут возвращены», но не отвечают на вопрос о причинах отмены.

Между тем — хотя Акунина внесли в реестр «иностраннных агентов» только 12 января 2024 года — его имя осенью 2023 года уже никак не упоминалось ни в афише «1881», ни в программках, продаваемых на спектакле. По всей видимости, потому, что — несмотря на отсутствие в разных «списках» — общественно-политическая позиция Акунина (живущего за границей с 2014 года) была хорошо известна и кардинально отличалась от официальной. Напомним, что его книги начали убирать с полок с лета 2022 года (тогда издательство «Захаров» обвинило дом книги «Молодая Гвардия» в том, что тот убрал со своих полок произведения Бориса Акунина по собственной инициативе во избежание возможных неприятностей из-за позиции писателя).

Это наглядная иллюстрация нынешней ситуации, когда никто толком не понимает, что можно, а что нельзя, и перестраховываются по максимуму, потому что за излишние запреты точно не накажут, а вот за разрешение даже и не запрещенного, но неудобного вполне может «прилететь»...

В декабре 2023 года, после того как Акунина разыграли пранкеры, его спектакли (еще до последующего возбуждения уголовного дела по статье о «фейках» об армии) сняли из своего репертуара московский Российской академический молодежный театр и Губернский театр, все театры, где шли спектакли по пьесам Акунина, получили запросы из Следственного комитета, а издательства «АСТ», сеть книжных магазинов «Читай-город — Буквоед» и интернет-площадки приостановили распространение его книг.

При этом стоит отметить (на это обратил внимание известный петербургский критик и публицист Михаил Золотоносов), что ни одна из книг Акунина не включена в Федеральный список экстремистских материалов, и по ним нет никаких судебных решений. Тем не менее 30 декабря Золотоносов обнаружил, что из генерального электронного каталога Российской национальной библиотеки исчез писатель Борис Акунин. Ни

одной библиографической записи на автора с такой фамилией и с таким именем нет.

Между тем даже и включение в список экстремистских материалов, говорит Золотоносов, вынуждает РНБ книгу не выдавать читателям, но при этом из каталога не удалять.

Однако ее удалили — по принципу «лучше перебдеть»...

Это, конечно, полная реплика советской практики, когда книги авторов, которые эмигрировали и лишались гражданства, тут же изымали из библиотек, а фильмы «клали на полку», хотя никаких судебных решений об этом не было.

И вот теперь — Александринский театр. Зрители в ближайшее время «1881» точно не увидят.

Так выглядит «культура отмены» по-российски.

Точнее, «отмена русской культуры», которая происходит вовсе не на Западе, как рассказывают пропагандисты.

НАСЛЕДИТЬ НА ЧУЖОМ НАСЛЕДИИ

В ДУМУ ВНЕСЕН ЗАКОНОПРОЕКТ, КОТОРЫЙ ПРЕДПОЛАГАЕТ
ЛИКВИДАЦИЮ ЕЛЬЦИН-ЦЕНТРА

18 ЯНВАРЯ 2024

Депутат Госдумы от КПРФ 36-летний Владимир Исаков внес в парламент проект закона о ликвидации Ельцин-центра (центра исторического наследия Б.Н. Ельцина, созданного на основании федерального закона и много лет работающего в Екатеринбурге).

Наезды на этот центр, один из «островков свободомыслия» в стране, происходят не в первый раз. И доносы писали, и закрыть призывали, и объявить «иностранным агентом» требовали, но не получилось: закон защищает Центр от любых провоков Министерства юстиции.

Теперь решили зайти с другой — законодательной — стороны.

И хотя инициатор законопроекта — достаточно мелкая думская «сошка», не исключено, что инициатива будет подхвачена.

Или будет ждать подходящего момента.

Тов. Исаков (профессиональный функционер КПРФ, всю сознательную жизнь работавший только в ее структурах) предлагает изменить Федеральный закон «О центрах исторического наследия президентов Российской Федерации, прекративших исполнение своих полномочий». Записать в нем, что центры исторического наследия создаются только для тех экс-президентов, которые перестали ими быть после 1 января 2000 года.

Борис Ельцин, как известно, ушел в отставку днем раньше — 31 декабря 1999-го, так что смысл законопроекта совершенно ясен.

Но чтобы никто не сомневался в его целях, тов. Исаков в пояснительной записке сообщает, что проект разработан «в целях восстановления исторической справедливости и недопущения искажения истории».

Что «существование центра исторического наследия имени Б.Н. Ельцина в таком виде, какой он есть сейчас, создает «угрозу» национальному единству и раскалывает российское общество».

Что «Российская Федерация является правопреемником СССР, в связи с чем существование центра исторической памяти фигуры, которая своими действиями способствовала разрушению государства, не способствует формированию патриотизма и создает необъективную оценку исторических событий».

И что «согласно данным опроса ВЦИОМ, проведенного в 2016 году, 50% респондентов называло Ельцина виновником кризиса, в котором оказалась Россия в 1990-е годы», а в 2023 году «деятельность Ельцина на посту президента негативно оценивает уже 61% опрошенных, при 17% положительных оценок»...

Закон, в который предлагается внести изменения, гарантирует каждому экс-президенту создание и функционирование за счет федерального бюджета (и с передачей необходимого федерального имущества или земли) персонального центра для сохранения его исторического наследия как «неотъемлемой части новейшей истории России, развития демократических институтов и построения правового государства».

В этом центре должны быть библиотека и архивный фонд, а также «музейные предметы, связанные с жизнью и общественно-политической деятельностью президента Российской Федерации, прекратившего исполнение своих полномочий», библиотека при этом является общедоступной.

Все это есть в Ельцин-центре, который при этом проводит множество интереснейших мероприятий. И хотя в экспозиции Центра представлено, как правило, то, что показывает фигуру Бориса Ельцина с положительной стороны (а критических — и заслуженных — оценок явный дефицит), он не становится от этого менее интересным. Потому что хранит реальную историческую память о не такой уж и далекой, но многими уже подзабытой эпохе. И о человеке, который, как бы к нему ни относиться, сыграл в российской истории чрезвычайно значимую роль.

Да, как уже сказано, Ельцин-центр — хотя он не является никакой оппозиционной структурой, а приглашает для выступлений самых разных политиков и экспертов — раздражает власть.

Раздражает самым своим существованием, потому что показывает, что не так давно — какие-то три десятилетия назад — российская политическая жизнь была совсем другой. Что в ней

были политическая конкуренция и острейшие столкновения. Что в ней были относительно честные выборы и относительно свободные СМИ, излагавшие разные точки зрения. Что парламент был местом для дискуссий. Что на выборах побеждали не те, кого хотело видеть начальство, а те, кого поддерживали граждане. Что не было массовых политических репрессий, но были массовые антивоенные протесты. В общем, все то, что сегодня существует только в воспоминаниях и исследованиях.

Удивляться в этих условиях предложению о закрытии Ельцин-центра не приходится. Даже если оно исходит не от единороссов, а от КПРФ, которая в Госдуме практически неотделима от «Единой России» до степени смещения — особенно в поддержке курса нынешнего президента Владимира Путина. Правда, в проекте тов. Исакова есть одна крамольная норма: о том, что президентский центр должен «представлять объективную оценку деятельности президента Российской Федерации, прекратившего исполнение своих полномочий».

Между тем президентский центр полагается (уже сейчас) Дмитрию Медведеву, прекратившему исполнение своих полномочий в 2012 году.

И по закону он должен будет давать ему «объективную оценку». А также хранить его «историческое наследие» — в том числе и то, которое он творит в последние месяцы практически ежедневно, отливая в граните один эпистолярный шедевр за другим.

А потом президентский центр будет полагаться и Владимиру Путину. И тоже давать ему «объективную оценку»...

Впрочем, крамольную норму, если что, можно при втором чтении исключить.

СЛОВ НЕТ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ГУБЕРНАТОРА ПЕТЕРБУРГА
АЛЕКСАНДРА БЕГЛОВА, БОРЦА СО СНЕГОМ И ТУАЛЕТАМИ:
ВЫСКАЗЫВАНИЯ И ОБЕЩАНИЯ

22 ЯНВАРЯ 2024

Петербургский губернатор Александр Беглов заявил на встрече с ранеными, что в Украине, оказывается, «мы воюем» за то, чтобы в России в школах не было, как в «украинизированной версии Донбасса», туалетов, где «три помещения — для девочек, мальчиков и гендерно нейтральных».

Заявленное встретили с недоумением даже ярые сторонники СВО: экс-депутат Рады Олег Царев мягко указал петербургскому градоначальнику, что в Украине таких туалетов нет вообще. Другие же напомнили, что, по данным Росстата, четверть россиян не имеют централизованной канализации, используя выгребные ямы. Вот куда бы направить силы, которые уходят на борьбу с Западом и НАТО. К тому же трудно себе представить что-то более гендерно нейтральное, чем традиционный для многих российских местностей дворовый туалет типа «сортир»...

Это далеко не первый ляп за пятилетку с небольшим, что Александр Беглов управляет городом, — уже можно составлять коллекцию.

Впрочем, на все это можно было бы закрыть глаза (ну, не Цицерон, так не каждому дано) — если бы при этом нормально решались городские проблемы и горожане были довольны работой губернатора.

Но механизм формирования петербургской администрации (впрочем, не только петербургской) таков, что хорошо работать у нее нет никаких стимулов.

Главное — неустанно хвалить президента.

...Все началось пять лет назад, когда Петербург настиг «снежный коллапс», и улицы были завалены льдом и снегом, а высота сугробов достигла устрашающей величины.

Тогда еще временно исполняющий обязанности губернатора Александр Беглов, распекая подчиненных за плохую уборку, велел выдать главам районных администраций лопаты со своим именем, чтобы они лично участвовали в очистке. Сам же он под камеры занялся уборкой льда в одном из дворов, при этом так и оставшись в лакированных штиблетах (да и лед был заранее заботливо расколот на небольшие кусочки).

Упомянутые орудия труда немедленно получили название «лопаты Беглова», чиновники наперебой хвастались ими, выкладывая фото в сетях, где они трудятся с лопатами в руках в поте лица. Правда, качество уборки от этого не улучшилось, но спасло наступившее через какое-то время потепление.

Когда же зима закончилась, Беглов, отвечая на вопрос о причинах плохой уборки, сообщил, что «есть и неэффективное управление, есть расхлябленность» (*здесь и далее орфография сохранена*).

Затем, выступая в эфире телеканала «Россия 24», Беглов заявил: «Каждый блокадник — он наш брат, он наш сестра». Реакцию блокадников по телевизору не показали.

1 мая 2019-го, во время шествия (заметим, закончившегося множеством арестов — колонна оппозиции была остановлена, а затем разогнана) градоначальник, выступая, назвал горожан «активнутыми и противными». А 9 мая сообщил горожанам, что «каждый, в силу своих мер, делал все, чтобы приблизить Победу».

Ну, а через две недели, выступая перед депутатами петербургского парламента, Беглов порадовал еще одним новым словом, сообщив, что «скоро должна ввеститься в строй станция метро «Проспект Славы»...

...Перед выборами губернатора (они прошли в сентябре 2019 года) Беглов анонсировал, что территория «Тучкова буяна» на проспекте Добролюбова (рядом с Петропавловской крепостью и Стрелкой Васильевского острова), где планировалось строить комплекс зданий Верховного суда РФ, станет арт-парком.

Сайт Смольного сообщал, что там появится «многофункциональная, многоуровневая культурная развлекательная зона с верхним парком и набережной» и что проект «получит совместное финансирование Санкт-Петербурга и Российской Федерации».

Судебный квартал при этом было обещано перенести в район Смольного, рядом с «Водоканалом».

Все это стало одним из главных предвыборных проектов врио губернатора, и на избирательных участках граждан встречали вопросом о том, каким они хотят видеть парк на проспекте Добролюбова.

Минуло пять лет — и что же? А то, что «судебный квартал» активно строится именно на «Тучковом буяне», и здание будущего Верховного суда достигло уже шести этажей. Обещание же организовать парк трансформировалось в планы устройства узкой полоски с деревьями и кустами на оставшемся от «судебного квартала» месте. Кстати, кроме суда, там хотят построить еще и дворец танцев Бориса Эйфмана...

...Когда началась эпидемия ковида, Беглов (4 апреля 2020 года) заявил РИА «Новости», что «на сегодняшний день Санкт-Петербург полностью готов к распространению коронавирусной инфекции».

Через месяц, 4 мая, он посетил родильный дом на улице Маяковского и сфотографировался там с роженицей. Сам он при этом был в респираторе, роженица — даже без маски.

15 мая губернатор приехал во временный госпиталь для больных ковидом, и его пресс-служба выложила еще одну фотографию: на ней Беглов, в защитном костюме и респираторе, стоял рядом с двумя женщинами, у которых не было даже масок.

Я тогда задумался: может быть, в пиар-службе Александра Дмитриевича засели тайные агенты оппозиции?

И именно их усилиями этот умный, добрый и грамотный человек предстает на публике недалеким, злым и косноязычным, раз за разом попадая впросак? И что, когда власть сменится, эти солдаты невидимого фронта расскажут, как ковали нашу победу...

В январе 2021 года губернатор заявил, что на традиционной новогодней ярмарке, поскольку «ковид внес свои изменения», «нет катка и нет карусели, которую мы сделали», но «наша карусель попадет в Книгу Гиннесса как самая лучшая ручная работа». Горожане начали гадать: это как же в Книгу рекордов попадет карусель, которую не установили? В ответ пресс-служба Смольного сообщила: «Считайте это фигурой речи. Карусель сделана

мастерами специально для Петербурга, с использованием петербургских мотивов». Так губернатор описал невероятную красоту карусели, которую, впрочем, так и не установили.

В марте 2021 года на набережной реки Карповки установили скульптуру «Печального ангела», в память о погибших во время эпидемии COVID-19 медиках. «Ангела» изготовили по эскизу скульптора Романа Шустрова, погибшего от ковида, а инициаторами выступили создатели «стены памяти» о погибших медиках Галина Артеменко и Ирина Маслова.

Открытие было назначено на 4 марта, а 3 марта пресс-служба администрации Петербурга опубликовала пресс-релиз, в котором сообщила, что Александр Беглов уже «тайно» открыл памятник — за день до этой даты. Запланированное открытие все же состоялось, и собрало множество людей (среди которых почти не было чиновников), а в ответ на возмущение инициаторов установки «Печального ангела» поступком Беглова, который они назвали недостойным, на прогубернаторском телеканале вышел сюжет, грубо оскорбляющий Маслову.

...31 мая 2022 года Следственный комитет возбудил уголовное дело в отношении сотрудников КГИОП (комитет по охране памятников) в связи со сносом ряда исторических зданий. Обращение по этой проблеме на имя главы СКР Александра Бастрыкина направляли 55 муниципальных депутатов и автор статьи.

25 августа того же года, выступая по телевидению на прогубернаторском канале, Александр Беглов порадовал откровением: «Те 55 муниципальных депутатов, которые обратились с заявлениями в Следственный комитет, — представители блока оппозиционных партий. Более 90% прошли на выборах в муниципалитет при серьезной финансовой поддержке запрещенной в России международной политической организации «Открытая Россия». Спонсор, руководитель — Михаил Ходорковский».

Никаких доказательств столь сильного утверждения губернатор не привел, к тому же муниципальные выборы состоялись еще в 2019 году. Но и правоохранительные органы, что характерно, не обратили на это ни малейшего внимания, хотя речь шла об обвинении в совершении уголовного преступления — видимо, хорошо понимая степень «достоверности» заявленного.

В том же выступлении по телевидению Беглов заявил, что городской закон о комплексном развитии территорий (КРТ), вызвавший шквал протестов горожан, которым могло грозить выселение, еще не принят, а только находится на обсуждении.

«Закон обсуждается, для этого проект и опубликован, чтобы обсудить с горожанами», — сказал губернатор. И все бы ничего, но за полтора месяца до того Беглов этот закон (принятый Законодательным собранием 29 июня 2022 года) подписал и он был опубликован.

После этого Смольному пришлось выпускать пресс-релиз, где речь Беглова переписали. И в исправленном варианте уже было сказано, что закон принят, а обсуждаются подзаконные акты к нему.

15 декабря 2022 года губернатор сделал серьезное медицинское открытие. Обращаясь на форуме Всемирного русского народного собора к митрополиту Варсонофию, он заявил: «Вы облетали на вертолете несколько раз с иконами наш город, и я хочу сказать, что действительно пандемия отступала». Правда, статистика заболеваемости это никак не подтверждала, напротив, когда в июне 2021 года митрополит совершил очередной «молитвенный облет», городские СМИ писали, что «в Северной столице продолжает расти заболеваемость коронавирусом». И если бы с пандемией можно было бороться с помощью «облетов с иконами» и молитв, не было бы необходимости в героическом труде медиков...

...После начала СВО одной из любимых тем губернатора стало сравнение ее с Великой Отечественной войной и блокадой Ленинграда.

Так, 27 января 2023 года, в день прорыва блокады, в эфире он заявил, что «блокаду Ленинграда держали представители 12 стран современного Евросоюза, не считая сторонников нацистов из других стран», что «России сегодня противостоят те же враги», которые «так же поддерживают неонацистов на Украине, как 80 лет назад их страны поддерживали Гитлера». Ранее он же уверял, что это «именно те страны, которые сейчас вместе с США пытаются взять в блокаду уже всю нашу страну».

Сервильные собеседники, конечно, не решились напомнить Беглову слова «антигитлеровская коалиция», где в противостоянии Гитлеру вместе с Советским Союзом объединились

53 страны, в том числе Соединенные Штаты и Великобритания (вступившая в войну с нацизмом еще в 1939 году), поставлявшие СССР в значительных количествах оружие, технику и продовольствие. Что во Второй мировой войне союзниками Германии из европейских стран были лишь Италия, Венгрия, Болгария, Румыния и Финляндия, а в блокаде Ленинграда из них участвовали лишь две страны — Германия и Финляндия. И что даже у оккупированных Гитлером европейских стран работали противостоявшие нацистам правительства в изгнании.

Этим, впрочем, исторические изыскания губернатора не закончились. В мае 2023 года, поздравляя горожан с днем рождения города, он заявил, что Петербург «заложен назло надменным европейским соседям».

Видимо, он вспомнил поэму Пушкина «Медный всадник», но вспомнил не очень точно. Потому что, во-первых, речь у Пушкина шла не о соседях, а об одном «надменном соседе», Швеции, с которой Россия воевала в Северной войне за выход к Балтике. А во-вторых, после основания Петербурга он стал, как задумывал его основатель Петр Первый, «окном в Европу», и тот же Пушкин писал: «Все флаги в гости будут к нам».

О Петре, впрочем, петербургский губернатор рассказывает весьма вольно — в соответствии с текущей политической линией.

В частности, очень любит сравнивать с ним нынешнего президента, заявляя, что

«Владимир Путин продолжает дело Петра и защищает те же ценности и принципы». Более того, по мнению губернатора, Путин «в чем-то даже превзошел» Петра.

Правда, еще не изъяты из библиотек учебники и исторические труды, где рассказывается, что Петр Первый был одним из символов европейского пути развития страны и стремился к новому положению России в Европе, к преодолению ее изоляции, самым активным образом перенимал европейские военные и технические достижения.

Европейские архитекторы строили блистательный Санкт-Петербург, европейские ученые и инженеры работали в России, европейские военные приезжали служить в российской армии.

Что касается Путина, то он взял курс на фактическую изоляцию России от Европы, ныне объявленной враждебной

отечественным ценностям и угрожающей нашему суверенитету. Можно, конечно, считать, что таким путем он «превзошел» Петра (при котором с Европой торговали, а не мерились санкциями), но вряд ли это большое достижение.

И еще о похожем: 3 августа 2023-го, провожая контрактников в зону СВО, губернатор сообщил им, что «хваленое натовское оружие бессильно против отваги и стойкости русского солдата». Церемония проходила на Витебском вокзале, а на его здании висел плакат «Во имя мира на Земле». И все бы ничего, но только вертолеты на этом плакате оказались... американскими. После того, как это заметил канал «Ротонда», фотографию с проводов срочно убрали с сайта Смольного...

После того как был подавлен мятеж Пригожина, петербургский губернатор не жалел негативных эпитетов (хотя и не называл фамилии, но все было понятно). Оказывается, «конфликт был между городом и грязным бизнесом — алчными дельцами, которые хотели взять на себя управление всеми отраслями городского хозяйства. Куда заходил этот грязный бизнес — городу приходилось несладко». Оказывается, были «грязные маршрутки, где ветераны не могли проезжать туда, куда им необходимо». Оказывается, «нам стоило немалых усилий вернуть контроль города над этими важнейшими отраслями».

Впрочем, когда в доме Пригожина проходил обыск, там нашли в том числе и подписанное Бегловым постановление городского правительства о награждении Евгения Викторовича почетным знаком «За заслуги перед Петербургом». На мой депутатский запрос губернатору о том, за какие именно заслуги награжден Пригожин, ответил вице-губернатор Валерий Москаленко: «За осуществление деятельности, способствующей социально-экономическому развитию Петербурга».

...Наконец, из высказываний Беглова об уборке города можно собирать отдельную коллекцию.

Так, зимой 2021–22 года он заявил, что «город приступил к созданию собственной инфраструктуры по уборке города», что «естественно, это вызывает недовольство других компаний» и что «на сегодняшний день в Санкт-Петербурге рынок по уборке города не работает, он полукриминальный».

Следующей зимой, когда ничего не изменилось, губернатор стал говорить, что «пришлось проводить целые расследования, чтобы найти ответственных за уборку во дворах». Комментируя очередной «снежно-ледовый» коллапс в подведомственном городе, Беглов заявил: «Безусловно, их (работников ЖКХ) есть за что ругать. Есть и человеческий фактор, который срывает, есть и много других объективных, субъективных причин, но снегопады есть снегопады».

Правда, за год до того в эфире телеканала «Санкт-Петербург» он же объяснял: «Что касается уборки города, уборки снега — самый главный ответственный за это за все — это губернатор Санкт-Петербурга». Как там было у Жванецкого? Фраза «я вами руководил, я и отвечаю за все» получается только по частям?

Наконец, в январе 2024-го грянули не только морозы, но и сильные снегопады — и зима, как обычно, застала Смольный врасплох.

19 января город фактически парализовало. Из разных районов мне писали, что исчезли и снегоуборочные машины, и дворники, что ни пройти ни проехать, что дороги сузились, сугробы свалены на проезжую часть, а тротуары в центре непроходимы. Что «по узеньким тропкам с осторожностью пробираются согорбленные жители, не поднимая глаз ото льда, который покрыт толстым пушистым снегом, периодически подскальзываются и матерятся», но зато «гендерно нейтральных туалетов нет».

На сайте же Смольного в это время сообщалось, что губернатор «посетил Крещенское богослужение и проинспектировал места, специально оборудованные для крещенских купаний». Как, видимо, самое актуальное.

...Как уже сказано, на все описанные выше (и другие) вербальные шедевры губернатора можно было бы закрыть глаза, если бы в городе все было в порядке и решались волнующие горожан проблемы.

Но все очень даже не в порядке. И не только с уборкой города.

Упомянутое «комплексное развитие территорий» угрожает переселением более чем полумиллиону горожан, живущих в так называемых хрущевках, пятиэтажных панельных домах постройки 1957–1970 годов.

Однако Смольный «пробивает» соответствующий закон через городской парламент, игнорируя все критические замечания (в том числе указывающие на антиконституционность его положений), а когда жители начинают протестовать, объявляет их «provokatorami». Потом, впрочем, поняв, что протест становится массовым, губернатор внезапно «включает заднюю передачу» и предлагает «заморозить» закон на полтора года. А потом — еще на год, чтобы он не начал реализовываться в предвыборный период (в сентябре 2024-го — очередные выборы губернатора и выборы муниципальных депутатов).

На окраинах города ведется массовое жилищное строительство — при этом социальная инфраструктура, мягко говоря, отстает, и жители новых кварталов годами ждут школ, поликлиник и детских садов (а существующие, конечно, оказываются перегруженными). Но Смольный охотно разрешает все новое и новое строительство, в том числе — санкционирует очередной «намыв» новых территорий на западе Васильевского острова, грозящий не только негативными экологическими последствиями, но и появлением очередного высотного «человека» в красивейшем месте Петербурга, на его «морском фасаде». И игнорирует все протесты жителей против «намыва».

Многие исторические здания города — под угрозой сноса во имя «расчистки территории» для коммерчески выгодной застройки, один скандал следует за другим, Следственный комитет (как уже сказано) даже возбуждает уголовное дело. Но в это же время в администрации готовят изменения законодательства, которые могут оставить без защиты еще несколько сотен (как минимум) исторических зданий.

И аккурат перед 80-летием освобождения города от блокады готовят к сносу школу, где училась «блокадная муза» Ленинграда Ольга Берггольц — ради организации въезда на новый мост через Неву.

В четырех центральных районах города введена платная парковка, и введена крайне непродуманно, со множеством системных недостатков, и по факту преследующая в первую очередь фискальные цели (а вовсе не заявленные — о разгрузке центра города и облегчении работы общественного транспорта).

Но на все критические замечания и требования горожан исправить положение Смольный отвечает, что «знает, как надо», а предложения горожан «не укладываются в концепцию». Заметим, самой же администрацией и утвержденную...

Обо всем этом говорят петербуржцы — и на улице, и в магазинах, и в общественном транспорте, и во дворах, — но к ним крайне редко прислушиваются.

Зато почти в каждом сообщении управления информации Смольного, где приводят высказывания Александра Беглова, он упоминает Владимира Путина.

Указывая, что все хорошее и полезное происходит «благодаря Президенту», «по поручению Президента», «под контролем Президента», «с помощью Президента». И на концерте в честь предстоящего празднования освобождения от блокады он говорит, что у нас «очень сильная Россия, потому что сильный Президент»...

...Ничего удивительного во всем описанном нет.

Александр Беглов — не худший и не лучший из российских губернаторов, он типичный путинский чиновник, солдат президента, которого можно, как в советские номенклатурные времена, переставлять с должности на должность: везде он будет вести себя одинаково — получать команды «сверху», рапортовать об исполнении и говорить то, что полагается в соответствии с текущей линией текущей руководящей и направляющей партии.

То, что он занимает формально выборную должность, мало что меняет, поскольку она занята не в результате конкуренции с реальными соперниками, а в результате недопуска их на выборы и применения «административного ресурса».

И у него, как и у других губернаторов, нет никакого стимула качественно работать для горожан, решать их проблемы и добиваться их поддержки.

У него один избиратель — президент, которому (а вовсе не гражданам) он обязан своей должностью. Поэтому важно выглядеть как можно лучше перед президентом, непрерывно показывать ему свою преданность и неустанно превозносить его величие и государственную мудрость.

А что думают горожане в этой конструкции — не важно. И их поддержка не важна, потому что у Смольного есть полная

уверенность, что и на выборах 2024 года повторится то же, что и в 2019 году, когда только тщательно отобранные и не составлявшие Беглову никакой реальной конкуренции кандидаты были допущены к выборам, а остальные — оставлены за бортом при помощи «муниципального фильтра».

Неконкурентная политическая система, лишенная обратной связи с обществом в виде сменяемости власти на честных выборах, не может быть эффективной — потому что заложенный в нее политический «код» не способен исправлять ошибки управления.

В этой системе ошибки принципиально не признаются, потому что любое признание в них воспринимается как недопустимая слабость, а требования граждан не выполняются, потому что «нельзя поддаваться давлению».

Между тем именно давление общества и должно заставлять власть менять свою политику — когда же каналы, обеспечивающие трансформацию этого давления во властные решения, искусственно перекрыты, кризисы неминуемы, потому что система продолжает двигаться по неверному пути, даже когда ситуация диктует его изменение («эффект Даннинга-Крюгера»).

Именно в такой системе торжествует «негативный отбор», в результате которого личности исчезают из высших коридоров власти.

Потому что в ней надобны не умные, а верные, как писали в «Трудно быть богом» братья Стругацкие. И примерно с теми же последствиями.

ЛЮДИ С ФАКЕЛАМИ

КОГДА ОЖИДАТЬ РЕЙДОВ «ПАТРИОТОВ» ПО КНИЖНЫМ
МАГАЗИНАМ И КОСТРОВ ИЗ КНИГ

5 ФЕВРАЛЯ 2024

На вопрос — «что же это мне напоминает?» — ответ приходит сразу: конечно же, «451 градус по Фаренгейту» Рэя Брэдбери, температура, при которой воспламеняется и горит бумага.

И полузабытое слово «маккартизм».

Это я о вдохновляющей идее депутата Лугового «организовать рейд» по лично известным ему «точкам, где продают книги иноагентов и их пособников» и «показать, как можно и нужно купировать этот финансовый хвост». А то, мол, «эти предатели — спонсоры ВСУ, прикрываясь былыми творческими заслугами, продолжают получать барыши с продаж книг».

Конечно, в нынешние времена требование все-таки соблюдать какие-то там законы может показаться насмешкой.

И тем не менее: как процитированное предложение депутата со специфической репутацией, так и все то, что в последние два года происходит с книгами тех, кто объявлен врагами, не имеет ни малейшего отношения даже к тем репрессивным законам, которые приняты для преследований неугодных.

С 2020 года, когда российских писателей и журналистов начали в массовом порядке объявлять «иностранными агентами», их произведения в российских книжных магазинах стали не только снабжать соответствующей маркировкой, но и заворачивать в непрозрачную обложку. После же начала СВО эти книги стали к тому же изымать из магазинов и библиотек, а информация о них стала исчезать с соответствующих сайтов.

Между тем Федеральный закон «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» содержит только одно условие: их произведения, предназначенные для распространения, должны «сопровождаться указанием на то, что эти материалы (информация) произведены, распространены и (или) направлены иностранным агентом либо касаются деятельности такого агента».

И еще закон запрещает «иноагентам» заниматься просветительством для несовершеннолетних или преподавать в государственных школах и получать помощь от государства на свою творческую деятельность.

Более никаких ограничений для их творчества в законе нет.

Во всем остальном «иноагенты» вправе свободно издавать свои книги, и никто не имеет права ни заворачивать их в непрозрачные обложки, ни тем более запрещать их продавать в магазинах или хранить в библиотеках и выдавать читателям.

Запреты на продажу и выдачу читателям могли бы возникнуть, если бы эти книги попали в федеральный список экстремистских материалов, но их там тоже нет (ни одно из произведений писателей-«иноагентов» туда не включено).

Зато есть рвущиеся с поводка депутаты и пропагандисты, заявляющие о «предателях», которые смеют-де «получать барыши», да еще и «прикрываясь былыми заслугами».

Вообще-то, если чьи-то книги покупают, и эта продажа приносит прибыль автору — так это не в силу «былых заслуг», а потому, что есть спрос.

Былые заслуги (правда, не в области литературы) депутата Лугового хорошо известны, но ничего неизвестно о наличии у него книг. Как и о наличии спроса на них.

А его желание устраивать «рейды» по книжным магазинам — не что иное, как призыв к незаконной цензуре и расправе.

Конечно, все это полностью укладывается в репрессивный тренд последних лет, когда статус «иностранного агента» все больше отождествляется с понятием «враг народа», действуя, как команда «фас!».

И лишь как насмешка звучат публичные заявления высокопоставленных лиц, включая президента, о том, что, мол, отнесение к «иноагентам» не является никакой дискриминацией, не влечет поражения в правах, а предназначено лишь для того, чтобы «человек, который занимается общественной деятельностью за деньги иностранного государства, открыл источники финансирования» (последнее — цитата из заявления Владимира Путина, сделанного осенью 2023 года).

Это откровенное лукавство — и потому, что статус «иностранного агента» влечет множество поражений в правах, в том числе в избирательных, которые налагаются во внесудебном

порядке (достаточно, чтобы чиновник Минюста поставил соответствующую «галочку» против неугодного, включив его в пятничный реестр).

И потому, что Минюст, выкладывая на своем сайте обоснования включения тех или иных граждан в реестр «иностран- ных агентов», давно уже даже не заморачивается и не приводит ни слова ни о каком их якобы иностранном финансировании.

Заявляемые причины совершенно иные: мол, имярек «вы- ступал против специальной военной операции на Украине, принимал участие в создании и распространении для неогра- ниченного круга лиц сообщений и материалов иностранных агентов, участвовал в качестве респондента на информацион- ных площадках, предоставляемых иностранными агентами, распространял недостоверную информацию о принимаемых органами публичной власти Российской Федерации решениях и проводимой ими политике».

Все перечисленное может не нравиться Министерству юстиции (или другим государственным органам), но НИЧЕГО из перечисленного, согласно упомянутому ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влияни- ем», не является основанием для внесения в реестр «иноагентов». Ни один пункт.

Тем не менее попытки оспорить этот статус, как правило, безуспешны, так как Минюст обычно освобождается судом от обязанности как-либо мотивировать свои решения: ему предпо- читают верить на слово.

И разумеется, ни в одном из обоснований, которые Ми- нюст выкладывает на своем сайте при включении в реестр, нет ни слова ни о «предательстве», ни о «спонсорстве»...

Конечно, учитывая хорошее верховое чутье определенных парламентариев, нельзя исключать, что они лишь озвучивают пожелание начальства и что в ближайшее время стоит ожидать чего-то напоминающего о книге Рэя Брэдбери.

Разве что пока без пожарных, сжигающих дома, в которых будут найдены книги «иноагентов».

Ключевое слово — «пока».

Ведь и в Германии 30-х годов прошлого века, и в США 50-х годов (во времена недоброй памяти сенатора Джозефа Маккарти) сжигать начали не сразу.

НЕ К ТЕМ ЭКСПЕРТАМ ХОДЯТ...

СУД РЕШИЛ, ЧТО БЕЗДЕЙСТВИЕ ПОЛИЦИИ В ОТНОШЕНИИ
ПРИЗЫВОВ К УНИЧТОЖЕНИЮ 20% НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ —
ЗАКОННО

6 ФЕВРАЛЯ 2024

Измайловский районный суд отказался считать незаконным бездействие органов МВД Москвы, которые «не выявили нарушений законодательства о противодействии экстремистской деятельности» в скандальных заявлениях депутата Госдумы генерала Андрея Гурулева.

Суд полагает, что раз была проведена проверка (материалы которой мне не представили, а лишь сообщили, что ничего «не выявлено») — значит, все было сделано законно.

Однако МВД пришлось представить в суд материалы этой проверки, (в том числе — справку о «лингвистическом исследовании» высказываний генерала-депутата), выполненной специалистом О. Н. Ваниной.

По итогам этого исследования признаков возбуждения вражды и ненависти, негативной оценки группы лиц по политическому и прочим признакам, угроз и призывов к насильственным действиям в заявлениях Гурулева обнаружено не было. Напомню, генерал-депутат заявил, что президента В. В. Путина поддерживают 80% населения, а что касается остальных, то «вся эта гниль, которая осталась, она должна быть если не изолирована, то хотя бы как-то уничтожена».

Таких бы экспертов — да в дело художницы Александры Скочилenko, где необходимое следствие возбуждение политической вражды и ненависти было обнаружено не то что в заявлении об уничтожении «гнили», составляющей 20% населения, а даже в пацифистских ценниках, вывешенных в магазине.

Как и в другие «политические» процессы, где адвокаты обвиняемых, видимо, не догадываются, к каким именно профессионалам надо обращаться, и ходят — просто не к тем экспертам...

Как рассказывала «Новая», Генеральная прокуратура РФ, куда я направил сообщение о преступлении, перенаправила его в Главное управление МВД по городу Москве, а оно — в Управление МВД по Восточному административному округу. Которое и не нашло следов экстремизма.

В Измайловский суд, по словам моего адвоката Татьяны Соломиной, представитель УВМД не пришел, но материалы проверки были представлены.

И судя по этим документам, указанное «лингвистическое исследование» (по заказу Центра по противодействию экстремизму УВД при ВАО ГУ МВД России по г. Москве) проводил Экспертно-криминалистический центр ГУ МВД. Справка от 5 декабря подписана врио заместителя начальника ЭКЦ полковником полиции М.Н. Козловой, а само исследование выполнено начальником 2-го отделения 5-го отдела ЭКЦ (отдел фоноскопических и лингвистических экспертиз) О. Н. Ваниной.

Когда-нибудь это исследование войдет в учебники — и не только по праву, судебной и лингвистической экспертизе, но и по российской политической истории.

Эксперт Ванина, исследуя видеозапись высказываний Гурулева, констатирует, что она содержит «устный текст монологической речи на русском языке лица, именуемого «Гурулев Андрей Викторович», который принимал участие в телепрограмме «Вечер с Владимиром Соловьевым», вышедшей в эфир 15 октября 2023 года. Что речь «в целом понятна, воспринимается отчетливо, в звучащем тексте использованы вербальные и паравербальные средства русского языка». И что текст «характеризуется семантико-тематическим единством».

Что называется, кто бы сомневался. Генерал Гурулев выразил свою мысль вполне отчетливо.

Однако эту мысль эксперт уверенно оценивает совсем не так, как понимают ее автор, коллеги из «Новой газеты», обратившиеся в правоохранительные органы, еще двое граждан помимо меня (в УМВД поступили обращения еще от двух лиц, возмущенных бесчеловечными, на наш взгляд, высказываниями генерала) и, думаю, очень многие из числа тех, кто смотрел и слушал «соловьевский» эфир.

И эксперт отрицательно отвечает на все ключевые вопросы, поставленные перед ней.

«Негативных оценочных характеристик лиц, и групп лиц, объединенных по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, отношения к какой-либо группе не выявлено».

Для справки: в материалах проверки имеется ссылка на заключение Комиссии Госдумы по вопросам депутатской этики, возглавляемой Валентиной Терешковой, где касательно слова «гниль» разъясняется, что «использование в русском языке образных выражений не является оскорблением и служит для прояснения мысли выступающего», а все целиком высказывание Гуралева названо «фигурой речи» и «выражением своего мнения по отдельным вопросам общественно-политической жизни государства, что является неотъемлемым правом депутата Государственной Думы»...

«Высказываний, выражающих обоснование или утверждение необходимости совершения насильственных действий группой лиц по отношению к другой группе лиц, не выявлено».

«Не выявлено высказываний, в которых обнаружены лингвистические признаки побуждения к совершению каких-либо действий (в том числе — насильственных, разрушительных, дискриминационных)».

И так далее и тому подобное.

Ничего не выявлено. Совсем. Ни вражды и ненависти, ни угроз, ни призывов к насилию (как же еще можно трактовать слова «должна быть уничтожена», мне лично, и не только мне, непонятно — в отличие от эксперта Ваниной).

Все эти выводы прилежно повторены в постановлении Измайловского суда, вынесенном 5 февраля судьей Андреем Седышевым.

Перед этим выступил прокурор А. Цыбуленко (помощник прокурора ВАО) и поведал суду, что мое обращение — это был и не материал о преступлении, и не материал об административном правонарушении, а «материал — о происшествии» (!). Которое, мол, и вовсе не требует процессуального решения (!).

Между тем в соответствии с приказом МВД № 736 от 29.08.2014 г., на который ссылается суд в своем постановлении,

по итогам проверки сообщения о происшествии процессуальное решение принимается — если есть основания рассматривать это как сообщение о преступлении (что я в Генпрокуратуру и направлял)...

Решение суда мы, конечно, вместе с адвокатами (меня, кроме Татьяны Соломиной, также представляют Андрей Чертков и Михаил Бирюков) обжалуем.

При этом не требует доказательств тот факт, что если бы кто-то позволил себе даже отдаленно аналогичное «гурулевскому» высказывание в адрес тех, кто поддерживает президента, — была бы совсем не такая «справка о лингвистическом исследовании», а прямо противоположная. Хотя, возможно, и подписанная тем же экспертом. И совсем не такое постановление УВМД.

«ПРИНЕСИТЕ СПРАВКУ, ЧТО ЭТО ВАША ПОДПИСЬ»

КАК РАБОТАЕТ ПРОЦЕДУРА ОТСЕВА КАНДИДАТОВ
НА УЧАСТИЕ В ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРАХ.
И ЧТО ТАКОЕ 5 ПРОЦЕНТОВ БРАКА

9 ФЕВРАЛЯ 2024

Не прошло и пятнадцати лет, как Центризбирком (устами своего председателя Эллы Памфиловой) заговорил о возможности собирать подписи избирателей за выдвижение кандидатов на выборах через портал государственных услуг, что обеспечивает их аутентичность и не допускает произвола при проверке подписей и «отсева» кандидатов.

Казалось бы, сенсация: ЦИК хочет разрушить именно тот механизм, на котором зиждется его влияние и который делает выборы управляемыми, позволяя снять любого неугодного кандидата по политическим мотивам. Неужели рубит сук, на котором сидит?

Но не будем спешить очаровываться этими вдохновляющими перспективами: об отмене пресловутого «муниципального фильтра» на губернаторских выборах Памфилова тоже говорила — семь лет назад, но это ничем так и не закончилось. И в регионах так и продолжают практику «фильтрации» всего, что может представлять опасность для кандидатов от партии власти.

Что же касается «подписного» механизма регистрации на выборах разных уровней, то он давно превращен в набор бюрократических правил, которые сегодня почти невозможно соблюсти, как ни старайся.

Собственно, так и задумывалось.

Введенная тридцать лет назад (в декабре 1993-го) обязанность сбора подписей для регистрации на выборах должна была доказать, что претендент уже имеет поддержку избирателей и достоин включения в бюллетень.

Но практически сразу этот механизм превратился в свою противоположность: никакого отношения к реальной поддержке

гражданами того или иного кандидата количество подписей, принесенных им для регистрации, чаще всего не имело. А имело отношение или к «административному ресурсу», или к качеству (и стоимости) работы «технологов», организовывавших сбор подписей.

Тем не менее в первые 10–15 лет — ввиду относительно «мягкой» процедуры проверки подписей и относительно большого допустимого процента «брака» в собранных подписях (доходившего до 25%) — большинство кандидатов и партий имели возможность зарегистрироваться, независимо от своих политических взглядов.

Ситуация начала меняться в середине нулевых, когда Кремль стал бетонировать политическую систему, сохраняя в Госдуме лишь четыре «системные» и вполне лояльные партии (в 2021 году к ним добавилась пятая, столь же лояльная).

Были ужесточены правила сбора и проверки подписей, процент максимально допустимого «брака» был снижен сначала до 10%, а потом и вовсе до 5%, а честно собранные подписи начали раз за разом браковаться на основании «данных МВД» или «почерковедческих экспертиз», которые объявляли подписи «недостоверными».

При этом механизм проверки был таким, что опровергнуть претензии к подписям стало практически невозможно.

Потому что никаким данным, кроме своих — «справки МВД» и «заключения привлеченного эксперта», — избирательная комиссия (а при необходимости и суд) заведомо не верит.

Никаких альтернативных органов, которые могут дать справку о месте регистрации того или иного подписавшегося избирателя, не существует. Заключение независимых почерковедов, опровергающие те, что использованы для отказа в регистрации, ни комиссия, ни суд в расчет не принимают.

Более того (как это было в Петербурге в 2007 году, когда с выборов в Законодательное собрание снимали список «Яблока»), даже личная явка в избирком граждан, подтверждающих, что они ставили подписи, не помогает: им уверенно заявляют — «это не ваши подписи, у нас есть справка».

Практически то же самое повторилось в 2019 году на выборах Мосгордумы, когда целому ряду оппозиционных кандидатов

(Андрею Бабушкину, Илье Яшину, Кириллу Гончарову, Любви Соболю, Елене Русаковой и другим) отказали в регистрации, и ничего доказать они не смогли.

Потому что выстроена система, в которой избирательные права кандидатов и поддерживающих их граждан ограничиваются вне судебной процедуры, с фактической «презумпцией виновности» кандидатов, которые должны доказывать, что представленные ими подписи действительны, — вместо того чтобы избирательная комиссия, если у нее есть сомнения, доказывала в суде, что подписи недействительны...

И еще одно, очень важное соображение.

При сборе подписей (занимался этим лично десятки раз на выборах разного уровня) действует «человеческий фактор». Как тщательно ни собирай, как тщательно ни переписывай в подписной лист все данные избирателя (в том числе адрес регистрации и данные паспорта) — ошибки неизбежны на «системном» уровне.

Часть этих ошибок можно обнаружить при «внутренней» проверке подписей штабами кандидатов и партий, но только часть.

В результате уложиться в 5-процентный «брак» — даже при самом честном сборе подписей — оказывается крайне трудно.

А в последние два года на этом пути были поставлены новые барьеры — сделавшие его почти непреодолимым.

14 марта 2022 года, через три недели после начала СВО, было изменено избирательное законодательство.

Если раньше избиратель был обязан собственноручно поставить в «листе поддержки» кандидата или партии только подпись и дату ее внесения, а все остальные данные мог занести сборщик подписей, теперь избиратель должен сам еще и написать свою фамилию, имя и отчество.

Это и увеличивает вероятность ошибок (сборщики стараются заполнять подписные листы как можно более разборчиво, а у избирателей, особенно пожилых, почерк бывает самый разный), и замедляет сбор подписей, и дает дополнительные возможности для «отсева» при помощи «почерковедческих экспертиз».

Конечно, когда речь идет о «нужных» кандидатах, все эти мелочи не повлияют на регистрацию. А вот когда речь идет о «не-нужных»...

На президентских выборах-2024, как известно, самовыдвиженцы должны были собрать не менее 300 тысяч подписей, кандидаты от политических партий, не имеющих фракций в Госдуме, — не менее 100 тысяч (парламентские партии от сбора подписей освобождены). При этом «партийные» кандидаты не могут принести более 2500 подписей из региона, и должны собирать их в не менее чем 40 регионах (иначе все необходимое могли бы собрать в Москве и Петербурге).

Теоретически это решаемые задачи — хотя и при большом напряжении сил, — требующие или реальных партийных структур, или огромных денег (если таких структур нет), или и того и другого. Но решаемые: на предыдущих выборах президента необходимое число подписей собрали несколько «партийных» кандидатов, в том числе Григорий Явлинский, Борис Титов, Ксения Собчак и другие. И, конечно, нужные подписи в ЦИК принесли и от «самовыдвиженца» Владимира Путина.

Однако за минувшие шесть лет, как уже сказано, ужесточился закон, и собирать подписи стало куда сложнее. И есть еще куча бюрократических формальностей, которые надо выполнить: так, надо составить и заверить у нотариуса не только список сборщиков подписей (со всеми их персональными данными), но и подписи самих сборщиков.

Процедура проверки такова: сначала проверяется 20% представленных кандидатом подписей, если при этом выявляется менее 5% брака — все в порядке. Если больше — проводится дополнительная проверка еще не менее чем 10% представленных подписей. И если брак так и остается выше 5% — неминуем отказ в регистрации.

При этом любая ошибка фатальна: если неверно указано хоть что-то из данных избирателя (не важно, что остальные данные позволяют его однозначно идентифицировать), подпись признается недействительной. А если ошибка в данных сборщика — бракуется весь собранный им подписной лист, и так далее и тому подобное. И исправлять практически ничего нельзя...

В этих условиях — и при таких правилах — регистрация кандидатов в президенты (и не только, конечно) превращается из юридической процедуры в политическую. И решение о регистрации является политическим.

Поскольку необходимый для отказа процент брака образуется в силу указанного «человеческого фактора», почти независимо от стараний кандидатов, ЦИК получает возможность действовать «по усмотрению».

Он может учесть те или иные материалы проверки подписей, а может и широко закрыть на них глаза (были прецеденты на региональном уровне, когда комиссии вдруг начинали проявлять — при наличии политической воли — удивительное снисхождение к некоторым «нужным» кандидатам или партиям и удивительное недоверие к заключениям собственных экспертов).

Какие политические решения были приняты применительно к президентским выборам-2024 — известно.

Обсуждать при этом, насколько тщательно те или иные кандидаты собирали подписи, совершенно бессмысленно: снять можно любого.

Известный эксперт по избирательному праву Андрей Бuzин назвал это «теоремой российских выборов», но она, как уже сказано, была начиная с 2007 года доказана столько раз, что уже может называться аксиомой.

Последнее: «очевидное — невероятное».

При регистрации кандидата в президенты Владимира Путина из 60 тысяч подписей (20% от 300 тысяч необходимых, отобранных для проверки), ЦИК признал недействительными только 91 подпись. Это 0,15% брака.

Так вот, столь микроскопическая погрешность, учитывая «человеческий фактор» в процессе сбора, может быть только в одном случае. Если организаторам сбора подписей (в отличие от всех прочих кандидатов) был обеспечен полный доступ к государственным базам данных об избирателях, позволяющий проверить всю информацию о подписавшихся, а то и получить ее заранее.

И это тоже — теорема российских выборов. Если не аксиома.

«...КАК ЗАЯЦ, ЛАПАМИ СТУЧАТЬ»

ЛЮБОЙ ЗАКОН ПО БОРЬБЕ С ДОНОСАМИ
УДАРИТ ПО ЛЮДЯМ, ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ОТСТАИВАЮЩИМ
СВОИ ПРАВА. ТУТ ПО-ДРУГОМУ НАДО

12 ФЕВРАЛЯ 2024

Сообщения о турне, которое устраивает по учебным заведениям страны глава некоей «Лиги безопасного интернета» Екатерина Мизулина, показывают, насколько расцвела в последние годы «субкультура доносов». Впрочем, Мизулина-младшая (хорошо помню старшую, ныне ушедшую в тень, а до того отличавшуюся весьма специфическими инициативами) такая далеко не одна.

Есть еще целый ряд серийных доносчиков — например, Виталий Бородин, именующий себя главой «Федерального проекта по борьбе с коррупцией».

Результатов борьбы с коррупцией у этого «проекта» решительно не замечено, зато замечено неумное усердие его «главы» в написании доносов на неугодных власти деятелей культуры и журналистов. Он жаловался на Аллу Пугачеву, Валерия Меладзе, Данилу Козловского, Лию Ахеждакову, Егора Бортника (Лева Би-2), певицу Монеточку и целый ряд независимых медиа.

Еще один пример — депутат Госдумы Андрей Луговой (ЛДПР), требовавший признать «иностранными агентами» Бориса Акунина, Михаила Касьянова, Аллу Пугачеву, Лилию Шевцову, Ельцин-центр, правозащитный проект «Команда против пыток» и целый ряд других. Он же требовал (что встречало скорый отклик) признать многие организации «нежелательными» и призывал возбудить уголовное дело против Максима Галкина.

В том же направлении действуют коллеги Лугового по Госдуме — например, Дмитрий Гусев из «Справедливой России», требовавший от министра культуры отменить выступления в нашей стране актера Данилы Козловского.

Или единоросс Ольга Занко, которая писала доносы на упомянутого Бориса Акунина, требуя признать его «иноагентом», а ранее выступала с бредовой идеей о том, чтобы из фильма

«Ирония судьбы» вычеркнули Барбару Брыльску («провинившуюся» тем, что вступилась за Лию Ахеджакову) и заменили ее при помощи компьютерных технологий на другую актрису.

Или другой единокорос — Андрей Альшевских, написавший донос на рэпера Влади и прокомментировавший его в выражениях, достойных подлинно государственного мужа. Мол, «в кругах иноагентов уже радостно визжат от русофобии рэпера», «исполнитель решил урвать себе дешевой и сиюминутной популярности на оппозиционности», а «его литературный персонаж из нудных, словоблудных текстов олицетворяет релоканта».

Хватает «серийных доносчиков» и в регионах — достаточно вспомнить Тимура Булатова в Петербурге, регулярно стучащего на все, не нравящееся властям.

А есть и вовсе анекдотические персонажи — как некая дама, написавшая более 900 доносов с начала СВО и заявляющая, что «так как у меня собственная квартира и есть сбережения, то у меня остается свободное время на доносы»...

В списке доносчиков есть и целые организации. Например, «Ветераны России», писавшие доносы на «Мемориал» и Олега Орлова за якобы «реабилитацию нацизма» (!).

Или «Общественное движение сохранения культурно-исторической памяти и духовно-нравственных ценностей «Зов народа», чья борьба за ценности в основном сводится к написанию доносов на неугодных — Людмилу Улицкую, Виктора Ерофеева, Владимира Сорокина, рэпера Оксимирона, группу «Би-2» и других.

Или «Группа по расследованию антироссийской деятельности в сфере культуры», созданная под флагом «Справедливой России» во главе с Захаром Прилепиным и Сергеем Мироновым и объявившая летом 2022 года своей задачей выявлять среди деятелей культуры «агентов иностранного влияния»...

Примеры можно множить — и ввиду востребованности этого жанра, и ввиду того, что правоохранительные органы, нередко широко закрывающие глаза на реальные нарушения закона, бодро и ретиво реагируют на доносы политического характера.

Кстати, это касается не только требований объявить кого-то «иноагентом» или «нежелательным», запретить, исключить или сурово наказать.

Так, в Петербурге по доносам анонимных персонажей уже не в первый раз демонтируют таблички проекта «Последний адрес». Как якобы «несогласованные элементы благоустройства».

Заметим: таблички имеют площадь чуть побольше почтовой открытки, они серебристо-стального цвета и практически незаметны, если не подойти совсем близко к дому, а потому не искажают облик фасада. Размещение же их активисты «Последнего адреса» всегда согласовывают с собственниками дома.

Однако, несмотря на это, власти сразу же откликаются на эти доносы и инициируют демонтаж табличек. Почему? Да не потому, что они так уж озабочены внешним видом фасадов домов. А потому, что «Последний адрес» — проект, предназначенный для сохранения памяти о жертвах сталинских репрессий, — крайне раздражает Смольный, ибо лежит совершенно не в «тренде» последних лет, предусматривающем ползучую ресталинизацию.

Официально выступить против увековечения памяти жертв репрессий власти не решаются (пока еще действует множество документов, обязывающих этим заниматься), поэтому делается все, чтобы стереть «нежелательную» память. Именно поэтому так охотно дают ход доносам на таблички «Последнего адреса»...

Конечно, возникает вопрос: что с этим делать?

Вводить наказание для «серийных доносчиков», как предлагают в Госдуме «Новые люди» (до того, заметим, выступавшие соавторами и поддерживавшие многие репрессивные законы)? Мол, «если кто-то заваливает органы обращения, а по итогам проверки никаких нарушений не находят, доносчика ждет административное наказание»?

Наказать «серийных доносчиков», конечно, было бы неплохо.

Но таким путем сделать это точно не удастся. Точнее, эффект будет прямо противоположным.

Потому что (и это прекрасно знают реальные — а не фейковые — общественники и гражданские активисты, а также оппозиционные депутаты) в огромном числе случаев в ответ на жалобы на те или иные безобразия местных властей именно что «не находят никаких нарушений».

Прокуратура или «не усматривает оснований для принятия мер прокурорского реагирования» (такие ответы на мои требования проверить законность действий чиновников приходят ко мне десятками), или пересылает жалобы ровно тем, на кого жалуются. А они, конечно же, «проверив» сами себя, никаких нарушений не находят.

Поэтому жертвой подобной законодательной инициативы, случись ей быть принятой, станут не Мизулина с Бородиным и не Луговой с Гусевым (их-то жалобы как раз встречают вполне благосклонное отношение, и нужные нарушения, как правило, обнаруживаются), а те, кто на самом деле борется за права граждан и возмущается деятельностью (или бездействием) властей.

Им сначала будут отвечать, что ничего не подтвердилось, а потом будут их же наказывать.

«Я многократно в течение нескольких лет обращалась к главе администрации Краснодара, к губернатору Кубани, к депутатам Госдумы, к главе правительства России и президенту по поводу нехватки школ в Краснодаре. Обращались и другие жители нашего города. Конечно, нарушения законодательства не обнаруживали, но СМИ стали писать об этой проблеме, мы привлекли внимание общественности и властей, школы начали строить. По предлагаемому «Новыми людьми» закону мне будут грозить обязательные работы и запрет вести личные страницы в сетях, и не только мне, а тысячам людей по всей стране, кто борется против свалок, против застройки парков и скверов, за строительство школ и садиков», — пишет в Сети известная краснодарская активистка Яна Антонова, и с ней трудно не согласиться.

Бороться с «субкультурой доносов» надо двумя путями.

Первый путь — максимальная гласность и деанонимизация, ибо темные персонажи боятся света.

Авторы доносов на «Последний адрес» в Петербурге прячутся за маской анонимности, узнать их имена и предать их огласке — чтобы город знал своих стукачей — не удастся. На мои предложения обнародовать имена заявителей, пишущих эти доносы через портал администрации «Наш Санкт-Петербург», мне отвечают — конечно же — ссылками на необходимость защиты персональных данных.

Значит (предложение направлено в Смольный), любой, пишущий жалобу через этот портал, должен заранее соглашаться с тем, что будет обнародована не только его жалоба, но и ее автор. Чтобы можно было высказать ему все, что про него думают. Не согласен? Тогда жалоба не будет рассматриваться.

А второй путь — изменение общественной атмосферы: доносительство должно быть не престижным и выгодным, а презируемым и ущербным.

Персонажи, ставшие символом проправительственного стукачества, должны повсеместно встречать свист, топанье ногами, презрительный отказ подавать руку и демонстративный «игнор», а не услужливую готовность властей по устраиванию им встреч со студентами, где они будут давать назидания юношеству. И не столь же услужливую готовность реагировать на доносы, «принимая меры».

Как там было у Евгения Евтушенко в «Братской ГЭС»?

*Булгарин в дом спешил с морозцу
и сразу — к новому доносу
на частных лиц и на печать.
Живописал не без полета,
решив, что сущность патфюта —
как заяц лапами стучать.*

ПАНИХИДА И ПАНИКА

В СТРАНЕ, ГДЕ ВСЕ ВРЕМЯ ГОВОРЯТ О ПРАВОСЛАВНЫХ
ЦЕННОСТЯХ, СВЯЩЕННИКА ХОТЯТ ОТПРАВИТЬ В ТЮРЬМУ
ЗА НАМЕРЕНИЕ ПРОВЕСТИ МОЛЕБЕН

19 ФЕВРАЛЯ 2024

Григорий Михнов-Вайтенко — петербургский священник, архиепископ Апостольской православной церкви, правозащитник и один из главных организаторов помощи беженцам — в полдень 17 февраля был задержан у парадной своего дома за намерение провести у Соловецкого камня на Троицкой площади панихиду по Алексею Навальному.

После 8-часового пребывания в отделе полиции (откуда его намеревались впоследствии везти в суд) он почувствовал себя плохо, адвокат Андрей Чертков вызвал скорую, и Григорий Александрович был госпитализирован.

Теперь суд, естественно, откладывается — но от этого абсурдность обвинений в адрес Михнова-Вайтенко не становится меньше.

Панихида по умершему — классический христианский обряд, на который (как и на другие религиозные обряды и церемонии) не распространяется действие петербургского закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях в Санкт-Петербурге». Это специально записано в пункте 3 статьи 1 этого закона. Поэтому Григорий Михнов-Вайтенко не обязан был подавать никаких уведомлений городским властям на проведение панихиды и не обязан был это с ними согласовывать. Это во-первых.

Во-вторых, он не успел провести эту панихиду, потому что, как сказано, его задержали прямо у парадной. Намерение же провести какое-либо мероприятие (даже если полиция считает его нарушением), по закону, наказуемым быть не может.

Тем не менее Михнова-Вайтенко хотят судить по той же административной статье 20.2.2 Кодекса РФ об административных правонарушениях, по которой в Петербурге уже третий

день судят тех, кто 16–17 февраля возлагал цветы к мемориалам жертв политических репрессий в память о Навальном. И, как правило, присуждают арест — на разные сроки, начиная с трех и заканчивая 15 сутками.

Указанная статья сформулирована крайне расплывчато.

Она предполагает административное наказание (или штраф до 20 тысяч рублей, или арест на срок до 15 суток):

- за «организацию не являющегося публичным мероприятием массового одновременного пребывания и (или) передвижения граждан в общественных местах»;
- за «публичные призывы к массовому одновременному пребыванию и (или) передвижению граждан в общественных местах»;
- за «участие в массовом одновременном пребывании и (или) передвижении граждан в общественных местах» — в случае, если это «массовое одновременное пребывание и (или) передвижение» повлекли за собой «нарушение общественного порядка или санитарных норм и правил, нарушение функционирования и сохранности объектов жизнеобеспечения или связи либо причинение вреда зеленым насаждениям либо создали помехи движению пешеходов или транспортных средств либо доступу граждан к жилым помещениям или объектам транспортной или социальной инфраструктуры».

Не могу не заметить: в ситуации «снежно-ледовой катастрофы» в Петербурге в последние полтора месяца, если что действительно мешает движению пешеходов — так это обледевшие тротуары, по которым нельзя передвигаться, не рискуя каждую минуту упасть и получить травму. Но никто не задерживает и не арестовывает тех, кто виноват в таком состоянии...

Понятно, что при таких «резиновых» формулировках статьи практически кого угодно — было бы желание у правоохранительных органов и суда — можно привлечь за любое «одновременное массовое пребывание или передвижение в общественных местах». Например, шли компанией по улице — мешали движению встречных пешеходов. Остановились послушать уличных музыкантов — та же диспозиция. А уж про возвращение болельщиков с футбольного или хоккейного матча и говорить нечего.

Конечно, и за перечисленные выше ситуации никого не штрафуют — но статья-то есть! И в нужный момент, когда надо наказать неугодных, ее начинают применять.

К тому же, поскольку эта статья в качестве наказания предусматривает в том числе административный арест, полиция получает право задерживать граждан на срок до 48 часов до суда. Что практически со всеми задержанными 16–17 февраля и происходило, в том числе и с Григорием Михновым-Вайтенко, которого собирались (в субботу вместе с его женой, Наташей Сивохиной, и его друзьями я несколько часов был в этом 43-м отделе полиции) держать до суда.

И только резкое ухудшение его здоровья, вызов скорой и госпитализация прервали эти планы правоохранителей. Между тем, ситуация с Михновым-Вайтенко примечательна еще и тем, что он и не принимал участия ни в каком «массовом одновременном пребывании» у Соловецкого камня, и не организовывал его (он лишь заявил, что будет проводить там панихиду, но никого не призывал там «массово собраться»).

И, конечно, претензии к нему, по моему мнению, никакого отношения к закону не имеют.

Последнее. В стране, где православие исповедует большинство, где нам все время говорят о православных ценностях, вере и традициях, и необходимости их уважать и соблюдать, где на них непрерывно ссылаются и используют как основу, православный священник хочет провести панихиду.

И за это его задерживают и отдают под суд.

ГЛАВА ВТОРАЯ

НЕВЫУЧЕННЫЕ УРОКИ

КТО ВМЕСТО ПУТИНА? НИКТО

О ГЛАВНОЙ РОССИЙСКОЙ БЕДЕ — И ЭТО НЕ ДУРАКИ И ДОРОГИ.
РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПАРЛАМЕНТСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

18 ОКТЯБРЯ 2022

Регулярно возникающие споры о будущем устройстве «постпутинской» России являются вовсе не теоретическими, сколько бы спикер Госдумы Володин и другие преданные без лести персонажи политической сцены ни отождествляли Россию с ее нынешним президентом.

Рано или поздно закончится политическое время и самого Путина, и возглавляемого им политического режима. И неизбежно встанет вопрос: что дальше? Какую политическую систему надо выстраивать, чтобы, с одной стороны, не повторить ошибок прошлого, а с другой — получить шанс в будущем?

Тридцать лет назад участники демократической революции 1989–1991 годов не имели ни ответа на этот вопрос, ни опыта управления, на который могли бы опираться.

Во многом это и привело к тому, что политолог Владимир Гельман в своей одноименной книге называет «недостойным правлением».

К политической системе, позволяющей правящей группировке не только монополизировать и удерживать власть, бесконтрольно распоряжаясь общественными ресурсами, но и организовывать межгосударственные вооруженные конфликты с тяжелейшими и глобальными последствиями.

При всем этом построенная система оказывается неспособной решать важнейшие проблемы граждан, поскольку власть в ней (не раз отмечал это еще в «Новой газете») фактически независима от граждан.

Разорвана ключевая для эффективности государственного управления цепочка ответственности: те, кто находится у власти, в отличие от демократической системы, не отвечают перед гражданами за результаты своей работы, потому что не опасаются утратить власть на выборах. И потому не имеют для качественной работы никакого стимула.

А те внутривластные барьеры, которые в других странах стоят на пути «недостойного правления», не позволяя монополизировать власть и ресурсы, — иные, кроме правящей, политические группы и политические институты (такие, как честные выборы и независимый суд) — за последние два десятилетия большей частью или уничтожены, или превращены в имитацию.

Почему так случилось? Наиболее подробный ответ на этот вопрос — в статье Григория Явлинского «Причины». Добавлю лишь, что институт честных выборов и политической конкуренции уничтожился, в том числе, при активной поддержке наиболее влиятельной и «медийной» части прогрессивной общности, пуще всего боявшейся «возврата коммунистов». То, что потом к власти пришел нерушимый блок чекистов и чиновников, их слегка отрезвило, но было поздно. И что ровно та же общественность поддерживала «авторитарную модернизацию»: проведение экономических реформ при подавлении демократических институтов, с сосредоточением власти в руках «президента-реформатора» Бориса Ельцина, которому не должен мешать «реакционный парламент». Когда же выяснилось, что реакционером оказался именно президент (назначенный «реформатором» преемник) — опять же, было поздно...

А теперь — о том, «куда ж нам плыть», чтобы снова не наступить на те же политические грабли.

Общий вектор движения понятен: в сторону политической конкуренции и честных выборов, разделения властей и федерализма, правового государства и верховенства закона, независимого суда и свободных СМИ, прекращения политических репрессий и отмены политической цензуры, европейского выбора (в том числе отрицающего насилие в его крайних формах как способа решения проблем) и отказа от имперских амбиций.

Однако, как показывает российская практика, обозначения таких намерений (и даже попыток построения соответствующих институтов) недостаточно. Потому что в самодержавной «оболочке» все это не работает (или быстро превращается в фикцию).

Ибо вовсе не дураки и дороги, а российское самодержавие — единоличная, никем не контролируемая и не ограниченная власть человека, стоящего во главе политической пирамиды, какую бы фамилию он ни носил, — и есть главная российская беда.

Нечасто ссылаюсь на свои тексты, но на этот раз придется. В январе 2004 года в «Новой газете» была опубликована моя статья «Долой самодержавие!». В ней говорилось, что именно этот лозунг должен стать главным на ближайшие годы для российских демократов, которым надо перестать верить в политические сказки о просвещенной монархии и выступать за ликвидацию самодержавия как политического института.

Тогда это было воспринято многими как политические фантазии. Потом о необходимости политических реформ — и в первую очередь серьезного ограничения президентской власти в пользу парламента — заговорили все больше и больше. И не только оппозиционные политики, но и наиболее авторитетные эксперты — такие, как Лилия Шевцова.

А потом все чаще и чаще стала звучать мысль не просто о политической реформе, но и о кардинальном изменении политической системы: отказа от президентской республики либо в пользу президентско-парламентской, либо в пользу парламентской (сразу скажу, что моя позиция на протяжении последних десятилетий именно такова: только парламентская республика!).

Последним по времени выступлением такого рода оказалась колонка, переданная в «Вашингтон пост» командой Алексея Навального от его имени и опубликованная 30 сентября. В ней он призывает к парламентской республике — хотя всего четыре года назад в его программе речь шла о президентско-парламентской республике с ограничением «некоторых полномочий президента». Уверая, что после конца СССР «и демократическая общественность внутри страны, и тогдашние западные лидеры совершили чудовищную ошибку, согласившись

на предложенную командой Бориса Ельцина модель президентской республики с огромными полномочиями лидера».

Ну что касается общественности: отнюдь не вся она с этим соглашалась.

«Яблоко», например, тогда подвергалось критике многих из тех, кто называл себя демократом, именно за то, что не поддерживало концентрацию власти в руках Ельцина и его право игнорировать законы «во имя реформ». И за то, что не поддерживало приватизацию «по Чубайсу» и финансовую стабилизацию в духе ортодоксального монетаризма.

Если же говорить о западных лидерах, то им была совершенно безразлична модель политического устройства России — лишь бы (не раз слышал это тогда от западных политиков) «обеспечивалась стабильность».

Поэтому они поддержали Ельцина и во время октябрьского конституционного переворота в 1993 году, и во время первой чеченской войны с множеством ее жертв среди гражданского населения, и во время президентских выборов 1996 года с их массовыми фальсификациями, и во время операции «Премник».

Но вернемся к парламентской республике, которая (вопреки утверждению Навального, что «этого в России не было никогда») у нас уже была — в 1990–1991 годах. И очень даже неплохо работала.

Правительство формировалось парламентом, им и контролировалось, а председатель парламента Борис Ельцин не мог принимать единоличные решения — ему нужна была поддержка парламентского большинства, и он, чтобы провести тот или иной закон или кадровое решение, был вынужден идти на переговоры и компромиссы. Как, собственно, и бывает в парламентских республиках. И точно так же была устроена власть в регионах, включая Москву и Петербург: избранный гражданами представительный орган, формирует исполнительную власть и контролирует ее.

Проблемы начались именно тогда, когда на всех уровнях, начиная с самого верхнего, решили ввести единоначалие — как более простой и быстрый способ принятия решений, не требующий утомительных (порой) обсуждений и консультаций.

И перешли к президентской модели, чей ключевой недостаток состоит в том, что на выборах (за редчайшими исключениями) невозможны коалиции, и победитель получает все. После чего и ведет себя соответственно, считая, что полученный кредит доверия позволяет не учитывать ничье мнение, кроме собственного. Или мнения тех, кого он сам отобрал для выслушивания.

В парламентской модели не просто есть место для разных политических сил и возможность для создания коалиций. В ней ни у главы парламента, ни у главы правительства нет представления о себе как о «самом главном начальнике», которого окружают сплошь подчиненные, обязанные исполнять приказы, а не обсуждать их. И в ней есть и «защита от дурака», механизм исправления ошибок, изменения или отмены неверных решений. Из-за этого в странах парламентской демократии бывают кризисы (с уходом правительства, с досрочными выборами), но не бывает катастроф...

В декабре 1994 года секретными указами президента Бориса Ельцина была начата «контртеррористическая операция» в Чечне. Она же — первая чеченская война. Будь тогда Россия парламентской республикой, навряд ли парламент — даже такой, каким был российский съезд народных депутатов (доработай он весь положенный срок), или какой была в 1994-м Государственная дума с присутствием самых разных политических сил, — санкционировал бы эту «операцию». И уж как минимум это сопровождалось бы яростными спорами с непредсказуемым результатом. Ну а в президентской республике о начале «контртеррористической операции» узнали постфактум — и парламент, а значит, и общество не имели никаких легальных возможностей что-то изменить.

Да, конструкция парламентской республики не лишена своих недостатков. Но она — в отличие от президентской — куда меньше подвержена авторитарной трансформации. И представляет для носителей власти куда меньше соблазнов — потому что резко сужено пространство для единоличных решений в чью-либо пользу.

А на естественный вопрос: «Неужели вы хотите дать нынешней Госдуме право формировать правительство?» — могу

дать естественный ответ: нынешней — нет, не хочу, а вот Дума, избранная при парламентской модели и на честных выборах, будет принципиально иной. В том числе и потому, что граждане, понимая, что выбирают власть (когда каждая партия идет на выборы, объявив, кого назначит в правительство), будут иначе относиться к своему голосованию.

Конечно, одной только трансформации президентской республики в парламентскую недостаточно. Нужна очень серьезная «перестройка», пользуясь терминологией эпохи Михаила Горбачева.

Необходим отказ от национал-имперского мышления и мечтаний о возрождении рухнувшей империи, от ядерных угроз и милитаристских заявлений.

Необходим абсолютный приоритет прав и свобод человека — и закрепленная и сейчас в Конституции, но не выполняемая обязанность основывать на этих правах и свободах все решения и действия властей.

Необходим отказ от представления о государстве как о субъекте с собственными интересами и от приоритета государства над обществом и личностью.

Необходима судебная реформа и реформа местного самоуправления.

И многое, многое другое.

Тогда — есть шанс на лучшее будущее. И очень важно не упустить его.

Если же система останется прежней, если будет увлеченно обсуждаться вопрос: «Кто вместо Путина?» — так и жизнь, большей частью, останется такой, как есть.

Более того, очень быстро возникнет какой-нибудь «Путин 2.0», только с другим окружением, другими фаворитами и другим распределением благ и ресурсов среди «своих». Но с тем же стремлением объявить врагами и «национал-предателями» тех, кто смеет ему перечить.

Поэтому ответ на указанный вопрос таков: никто не должен быть вместо Путина.

РОССИЙСКАЯ ЛЕНТА МЕБИУСА

ПОКА МЫ НЕ ПОЙМЕМ, ЧТО ПРОИСХОДЯЩЕЕ СЕГОДНЯ
ПОДГОТОВЛЕНО В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ЕЛЬЦИНА
КАК РАЗ «СИСТЕМНЫМИ ЛИБЕРАЛАМИ»,
НА ОТТЕПЕЛЬ МОЖНО НЕ НАДЕЯТЬСЯ

9 ЯНВАРЯ 2023

На кончину *Руслана Хасбулатова* — последнего председателя Верховного Совета РСФСР, а потом и России, сперва верного сторонника Бориса Ельцина, а потом его яростного оппонента — многие отозвались напоминанием о том, как Хасбулатов был арестован после штурма Белого дома в октябре 1993 года, а уже в феврале 1994 года освобожден.

И что это, мол, показывает, насколько либеральным был «ельцинский» политический режим по сравнению со сменившим его «путинским». Скорее всего, те, кто об этом пишет, либо не помнят, либо не знают, что Хасбулатов вышел на свободу не по воле Ельцина, а в результате амнистии, объявленной Госдумой, вопреки желанию президента.

Однако миф о принципиальной разнице «ельцинских» и «путинских» лет третье десятилетие подряд остается одним из самых устойчивых. И что очень существенно — этот миф абсолютно зеркален.

Сторонники нынешней власти верят, что «лихие 90-е» сменились с приходом Путина «стабильными нулевыми», а многие ее оппоненты вздыхают по «прекрасным 90-м», которые сменились «скверными нулевыми». Но перед нами не две противоположные стороны политической поверхности, а одна. Эта поверхность односторонняя, как знаменитая лента Мебиуса. Ибо политика «путинских» лет — не противоположность политике «ельцинских», а ее логическое продолжение.

И разговоры о том, как после «хорошего» Ельцина пришел «плохой» Путин и все испортил, очень похожи на риторику хрущевской оттепели, когда призывали вернуться к «подлинному ленинизму», «ленинскому наследству» и «ленинским нормам

партийной жизни», отход от которых якобы и привел к культу личности Сталина.

Ленин, заметим, так и не оставил записки — что из его наследства подлинное, а что не совсем. Но на практике (да и в теории) нет никакой принципиальной разницы между политикой ленинизма и сталинизма, и сталинские репрессии — не «искажение» ленинских идей, а их органическое продолжение.

Неверным при строительстве «социалистического государства» было не исполнение — неверными были чертежи. И точно так же именно чертежи, а не исполнение, были неверными в постсоветскую эпоху.

Демократические времена оказались очень короткими, сменившись авторитарными, а затем и тоталитарными, потому что была сделана ставка на персоны, а не на демократические институты.

На конкретного президента — Бориса Ельцина, «знающего, как надо», и проводящего «непопулярные», но единственно верные экономические реформы в «переходный период». И на создание условий для беспрепятственного правления президента, которому в ситуации, когда реформы так и оставались «непопулярными», а «переходный период» никак не заканчивался, никакие институты совершенно не нужны. Более того, они ему только мешают!

Мешают честные и свободные выборы, поскольку на них могут победить оппоненты президента. Мешает правовое государство, потому что законом должно быть мнение президента. Мешает независимое от власти правосудие, ибо оно может признать незаконными те или иные действия президента и его окружения. Мешает разделение властей и парламентаризм, так как парламент не должен ни в чем препятствовать президенту. Мешают свободные СМИ, которые будут давать слово критикам президента и рассказывать о коррупции и злоупотреблениях власти. И мешает политическая конкуренция, ведь президент и его окружение должны оставаться у власти независимо от общественных настроений и потребностей.

В рамках этой «самодержавной» логики и строилась российская политическая система 90-х. Ее создатели и строители — Анатолий Чубайс, Егор Гайдар, Михаил Полторанин, Геннадий

Бурбулис, Сергей Шахрай, Альфред Кох, Алексей Кудрин, Валентин Юмашев, Александр Волошин, Сергей Кириенко и другие — действовали совершенно сознательно. Прекрасно понимая, что при иной — демократической — системе они лишатся власти и влияния (а то и свободы) достаточно быстро.

И именно они — вместе с Ельциным — ответственны за все то, что мы наблюдали во время 90-х.

За разрушение системы разделения властей, дискредитацию и последующее уничтожение парламентаризма, за монополизацию политической власти в руках президента и его канцелярии, которых не ограничивали никакие «сдержки и противовесы».

За монополизацию СМИ и установление политической цензуры (любителям рассуждать о том, какая свобода СМИ была при Ельцине, напомним о пресловутом «Федеральном информационном центре» времен 1993 года, организовавшем на телевидении кампанию по дискредитации парламента, и о превращении большинства федеральных СМИ в отделы избирательного штаба Ельцина во время президентских выборов 1996 года).

За уничтожение политической конкуренции и превращение выборов в механизм воспроизводства власти (опять же напомним выборы 1996 года, с беспределом «административного ресурса», работой всей системы исполнительной власти на одного кандидата и массовыми фальсификациями).

За отсутствие независимого правосудия (судебная реформа и не была проведена, а в Конституции был закреплён принцип назначения президентом всех судей).

За превращение большевистского принципа «цель оправдывает средства» в основу государственной политики.

За назначение на высшие государственные посты по принципу личной преданности, а не профессионализма.

За коррупцию и безнаказанность высших чиновников при любых злоупотреблениях.

За непубличность принятия ключевых властных решений, принимаемых неизвестным кругом лиц по неизвестным принципам, при постоянно «техническом» (за редчайшими исключениями) правительстве.

Именно в рамках такой системы стали возможны и криминальная приватизация, и «залоговые аукционы», и передача в руки узкого круга близких к власти персон (которых назовут олигархами) доходов от продажи нефти и газа.

Владимир Путин, пришедший как преемник Бориса Ельцина, сохранит и усилит эту конструкцию, но важно понимать, что все основные блоки ее уже существовали, а не появились лишь с его приходом к власти.

Да, в ельцинские годы оппозиционная деятельность не была криминализована, критика власти не вызывала административных, а тем более уголовных дел, оппозиционеры не объявлялись врагами народа и национал-предателями, оплачиваемыми из-за рубежа. И не было понятий «иностраннных агентов» и «нежелательных организаций». И не было образа страны как «осажденной крепости», которую все ненавидят, страстно желая ее ослабления.

Но и в начале, и в середине 90-х щедро награждали ярлыками «красно-коричневых» всех, кто выступал против концентрации власти в руках Ельцина, не соглашался с реформами, проводимыми в интересах подавляющего меньшинства, и считал события осени 1993 года государственным переворотом со стороны президента. А все остальное развивалось при Путине постепенно — по мере того, как уничтожались остатки демократических институтов, подавлялись свободные СМИ, власть все больше сливалась с собственностью, а государство — с «руководящей и направляющей партией».

«Ельцин создал систему разделения властей и обеспечил свободу слова и печати», — уверял *Анатолий Чубайс*.

«Благодаря Ельцину мы стали свободными», — считает *Владимир Познер*.

Мягко говоря, это лукавство.

Потому что свободы — в том числе перечисленные — обеспечил не Ельцин, а Михаил Горбачев. Как и систему разделения властей, в рамках которой Ельцин начинал свое восхождение, будучи в 1990–1991 годах председателем российского парламента. И которую он же потом превратил в декорацию в декабре 1993 года с принятием новой Конституции.

Сегодня, через три десятилетия после этого рубежа, архитекторы и пропагандисты ельцинской системы (в том числе

эмигрировавшие) любят рассказывать, как хорошо было при «дедушке», и что для исправления ситуации надо просто вернуться к истокам. Некоторые из них (особенно эмигрировавшие, как Кох) не устают клеймить нынешний режим, делая вид, что не несут никакой ответственности за сегодняшнюю ситуацию, и полагая, что их неприглядная роль надежно забыта.

А еще на популярных интернет-ресурсах нам регулярно рассказывают о чуде сохранившихся во власти с времен Ельцина «системных либералах», сподвижниках или учениках Гайдара, высоких профессионалах, якобы противостоящих «силовикам» в окружении Путина и спасающих своей работой экономику от полного краха. И видят в них ту «ответственную часть элиты», которая будет заниматься строительством будущей России — конечно же, демократической.

Политические сказки о «системных либералах» всегда вызвали у меня отвращение.

Во-первых, никакие они не либералы (достаточно вспомнить их поддержку повышения пенсионного возраста и отказ гражданам в прямых выплатах из бюджета в качестве помощи во время эпидемии коронавируса).

А во-вторых, по своей сервильности они отличаются от «силовиков» лишь отсутствием погон. И никто из них ни в чем не посмел возразить Путину после 24 февраля, напротив — они наперегонки бросились выполнять его требования.

Никакую «демократическую Россию» они не построят, и не стоит возлагать на них никаких надежд. Точно так же, как и на активных участников строительства авторитаризма в «ельцинскую» эпоху, полагавших, что достаточно сменить «плохого царя» на «хорошего» — и все наладится.

Новая оттепель обязательно настанет. И если мы хотим, чтобы она снова не сменилась похолоданием, нужно не полагаться на добрую волю очередного вождя, а усердно и последовательно строить демократические институты, не позволяющие никому стать вождем. А тем паче — диктатором.

НАЧИНАЕМ ВСЕ СНАЧАЛА

10 МАРТА 1991 ГОДА В МОСКВЕ НА МАНЕЖНОЙ ПЛОЩАДИ
ПРОХОДИЛ ОДИН ИЗ САМЫХ МАССОВЫХ ОППОЗИЦИОННЫХ
МИТИНГОВ ЗА ВСЮ СОВЕТСКУЮ ИСТОРИЮ

6 МАРТА 2023

На площадь по призыву движения «Демократическая Россия», общества «Мемориал» и Московского объединения избирателей вышли около 500 тысяч человек.

Они требовали отставки президента СССР Михаила Горбачева, поддерживали Бориса Ельцина (тогда еще не президента, а председателя Верховного совета РСФСР) и призывали ответить «нет» на предстоящем 17 марта референдуме о сохранении «обновленного СССР».

Митинг никто не разгонял, более того — у организаторов, как вспоминал потом один из них, Михаил Шнейдер, были хорошие отношения с московской милицией. А исполком Моссовета предоставил машины для звукоусиления на митинге.

Сегодня это выглядит как ненаучная фантастика, а тогда в этом не было ничего удивительного. В Моссовете было демократическое большинство, председателем Моссовета был один из лидеров «Демократической России» и одновременно — народный депутат СССР Гавриил Попов, а председателем исполкома Моссовета назначенный по предложению Попова Юрий Лужков. И все публичные акции демократов согласовывались без всяких сложностей. Впрочем, это касалось не только демократов — и коммунистическим митингам никто не препятствовал, и всем остальным.

На митинге 10 марта выступали Попов, его первый заместитель в Моссовете (и тоже народный депутат СССР) Сергей Станкевич, Юрий Афанасьев, Николай Травкин и многие другие. Говорили об опасности военного переворота, призывали не только сказать на референдуме 17 марта «нет» сохранению СССР, но и проголосовать за введение в РСФСР президентского поста (в тот же день проходил и республиканский референдум).

Забегая вперед, напомним, что на референдуме о сохранении СССР подавляющее большинство избирателей в стране дало ответ «да» — но это не помогло Союзу сохраниться. И столь же подавляющее большинство в РСФСР поддержало введение президентского поста — что имело потом сокрушительные последствия...

А попытка вооруженного переворота действительно была.

Впрочем, митинги, где участвовали сотни тысяч людей, в 1989–1991 годах были не в диковинку. Им не препятствовали, их не разгоняли, их участников не избивали, не сажали на двое суток в кутузку, а потом еще на 10–15 суток — под арест.

А самый первый, по-настоящему массовый демократический митинг прошел 21 мая 1989 года, в день рождения Андрея Дмитриевича Сахарова, в Москве, в Лужниках, в преддверии открытия первого съезда народных депутатов СССР. По разным оценкам, собралось тогда от 100 до 300 тысяч человек. Организаторами были клуб «Московская трибуна», общество «Мемориал», организация «Гражданское достоинство», Комитет писателей в защиту перестройки «Апрель», Московский народный фронт и другие.

На митинге, который вел Гавриил Попов, выступали только что избранные народные депутаты СССР.

Андрей Сахаров предупредил о происходящем объединении антиперестроечных сил, заявил о необходимости принятия съездом на себя ответственности за судьбу страны и внесения в текст Конституции СССР соответствующих изменений.

Борис Ельцин призвал поддержать сценарий московской депутатской группы, предусматривающий передачу всей власти в стране Советам, и потребовал проведения всех персональных выборов в ходе съезда на альтернативной основе.

Алесь Адамович пообещал, что демократически ориентированные народные депутаты СССР будут вести себя так же, как некогда депутаты генеральных штатов, и в случае возникновения такой необходимости не покинут зал заседаний съезда неделю, месяц или столько, сколько это будет необходимо.

Ну а один из руководителей «Московской трибуны» Леонид Баткин заметил, что лозунг «Вся власть Советам!» без акцента на первое слово бессмысленен...

На следующий год, в марте 1990-го, проходили выборы народных депутатов РСФСР, Моссовета, Ленсовета и других представительных органов.

4 февраля 1990 года в Москве на Манежной площади на предвыборную акцию в поддержку кандидатов блока «Демократическая Россия» собрались от 300 до 500 тысяч человек. Выступали Юрий Афанасьев, Евгений Евтушенко, Тельман Гдлян, Галина Старовойтова, Глеб Якунин, Олег Румянцев, а также Борис Ельцин. Все они призывали к поддержке демократических кандидатов на предстоящих выборах, а главным требованием митинга было — отменить 6-ю статью Конституции СССР о руководящей роли КПСС.

Но были и другие требования: «Долой политическую полицию!», «Вся власть народу!», «За Советы без реакционеров и шовинистов!», «Коммунизм — на свалку истории!», «Хочу жить в свободной стране!», «КПСС, верни народу, что украла — власть, землю, свободу!», «Люди, где правда? Мы похожи на экстремистов?!».

И еще больше людей — по оценкам организаторов, до миллиона человек, — собралось в Москве 25 февраля 1990 года.

Митинги в этот день прошли в еще более чем 50 городах России: Ленинграде, Ставрополе, Пскове, Саранске, Смоленске, Саратове, Омске, Томске, Свердловске, Барнауле, Тюмени, Кемерове, Новосибирске и многих других.

Главными лозунгами были — «От власти партии — к власти Советам!», «Нет кандидатам от аппарата!», «Даешь многопартийную систему!».

«Своих» каналов распространения информации у «Демократической России» не было — и, например, на московском митинге просто зачитывали списки кандидатов в депутаты Моссовета от «Демократической России» по каждому из 33 районов города. А собравшиеся, в полной тишине, записывали их имена, чтобы точно знать, за кого надо голосовать.

В Ленинграде поступили иначе: список тех кандидатов в депутаты, которых поддерживало движение «Демократические выборы — 90» и Ленинградский народный фронт, удалось опубликовать в необычайно популярной тогда газете «Смена».

Главный редактор «Смены» Виктор Югин сам баллотировался в народные депутаты РСФСР (и был в результате избран)

и публикацию списков поддержал. И потом огромное количество горожан приходило на выборы 4 марта с этим номером газеты или вырезкой из нее, чтобы не ошибиться при голосовании...

Была весна — точнее, нам казалось, что была весна. Потому что на самом деле это была не весна, а оттепель.

«Мы думали, что это будет вечный бой, яростный и победоносный. Мы считали, что всегда будем сохранять ясные представления о добре и зле, о враге и друге. И мы думали, в общем, правильно, только многого не учли...»

Это — из «Трудно быть богом» братьев Стругацких. Но разве это только про Арканар и благородного дона Румату?

Пройдет немного времени, будет отменена 6-я статья Конституции, президентом РСФСР станет Борис Ельцин, уйдет в отставку Михаил Горбачев, прекратит существование Советский Союз.

И выяснится, что, став кульминацией «демократической революции», август 1991-го одновременно стал и ее пирровой победой, после которой демократы разойдутся по двум соперничающим лагерям.

Одни (большей частью — получившие в 1990-м депутатские мандаты активисты демократического движения) хранят верность прежним идеалам, полагают, что никакие отступления от демократии недопустимы и что никакие, даже самые теоретически привлекательные реформы нельзя проводить против воли большинства.

Вторые же — еще недавно, вместе с первыми, требовавшие на митингах «Всю власть Советам» — или переберутся в исполнительную власть, или сделают на нее ставку, и кардинально сменят концепцию, заняв позицию революционной целесообразности: «реформы превыше всего».

Начнут рассуждать о неизбежности авторитарной стадии на пути от тоталитаризма к демократии, восхищаться опытом генерала Пиночета и уверять, что «реакционные» Советы мешают «прогрессивной» администрации.

Что съезд народных депутатов России препятствует президенту Ельцину проводить необходимые экономические реформы, которым нет и не может быть альтернативы.

И что Моссовет и Ленсовет мешают мэрам Попову и Собчаку, знающим «как надо», принимать единственно правильные решения.

Вторая позиция получает поддержку многих либеральных «властителей дум», и начинается — при активном участии симпатизирующих Ельцину и его окружению журналистов — мощнейшая кампания по дискредитации представительной власти как в целом, так и в лице ее отдельных представителей. Упрямо не желающих понимать, что ради успеха экономических реформ надо прижать демократию и «развязать руки» исполнительной власти.

Не важно, что якобы «реакционные» Советы, во-первых, были избраны на честных выборах, а во-вторых — состояли из тех же депутатов, которые совсем недавно были народными кумирами и которых совсем недавно на упомянутых митингах предлагалось поддержать как демократических.

Что ровно тот же якобы «красно-коричневый» российский съезд, каким его рисовали многие СМИ, избрал Ельцина своим председателем.

Что «развязать руки» предлагалось, в том числе, бывшим первым и вторым секретарям обкомов КПСС, сотрудникам КГБ и чиновникам исполкомов, взятых на работу за их «административный опыт».

И что необходимость тех реформ, против которых выступали депутаты, была никак не доказана и уж точно у них имелись альтернативы — просто президента и его «команду реформаторов» эти альтернативы категорически не устраивали.

Как не устраивали и демократические институты и процедуры, в рамках которых они очень быстро были бы освобождены от тяжелой необходимости управлять неразумными согражданами. Не понимающими, почему в результате реформ они должны неопределенное время жить хуже и почему реформаторы процветают вопреки собственным реформам.

Чем все это закончилось, к сожалению, очень хорошо известно: «черным октябрем» 1993-го, принятием самодержавной Конституции, двумя чеченскими войнами, залоговыми аукционами, кампанией «голосуй сердцем» 1996 года, разгромом независимого телевидения и операцией «преемник» — со всеми

вытекающими последствиями. Включая почти все то, против чего выступали на митингах 1989–1991 годов, в том числе — возвращением политической полиции и объявлением «экстремистами» тех, кто не согласен с властью.

Если бы существовала машина времени и все это показали бы тогда участникам этих митингов — они бы точно не поверили, что такое будущее возможно. Или решили бы, что им показывают абсурдную политическую фантастику.

Как там было в старом анекдоте? «Начинаем все сначала»?

МАРТ ВЕЛИКОДУШНЫЙ

ВЫБОРЫ 1990 ГОДА ДОКАЗАЛИ: ЭТО ВРАНЬЕ, ЧТО НЕТ
ДРУГИХ ЛЮДЕЙ, СПОСОБНЫХ УПРАВЛЯТЬ ГОСУДАРСТВОМ

18 МАРТА 2023

Тридцать лет и три года назад в Ленинграде был такой же, как сейчас у меня за окном, теплый весенний день.

И светило такое же солнце — еще почти не греющее, но яркое.

И будущее казалось хотя и непростым, но светлым.

Потому что это был день победы над опостылевшей властью: 18 марта 1990 года во втором туре выборов народных депутатов РСФСР, Ленсовета и райсоветов выиграли большей частью кандидаты от Ленинградского народного фронта (ЛНФ) и движения «Демократические выборы-90».

Кандидаты от коммунистической номенклатуры потерпели сокрушительное поражение.

«Март намечается великодушный!» — повторяли мы про себя строчки Булата Окуджавы, читая ранним утром 19 марта — в такой же солнечный весенний день — результаты выборов.

Передо мной на столе — ценнейший документ эпохи: полный список избранных в Ленинграде народных депутатов РСФСР и Ленсовета.

Среди тридцати народных депутатов РСФСР: Михаил Молоствов, Галина Старовойтова, Виктор Югин, Николай Аржанников, Олег Басилашвили, Геннадий Богомолов, Виталий Васильев, Виктор Дмитриев, Михаил Дмитриев, Илья Константинов, Бэлла Куркова, Игорь Кучеренко, Юрий Лучинский, Юрий Нестеров, Марина Салье, Сергей Степашин, Михаил и Никита Толстые и Петр Филиппов.

А среди почти 400 депутатов Ленсовета — Игорь Артемьев и Александр Беляев, Михаил Бегак и Сергей Васильев, Юрий Гладков и Анатолий Голов, Сергей Егоров и Юлий Рыбаков, Алексей Ковалев и Леонид Романков, Александр Шишлов и Николай Журавский, Алексей Ливеровский и Дмитрий Мезенцев,

Юрий Кравцов и Георгий Хижа, Борис Моисеев и Сергей Попов, Владимир Ходырев и Владимир Чуров, Валентин Майоров и Андрей Ошурков...

За редкими исключениями о них ранее почти никто не знал.

Да, были известны народный артист СССР Олег Басилашвили, Виктор Югин — главный редактор газеты «Смена», Бэлла Куркова — создатель телепрограммы «Пятое колесо», и Галина Старовойтова — избранная годом раньше народным депутатом СССР от Армении.

Но остальные были знакомы разве что кругу своих друзей и коллег.

Философ Михаил Молоствов сидел по «антисоветской» статье, после освобождения работал сельским почтальоном, а Геннадий Богомолов и вовсе был «временно не работающим». Виктор Дмитриев — инженер на Ижорском заводе, Михаил Дмитриев — научный сотрудник в Финансово-экономическом институте, а Илья Константинов — кочегар («оператор газовой котельной»). Юрий Лучинский заведовал юридической консультацией, Юрий Нестеров был старшим научным сотрудником в институте социологии, Марина Салье — ведущим научным сотрудником в Институте геологии и геохронологии докембрия и членом совета «Клуба друзей «Огонька» (журнал в те годы был невероятно популярен). Сергей Степашин преподавал историю КПСС, Михаил Толстой был начальником лаборатории в НИИ, Никита Толстой — профессором в ЛГУ, Петр Филиппов — редактором отдела в экономическом журнале «ЭКО».

Среди депутатов Ленсовета Александр Беляев, Сергей Васильев, Михаил Бегак, Александр Шишлов, Леонид Романков, Анатолий Голов, Борис Моисеев, Юрий Кравцов, Андрей Ошурков были научными сотрудниками, Игорь Артемьев, Алексей Ливеровский, Сергей Попов и Юрий Гладков — преподавателями, а Владимир Чуров — инженером. Художник и бывший политзек Юлий Рыбаков работал кочегаром, Сергей Рябов и Евгений Красницкий — электромонтерами, альпинист, спасатель и «снежный барс» Николай Журавский — электриком. Хорошо известны горожанам были лишь немногие: например, председатель исполкома Ленсовета Владимир Ходырев, гендиректор объединения

«Светлана» Георгий Хижа и главный редактор «Вечернего Ленинграда» Валентин Майоров.

Но все они уверенно выиграли выборы — получив доверие избирателей, еще недавно большей частью не подозревавших об их существовании.

Потому что избиратели жаждали увидеть реальных кандидатов, а не как раньше — отобранных обкомом или райкомом КПСС для «выборов без выбора».

Увидеть реальные дебаты и реальную конкуренцию — что бы было из кого выбирать. И, как выяснилось, избиратели прекрасно разобрались в огромном числе кандидатов — найдя из длинных списков претендентов тех, кому можно доверять.

А списки были длинными, потому что тогда, три с лишним десятилетия назад, на выборах-90 были предельно упрощены условия выдвижения кандидатов в депутаты всех уровней. Кандидатов могли выдвигать даже небольшие трудовые коллективы — лабораторий и отделов НИИ, кооперативов и театров, а также клубы избирателей на своих собраниях. И, например, один только коллектив недавно созданного в Ленинграде Интерьерного театра выдвинул несколько десятков будущих депутатов!

Фантастически свободными и честными — по сравнению с последующими временами — были и сами выборы. Напечатав на пишущей машинке и размножив на служебном ксероксе (втайне от строгого «первого отдела»*) несколько сот листовок, нарисовав десяток-другой плакатов, выставив с помощью «группы поддержки» из друзей и родственников пикеты у станций метро и отдежуривав у этих пикетов две-три недели, можно было стать не только городским или районным, но и российским депутатом.

«Предвыборные штабы» кандидатов, как правило, располагались у них на кухне, а никакого «избирательного фонда» и в помине не было — потому что кощунственная мысль о том, что

* Подразделение на предприятиях, отвечающее за секретность делопроизводства, обеспечение режима безопасности и секретности; работало под контролем КГБ СССР. Сейчас продолжает работу под контролем ФСБ.

за дежурство в пикетах или раздачу листовок можно требовать (или платить) деньги, никому из агитаторов или кандидатов в голову прийти не могло.

И точно так же никому не могло прийти в голову, что можно «защищать» почтовые ящики от листовок конкурентов или срывать чужие плакаты, заниматься «черным пиаром», «мочить» конкурентов или раздавать избирателям продуктовые наборы за «нужное» голосование.

А еще одно важнейшее отличие тех выборов — никто из демократических кандидатов не воспринимал возможное «хождение во власть» как способ решения собственных проблем. И потому, если в одном округе баллотировалось сразу двое-трое единомышленников, выступающих против всевластия КПСС, за многопартийность, демократические свободы и рыночную экономику, — было не важно, кто из «своих» станет депутатом: выигрыш любого из них воспринимался как общая победа...

Высоких постов из перечисленных потом достигнут немногие. Выше всех — до премьера — поднимется Сергей Степашин. Георгий Хижа год пробудет вице-премьером, а Дмитрий Мезенцев будет «сенатором», губернатором Иркутской области, послом в Белоруссии, а затем (и по сей день) — госсекретарем Союзного государства.

Михаил Молоствов, Галина Старовойтова, Юрий Нестеров, Александр Шишлов, Анатолий Голов, Сергей Попов, Юлий Рыбаков, Борис Моисеев потом станут депутатами Госдумы, а Александр Беляев — председателем Ленсовета и членом Совета Федерации. Председателем Законодательного собрания, сменившего Ленсовет, станет Юрий Кравцов. Депутатом Госдумы, а затем главой Федеральной антимонопольной службы — Игорь Артемьев. Владимир Чуров станет главой Центризбиркома, Сергей Васильев и Михаил Дмитриев — заместителями министра (Васильев потом еще и членом Совета Федерации).

И тем не менее в биографии каждого из них, как и других победителей-90, самым ярким моментом останутся именно эти выборы. Потому что ТАКИХ выборов с тех пор не было ни разу. И такого настроения — весеннего, яркого, радостного, наполненного надеждами — тоже. После — когда надежды сменяются разочарованиями — мы увидим, что весна (мне часто

приходится с грустью это повторять) оказалась лишь оттепелью. И увидим, как недавние единомышленники, одинаково понимавшие «против» чего они выступают, но совершенно по-разному понимавшие «за» что, окажутся по разные стороны баррикад — и не только идеологических. Но это будет потом — о чем победители выборов-90 не подозревали и подозревать не могли...

Когда сегодня (да и в прежние годы) приходится слышать, что «не из кого выбирать» и «не за кого голосовать», хочется напомнить те далекие выборы. И сказать: объявите действительно свободные выборы — и сразу будет за кого голосовать.

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПЕРЕВОРОТ 93-го

КАК 30 ЛЕТ НАЗАД В РОССИИ
БЫЛ ЗАДУШЕН ПАРЛАМЕНТАРИЗМ

25 АПРЕЛЯ 2023

30 лет назад, 25 апреля 1993 года, в России прошел референдум о доверии президенту и парламенту.

Он мог остановить идущую полным ходом «войну ветвей власти» — но не остановил. Вместо этого проложил путь к событиям осени 1993 года, когда была совершена вооруженная попытка госпереворота, и не только распущен парламент, но и очень серьезно «поражен в правах» сам институт парламентаризма.

Полезно напомнить: то, что традиционно называют «конституционным кризисом 1992–1993 годов», было вовсе не противостоянием прогрессивного президента Бориса Ельцина и реакционного большинства на съезде народных депутатов РСФСР, как и по сей день полагают многие. Тем более что именно этот съезд в мае 1990 года избрал Ельцина своим председателем.

Это было противостоянием между теми, кто считал необходимым провести задуманные ими экономические реформы любой ценой, — и теми, кто считал, что цена любой быть не может, потому что никакая цель не оправдывает средства.

Между теми, кто призывал ограничить демократические механизмы, не позволяющие проводить реформы вопреки воле большинства, — и теми, кто полагал отказ от демократии недопустимым, как недопустимой и ставку на меньшинство.

Между теми, кто восхвалял авторитарную модель, с «развязыванием рук» президенту и правительству, — и теми, кто полагал, что подобное «развязывание рук» приведет лишь к произволу и коррупции.

Между теми, кто считал, что президент и правительство, «знающие, как надо», должны быть выведены из-под общественного и парламентского контроля, — и теми, кто считал,

что правительство должно быть подконтрольно и подотчетно парламенту.

Особые полномочия

Разница в двух этих подходах очень ярко проявилась во время действия «особых полномочий» президента Бориса Ельцина и работы правительства во главе с Егором Гайдаром.

В ноябре 1991 года съезд народных депутатов РСФСР принял постановление «О правовом обеспечении экономических реформ», суть которого была проста: в сложнейших, кризисных условиях дать президенту возможность издавать указы, противоречащие российским законам.

Если в течение недели Верховный Совет не отклонял «незаконный указ» — он вступал в силу.

Тогда многим казалось, что найден удачный компромисс, позволяющий сочетать высокую скорость экономических преобразований с наличием надежного парламентского «тормоза».

Но беда заключалась в том, что «тормоз» вскоре перестал работать: исполнительной власти настолько понравилось все регулировать в рамках «указного права», что даже если парламент и успевал отменить какой-нибудь незаконный указ, он тут же выпускался президентом заново под другим номером. И все это сочеталось с невиданными доселе (2600%) темпами инфляции после начала «радикальных экономических реформ», безработицей, падением уровня жизни, «сгоревшими» сбережениями, сломом системы социальных гарантий и разрушением жизненных планов огромного числа граждан.

Такие реформы, конечно же, вызвали крайне негативную реакцию очень у многих граждан — но президент и правительство категорически отказались что-либо в этих реформах менять, заявляя, что курс верен, и ему нет и не может быть альтернативы (заметим: альтернативы были — но их отказывались рассматривать).

В демократических условиях президента и правительство, проводивших такой курс, или заставили бы его изменить, или отправили бы в отставку. И сделал бы это парламент — представляющий граждан, большинство которых в результате проводимой политики стало жить хуже.

Собственно, именно поэтому организаторы и сторонники проводимых реформ и начали «войну» с парламентом как главным барьером на своем пути, не позволяющим действовать «как надо».

И при помощи сочувствующих журналистов и общественных деятелей начали изображать парламент как средоточие реакции и мракобесия, мешающее президенту проводить реформы.

Парламентское большинство, в свою очередь, яростно критиковало правительство в целом, его экономический курс, отдельных министров — но дальше слов не заходило: решений об отставке правительства оно не принимало, и даже не пыталось.

Вечный и.о.

Первый «гром» прогремел в декабре 1992 года, когда на VII съезде народных депутатов России большинство парламентариев отказалось продлить «особые полномочия» президента Бориса Ельцина и утвердить предложенную им кандидатуру Егора Гайдара полноправным премьером (до того он находился в статусе и. о.). И были приняты поправки в Конституцию, ограничивающие полномочия президента.

В частности, в Конституцию была введены нормы о праве съезда отменять или приостанавливать президентские указы, и о том, что полномочия президента не могут быть использованы «для роспуска либо приостановления деятельности любых законно избранных органов государственной власти, в противном случае они прекращаются немедленно». Именно на эту статью Конституции в сентябре 1993 года опирался Конституционный суд, принимая решение о прекращении полномочий Ельцина, издавшего 21 сентября 1993 года «указ 1400» о роспуске съезда и Верховного Совета.

Ельцин в ответ обрушился на депутатов, пригрозив референдумом о недоверии съезду, и увел своих сторонников из зала заседаний, чтобы сорвать кворум (но неудачно).

Тем не менее кризис — усилиями председателя Конституционного суда Валерия Зорькина — тогда удалось урегулировать.

Именно тогда Зорькин, выступая с трибуны съезда, пригрозил привлечь к конституционной ответственности «лиц, возглавляющих законодательную и исполнительную ветви власти»,

и заявил: «Не можете договориться, как вместе работать, — договаривайтесь, как вместе уйти».

В результате переговоров Ельцина и председателя Верховного Совета России Руслана Хасбулатова стороны пошли на компромисс.

Было принято постановление «О стабилизации конституционного строя в РФ», по которому поправки в Конституцию были частично «заморожены», на 11 апреля 1993 года был запланирован референдум по основным положениям новой Конституции, а для назначения премьера было предложено специальное многоступенчатое голосование (съезд «рейтинговым» голосованием определял три кандидатуры, одну из которых президент был обязан представить съезду для утверждения премьером). В итоге по этой процедуре премьером стал Виктор Черномырдин.

VIII съезд

Хрупкий «мир», однако, продержался недолго.

У меня дома хранится очень любопытный сборник — материалы VIII и IX съездов народных депутатов России, проходивших в марте 1993 года. Как бы ни относиться и к депутатам, и к президенту, это — настоящая дискуссия и настоящая политика, с жестким столкновением различных позиций, с аргументами и фактами, без всякой оглядки на должности. В отличие от того, что мы видим в последние двадцать лет, когда в Думе актом небывалой политической храбрости является критика правительства, а о том, чтобы критиковать президента, никто даже и помыслить не может...

10 марта 1993 года на открытии VIII съезда народных депутатов Руслан Хасбулатов заявляет, что «возможный потенциал договоренностей (достигнутых на предыдущем съезде. — Б. В.) реализовать не удалось», что «нет серьезных сдвигов в экономике» и что «граждане, республики, края, области, другие субъекты Федерации, политические силы и партии, ученые, юристы высказывают серьезные опасения по поводу наших решений о референдуме 11 апреля и его возможных последствиях».

А затем зампред Верховного Совета Николай Рябов называет принятое на VII съезде постановление о стабилизации

конституционного строя ошибкой — «односторонней уступкой со стороны представительной власти в пользу исполнительной».

Рябов говорит о недопустимости «прямого апеллирования к народу тех политических сил, которые желали бы разрушить существующий конституционный строй России», и о недопустимости «попыток использовать референдум для искусственного продления или укрепления полномочий тех или иных структур власти, а тем более фигур, их возглавляющих». Что к референдуму призывают под лозунгом «изменения всевластия Советов», но именно под лозунгом «Вся власть Советам!» проходили демократические преобразования в России в 1989–1990 годах, и включение в Конституцию п. 2 ст. 104 статьи о верховенстве съезда, который «правомочен принять к своему рассмотрению и решить любой вопрос, находящийся в ведении Российской Федерации» рассматривали тогда как победу демократических сил. И что «возможность того, что бесконтрольность статуса президента и особенно правительства может быть изменена на съезде, толкает сторонников президента к требованиям немедленного изменения этой статьи.

Тут уместно небольшое, но важное отступление. 23 сентября 1993 года — через два дня после «указа 1400» — Николай Рябов уходит с поста зампреда Верховного Совета, переходит на сторону своего недавнего оппонента, президента Бориса Ельцина, и тут же назначается председателем ЦИК — в какой должности проводит и думские выборы 1993 и 1995 годов, и президентские выборы 1996 года. Что называется, ничего личного — только карьера...

11 марта на съезде выступает президент. Заявляет, что «пришел на этот съезд с надеждой, что у вас хватит мудрости, мужества и воли ради России, ради наших избирателей обрести согласие и начать совместную конструктивную работу». Но «вчерашний день принес немало разочарований: усиливается взаимное отчуждение, непонимание, все меньше остается возможностей для согласия».

Ельцин заявляет, что «борьба с президентом — это прежде всего борьба против силы и самостоятельности правительства» и что «только всенародное избрание, выраженное избирателями доверие позволяет именно президенту, и никому

более, проводить в жизнь жесткие, но необходимые меры», без которых «не может сейчас обходиться ни одна реформа».

Упрекает депутатов в том, что «когда законодательная власть пытается устранить власть президентскую, она разрушает конституционный строй, посягает на волю народа, на волю избирателей». Говорит, что «если конфликт не будет разрешен существующими институтами законодательной и исполнительной власти, ни один из них не одержит верх, а третья сила погубит Россию». И что «если съезд будет и дальше стоять на позициях конфронтации, то надо идти на референдум, он останется единственным средством разрешения конфликта».

Тем не менее в тот же день — 12 марта 1993 года — съезд принимает постановление «О мерах по осуществлению конституционной реформы в РФ», которым отменяет постановление «О стабилизации конституционного строя РФ», требует осуществлять конституционную реформу «в порядке, установленном Конституцией РФ», и считать недействительными все соглашения и нормативные акты государственных органов, направленные на перераспределение полномочий между центром и регионами.

Также съезд предписывает президенту, Верховному Совету и Конституционной комиссии съезда согласовать между собой и в трехмесячный срок направить регионам на согласование проект основных положений новой Конституции.

«Особый порядок управления»

Проходит еще неделя — и кризис переходит на новый этап: 20 марта 1993 года Борис Ельцин выступает с телевизионным обращением к народу.

Президент заявляет, что «страна не может больше жить в обстановке постоянного кризиса», что «фактически запущен маховик антиконституционного переворота» и что «в этих условиях президент вынужден взять на себя ответственность за судьбу страны». И объявляет о введении некоего «особого порядка управления страной».

Главный элемент «особого порядка» — то, что «не имеют юридической силы любые решения органов и должностных лиц, которые направлены на отмену и приостановление указов и распоряжений президента и постановлений правительства».

Заявляется, что «вертикаль исполнительных органов восстановлена» и что «главы исполнительной власти и правительства субъектов РФ подотчетны непосредственно президенту и правительству России, их полномочия не могут быть прекращены без решения президента РФ».

Также президент назначает на 25 апреля 1993 года всенародное голосование с вопросами о доверии президенту и вице-президенту, о проекте новой Конституции и о проекте Закона о выборах федерального парламента. «По утвержденной вами Конституции и новому Закону о выборах будут проведены выборы, но не съезда, а нового парламента России», — говорит президент.

23 марта Конституционный суд Российской Федерации — правда, не видя текст подписанного указа об «особом управлении» — признает действия президента, связанные с телевизионным обращением, неконституционными и усматривает наличие оснований для его отрешения от должности.

А 24 марта Кремль публикует указ — серьезно отличающийся от того, что говорил Ельцин. Там нет уже никакого «особого управления». Аккуратно говорится о том, что «решения государственных органов и должностных лиц, направленные на приостановление указов и распоряжений Президента Российской Федерации *без решения Конституционного суда Российской Федерации* (выделено мной. — Б. В.), должны быть признаны в установленном порядке не имеющими юридической силы и не подлежащими исполнению». Голосование 25 апреля назначается только о доверии президенту (без вице-президента), но также и о проекте новой Конституции и проекту закона о выборах в парламент.

Внеочередной съезд

26 марта собирается IX, внеочередной съезд народных депутатов России, и работает три дня.

Открывая съезд, Руслан Хасбулатов говорит: «Мы столкнулись с чрезвычайным обстоятельством: стремлением монополизировать всю власть — законодательную и исполнительную — в одной ветви. Сначала говорят о бесспорном — стране нужен порядок, а далее все сводится к необходимости установления

режима сильной власти, иначе, дескать, эти депутаты, стоящие у микрофонов, будут только «разбалтывать» страну».

Валерий Зорькин отвечает тем, кто упрекал Конституционный суд в поспешной оценке телевизионного обращения Ельцина об «особом управлении»:

«Если это просто обращение о намерениях, тогда что означают слова «я решил», «я подписал указ»? Тогда объясните: что такое приготовление к антиконституционному изменению государственного строя?»

Борис Ельцин выступает с примирительной речью, заявляя: «конфликтовать дальше бессмысленно», но настаивает: «кардинальный способ выхода из конституционного кризиса остается прежним — это принятие новой Конституции».

Он призывает депутатов: «Давайте не позволять подталкивать себя к действиям сомнительным и с точки зрения политики, и с точки зрения морали». И предлагает вынести на всенародное голосование не только вопрос о доверии президенту, но и вопрос о доверии съезду.

27 марта Ельцин, Хасбулатов и Черномырдин вносят на съезд проект постановления «О преодолении кризиса власти и сохранении конституционного строя РФ». Ключевое положение: на 21 ноября 1993 года назначаются одновременные досрочные выборы президента и в «двухпалатный высший законодательный орган государственной власти — Верховный Совет РФ», который с 15 февраля 1994 года начинают свою работу. Однако 28 марта съезд отклоняет этот проект.

Затем, по предложению депутата Владимира Исакова, на голосование ставятся вопросы об отрешении Ельцина от должности президента и освобождении Хасбулатова от должности председателя Верховного Совета.

Но и тут голосов оказывается недостаточно: за отрешение Ельцина (нужно было не менее двух третей депутатов) голосует 617 депутатов вместо необходимых 689 из 1033, за отставку Хасбулатова — 339 депутатов вместо необходимых 517.

И, наконец, после бурных дискуссий с выступлениями представителей всех фракций и депутатских групп, 29 марта 1993 года съезд назначает на 25 апреля 1993 года референдум с четырьмя вопросами:

- Доверяете ли Вы президенту Российской Федерации Б. Н. Ельцину?
- Одобряете ли Вы социально-экономическую политику, осуществляемую президентом Российской Федерации и правительством Российской Федерации с 1992 года?
- Считаете ли Вы необходимым проведение досрочных выборов президента Российской Федерации?
- Считаете ли Вы необходимым проведение досрочных выборов народных депутатов Российской Федерации?

Вопрос о доверии съезду на голосование избирателей не выносится — и президент Ельцин и его сторонники считают это ошибкой, полагая, что на голосование надо было ставить только вопросы о доверии президенту и съезду, и более ничего.

Вице-премьер Сергей Шахрай, представляя позицию президента, выступает на съезде и говорит: «Президент отдал свою судьбу в руки народа, чтобы не выводить людей на улицы, и предлагает то же самое сделать съезду. Зачем выносить на референдум вопрос о досрочных выборах? Кто будет потом интерпретировать результаты? Кто будет определять, по каким законам, и главное, в какой орган будут проводиться выборы? Есть элементарные правила.

Выражено недоверие президенту — он уходит в отставку и через три месяца новые выборы. Выражено недоверие съезду — проводятся досрочные выборы народных депутатов. Выражено недоверие и тем и другим — проводятся одновременные выборы депутатов и президента.

Все остальное — это лукавые попытки уйти от честного ответа на поставленные президентом вопросы».

Звучит логично, но в чем-то Шахрай и сам лукавит — или как минимум противоречит сам себе. Потому что в случае выражения недоверия съезду (в том числе одновременно с недоверием президенту) повисает в воздухе обозначенный им же вопрос о том, как будет устроен следующий парламент и по каким законам его будут выбирать. Этот вопрос может быть решен или принятием новой Конституции — или подтверждением, что действует старая. Но конституционные вопросы, увы, вновь откладывают на будущее, хотя давно уже работает

конституционная комиссия съезда, рассматривающая самые разные варианты будущего государственного устройства...

В постановлении съезда говорится, что решения по всем вопросам референдума считаются принятыми, если за них проголосовало более 50% от общего числа избирателей (а не от принявших участие в голосовании).

Это серьезно завышает «планку» — по сравнению с нормами, установленными законом «О референдуме РСФСР», принятым еще в октябре 1990 года.

В законе говорится, что более 50% от общего числа избирателей необходимо набрать только для принятия решения по вопросам, связанным с изменением и дополнением Конституции, а по остальным вопросам достаточно более 50% от участников голосования на референдуме.

Математика тут проста: при ожидавшейся явке на референдум около 60% избирателей (в реальности оказалось 64%), для принятия решения требовалось, чтобы за них проголосовали около 84% участников, чего достичь крайне трудно.

Референдум

21 апреля 1993 года Конституционный суд принимает постановление о порядке подсчета голосов на референдуме и снижает «планку» для принятия решений по первому и второму вопросам, имеющим «нравственно-оценочный и политический характер», не затрагивающим конституционные положения и не влекущим прямых правовых последствий. КС устанавливает, что для принятия этих решений достаточно, чтобы их поддержали более 50% от участников голосования.

Требование получения для принятия решения более 50% от общего числа избирателей сохраняется только для третьего и четвертого вопросов, связанных с досрочными выборами. Хотя оно, как уже сказано (и как подтвердилось потом), оказывается почти нереальным.

В этой ситуации очень многие — как на съезде, так и после него — говорили о том, что после «войны вопросов» на референдуме развернется «война интерпретаций» полученных ответов. И что каждая из противоборствующих сторон будет трактовать ответы в свою пользу. Тем более что ответы могут

противоречить друг другу: что делать, если большинство избирателей проголосует и за доверие президенту, и за его досрочные выборы?

Тем временем в период между 29 марта и 25 апреля президентская команда разворачивает интенсивную агитацию в свою пользу — имея подавляющее информационное преимущество.

И потому, что Кремлем были приняты необходимые организационные меры, и потому, что журналистам тогда общество очень серьезно доверяло, а многие журналисты симпатизировали Ельцину в его противостоянии с парламентом.

Впервые в постсоветской истории (следующий пример мы увидим на президентских выборах 1996 года) в ход пускается пропагандистская, главным образом телевизионная «машина».

Для этого в первую очередь используется созданный еще в декабре 1992 года Федеральный информационный центр во главе с Михаилом Полтораниным в ранге первого вице-премьера. Центру передаются все телерадиокомпании, подведомственные Министерству печати и информации, в том числе главная из них — «Останкино», а также агентство ИТАР (будущее ИТАР-ТАСС), и его задачей объявляется «обеспечение через печать и средства массовой информации своевременного и широкого распространения точной и правдивой информации о ходе реформ в России и разъяснение государственной политики Российской Федерации».

Под «точной и правдивой» при этом, как быстро выяснилось, понимается исключительно информация, способствующая поддержке президента и проводимых под его руководством реформ.

Съезд своим постановлением от 29 марта 1993 года упраздняет Федеральный информационный центр и отменяет указ президента о его создании — но ФИЦ продолжает работать, а государственное телевидение и зависящие от исполнительной власти газеты — представлять, за редчайшими исключениями, гражданам только точку зрения Ельцина и его сторонников. Вызывая к жизни, казалось бы, забытые воспоминания об агитпропе ЦК КПСС.

Так, «Известия» — в одном и том же номере на первой полосе в качестве доказательства вредоносности Советов сообщали,

что на выборах в свободные округа где-то баллотировались бывшие номенклатурщики районного масштаба, а на четвертой со сдержанным оптимизмом писали, что на выборах губернатора Орловской области победил сторонник реформ и опытный хозяйственник Егор Строев, работавший ранее секретарем ЦК КПСС. А телевидение, подконтрольное президентской «вертикали», перешло в режим почти постоянного вещания «Президенту — да!», при этом совершенно не пытаясь сводить по настоящему сторонников и противников президента в прямой дискуссии. Не потому ли, что открытого боя доводы сторонников просвещенного авторитаризма не выдерживали?

Через лояльные Кремлю СМИ граждан призывали ответить «да» на первый, второй и четвертый вопросы — о доверии президенту и его политике и о досрочных выборах съезда, и ответить «нет» на вопрос о досрочных выборах президента.

Именно тогда и появился знаменитый лозунг «Да-да-нет-да!», который использовала президентская команда и их сторонники и который не звучал только что из утюга.

Парламент в этой информационной схватке имел заведомо худшие позиции — практически не имея СМИ, на которые бы мог влиять, и практически не имея на своей стороне никого из известных журналистов. Да и давние традиции единоначалия играли свою роль — очень трудно было простыми словами объяснить, зачем нужны разделение властей и парламентский контроль над правительством и что такое правовое государство. Куда легче было объяснять, что всенародно избранному президенту мешают работать парламентские болтуны, ставя ему палки в колеса.

Формулируя вопросы, в парламенте полагали, что если даже президенту и будет оказано доверие, то уж его социально-экономический курс, который привел к гиперинфляции, «сгоранию» вкладов и потере работы, большинство избирателей точно не поддержит. Но расчет не сработал: во-первых, многие, поддерживая Ельцина, автоматически голосовали и за одобрение его курса, а во-вторых, как уже сказано, свою роль сыграла массированная пропагандистская обработка.

Референдум 25 апреля прошел при 64-процентной явке избирателей, и принес следующие результаты:

- за доверие президенту Российской Федерации Б.Н. Ельцину проголосовали 58,7% пришедших избирателей;
- за одобрение социально-экономической политики, осуществляемой президентом Российской Федерации и правительством Российской Федерации с 1992 года, проголосовали 53,0%;
- за проведение досрочных выборов президента Российской Федерации проголосовали 49,5%;
- за проведение досрочных выборов народных депутатов Российской Федерации проголосовали 67,2%.

Решения по двум первым вопросам были приняты — но, как уже было сказано, юридической силы не имели. Решения по третьему и четвертому вопросам не были приняты, так как за них проголосовало менее 50% от общего числа избирателей (соответственно, 31,7% и 43,0%).

Эти результаты, как и предсказывалось, не остановили «войну властей» — потому что не устранили ее причины.

«Механизм референдума не являлся средством разрешения политического конфликта — он не создавал условий для выбора в пользу демократического правления и верховенства права, напротив, массовая поддержка лишь провоцировала президента к единоличному правлению», — напишет потом политолог, профессор Владимир Гельман.

Поскольку на референдуме не были приняты решения о досрочных выборах ни одной из ветвей власти, он, казалось бы, обязывал их продолжать работать вместе — независимо от личных отношений. Искать компромиссы и согласие, с, как говорят, «равномерным распределением разочарований». Тем более что при таких результатах (лишь немногим более половины участников голосования поддерживали политику президента, и почти половина их выступала за досрочные президентские выборы) было понятно, что общество в отношении к самому президенту и его политике расколото почти поровну.

Но этого не случилось: президент и его сторонники интерпретировали результаты референдума как свою победу (наиболее радикальные представители этого лагеря начали требовать от президента «решительных мер», без всякой оглядки на

парламент), а парламент считал, что он в этой борьбе вовсе не проиграл, и продолжал действовать, как если бы ничего не случилось.

В истории, конечно, нет сослагательного наклонения, но, если бы (как планировалось) в ноябре 1993 года и прошли досрочные выборы и президента, и съезда — скорее всего, они бы воспроизвели примерно тот же расклад сил.

Вряд ли кто-то смог бы тогда реально соперничать с Ельциным за место президента, и вряд ли существенно в «президентскую» сторону — с учетом экономического положения, которое оставалось весьма сложным — изменился бы состав депутатов. И все началось бы по новой — потому что ключевым вопросом были, как уже сказано, не личности, а политическая система, которую одни стремились изменить в сторону авторитарной, а другие — в основном сохранить.

Конституционное совещание и «указ 1400»

Вскоре после референдума, в июне 1993 года, Ельцин созывает «конституционное совещание», которое, в пик конституционной комиссии съезда, под руководством Сергея Алексеева, Анатолия Собчака и Сергея Шахрая начнет готовить «президентский» вариант новой Конституции, предусматривающий переход от парламентско-президентской — к суперпрезидентской республике.

После этого обе группы (заметим, что при этом Ельцин формально оставался председателем конституционной комиссии съезда, а его первым заместителем был Хасбулатов) вели параллельную работу. В конце июля разработанные ими проекты были направлены в регионы для согласования — и большая часть регионов поддержала «парламентский проект», сохранявший парламентско-президентскую республику (при этом в нем был сделан ряд уступок и компромиссов, усиливавших роль президента и ослаблявших влияние парламента на правительство).

Если бы тогда был принят этот проект — возможно, ситуация пошла бы по другому пути. Но Борис Ельцин не был настроен ни на какие компромиссы.

15 сентября 1993 года рабочая группа конституционной комиссии завершила разработку своей версии согласованного проекта Конституции РФ.

Но более парламент сделать уже ничего не успел: указом президента от 21 сентября 1993 года № 1400 съезд и Верховный Совет были распущены.

Вариант конституционного совещания был доработан и в декабре 1993 года вынесен на всенародное голосование по новой Конституции. При этом сам «указ 1400», как известно, Борис Ельцин будет издавать, «основываясь на итогах референдума», хотя никаких оснований для этого указа эти итоги не давали. С этого момента в России вновь (после недолгого перерыва) будут считать, что не сила в правде, а правда — в силе.

И что законом является воля того, на чьей стороне сила.

К правовому государству, о котором мечтали во время «демократической весны» 1989–1990 годов, это уже не будет иметь никакого отношения.

НЕЗАВИСИМОСТЬ ОТ ЛУКАВОГО

О ЧЕМ СЕГОДНЯ НЕ ЛЮБЯТ ВСПОМИНАТЬ ВЛАСТИ,
ПОЗДРАВЛЯЯ НАС С ДНЕМ РОССИИ: ПРЕДЫСТОРИЯ ПРАЗДНИКА

12 ИЮНЯ 2023

Поздравляя сограждан с государственным праздником — Днем России — президент Владимир Путин заявил, что «наследие священо для россиян, и граждане верны его традициям».

Но есть наследие, о котором в Кремле давно уже стараются не вспоминать. Причем напрямую связанное с нынешним праздником: 33 года назад, 12 июня 1990 года, Съезд народных депутатов РСФСР 907 голосами против 13 (9 воздержались) принял Декларацию о государственном суверенитете РСФСР.

За три месяца до этого, в марте, в Советском Союзе прошли выборы органов власти — во всех союзных и автономных республиках, краях и областях.

И практически сразу же началось то, что потом назвали «парадом суверенитетов».

9 марта 1990 года только что избранный Верховный Совет Грузинской ССР во главе со Звиадом Гамсахурдиа принимает Декрет о гарантиях защиты суверенитета республики, денонсируя Союзный договор 1922 года.

11 марта Верховный Совет Литовской ССР (на выборах победили кандидаты от «Саюдиса» во главе с Витаутасом Ландсбергисом) принимает Акт о восстановлении независимого литовского государства, отменив действие Конституции СССР на территории Литвы.

30 марта Верховный Совет Эстонской ССР принимает закон «О государственном статусе Эстонии», отрицающий законность государственной власти СССР в Эстонии с момента ее установления и провозглашающий начало восстановления Эстонской Республики.

И, наконец, 4 мая Верховный Совет Латвийской ССР принимает Декларацию «О восстановлении независимости Латвийской Республики».

Все смотрят на избранный российский съезд — и он продолжает эту линию.

29 мая (с третьей попытки) Бориса Ельцина избирают председателем Верховного Совета РСФСР. В центр борьбы за этот пост он, как вспоминает в своей книге «Взлет и падение парламента» один из создателей и лидеров «Яблока», профессор Виктор Шейнис (тогда — народный депутат РСФСР), Ельцин ставит именно лозунг суверенитета России, и на этой платформе ему удается объединить самые разнородные силы, хотя ранее тема «Союз — республики» в его выступлениях не фигурировала.

В редакционную комиссию поступает четыре проекта Декларации о суверенитете. Ельцин, по словам Шейниса, представляет проект, подготовленный Леонидом Волковым, Олегом Румянцевым и другими депутатами от «Демократической России», и 12 июня этот проект ставится на голосование, набирая, как сказано выше, 907 голосов из 927 участвующих.

Речь Ельцина не раз прерывалась аплодисментами, и она явно импонировала не только демократам. Как вспоминает Шейнис, «суверенитет стал императивом, перед которым отступали все иные соображения, изменяла политическая осторожность». При этом демократы видели в нем способ избавиться от влияния партийно-государственных структур союзного центра, а консерваторы — способ избавиться от национальных республик, куда якобы безвозмездно уходили ресурсы.

Самым радикальным становится пятый пункт Декларации — им устанавливается «полнота власти РСФСР при решении всех вопросов государственной и общественной жизни, за исключением тех, которые ею добровольно передаются в ведение Союза ССР», и «верховенство Конституции РСФСР и Законов РСФСР на всей территории РСФСР; действие актов Союза ССР, вступающих в противоречие с суверенными правами РСФСР, приостанавливается Республикой на своей территории».

Однако идти дальше — как предлагали некоторые депутаты, и дать автономным республикам и округам аналогичные права по верховенству своих законов над российскими — съезд все же не стал, остановившись на куда более осторожной формуле о необходимости расширить права автономий, как и краев и областей.

А теперь — о тех пунктах Декларации, о которых в последние годы российские власти стараются не вспоминать.

В Декларации свидетельствовалось «уважение к суверенным правам всех народов, входящих в Союз Советских Социалистических Республик».

Заявлялось о решимости создать «демократическое правовое государство в составе обновленного Союза ССР».

Говорилось, что РСФСР — «суверенное государство, созданное исторически объединившимися в нем народами».

Что государственный суверенитет РСФСР «провозглашается во имя высших целей — обеспечения каждому человеку неотъемлемого права на достойную жизнь, свободное развитие и пользование родным языком, а каждому народу — на самоопределение в избранных им национально-государственных и национально-культурных формах».

Что РСФСР «признает и уважает суверенные права союзных республик и Союза ССР», и всем гражданам и лицам без гражданства, проживающим на территории РСФСР, «гарантируются права и свободы, предусмотренные Конституцией РСФСР, Конституцией СССР и общепризнанными нормами международного права».

Что РСФСР «гарантирует всем гражданам, политическим партиям, общественным организациям, массовым движениям и религиозным организациям, действующим в рамках Конституции РСФСР, равные правовые возможности участвовать в управлении государственными и общественными делами».

Что «разделение законодательной, исполнительной и судебной властей является важнейшим принципом функционирования РСФСР как правового государства».

И что РСФСР «заявляет о своей приверженности общепризнанным принципам международного права и готовности жить со всеми странами и народами в мире и согласии, принимать все меры к недопущению конфронтации в международных, межреспубликанских и межнациональных отношениях».

Практически каждый пункт сегодня звучит как горькая насмешка над реальностью.

И про «уважение к суверенным правам», и про «демократическое правовое государство», и про «обеспечение каждому

народу права на самоопределение», и про «гарантии прав и свобод», и про «равные возможности участвовать в управлении», и про «приверженность общепризнанным принципам международного права и готовность жить в мире».

Что характерно, в Декларации нет ни слова ни о каких якобы «исторических правах» на «исторические территории», о претензиях к соседям, о «враждебном Западе», и нет никакой прочей риторики «осажденной крепости», ставшей у власти мейнстримом в последнее время.

Да, намерения 33-летней давности разительно разошлись с реальностью — кроме одного: самостоятельности от СССР, через полтора года канувшего в Лету.

Разошлись по многим причинам, и одна из них — то, что многие из тогдашних победителей, называвшие себя демократами, сделали ставку на вождей, а не на институты, отбросили демократию «во имя реформ», полагая, что цель оправдывает средства.

После чего сперва надо было выбрать вождя на единоначально руководящий пост, изобразив его демократом (в результате все его деяния последующих лет автоматически рассматривались как демократия). Потом сделать так, чтобы ничто и никто не мешал ему править, «зная, как надо». Потом сохранить его у власти, несмотря ни на что, дабы не случилось «реванша». Потом поддержать преемника из «органов, которые не ошибаются», чтобы на этом пройти в Госдуму. Ну а потом наблюдать, как правит этот преемник — уже ни на что не имея возможности повлиять...

Конечно, далеко не все демократы придерживались такой линии (собственно, на этом, как мне не раз приходилось писать, и возник раскол между будущими «Демократическим выбором России» (затем СПС) и «Яблоком»). Но у реальной власти в том или ином качестве оказались именно первые — сделавшие ставку на «сильную исполнительную власть» и самодержавную «вертикаль». А когда и они (по крайней мере, часть из них) начали что-то понимать — было уже поздно.

Результатом стал авторитаризм, переходящий в тоталитаризм, коррупция, государственная ложь, дремучий реваншизм как необъявленная государственная идеология, уничтожение

гражданских свобод, криминализация инакомыслия и многое другое — от чего тогда, 33 года назад, искренне хотели избавиться.

И потому почти все сказанное тогда — актуально. И надо почти все начинать сначала. Не повторяя прежних ошибок...

Возвращаясь же к Декларации, напомним, что вслед за постановлением российского съезда 20 июня 1990 года Верховный Совет Узбекистана принимает Декларацию о государственном суверенитете Узбекской ССР, 23 июня аналогичную Декларацию принимает Верховный Совет Молдавской ССР, 16 июля — Верховный Совет Украинской ССР, 20 июля — Верховный Совет Северо-Осетинской АССР, 27 июля — Верховный Совет Белорусской ССР.

22 августа Декларацию о суверенитете принимает Туркменская ССР, 23 августа — Армянская ССР, 24 августа — Таджикистан, затем в течение нескольких дней — Карелия, Коми, Татарстан, Абхазия.

В сентябре решения о суверенитете принимают Удмуртия, Якутия, Приднестровье, Южная Осетия, Чукотка, в октябре — Казахстан, Башкирия, Бурятия, Калмыкия, Марийская АССР, Чувашия, Адыгея.

Наконец, Корякский, Коми-Пермяцкий, Ямало-Ненецкий и Горно-Алтайский автономные округа заявляют о суверенитете и своем статусе автономных республик...

Конечно, все это не было лишь откликом на решение российского съезда — тем более что текст российской Декларации, как говорит Виктор Шейнис, не предусматривал выход России из Союза.

Говорилось лишь, что РСФСР «сохраняет за собой право свободного выхода из СССР в порядке, устанавливаемом Союзным договором и основанным на нем законодательством».

Но, конечно, Декларация стала одной из важнейших предпосылок будущего распада СССР.

Изю всех сил делают вид, что не помнят это, те, кто одновременно и отмечает как государственный праздник 12 июня, и твердит о «величайшей геополитической катастрофе».

Могло бы быть иначе?

Вряд ли: слишком сильным было и раздражение действиями союзного центра и лично Михаила Горбачева, и уверенность,

что, став самостоятельными, все заживут лучше, и желание лидеров многих республик видеть себя не подчиненными и наместниками Москвы, а самостоятельными главами государств.

Но можно было — и очень жаль, что этот шанс не был реализован (хотя до самого последнего момента он сохранялся, достаточно вспомнить разработанные под руководством Григория Явлинского, тогда — де-факто вице-премьера СССР, программу «Согласие на шанс» и подписанный в октябре 1991 года, но не реализованный Договор об экономическом союзе советских республик, к которому присоединилась даже Украина) — сохранить экономические и хотя бы часть политических отношений.

Тогда в последующем не возникало бы планов воссоздания рухнувшей империи, в том числе — силой.

Это в истории не удавалось еще никому.

ЧТО УКРАЛИ В 90-х?

ПРОДОЛЖАЕМ ПОЛЕМИКУ,
НАЧАТУЮ АЛЕКСЕЕМ НАВАЛЬНЫМ И ЕГО СТОРОННИКАМИ

18 АВГУСТА 2023

Текст, опубликованный от имени Алексея Навального (оставим в стороне сомнения в его авторстве), вызвал волну дискуссий о реформах 90-х годов.

Честный разговор об этих реформах — о тех ошибках, которые были совершены, и о том, какие уроки надо из этого извлечь, — абсолютно необходим.

Но меседж Навального не нов: «Яблоко» говорило об этих ошибках и уроках на протяжении тридцати последних лет.

А ему неизменно отвечали либо призывами «не ворошить прошлое» и «перевернуть страницу», либо уверениями, что в 90-е все делалось правильно, а проблемы нынешних лет — лишь в том, что после «хорошего» Бориса Ельцина пришел «плохой» Владимир Путин.

Между тем именно в 90-е годы была создана система, которая легла в основу нынешней и в основу происходящей трагедии СВО.

И если мы хотим реально изменить жизнь в стране, надо ясно понимать причины появления этой системы.

А они куда глубже, чем банальное желание — по Навальному — «либеральных реформаторов» обогатиться.

В противном случае мы рискуем на новом политическом витке еще раз наступить на те же грабли, получив лишь косметические перемены — условно говоря, с заменой одного Путина на другого.

О том, как мы «дошли до жизни такой», очень подробно написано в статье Григория Явлинского «Причины», опубликованной больше года назад.

А о том, что в стране так проведены реформы и приватизация, что создаются все условия для появления государства, опасного не только для своих граждан, но и для соседних стран,

Явлинский говорил на телевидении в 1995 (!) году, сразу после проведения пресловутых «залоговых аукционов».

И об этом же — об истории и причинах формирования нынешней системы, об ошибках и уроках 90-х и важности их учета и неповторения — написано во многих десятках моих статей, в разные годы опубликованных в «Новой газете».

Напомним, что в январе 1992 года была проведена «либерализация цен» при полном отсутствии частного сектора и конкуренции. Это вызвало небывалую инфляцию, безработицу, преступность и падение уровня жизни.

Затем те, кто обладал властью, наделили (бесплатно или за бесценок) крупнейшей государственной собственностью узкий круг своих приближенных. В том числе путем пресловутых «залоговых аукционов» 1995 года.

А потом те, кто получил эту собственность, сделали все, чтобы сохранить за своими благодетелями власть, понимая, что при смене власти могут потерять собственность.

Такой системе — с соединением власти и собственности — были категорически противопоказаны демократические институты: разделение и сменяемость властей, сильный и независимый от исполнительной власти парламент, честные выборы, независимый суд, свобода СМИ, правовое государство. Потому что при их наличии полученная криминальным путем собственность неминуемо была бы потеряна.

И, конечно, было сделано все для подавления этих институтов.

Следствием неизбежно стала коррупция как способ существования государства — для борьбы с которой как раз и необходимы независимый парламент, суды и СМИ.

Параллельно не была проведена десталинизация — государство с его якобы «отдельными интересами» так и осталось важнее человека.

И не были реформированы суды, силовые структуры и правоохранительные органы.

Наличие судебной системы — основанной на праве и законе, а не указаниях и «понятиях» — важнейшее и необходимое условие построения правового государства и демократической политической системы.

Потому что, если неправовое, произвольное, протекционистское решение власти будет отменено в суде — становится почти бессмысленным его принимать. Если коррупционные злоупотребления будут неминуемо наказаны в суде — разрушается возможность конвертировать власть в собственность, «приватизируя» государственную должность, позволяющую «по усмотрению», и не без выгоды для себя, распределять, разрешать и запрещать.

Но именно в 90-е годы судебная система, на первом этапе начавшая «вставать на ноги», затем деградировала, а судебная реформа — сведена к косметическим изменениям.

Сперва это было связано с тем, что суды, в эпоху приватизации и большого передела собственности, стали субъектами экономических и коррупционных войн. Когда от судебного решения в условном поселке Малый Пуп могла зависеть судьба многомиллиардной собственности — это, что называется, сносило крышу. И суды во многом превратились в «решал». А затем, когда указания стали поступать не от бизнеса, а от президента и правительства — оставалось только двигаться по накатанной колее.

То же самое коснулось и правоохранительных органов — они деградировали по похожей схеме. Сперва они использовались бизнесом в экономических войнах, помогая «отнимать и делить», а потом, когда главным олигархом стало само государство, просто начали получать указания от другого источника. И постепенно стали снова карательными и «не ошибающимися».

В рамках именно этой системы — причем под аплодисменты немалой части «демократической общественности», требовавшей во что бы то ни стало не допустить «возврата коммунистов», — были проведены президентские выборы 1996 года, с применением массированного «административного ресурса» и превращением многих «демократических СМИ» в отделы избирательного штаба президента Ельцина.

Процесс деградации СМИ, бывших передовым отрядом перестройки и «демократической волны» конца 80-х — начала 90-х, особенно печален. Но он происходил примерно по той же схеме, что и с правоохранительной системой.

Сперва многие СМИ, которым надо было выживать, увидели самый легкий путь к этому в походе «под крыло» к бизнесу

и в участии в экономических войнах (а затем — олигархических). А потом выяснилось, что бизнес хочет не финансировать СМИ, а покупать, ожидая от «купленного» вовсе не реализации свободы слова, а выполнения указаний и принесения пользы.

И многие из тех, кто успел «сесть на иглу» серьезных «вливаний» от крупного бизнеса, уже категорически не хотели с нее «слезать».

Сделать же это можно было только одним путем: продать свою свободу слова за «хорошее предложение».

А потом аналогичные услуги (по еще более высоким расценкам, как во время выборов президента) стали «заказываться» властью. И от этого предложения отказались очень и очень немногие...

И именно такая система в 1999 году потребовала назначения на президентский пост кого-то, «как Путин».

Нужен был человек, который бы надежно защитил и результаты приватизации, и саму Систему.

Где его нашли — известно.

Как известно и то, какими методами его приводили к власти.

Известно — как ни стараются об этом сегодня забыть «независимые исследователи из Глазго» в лице Анатолия Чубайса (уверявшего в 1999-м, что «российская армия возрождается в Чечне»), или беглые вице-премьеры по приватизации в лице Альфреда Коха (в 2001-м уничтожавшего НТВ) — и то, какую роль в приходе Путина сыграла «партия реформаторов».

Союз правых сил шел на выборы 1999 года с лозунгом «Путин в президенты, Кириенко в Думу», с плакатами «Владимир Путин и Союз правых сил поддерживают друг друга», с фразами «Владимир Путин выступает за гарантии прав собственности, Союз правых сил — за такую политику» и «Владимир Путин отстаивает независимость СМИ, Союз правых сил — за такую политику».

Прошел год-другой — и эти фразы стали звучать как откровенная издевка...

Путинская система никогда не была альтернативой ельцинской — она была ее продолжением и развитием.

Можно ли было это изменить?

Можно. Если бы пошли иным путем.

Путем «Экономического договора» союза бывших республик СССР и массовой, всенародной малой приватизации до «либерализации цен» (чтобы граждане на свои сбережения успели приобрести небольшие магазины, кафе и предприятия сферы услуг).

Но этот путь был сознательно отвергнут президентом Борисом Ельциным и его «командой реформаторов».

При этом существовал (и существует до сих пор) миф о том, что в 90-е «демократы были у власти» (и, само собой, они и виноваты во всех бедах — инфляции, падении уровня жизни, социальном расслоении, коррупции, безработице).

Однако демократы у власти не были! Более того, им это даже не предлагалось. (Когда Явлинского раз за разом обвиняют, что он-де «не хотел брать на себя ответственность», забывают, что ему ни разу не предлагался пост премьера, а только менее значимые посты, и без возможности делать то, что он считал нужным.)

Время 90-х начиналось, как время долгожданных перемен — но оказалось во многом временем обманутых и преданных надежд.

Именно на волне этих обманутых надежд и несбывшихся ожиданий и оказался популярен Путин — обещавший порядок, безопасность и стабильность в обмен на отказ от свободы и демократии, не принесших счастья.

Те, кто так, как описано, проводил реформы — в интересах меньшинства, — сыграли на руку Путину, дав ему возможность демонстрировать 90-е в качестве отрицательного примера. Кроме того, Путин не только твердил о «лихих 90-х», но и заявлял о «величайшей геополитической катастрофе» в виде развала СССР. Это пало на благодатную почву «Версальского синдрома» — и впоследствии привело к бряцанию оружием и разговорам об «исторических правах» и «утраченных территориях».

На самом деле, катастрофой было — и об этом все минувшие тридцать лет говорило «Яблоко» — что криминальные реформы остановили движение к демократии и свободе после краха СССР, которое было вполне возможно.

Однако мейнстримом 90-х стали «реформы без демократии», по большевистскому принципу «цель оправдывает средства»,

в интересах меньшинства граждан (якобы неразумных и не понимающих необходимости «непопулярных реформ») и с процветанием многих «реформаторов» вопреки собственным реформам... Народ почувствовал себя обманутым и обиженным — это обида и вылилась в то, что мы сейчас имеем: в реваншизм, вождизм и готовность к репрессиям.

Часть сторонников Навального после публикации его «манифеста» стала верить, что это вообще написал не он — не веря, что он мог, как они говорят, вторить Путину, как и он, критикуя 90-е. А часть, веря в авторство, Навального критикует и ему возражает.

Говорил тогда, говорю и сейчас: Навальному можно и нужно сочувствовать, как несправедливо брошенному за решетку и преследуемому властями, и требовать ему свободы. Но это не значит, что с ним невозможно спорить и ему возражать.

Почему реакция сторонников Навального такова?

Да потому, что те, кто поддерживает Навального, в немалой части и есть та самая «демократическая общественность 1990-х», на которую он возлагает ответственность за провал демократизации России.

И ведь именно они поддерживали разгон парламента в 1993-м, «голосование сердцем» в 1996-м и «Путина в президенты» в 1999-м. А потом удивились: кто бы мог подумать, что так будет?

Последнее.

Как уже сказано, учитывать уроки 90-х — и ни в коем случае не повторять ошибки — необходимо, чтобы при наступлении перемен все не повторилось: лидер, «знающий, как надо», призывы «развязать ему руки» и объявление врагами всех, кто с ним не согласен.

Но об одной проблеме, увы, ни слова не написано в широко обсуждаемом тексте от имени Навального — о необходимости прекращения огня.

А без этого не будет никаких положительных перемен.

АНТИПЕРЕСТРОЙКА

ДАВАЙТЕ ПРОСТО СРАВНИМ ЭПОХУ ГОРБАЧЕВА
И «СТАБИЛЬНОСТЬ» ПЕРИОДА СВО

4 СЕНТЯБРЯ 2023

Основные черты нынешнего политического времени не дают повода для оптимизма.

Права человека объявлены враждебной ценностью, навязываемой с Запада, и угрожающей российскому суверенитету.

Большинство гарантированных Конституцией прав и свобод граждан превращены в фикцию: на бумаге они есть, но на практике ничем не обеспечены. Более того, Конституционный суд (как в деле о законах о «фейках» и «дискредитации») отказывает в защите права на свободу выражения мнений.

Власть сакрализована: государство объявлено «конституционной ценностью», провозглашен абсолютный приоритет того, что в данный момент объявлено «государственными интересами», над личностью, ее свободой, достоинством и правами.

Страна представлена «осажденной крепостью», которую все вокруг ненавидят и пытаются ослабить. «Коллективный Запад» объявлен главным врагом. На тех, кого подозревают в нахождении под «иностранным влиянием», наклеивают дискриминационные ярлыки «иноагентов».

Оппозиционная деятельность фактически приравнена к враждебной и предательской и дается понять, что она направляется или финансируется из-за рубежа.

Действуют репрессивные законы, криминализующие инакомыслие и карающие граждан за несогласие с официальной точкой зрения власти. Преследуются тысячи политзаключенных, суды над которыми идут под негласным девизом «органы не ошибаются». Единомыслие насаждается, начиная со школьных и вузовских учебников.

На фоне нарастающей милитаризации страны и раздувания численности и возможностей силовых структур, расторгнуты

договоры об ограничении вооружений и постоянно звучат угрозы применить ядерное оружие.

Наиболее массовые СМИ, поставленные под контроль государства, превращены в средство пропаганды, подавляется свобода слова, преследуются и уничтожаются независимые СМИ.

Предельно ограничивается политическая конкуренция, выборы все больше превращаются в декоративную процедуру с заранее известным результатом — сохранением действующей власти.

...Три с лишним десятилетия назад объявленная Михаилом Горбачевым (ушедшим из жизни год назад) перестройка была движением к прямо противоположному состоянию.

И потому сегодняшнее время с полным основанием может быть названо «антиперестройкой».

Чтобы убедиться в этом выводе, стоит вспомнить перестроечные времена. И даже чуть отступить назад — в пятилетку, им предшествовавшую, ставшую самым мрачным временем после подавления Пражской весны и конца Оттепели.

1979 год — война в Афганистане, куда был направлен «ограниченный контингент», выполняющий «интернациональный долг».

1980 год — ссылка академика Андрея Сахарова в Горький. Бойкот ведущими странами мира Московской Олимпиады из-за вторжения в Афганистан.

1981 год — введение военного положения в Польше, интернирование лидеров «Солидарности» и поток славословий в газетах к 75-летию Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Брежнева, ставшего «пятижды Героем».

1983 год — правление Юрия Андропова и «закручивание гаек». 1 сентября советский истребитель сбивает над Сахалином южнокорейский «Боинг», гибнет 269 человек. Президент США Рональд Рейган называет СССР «империей зла» и выдвигает план «Звездных войн» — технологию перехвата советских ракет.

Потом это время назовут застоем, и тогда было полное ощущение, что это — навсегда. Что мы будем так жить и через десять, и через двадцать, и через тридцать лет...

Но приходит Михаил Горбачев — и начинаются перемены: в мае 1985 года он приезжает в Ленинград и произносит знаменитое: «Всем нам надо перестраиваться».

Сперва изменения происходят вполне в рамках прежней системы: с одной стороны, заговорили об «ускорении» развития, о необходимости автоматизации и компьютеризации, с другой — о борьбе с «нетрудовыми доходами». «Антиалкогольная кампания» становится предметом десятков анекдотов.

Но в декабре 1986 года, из ссылки в Горьком возвращают Андрея Сахарова и его жену Елену Боннэр. А в феврале-марте 1987 года из заключения освобождают, в порядке помилования, более 150 диссидентов, среди которых —

Сергей Григорьянц,
Ростислав Евдокимов,
Лев Тимофеев,
Вячеслав Долинин,
Валерий Сендеров,
Глеб Якунин.

В том числе, выходят на свободу все, отбывающие срок по печально знаменитой статье 70 УК РСФСР об «антисоветской агитации и пропаганде».

Практически прекращаются аресты по этой статье и статье 190-1 УК РСФСР о «распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй», и аналогичным статьям уголовных кодексов союзных республик.

Забегая вперед, отметим, что в конце 1988 года Президиум Верховного Совета СССР милует последних граждан, отбывавших наказание за политические деяния, а в сентябре 1989 года Президиум отменяет сами статьи 70 и 190-1.

В январе 1987 года Горбачев выступает на пленуме ЦК КПСС с докладом «О перестройке и кадровой политике партии».

И наряду с дежурными словами о строительстве социализма, важности социалистической идеологии и буржуазной массовой культуре, «навязывающей пошлость, примитивные вкусы и бездуховность», говорит, что «ЦК КПСС, руководство страны прежде всего в силу субъективных причин не смогли своевременно и в полном объеме оценить необходимость перемен».

Что причины такого положения «коренятся еще в той конкретной исторической обстановке, при которой авторитарные

оценки и суждения стали непререкаемыми истинами, подлежащими лишь комментированию».

Что «мир повседневных реальностей и мир показного благополучия все больше расходились друг с другом».

Что перестройка — это «опора на живое творчество масс, поощрение инициативы, самостоятельности, расширение гласности, критики и самокритики во всех сферах жизни общества и высоко поднятое уважение к ценности и достоинству личности».

Что «настало время приступить к разработке правовых актов, гарантирующих гласность», которые «должны обеспечить максимальную открытость в деятельности государственных и общественных организаций, давать трудящимся реальную возможность высказывать свое мнение по любому вопросу общественной жизни».

Что «в советском обществе не должно быть зон, закрытых для критики, и это в полной мере относится и к средствам массовой информации».

Что «как никогда нужно сейчас побольше света, чтобы партия и народ знали всё, чтобы у нас не было тёмных углов, где бы опять завелась плесень».

И наконец — что будут готовиться предложения о проведении выборов в Советы на альтернативной основе (при том, что выборы с 1918 года представляли собой голосование за единственного кандидата на каждое место).

Происходит реальное смягчение (хотя и не совсем полная отмена) цензуры, из общественного пространства исчезают ранее запретные темы — и в первую очередь, сталинские репрессии: объявляется возвращение к «ленинским нормам», «идеалам Октября» и «социализму с человеческим лицом».

Публикуются ранее запрещенные книги, в том числе в 1987 году — «Дети Арбата» Анатолия Рыбакова, в 1988 году — «Жизнь и судьба» Василия Гроссмана и «Мы» Евгения Замятина (ранее названная «идеологически враждебной» и «клеветнической») и другие.

В октябре 1987 года в эфире Центрального телевидения появляется программа «Взгляд», ставшая одним из символов перестройки. В ней открыто обсуждаются ранее невозможные в телеэфире темы и часто звучит острая критика происходящего.

В апреле 1988 года в Ленинграде появляется программа «Пятое колесо», где также открыто обсуждаются ранее запретные темы и ведутся политические дискуссии.

У газетных киосков, — немыслимое ранее зрелище, — выстраиваются очереди: за «Московскими новостями» (еженедельное издание под руководством Егора Яковлева) и «Огоньком» (журнал, редактором в котором стал Виталий Коротич). Подписку на них в «трудовых коллективах» (помню прекрасно, был тогда старшим научным сотрудником в НИИ) разыгрывают по жребию и потом берут почитать у счастливых.

16 июля 1988 года в газете «Правда» публикуются слова Горбачева о том, что «инакомыслие — это мотор духовного и научно-технического прогресса».

Впервые за всю советскую историю подобные слова звучат от главы государства — и граждане начинают понимать, что несогласие с властью возможно и что оно не является наказуемым деянием. Что за критические высказывания не последуют ни расстрел, ни тюрьма, ни увольнение с работы (и даже исключение из партии).

Изменение оказывается тектоническим: впервые за многие десятилетия общество, хранящее генетическую память о репрессиях, освобождается от страха.

Летом 1988 года проходит 19-я партийная конференция КПСС. Она транслируется по телевидению, и на ней происходит необычное: ряд делегатов позволяют себе критиковать действия руководства партии, высказывая свое мнение, отличающееся от начальственного.

Михаил Горбачев, выступая на конференции, заявляет о предстоящей реформе политической власти. Он говорит, что реформы уперлись «в политическую систему, в командно-приказные методы руководства обществом», что «Советы, как органы, состоящие из представителей народа, низведены в подручные своих исполкомов», а они должны в результате реформы получить полную власть в регионе — районе, городе, области, республике», и — что самое главное — выборы депутатов Советов всех уровней должны проходить на альтернативной основе, и все желающие должны иметь возможность выдвинуться.

Это было необычайно важно: отказ от «выборов без выбора», от практики десятилетий, когда граждане голосовали бюллетенями, где значился только один кандидат (заранее отобранный партийными органами) на одно место.

Конференция приняла резолюцию «О демократизации советского общества и реформе политической системы», где предписывалось обеспечить неограниченное выдвижение кандидатур и включение в избирательные бюллетени большего числа кандидатов, чем имеется мандатов. Также вводились ограничения на занятие выборных должностей двумя сроками подряд.

Реализовать эти изменения предполагалось на выборах народных депутатов СССР в 1989 году (о том, как они проходили, в «Новой газете» рассказывали не раз).

Решительные изменения происходят во внешней политике: берется курс на прекращение конфронтации с Западом и начало ядерного разоружения.

В 1987 году Горбачев публикует книгу «Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира», где излагает главные идеи нового внешнеполитического курса.

Эти идеи просты: идеологические и экономические разногласия между мировыми системами социализма и капитализма должны отступить перед необходимостью защиты общечеловеческих ценностей. Гонка вооружений должна быть приостановлена. Для выживания в ядерный век необходима добрая воля.

Это означает отказ от ключевого принципа советской внешней политики — конфронтации с западным миром и выживания за счет поддержания ядерной угрозы.

В том же 1987 году, в декабре, на встрече в Вашингтоне Горбачев и президент США Рональд Рейган подписывают бессрочный Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, позволяющий ликвидировать целый класс вооружений.

Через три года, в ноябре 1990-го, в Париже полномочные представители 16 государств — участников НАТО и шести государств — участников Организации Варшавского договора подписывают Договор об ограничении обычных вооруженных сил в Европе.

И в совместной декларации, подписанной по итогам встречи, говорится, что подписавшие ее страны «больше не являются

противниками, будут строить новые отношения партнерства и протягивают друг другу руку дружбы».

Наконец, 15 мая 1988 года начинается вывод советских войск из Афганистана. 15 февраля 1989 года страну покидают последние части Советской армии.

Конечно, в «перестроечные» шесть лет хватало неверных решений и шагов.

Хорошо помню, сколь критически порой относились к Горбачеву мои друзья и единомышленники в клубе «Перестройка» и Ленинградском народном фронте, как мы негодовали во время событий в Тбилиси, Вильнюсе и Баку. Как нас раздражали выражения «нам тут подбрасывают», и «происки антиперестроечных сил». Как возмущали попытки согнать академика Сахарова с трибуны Съезда народных депутатов и полуправда о Чернобыле, отказ поддержать самоопределение армян Карабаха и отказ реализовать программу «500 дней».

Тем не менее движение шло — пусть и не так быстро, как нам бы хотелось, — в верном направлении.

От тоталитарной империи страха — в сторону нормального мира.

«Суть перестройки состояла в преодолении тоталитарного строя, в переходе к свободе и демократии», — напишет потом в своей книге Горбачев.

А сейчас движение идет в прямо противоположном направлении.

Как в том старом анекдоте, «все надо начинать сначала». Но как?

Когда говорят про «приход Михаила Горбачева», необходимо понимать, что пришел он не просто потому, что «старцам» из Политбюро отчего-то вздумалось поставить на пост Генерального секретаря самого молодого из них, а ему, в свою очередь, отчего-то захотелось проводить перемены. На эти перемены существовал запрос — и в обществе, уставшем от застойных лет и раздраженном «гонками на лафетах», и в элите, понимающей, что необходимо что-то менять в государстве, чтобы оно оказалось способным справиться с экономическими и социальными проблемами, и ответить на вызовы новой технологической эпохи.

Еще раз процитирую книгу Горбачева: «Так дальше жить нельзя» — этот лозунг родился из глубины реальной жизни». Если один раз в нашей истории (и не только в нашей, и другие страны проходили похожий путь) понимание необходимости перемен пришло — значит, оно придет снова.

И снова выяснится, что есть и люди, способные эти перемены проводить.

МЯТЕЖ, КОТОРЫЙ УДАЛСЯ

30 ЛЕТ «ЧЕРНОМУ ОКТЯБРЮ»: КАК СЛОЖИЛИСЬ СУДЬБЫ
ЕГО САМЫХ АКТИВНЫХ УЧАСТНИКОВ

2 ОКТЯБРЯ 2023

Тридцать лет назад, осенью 1993 года, противостояние между президентом Борисом Ельциным и съездом народных депутатов России завершилось указом президента № 1400 от 21 сентября о разгоне парламента, столкновениями, жертвами и штурмом Белого дома 3–4 октября, а затем — «поэтапной конституционной реформой» с принятием новой Конституции в декабре.

Эти события как тогда, так и сейчас, оценивают по-разному.

Одни уверены, что «реакционный и консервативный» съезд и Верховный Совет России «тормозили реформы», ставя палки в колеса демократическому президенту, а потом подняли мятеж, который пришлось подавлять силой.

Что парламент защищали «отморозки и бандиты», а верховодили там люди крайне несимпатичные.

И что не было никакого «расстрела парламента», потому что никто из депутатов не пострадал. Да и парламента, собственно, не было — они решительно отказывают съезду в праве так называться.

Другие полагают, что мятежниками были не парламентарии, а Ельцин и его команда, потому что, по Конституции, полномочия президента немедленно прекращались при попытке распустить парламент.

Что это был именно парламент, причем избранный на самых свободных (как до того, так и после) выборах в нашей стране за многие десятилетия.

И что, если не хочется, чтобы парламент защищали отморозки — не надо издавать указы, попирающие Конституцию.

За минувшие годы, — за редкими исключениями, — никто из оппонентов не смог переубедить других: почти все остались при своем мнении на происшедшее.

Лично мне, как тогда, так и сейчас представлялась верной вторая позиция.

Потому, что тот же самый, якобы «реакционный» парламент избрал Ельцина своим председателем, принял постановление о суверенитете России и противостоял путчу в 1991 году. И нет ни одного примера того, какие полезные для граждан реформы, которые ранее «тормозил» парламент, ускорились после того, как парламент потерял возможность в чем-либо возражать президенту.

То есть, примеры «ускорившихся» реформ имеются, но специфические: главным образом — передача большей части государственной собственности и доходов от природных ресурсов в руки узкой группы приближенных к президенту лиц.

А еще — избирательная система, обеспечивающая несменяемость власти. И «поражение в правах» представительных органов, предопределяющее нарушения прав граждан — потому что все ключевые решения стали принимать люди, от граждан не зависящие, и не имевшие никакого резона считаться с их интересами.

И разрушение только-только начавшего складываться правового государства — потому что правом стала воля более сильного, возведенная в закон.

Стоит напомнить, что должная оценка событиям «черного октября» не дана до сих пор — в том числе и потому, что так и не было проведено парламентского расследования случившегося. Которое, в том числе, должно было ответить на вопросы о том, кто и почему довел страну до такой ситуации, и кто несет ответственность за гибель людей в те осенние дни.

Но расследование (это была первая инициатива, которую внесла в избранную в декабре 1993 году Госдуму фракция «Блок «Явлинский-Болдырев-Лукин», будущее «Яблоко») было заблокировано: парламентское большинство договорилось с Кремлем о том, что арестованные сторонники Верховного Совета выйдут на свободу, а взамен Дума откажется проводить расследование.

Впрочем, речь пойдет не о том, кто тогда был прав, и кто и в чем виноват.

Речь пойдет о дальнейшей судьбе наиболее активных и известных участников того, осеннего противостояния 30-летней давности.

Из тех, кто был на виду той осенью 1993-го, сегодня в активной политике остались считанные единицы. В том числе, конечно, и по чисто возрастным причинам: тем, кому тогда было 40–50 лет, сегодня глубоко за семьдесят.

Тем не менее, «в строю» и по сей день Светлана Горячева — бывший заместитель Бориса Ельцина еще во время, когда он был председателем Верховного Совета РСФСР, а затем его ярый оппонент.

Осенью 1993-го она выступала против «указа 1400», и находилась в Белом доме до самого конца, до 4 октября. Потом много лет была депутатом Госдумы (сперва от КПРФ, потом от «Справедливой России»), с 2014 года — сенатор от Приморья, уже второй срок подряд.

Также «в строю» еще один ярый оппонент Ельцина, Сергей Бабурин — летом 1991-го претендовавший на пост спикера парламента, но проигравший Руслану Хасбулатову, которого поддерживал Ельцин, ставший президентом.

Он тоже был на «парламентской стороне» осенью 1993-го, и тоже, как и Горячева, впоследствии не раз избирался депутатом Госдумы, представляя разные движения и партии «национал-патриотического» спектра. В последние годы, впрочем, серьезные политических должностей не занимает.

До недавних пор была «в строю» Екатерина Лахова, которая была народным депутатом РСФСР, осенью 1993 года поддерживала президента Ельцина, потом организовала движение «Женщины России» (неожиданно прошедшее в первую Госдуму в декабре), много лет была депутатом, а затем — сенатором. В 2020 году «отличилась» тем, что во время встречи президента Владимира Путина с членами рабочей группы по подготовке изменений в Конституцию посетовала на гей-пропаганду с помощью рекламы, использующей цвета радуги, в частности мороженого «Радуга».

Остается «в строю», хотя в последние годы уже как ученый и эксперт, один из главных соратников Ельцина во времена 1990–1993 годов, глава комитета по вопросам законодательства в Верховном Совете РСФСР и один из творцов «ельцинской Конституции» Сергей Шахрай.

Много раз в последующие годы он был и депутатом Госдумы, и министром, и вице-премьером, был полпредом президента в Конституционном суде, время возглавлял партию Российского единства и согласия, много лет руководил аппаратом Счетной палаты, а сейчас — профессор-юрист.

«В строю», хотя, скорее, как правозащитник, а не как политик, еще один сторонник Ельцина, Лев Пономарев. Доктор физико-математических наук, соратник академика Андрея Сахарова, он был народным депутатом РСФСР, поддерживал президента осенью 1993-го, потом был депутатом Госдумы первого созыва, создал общероссийское движение «За права человека» фонд «В защиту прав заключенных». Многократно задерживался на уличных протестах, а в 2020 году российские власти «наградили» его статусом «иностранного агента». Из-за угроз новых преследований уехал в 2022 году из России.

До недавнего времени оставались «в строю» еще два сторонника Ельцина и соратника Сахарова — ныне, увы, ушедшие от нас Сергей Ковалев и Виктор Шейнис.

Они оба были народными депутатами РСФСР, оба они осенью 1993-го поддержали президента (при этом Шейнис пытался найти компромисс, чтобы избежать силовой развязки), потом много лет были думскими депутатами: Ковалев — от «Выбора России» и СПС, Шейнис — от «Яблока», одним из основателем которого он был. А потом оба они встретились в «Яблоке», куда Ковалев перешел в начале 2000-х годов, и много лет были членами его политкомитета.

Ковалев в 1994–1995 годах был первым российским Уполномоченным по правам человека, выступал (как и Шейнис) против войны в Чечне, провел новогоднюю ночь 1995 года (вместе с Юлием Рыбаковым, Валерием Борщевым и Михаилом Молостровым) в президентском дворце в Грозном, пытался остановить бомбардировки города. Потом Госдума лишила его этого поста, а потом Ковалев ушел в оппозицию к Ельцину, заявив, что тот отошел от курса демократических реформ, и резко его критиковал (как затем и Путина).

Шейнис, все годы остававшийся среди лидеров «Яблока», был не только крупным ученым-экономистом, но и одним из авторов Конституции (его заслугами, во многом, в ней появилась

вторая глава о правах и свободах человека), а также одним из авторов прогрессивной избирательной реформы 90-х годов. Впрочем, в «нулевые» и последующие годы ему оставалось с грустью наблюдать, как все его достижения постепенно уничтожались «избирательной контрреформой» путинской эпохи.

* * *

Что касается других активных участников противостояния осенью 1993-го, то в дальнейшем, конечно, политически более успешными были победители (хотя были и редкие исключения).

Особенно, те, кто от поддержки Ельцина плавно перешел к поддержке Путина.

Мэр Москвы Юрий Лужков, ненавидевший как Верховный Совет России, так и Моссовет, и активно поддержавший Ельцина во время осеннего противостояния 1993-го, уже через три дня после его окончания, 7 октября 1993 года, получил подарок от президента — указ о роспуске Моссовета и районных Советов столицы, оставшись единовластным хозяином города.

После этого Лужков еще трижды (в 1996, 1999 и 2003 годах) легко избирался мэром Москвы, а в 2007 году был утвержден на этот пост Мосгордумой по представлению президента Владимира Путина, но в 2010 году был снят с поста президентом Дмитрием Медведевым «за утрату доверия», после чего сосредоточился на преподавании и сельском хозяйстве.

В 1999 году, в союзе с Евгением Примаковым, Лужков, перешедший к критике Ельцина и его окружения, считался главным претендентом на победу как на думских выборах (в рамках блока «Отечество — Вся Россия»), так и на премьерский пост (в случае победы Примакова на выборах президента в 2000 году). Но все карты им спутал организованный при активном участии Бориса Березовского блок «Медведь», поставивший на Владимира Путина — и после выборов Госдумы Лужков, как и Примаков, предпочел перейти на сторону победителей, став впоследствии одним из лидеров партии «Единая Россия».

Не менее успешен оказался Сергей Степашин, который, будучи членом Верховного Совета России, еще весной 1993-го выступил против председателя парламента Хасбулатова, обвинив того

в игнорировании результатов референдума 25 апреля 1993 года, показавшего, что граждане поддерживают Ельцина и его курс.

В сентябре 1993-го Степашин стал первым заместителем министра безопасности России, а затем директором ФСБ. После теракта в Буденовске, — редкий случай в «органах», — подал в отставку, и перешел в аппарат правительства, но вскоре снова стал подниматься. В 1997–1998 годах был министром юстиции и министром внутренних дел, весной и летом 1999 года был сперва первым вице-премьером, а потом — недолго, — премьером, считался одним из возможных преемников Ельцина, но в итоге на это место был выбран Владимир Путин.

Осенью 1999 года, после отставки с премьерского поста, Степашин присоединился к «Яблоку», и пошел с ним на думские выборы, но союз был недолгим: Степашин почти сразу перешел на сторону Путина, отказавшись поддержать кандидатуру Явлинского на президентских выборах-2000. В дальнейшем, недолго побыв главой думской комиссии по борьбе с коррупцией, Степашин стал главой Счетной палаты РФ, и пробыл на этот посту 13 лет, после чего сосредоточился уже не на политической, а на общественной деятельности.

Не так успешен, как Степашин, но тоже вполне благополучен после осени 1993 года был еще один яркий сторонник Ельцина, первый зампред правительства и и.о. премьера, Егор Гайдар.

О том, как оценивать проводимые им экономические реформы, спорят до сих пор: одни его готовы канонизировать, жалея лишь о том, что ему не дали довести реформы до конца, другие — считают человеком, ставившим жестокие эксперименты на согражданах, обернувшиеся гиперинфляцией и обвалом уровня жизни.

С 18 сентября 1993-го до 20 января 1994-го Гайдар был первым вице-премьером, но затем ушел в отставку. Стал одним из лидеров блока «Выбор России» на выборах Госдумы в 1993 году, который сформировал крупную фракцию в парламенте, потом избирался депутатом Госдумы еще раз, в 1999–2003 годах, уже от Союза правых сил.

Гайдар выступал против первой чеченской войны, но активно поддержал Ельцина на президентских выборах 1996 года,

а затем (уже в рамках СПС) и Путина на президентских выборах 2000 года. Против Путина и его политики он никогда не выступал, публично отверг обвинения в причастности своего бывшего охранника Андрея Лугового к убийству Александра Литвиненко.

Сохранив множество связей в правительстве и президентской администрации, и сохраняя лояльность, Гайдар получил (по смехотворно малым расценкам, о чем в свое время писала «Новая газета») здание в центре Москвы для своего «института экономики переходного периода», который сотрудничал с правительством и выполнял для него экспертные и аналитические работы. Теперь институт носит его имя.

От активной политики Гайдар после 2003 года отошел, сосредоточившись на экспертной и научной деятельности, но был членом СПС до его роспуска в 2008 году, а в 2009 году скончался от сердечного приступа.

Вернейший сторонник Ельцина осенью 1993-го, народный депутат РСФСР от Челябинска, председатель Комиссии по бюджету, планам, налогам и ценам Верховного Совета, Александр Починок после «указа 1400» одним из первых переместился из Белого дома в Кремль, где собирались депутаты, поддержавшие президента и покинувшие парламент. И, как один из первых перебежчиков, немедленно получил пост первого заместителя министра финансов, одновременно возглавив «комиссию по передаче дел» разогнанного Верховного Совета. Потом он был депутатом Госдумы первого и второго созыва от «Выбора России», потом руководил налоговой службой, плавно переходя из одного правительства в другое, был министром по налогам и сборам, министром труда и социального развития, с 2007 года — сенатором сперва от Краснодарского, а потом от Пермского края... Мог бы и дальше продвигаться по карьерной лестнице, если бы не преждевременная кончина в 2014 году от инсульта, в 56 лет.

Вполне успешен — хотя и не на долгий срок, оказался вице-спикер Верховного Совета в 1991–1992 годах, а затем первый вице-премьер в 1992–1993 годах, Владимир Шумейко — одна из самых раздражающих фигур для парламента, из которого он переместился в Кремль. Не имевший постоянных политических взглядов (в Верховном Совете он мигрировал от группы

«Коммунисты России» до «Радикальных демократов»), он неизменно поддерживал Ельцина, и жестко конфликтовал с вице-президентом Александром Руцким (тогда уже перешедшим в оппозицию президенту).

Преданность была вознаграждена: избранный в декабре 1993 года депутатом Совета Федерации, Шумейко стал его первым председателем. Однако, после 1996 года, когда Совет Федерации стал формироваться из губернаторов и спикеров законодательных собраний регионов, Шумейко никакого значимого политического поста не получил, и ушел в бизнес, а потом вообще отошел от дел.

Еще один верный сторонник Ельцина в Верховном Совете, Михаил Митюков, был депутатом Госдумы первого созыва от «Выбора России», а потом много лет — полпредом президента в Конституционном суде, представляя сперва Ельцина, а потом и Путина. Дважды Ельцин выдвигал его в судьи КС, но в Совете Федерации Митюков не набирал нужных голосов. После 2005 года сосредоточился на преподавании права.

Первый вице-спикер Верховного Совета РСФСР, глава штаба обороны Белого дома во время путча ГКЧП, недавно ушедший из жизни Сергей Филатов был одним из самых радикальных сторонников Ельцина, настаивавших на разгоне парламента и силовом подавлении сопротивления. В сентябре 1993-го, ведя переговоры с делегацией Верховного Совета, он обвинил депутатов в нежелании идти на компромиссы (депутаты, заметим, несколько иначе трактовали ситуацию, полагая, что целью Филатова было сорвать переговоры и привести к «силовому» решению).

После этого Филатов стал главой президентской администрации, в октябре 1993 года возглавлял рабочую группу, готовившую окончательный вариант Конституции для вынесения его в декабре 1993 года на референдум. Тогда же был избран депутатом Госдумы первого созыва от «Выбора России», но отказался от депутатского мандата, оставшись главой президентской администрации. На этом посту Филатов пробыл до января 1996 года (его сменил сперва Николай Егоров, а потом Анатолий Чубайс). Затем из активной политики Филатов ушел, возглавлял одно время Союз писателей Москвы, был

президентом Фонда социально-экономических и интеллектуальных программ, а в 2014 году выступил против политики российской власти в отношении Крыма.

И, наконец, еще один убежденный сторонник президента — народный депутат РСФСР Борис Немцов, в 1991 году назначенный Ельциным главой областной администрации Горьковской (затем Нижегородской) области.

Немцов поддерживал президента осенью 1993 года, остался после этих событий главой администрации (и одновременно был избран в декабре депутатом Совета Федерации), а потом был переизбран в 1995 году пост губернатора, и работал в Нижнем до начала 1997 года, когда ушел в правительство как один из «молодых реформаторов», заняв пост первого вице-премьера. Он выступал против войны в Чечне, одно время был необычайно популярен, и считался одним из вероятных преемников Ельцина.

Но события, как известно, развернулись иначе.

Не став (как он предполагал) премьером после отставки Черномырдина в марте 1998 года, Немцов покинул правительство, затем вместе с Анатолием Чубайсом, Сергеем Кириенко и Ириной Хакамадой был одним из создателей Союза правых сил, в декабре 1999 прошел в Госдуму, был вице-спикером, а после ухода Кириенко в полпреды президента — главой фракции.

Немцов был одним из немногих в руководстве СПС, кто впоследствии расценил как ошибку поддержку Путина в качестве кандидата в президенты, и перешел в жесткую оппозицию к нему. В 2013 году был избран депутатом Ярославской областной Думы, а 27 февраля 2015 года был убит в Москве.

* * *

Остались парламентариями — хотя, как правило, не очень надолго, — еще целый ряд знаковых фигур из числа сторонников Ельцина осенью 1993 года.

Галина Старовойтова, народный депутат СССР от Армении и народный депутат РСФСР от Ленинграда, осенью 1991 года — инициатор так и не принятого закона о люстрации, после осени 1993-го работала в институте экономики проблем переходного периода, а в декабре 1995 года была избрана депутатом Госдумы по одномандатному округу в Петербурге. Она была одной из

самых ярких фигур в парламенте (и вообще в российской политике того времени), и одной из лучших в стране специалистов в области межнациональных отношений. Выступала против войны в Чечне, защищала права армян Нагорного Карабаха, вела активную правозащитную деятельность.

В 1998 году Старовойтова создала для участия в выборах Законодательного Собрания Санкт-Петербурга избирательный блок «Северная столица», но за месяц до выборов, 20 ноября 1998-го, была убита.

Жертвой убийц стал и еще один народный депутат РСФСР и сторонник Ельцина осенью 1993 года — полковник Сергей Юшенков.

В декабре 1993-го он был избран депутатом Госдумы первого созыва от «Выбора России», возглавлял Комитет по обороне, потом еще дважды избирался в парламент (от ДВР и СПС). В 2000 году Юшенков стал одним из создателей партии «Либеральная Россия», в 2002 году вместе с еще тремя коллегами вышел из фракции СПС, обвинив руководство партии в поддержке курса президента и правительства на «фактическое построение полицейско-бюрократического режима в России». Потом кардинально разошелся с главным спонсором «ЛР» Борисом Березовским, которого исключили из партии (но он это не признал). В апреле 2003 года Юшенков был убит. Заказчиком убийства суд признал партнера Березовского — Михаила Коданева, приговорив его к 20 годам заключения (в 2018 году он был освобожден условно-досрочно).

Депутатом Госдумы первого созыва (и также от «Выбора России») в декабре 1993 года был избран и генерал-полковник, бывший зам начальника Главного политического управления Советской армии, а потом директор Института военной истории, профессор и дважды доктор наук (по философии и истории), народный депутат РСФСР Дмитрий Волкогонов.

Летом 1993-го он был представителем Ельцина в Конституционном совещании, а в октябре, как помощник заместителя министра обороны России Константина Кобеца, активно участвовал в штурме Белого дома.

Во время своего думского срока Волкогонов входил в Комитет по обороне, был членом Экспертно-аналитического совета

при президенте Российской Федерации и главой Комиссии при президенте Российской Федерации по военнопленным, интернированным и пропавшим без вести. В декабре 1995 года скончался после тяжелой болезни.

Политзаключенный и диссидент советских времен, философ Михаил Молоствов стал в 1990 году народным депутатом РСФСР от Ленинграда, выиграв выборы у Александра Бастрыкина, работавшего тогда директором института усовершенствования квалификации следственных работников при Прокуратуре СССР.

Осенью 1993-го он (хотя и с оговорками) поддерживал Ельцина, потом стал депутатом Госдумы первого созыва от «Выбора России», членом Комиссии по правам человека при президенте и членом комиссии по вопросам помилования.

Был последовательным противником войны в Чечне, в конце 1994 года вместе с Сергеем Ковалевым, Львом Пономаревым и Юлием Рыбаковым (своим зятем) ездил в Грозный, пытаясь остановить войну.

Летом 1995 года Молоствов вместе с Юлием Рыбаковым и другими депутатами, журналистами и правозащитниками предложил себя в качестве заложника Шамилю Басаеву — в обмен на заложников, захваченных в больнице в Буденновске.

Депутатом больше не избирался, в Петербурге участвовал в протестных митингах и в правозащитной деятельности. Скончался в апреле 2003 года, оставшись в памяти практически всех, кто его знал, человеком с кристально чистой репутацией подвижника и бессеребренника.

* * *

Политические судьбы тех, кто противостоял Ельцину осенью 1993-го, сложились, по понятным причинам, не так удачно, как у их оппонентов.

Но были и исключения — например, Рамазан Абдулатипов, который всегда отличался политической гибкостью. Доктор философских наук, зав. сектором в ЦК КПСС, председатель Совета национальностей в Верховном Совете РСФСР, весной 1991 года он вместе с другими членами руководства Верховного Совета выступил против Ельцина, и подписал заявление о недоверии ему.

Но потом сменил позицию и (в отличие от Светланы Горячевой и Владимира Исакова) сохранил свой пост после избрания осенью новым спикером парламента Руслана Хасбулатова.

Осенью 1993 года Абдулатипов представлял Верховный Совет на переговорах с президентом в Свято-Даниловом монастыре, но потом, опять же, вовремя сориентировался и перешел на сторону Ельцина.

В декабре 1993-го был избран депутатом Совета Федерации от Дагестана, стал вице-спикером верхней палаты и одновременно — первым заместителем министра Российской Федерации по делам национальностей и региональной политике.

В последующие годы несколько раз менял «ветви власти», был и депутатом Госдумы, и назначенным членом Совета Федерации, и министром, и вице-премьером, и послом в Таджикистане, и главой республики Дагестан (покинул пост по собственному желанию в 2017 году по возрасту), неизменно отличаясь лояльностью текущему президенту. Ну, а затем, вплоть до июля 2023 года был постоянным представителем Российской Федерации при Организации исламского сотрудничества.

Руслан Хасбулатов, народный депутат РСФСР от Грозного, некогда вернейший сторонник Ельцина и его первый заместитель в Верховном Совете РСФСР, ставший спикером парламента и главным оппонентом президента в 1992–1993 годах, остался им и во время событий осени 1993-го.

Съезд народных депутатов, не признавший своего роспуска, под руководством Хасбулатова признал и.о. президента Александра Руцкого (опираясь на постановление Конституционного суда о немедленном прекращении полномочий Ельцина после издания «указа 1400»), лишил мандатов депутатов, перебежавших в Кремль, и назначил одновременные досрочные выборы президента и народных депутатов не позднее марта 1994 года. Вот только выполнять эти решения, — при условии подчинения «силовики» Ельцину, — никто не собирался, а после 4 октября они стали представлять интерес только для политологов.

Во время штурма Белого дома Хасбулатов был задержан и помещен в «Лефортово», откуда вышел лишь в феврале 1994 года по амнистии, объявленной Госдумой. После этого он успел создать, — для политического урегулирования ситуации с Чечней, —

«миротворческую миссию профессора Хасбулатова», но реальных результатов она не дала, а в декабре 1994-го началась первая война в Чечне, и миссия потеряла смысл. После этого Хасбулатов до самой кончины в январе 2023 года занимался лишь преподаванием, будучи зав. кафедрой мировой экономики в Российском экономическом университете имени Г. В. Плеханова.

Вице-президент Александр Руцкой, генерал-майор авиации и Герой Советского Союза, народный депутат РСФСР, организатор депутатской группы «Коммунисты за демократию», был приглашен избираться «в паре» с Ельциным на выборах 1991 года, чтобы привлечь голоса коммунистического электората. Однако, начиная с 1992 года, он вступил в жесткий конфликт сперва с правительством Гайдара, а потом и с президентом, был лишен почти всех полномочий, а 1 сентября 1993 года указом президента и вовсе временно отстранен от исполнения обязанностей (что, с точки зрения закона и Конституции было весьма сомнительно). Но грянуло 21 сентября 1993 года — и наступили совсем другие события.

Приняв на себя обязанности и. о. президента, Руцкой назначил несколько министров и издал серию указов — но никакого практического значения это не имело. Арестованный, как и Хасбулатов, во время штурма Белого дома, он также попал в Лефортово, и также в феврале 1994 года вышел по амнистии.

В последующие годы Руцкой участвовал в думских выборах (безуспешно), на президентских выборах 1996 года поддержал Зюганова, был сопредседателем Народно-патриотического союза России, а в октябре 1996 года был избран губернатором Курской области (сперва его не допустили до выборов, потом суд лишь за два дня до выборов его восстановил, но это не помешало ему победить).

Будучи губернатором, Руцкой ничем особенным не прославился, но стал за это время кандидатом, а потом и доктором экономических наук.

К новым выборам в 2000 году его не допустили, под удивительным даже для того времени предлогом: по решению Курского областного суда за «использование служебного положения, недостоверные данные о личном имуществе и нарушения предвыборной агитации».

Вообще говоря, на протяжении последних двух десятилетий по таким основаниям можно было бы снять с выборов немалую часть действующих губернаторов, стремившихся переизбраться, но норму закона «избирательно» применили только к Руцкому. Впоследствии он несколько раз пытался участвовать в различных выборах, но успеха уже не имел.

Пламенный коммунист Виктор Илюхин, работавший старшим помощником Генерального прокурора СССР, в ноябре 1991 года возбудил уголовное дело против Михаила Горбачева за признание независимости Литвы, Латвии и Эстонии. После этого он был уволен из прокуратуры, и в январе 1992 года призывал возбудить уголовные дела против президента России Ельцина, президента Украины Леонида Кравчука и председателя Верховного Совета Белоруссии Станислава Шушкевича за подписание Беловежских соглашений.

Осенью 1993 года Илюхин был назначен (постановлением съезда народных депутатов) специальным прокурором и возбудил уголовное дело «по факту антиконституционных попыток прекращения деятельности Съезда народных депутатов, Верховного Совета и законно избранных судебных органов».

После окончания этих событий пять раз избирался в Госдуму, был членом фракции КПРФ. В феврале 2011 года заявил, что усматривает «ряд действий, подпадающих под признаки измены» у Владимира Путина (на тот момент — премьер-министра), а в марте 2011 года скончался от инфаркта в своем загородном доме.

Руководство КПРФ не раз называло его смерть «странной», но никаких последствий это не имело.

Юрий Воронин, зампред Совета Министров Татарской АССР, был в 1990-м избран народным депутатом РСФСР, в 1991 году стал вице-спикером, а в марте 1993 года — первым вице-спикером Верховного Совета.

Осенью 1993 года он выступал против действий Ельцина, весь период осады (21 сентября — 4 октября) провел в Белом доме. Потом избирался депутатом Госдумы второго созыва от КПРФ, а с 2000 года был аудитором Счетной палаты, пока в 2004 году не достиг предельного возраста для этой должности.

Также в Госдуму избирался, причем дважды, один из самых активных участников осеннего противостояния 1993 года, генерал-полковник Альберт Макашов. Будучи на стороне парламента, он руководил обороной Белого дома, а и.о. президента (по версии Верховного Совета) Руцкой назначил его заместителем министра обороны.

Во время штурма Макашов был задержан и также отправлен в Лефортово (и также в феврале 1994 года вышел по амнистии), после чего дважды (с перерывом в 1999–2003 годах) избирался в Госдуму от Самарской области. Он избрался бы и третий раз, но на выборах 1999 года был снят, а депутатом стала Вера Лекарева из Союза правых сил, выступавшего как провластная партия (как до того, так и после Лекарева проигрывала выборы Макашову). Многократно и публично высказывал откровенно антисемитские суждения и призывы, но наказания ни разу не понес. После 2003 года в выборах уже не участвовал.

Соратник Макашова, депутат Моссовета и яростный противник Ельцина Виктор Анпилов, принимавший осенью 1993 года активное участие в обороне Белого дома и попытке захвата телестудии «Останкино», был арестован уже после штурма, 7 октября.

Отсидел в «Лефортово», был освобожден по думской амнистии, несколько раз участвовал в выборах, но неудачно. Одно время Анпилов примыкал к «лимоновцам», участвовал в «Маршах несогласных», потом поддерживал Владимира Жириновского, потом — Павла Грудинина перед президентскими выборами 2018 года, но до них не дожил, скончавшись в январе 2018-го.

Извилистый политический «маршрут» прошел народный депутат РСФСР от Ленинграда Илья Константинов. Член Верховного Совета РСФСР, активный участник знаменитого Ленинградского народного фронта в конце 80-х годов (не путать с нынешним «народным фронтом») и движения «Демократическая Россия», после распада СССР он перешел в оппозицию к Ельцину и радикально сменил взгляды, став одним из сопредседателей Фронта национального спасения.

Осенью 1993 года Константинов находился в Белом доме, формировал боевые дружины для его защиты, во время штурма был задержан и обвинялся в организации массовых беспорядков.

Вышел, как и другие, в феврале 1994 года по амнистии, и остался в «национал-патриотическом» спектре. Не раз участвовал в выборах, на какое-то время примкнул к «Справедливой России», но потом от нее отошел. Впрочем, вернуть себе депутатский статус ему уже не удалось.

Соратник Константинова по многим вопросам, народный депутат РСФСР Виктор Аксючиц прошел похожий путь: один из организаторов «Мемориала» и лидеров «Демократической . России», он с 1992 года разошелся с реформаторами и Борисом Ельциным, осенью 1993 года был в Белом доме, предлагал провести одновременные досрочные выборы съезда и президента — но поддержки конфликтующих сторон это предложение не получило.

Аксючиц примкнул к Российскому христианско-демократическому движению, во главе с Юрием Власовым, но к выборам 1993 года они допущены не были: не собрали подписи. Одно время сотрудничал с Александром Руцким, но разошелся с ним, а в 1997–1998 годах работал с первым вице-премьером Борисом Немцовым, руководил группой его советников, и курировал, в частности, работу правительственной Комиссии по идентификации останков императора Николая II, его семьи и близких, и захоронение царских останков. Потом возглавил фонд «Социальное служение», и сейчас известен как богослов и публицист.

Еще один народный депутат РСФСР, профессор-юрист, председатель Совета Республики Верховного Совета РСФСР Владимир Исаков выступал против Ельцина еще весной 1991 года (вместе с Абдулатиповым, Горячевой и другими).

Осудил действия президента осенью 1993 года, но ареста избежал, и в декабре 1993 года стал депутатом Госдумы первого созыва от Аграрной партии и возглавил Комитет по законодательству. После этого на протяжении шести лет возглавлял в Госдуме правовое управление, затем ушел в Торгово-промышленную палату, и политических должностей более не занимал, сосредоточившись на преподавании права в Высшей школе экономики.

Наконец, народный депутат РСФСР Олег Румянцев — ответственный секретарь Конституционной комиссии Съезда народных депутатов, сыграл важнейшую роль в подготовке проекта

новой Конституции (который был куда лучше, чем президентский вариант). Осенью 1993 года Румянцев выступал против «указа 1400», а после окончания этих событий входил в список избирательного объединения «Гражданский союз во имя справедливости и солидарности» Александра Вольского на выборах депутатов Государственной Думы, но избран не был.

В 1994 году Румянцев был советником президента Республики Крым Юрия Мешкова (полузабытый ныне, но когда-то знаковый эпизод украинской политики), потом работал консультантом в Госдуме, в 1995 году входил в федеральный список «Блока Станислава Говорухина», но в Думу не прошел. В 1998 году Румянцев был заместителем ответственного секретаря Парламентского Собрания Союза Беларуси и России, а после этого ушел в бизнес, преподавание и консультирование, и никаких политических должностей больше не занимал.

* * *

Те, кто осенью 1993-го участвовали в острейшем противостоянии президента и парламента, были разными.

И по-разному потом сложились их судьбы.

Тот, кто старался сохранить свои взгляды и принципы — как правило, не очень преуспел.

Тот, кто колебался вместе с линией — был куда более успешен.

Впрочем, в этом нет ничего удивительного: так было всегда, и не только в российской истории.

Но одно существенно: как бы ни относиться к участникам тех событий 30-летней давности, они, — в отличие от нынешней, почти безликой думской публики, «оловянных солдатиков» президента Путина, — были личностями, завоевывавшими в 1989–1990 годах свое право на власть и место во власти в жесткой конкурентной борьбе.

И боролись они не за благосклонность начальства, а за симпатии избирателей — в отличие от подавляющего большинства нынешних персонажей политической сцены.

КАК НИ САДИТЕСЬ...

ДЕЛО НЕ В ФОРМЕ ПРАВЛЕНИЯ, А В ЕГО СОДЕРЖАНИИ.
ОТВЕТ НА СТАТЬЮ ВЛАДИМИРА ПАСТУХОВА

4 ДЕКАБРЯ 2023

В статье Владимира Пастухова в «Новой газете» верно подмечена популярность мнения о полезности, более того — неизбежности авторитаризма для России (впрочем, оно возникло задолго до правления Владимира Путина).

Что касается других тезисов автора, они вызывают серьезные возражения. Как те, что касаются состоявшегося российского прошлого, так и те, кто касаются желаемого российского будущего.

Представление о том, что «Россия создана для авторитаризма и «жесткой руки», и другой быть не может», владеющее сегодня умами неких, упомянутых Пастуховым представителей «либеральной общественности» (как я понимаю, эмигрировавших) и западных политиков из «центров принятия решений», появилось отнюдь не сейчас.

Оно появилось лет 30 назад и было весьма популярным как у ельцинских реформаторов (называвших себя либералами, но на самом деле ими никогда не бывшими), так и у предшественников нынешних западных политиков.

Первые, сделавшие ставку на конкретного президента — Бориса Ельцина, проводившего реформы, весьма непопулярные у граждан, выстраивали российскую политическую систему как авторитарную и самодержавную. Потому что только она могла обеспечить как Ельцину, так и им самим возможность реализовывать задуманное, оставаясь у власти, каковы бы ни были общественные настроения. Демократические же институты, позволяющие сменить непопулярную власть на выборах, им чрезвычайно мешали и последовательно уничтожались.

Именно тогда и возник (и широко пропагандировался в российских СМИ) миф о необходимости и полезности того, что называется «авторитарная модернизация».

О том, что для успешного проведения реформ надо «развязать руки президенту», освободить исполнительную власть как от необходимости ждать, пока парламент примет (если вообще примет) «реформаторские» законы, так и от парламентского контроля построить жесткую «вертикаль» (это слово появилось вовсе не при Путине, а при Ельцине — весной 1993 года) и ни в коем случае не допускать смены власти.

А все, кто против этого, — те «противники реформ», консерваторы и ретрограды, а то и «красно-коричневые»...

Никогда не был согласен с этой точкой зрения и еще тогда, тридцать лет назад, с ней активно спорил. В том числе — с теми из коллег-демократов, кто полагал, что реформы важнее демократии и что когда проведем реформы, тогда можно и к демократии вернуться.

Я им отвечал словами Галича — «бойся единственно только того, кто скажет: «я знаю, как надо!» — и напоминал, что в 1989–1990 годах мы боролись за то, чтобы все вопросы жизни страны решала выбранная гражданами власть, а не за то, чтобы ЦК КПСС возглавлял прогрессивный Генеральный секретарь. И что единожды отказавшись от демократии, к ней можно потом и не вернуться. Как в воду глядел, что называется...

Что касается вторых, западных политиков, представлявших вполне демократические страны, то они — за редкими исключениями — и бровью не повели, когда Ельцин осенью 1993 года разогнал парламент и практически все представительные органы власти в стране. И точно так же они не повели и бровью, когда Ельцин начал войну в Чечне, официально названную «наведением конституционного порядка».

В 1996 году, будучи в Германии, я задал местным политикам (достаточно высокого уровня) вопрос: «Почему, что бы ни делал Ельцин, вы продолжаете поддерживать его курс, закрывая глаза на любые безобразия? Неужели вы не видите, что система, которую он строит, вовсе не демократическая, а авторитарная, с монополизацией власти в руках президента и его администрации, нечестными выборами, подавлением политической конкуренции, коррумпированностью и безнаказанностью высших чиновников?»

Ответ был прост: «Потому что он обеспечивает стабильность!»

Я спросил: «Правильно ли я понимаю, что вы поддержите любого правителя нашей страны, который ее обеспечит?» И немедленно получил утвердительный ответ.

Собственно, в этом — типичном примере «реалполитик» — ключ ко многому, случившемуся позднее.

К равнодушию, с которым Запад отнесся и ко второй чеченской войне, и к операции «Преемник», и к уничтожению НТВ, и к «делу ЮКОСа», и к, мягко говоря, сомнительным по честности выборам 2003 года, после которых в парламенте России не осталось оппозиции, и к отмене выборов губернаторов, и ко многому другому в последующие годы.

Путин, с их точки зрения, обеспечивал «стабильность»? Обеспечивал. А все остальное — мелочи. А как будет вести себя тот, кто придет ему на смену, еще неизвестно, как бы не стало хуже: Путин, по крайней мере, контролирует ситуацию. Так что, если кто и придет, то ради сохранения «стабильности» целесообразно сохранение и жесткого авторитарного режима...

Увы, очень немногое в этом плане изменилось за тридцать лет.

...Теперь — о «неизбежности путинского авторитаризма», который, по мнению Владимира Пастухова, «восстановился после горбачевско-ельцинской революции как выморочный, декадентский авторитаризм, не способный к размножению».

Перед нами все та же старая, старая сказка, много лет повторяемая отставными ельцинскими либералами и пропагандистами: сперва был хороший Ельцин, строивший демократию, а потом пришел плохой Путин и построил авторитаризм.

Для начала: не было никакой «горбачевско-ельцинской» революции.

Борис Ельцин, сменивший Михаила Горбачева, получил от него «в наследство» свободу слова и демократию, рыночную экономику и частную собственность, конкурентные выборы и многопартийность, ослабление цензуры и освобождение политзаключенных. И что-то уничтожил сам, а что-то «доверил» уничтожать (или превращать в фикцию) Путину.

При этом, начиная и проводя политические реформы, Горбачев добровольно ослаблял свою власть, а Ельцин проводил

политические реформы, целью которых было только усиление его власти.

И именно при нем (много раз писал об этом в «Новой») была построена авторитарная система, а Путин ее лишь сохранил и усилил.

Да, появились дополнительные элементы, ужесточилась «вертикаль», меньшими были масштабы политических репрессий, не в такой степени в декорацию были превращены выборы и поставлены под контроль государства средства массовой информации. Но все базовые «блоки» уже были уложены в фундамент здания к началу 2000 года, и большая часть стен возведена, и большая часть крыши построена, и немалая часть мебели расставлена.

Так что, путинский авторитаризм не «восстановился», ибо не исчезал, а продолжился. И не как «выморочный», ибо был унаследован от вполне здравствующего Ельцина, и тем паче не «декадентский», ибо не демонстрировал признаков упадка.

Напротив, путинский авторитаризм год за годом усиливался и укреплялся. Все меньше становилось политической конкуренции и демократических процедур, все больше «придатком» президентской администрации становился парламент, все больше становилась политическая и экономическая централизация, все меньше — самостоятельность региональных властей и местного самоуправления, все меньше — возможность граждан влиять на власть.

И «очень высокая нестабильность», которую усматривает Владимир Пастухов, для этого авторитаризма вовсе была не характерна. Не случись СВО — так еще не один год система бы оставалась вполне стабильной. Накопленные запасы позволяли бы решать возникающие социальные проблемы «вбрасыванием» нужного числа денег; заметных брожений в «элите» никто не наблюдал (да и малозаметные попадались крайне редко); избирательная система была заточена на воспроизводство власти и отсеечение конкурентов; крупный бизнес лоялен и покорен; содержание силовых структур усилено; независимых СМИ почти не осталось; возможности и влияние политической оппозиции невелики...

Да, после 24 февраля 2022 года ситуация изменилась — но лишь количественно, а не качественно. И вывод о том, что такой

режим «очень быстро падает в вооруженное противостояние, выходом из которого рано или поздно будет революция», представляется ни на чем не основанным. Конечно, есть история с бунтом Пригожина, но она явно недостаточна для доказательства.

...А теперь — о будущем.

«Дело не в Путине, а в централизованной системе власти, на которую все продолжают молиться как в самой России, так и на Западе. И этот замкнутый круг можно разорвать, только предложив альтернативу сверхцентрализованной модели политической системы», — пишет Пастухов.

Соглашусь: дело и вправду не в Путине, а в системе, и ее менять надо, как говорил тот легендарный советский сантехник. Но централизованная система власти (во многом превращающаяся в декларацию закреплённый в российской Конституции федерализм) — только один из элементов «путинского авторитаризма».

И не знаю, как на Западе, а в России, где я живу, вовсе не «все продолжают молиться» на эту систему. Далеко не все.

Да, ее, конечно, надо менять. Но как? И зачем?

Представим себе (теоретически), что, как предлагает Пастухов, образованы «суперрегионы»: например, в границах федеральных округов или на меньших по площади территориях. При этом существующие регионы — со своей властью — остаются.

Во-первых, сразу же возникнет множество крайне трудно решаемых проблем: как разделить полномочия между ними, регионами и федеральной властью?

Где те задачи, которые нужно решать именно на уровне «суперрегионов», незачем решать на уровне «центра», но никак нельзя решить на уровне региона? Как выстроить налоговые и бюджетные взаимоотношения? Ввести уже не три, как сейчас (федеральные, региональные, местные), а четыре уровня налогов (чтобы все запутать окончательно)? Как их обоснованно распределить между уровнями? И так далее и тому подобное.

А во-вторых — зачем? Что это улучшит в государственном механизме?

Его проблема не в том, что нынешние регионы — это «нежизнеспособные соты», как полагает Пастухов, а в том, что он не решает (или плохо решает) проблемы граждан.

Есть уверенность, что новое построение системы приведет к тому, что эти проблемы будут решаться лучше? У меня — ни малейшей.

И разве это «альтернатива сверхцентрализации» — введение еще одного уровня управления?

Альтернатива «сверхцентрализации» — децентрализация.

Передача «вниз» полномочий и ресурсов (а не команд и обязанностей, не обеспеченных деньгами, как сегодня).

При этом нет необходимости что-то выдумывать в построении Федерации.

Необходимость есть в том, чтобы сделать ее действительно Федерацией.

Восстановить конституционный принцип федерализма — в том виде, который был заложен в Конституции тридцать лет назад.

Перевернуть «бюджетно-налоговую пирамиду», которая сейчас (в отличие от той, что была еще в 1994 году) выстроена так, что большинство налогов уходит в «центр», а меньшинство — остается в регионах и муниципалитетах. Притом что конституционно закрепленный объем полномочий (соответственно — обязанностей и ответственности) федеральной власти и властей регионов за эти годы почти не изменился.

Между тем если большинство налогов уходит «наверх» и большинство регионов оказываются в положении, когда им необходимо получать помощь от «центра», они оказываются в очевидной экономической (а значит, и политической) зависимости: какая уж тут самостоятельность? Не могу в связи с этим не заметить, что идеологами передачи большей часть налоговых доходов в «центр» в свое время были считавшиеся «либералами» члены экономического блока правительства, в том числе Алексей Кудрин.

А есть еще многочисленные законы, которые устанавливают многочисленные цепочки подчинения «сверху вниз», делают губернаторов подчиненными президента, дают ему право снимать их просто по «утрате доверия», дают президенту право распускать региональные парламенты, дают право «высшим» уровням власти устанавливать налоговую базу для «низших» и для местного самоуправления, ну и так далее.

Вот где непаханое поле для изменений, которые действительно необходимы.

Но есть еще более важная проблема сегодняшнего российского политического устройства — и она не в его «сверхцентрализации». Она в том, что государство (вопреки Конституции) не является ни демократическим, ни правовым.

Что в нем или ликвидированы, или выведены из строя, или неработоспособны те части «государственной машины», которые обеспечивают сменяемость власти и политическую конкуренцию, верховенство закона и равенство всех перед законом.

Если эти «двигатели прогресса» так и останутся «заглушенными» — никакое изменение «сверхцентрализованной системы» в принципе не поможет. Как ни переставляй квадратики на карте и как ни выкладывай из них новые фигуры.

А если они заработают — так и нынешняя система будет вести себя радикально иначе.

Вот в каком направлении необходимо двигаться в первую очередь.

СКАЖИТЕ ЧЕСТНО, КАКИЕ ПРАВА ВАМ НЕ НРАВЯТСЯ

75 ЛЕТ НАЗАД ПРИНЯТА ВСЕОБЩАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ
ПРАВ ЧЕЛОВЕКА, А 12 ДЕКАБРЯ 1993 ГОДА —
РОССИЙСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ

12 ДЕКАБРЯ 2023

«Принимая во внимание, что признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их является основой свободы, справедливости и всеобщего мира; принимая во внимание, что пренебрежение и презрение к правам человека привели к варварским актам, которые возмущают совесть человечества, и что создание такого мира, в котором люди будут иметь свободу слова и убеждений и будут свободны от страха и нужды, провозглашено как высокое стремление людей; принимая во внимание, что необходимо, чтобы права человека охранялись властью закона в целях обеспечения того, чтобы человек не был вынужден прибегать, в качестве последнего средства, к восстанию против тирании и угнетения...»

Это — преамбула к Всеобщей декларации прав человека, принятой 75 лет назад, 10 декабря 1948 года, Генеральной ассамблеей ООН, документу, который хотя и носит формально рекомендательный характер, но лег в основу многих международных пактов и конвенций и множества конституций и законов разных стран мира.

Именно в Декларации была максимально точно сформулирована современная концепция прав человека.

А за преамбулой — тридцать статей.

О том, что все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах, они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства.

Что каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными настоящей Декларацией,

без какого бы то ни было различия, как то: в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения.

Что каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность.

Что никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим его достоинство обращению и наказанию.

Что все люди равны перед законом и имеют право, без всякого различия, на равную защиту закона и на равную защиту от какой бы то ни было дискриминации.

Что никто не может быть подвергнут произвольному аресту, задержанию или изгнанию.

Что каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ.

Что каждый человек имеет право на свободу мирных собраний и ассоциаций.

Что воля народа должна быть основой власти правительства; эта воля должна находить себе выражение в периодических и нефальсифицированных выборах.

...Каждый раз, когда президент, патриарх или кто-либо еще начинает рассуждать о том, что права человека — это чуждое нашим «традиционным ценностям», враждебное изобретение, пришедшее к нам с ненавистного Запада и предназначенное для разрушения нашего суверенитета, возникает вопрос: с чем же из перечисленного они не согласны?

Что из этого они считают ненужным или «враждебным»?

Хотели бы российские граждане, чтобы перечисленные права имелись у них в полном объеме?

Ответ очевиден: конечно, хотели бы.

Что же касается «враждебного изобретения», то вовсе не Запад продиктовал 5 сентября 1991 года Съезду народных депутатов СССР «Декларацию прав и свобод человека».

В ней, «руководствуясь общими принципами демократии, гуманизма, социальной справедливости и исходя из уроков собственной истории», устанавливалось,

что «каждый человек обладает естественными, неотъемлемыми, ненарушаемыми правами и свободами», которые «закрепляются в законах, которые должны соответствовать Всеобщей декларации прав человека, международным пактам о правах человека, другим международным нормам и настоящей Декларации».

Что «никакие групповые, партийные или государственные интересы не могут быть поставлены выше интересов человека».

Что «все государственные органы обязаны обеспечивать и охранять права и свободы человека как высшие социальные ценности».

Что «каждый человек имеет право на свободу слова, на беспрепятственное выражение мнений и убеждений и распространение их в устной или письменной форме».

Что «в соответствии со своими убеждениями каждый имеет право свободно исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, распространять религиозные или атеистические взгляды, заниматься религиозным или атеистическим воспитанием и образованием детей».

И так далее — текст этой Декларации во многом перекликается с Всеобщей декларацией прав человека.

Все это — как уже сказано — абсолютно соответствует нуждам российских граждан. И во многом расходится с курсом российской власти и позицией тех, кто, как руководство РПЦ, слился с ней в «симфонии».

Потому что упомянутые декларации — о том, что интересы человека выше государственных. О праве на свободный выбор — того, что говорить и как себя вести, кого любить и в кого верить. И о том, что власть — не от Бога (а потому ей надо беспрекословно подчиняться), как твердят церковники, а от народа, чья воля, а вовсе не божья, является «основой власти правительства».

Это кардинально иная концепция, нежели та, что внушается Кремлем и пропагандистами в штатском или в рясах. Где нет места никаким «традиционным ценностям», перечень которых

текущая власть легко меняет в зависимости от своих текущих интересов и объясняет, что именно это и есть «традиционное», или «скрепы».

Понятно, что эта концепция не нравится власти — но именно эта концепция пока еще закреплена в принятой ровно 30 лет назад российской Конституции.

Тогда, 12 декабря 1993 года, Конституция, принятая на референдуме (одновременно с выборами депутатов Госдумы и членов Совета Федерации), не была документом общественно-го согласия — с закреплением норм, которые уже были проверены жизнью.

Она была документом, фиксирующим победу исполнительной власти в противостоянии с законодательной (что отразилось в главах Конституции о политической системе, де-факто определяющих самодержавную конструкцию, в которой парламент ни в чем не может реально влиять на президента и правительство). Однако в Конституции была вторая глава — написанная большей частью под руководством одного из будущих основателей «Яблока», народного депутата России профессора Виктора Шейниса, — «Права и свободы человека и гражданина».

И эта глава — во многом перекликающаяся (а то и дословно воспроизводящая) Всеобщую декларацию прав человека, или Декларацию прав и свобод человека, — очевидно, лучшее, что есть в Конституции и по сей день.

Несмотря на то, что принято множество законов, всячески усложняющих (вплоть до практической невозможности) реализацию конституционных прав.

Эта глава, по уже описанным причинам, раздражает власть — но она относится к «неизменяемым», ее нельзя изменить голосованием Госдумы и Совета Федерации.

Можно только принять совершенно новую Конституцию, где никаких «прав человека» не будет вовсе, а будет только самодержавие, православие, народность и духовность.

Или, как «пятиединство» у Войновича в «Москве 2042», — «народность, партийность, религиозность, бдительность и госбезопасность»...

Учитывая, как сравнительно легко для власти (и при равнодушии большинства граждан) была проведена операция по

внесению поправок в Конституцию в 2020 году, не стал бы исключать того, что в ближайшие годы могут точно так же организовать «спецоперацию» по принятию новой Конституции. Через «Конституционное собрание» из назначенных президентом актеров, спортсменов, военных, придворных общественников и придворных ученых.

Это не обязательный вариант — но к нему надо быть готовым.

Кстати, вчера экс-президент, а ныне первый зампред Совета безопасности Дмитрий Медведев на встрече со школьниками и студентами заявил, что точно будут «точечные поправки» в Конституцию, а «новую Конституцию пока, мне кажется, нет смысла обсуждать».

Насчет «точечных поправок» — это весьма растяжимое понятие: очень даже можно «точечно» поменять хоть каждую статью из «неизменяемых» обычным путем глав Конституции (с третьей по восьмую).

Что же касается новой Конституции, так Дмитрий Анатольевич, как известно, не пророк.

Помнится, год назад он давал прогнозы на 2023-й: нефть по \$150 за баррель (реальность сегодня — 75), распад Евросоюза, захват Польшей и Венгрией западных областей Украины, отделение Северной Ирландии от Великобритании, гражданская война в США, крах МВФ и Всемирного банка, отказ от евро и доллара в качестве мировых резервных валют...

Так что, если Медведев заявляет, что нет необходимости принимать новую Конституцию, — это как минимум повод насторожиться.

ОБНУЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИИ

НОРМЫ ОСНОВНОГО ЗАКОНА СЕГОДНЯ
ИЛИ ИГНОРИРУЮТСЯ, ИЛИ ОБСТАВЛЕНЫ ЗАКОНАМИ,
УЩЕМЛЯЮЩИМИ ПРАВА РОССИЯН

15 ЯНВАРЯ 2024

Российская Конституция, принятая в декабре 1993 года, половину этого срока оставалась неизменной. Затем подверглась точечному изменению, а три года назад — масштабному, серьезно искажившему то, что было заложено в Конституцию ее авторами. При этом все чаще говорят, что в ближайшем будущем может быть принята принципиально новая Конституция — изобавленная от того, что нынешняя власть считает вредным, и дополненная тем, что она считает необходимым.

Конституция состоит из двух частей.

Первая часть — главы 1 и 2, основы конституционного строя и права и свободы человека и гражданина — неизменяемая, ее не может пересмотреть парламент: это можно сделать, только приняв новую Конституцию.

Вторая часть — главы 3, 4, 5, 6, 7, 8 — могут быть пересмотрены парламентом (для этого нужно не менее двух третей голосов депутатов Госдумы и не менее трех четвертей голосов сенаторов в Совете Федерации, а затем — одобрение не менее двух третей региональных законодательных собраний). Что и было сделано — сперва в 2008-м, а потом в 2020 годах, после чего Конституция пришла к нынешнему состоянию.

Если посмотреть на две «неизменяемые» главы Конституции, то они во многом превращены в фикцию.

Несмотря на прямое действие Конституции, соответствующие нормы или не выполняются, или игнорируются, или со всех сторон обставлены законами, усложняющими, а то и делающими практически невозможной реализацию конституционных прав. При этом судебная власть, как правило, наказывает не тех, кто нарушает права граждан, а тех, кто пытается этими правами воспользоваться.

Что же касается «изменяемой» части Конституции, то она в 2020 году была деформирована с целью максимального укрепления самодержавия.

Проблемы с Конституцией, собственно, начинаются уже с первой статьи первой главы: «Основы конституционного строя». Где говорится, что Российская Федерация — «демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления».

Огромное количество законов, принятых за минувшие годы (часть при президенте Борисе Ельцине, часть при президенте Владимире Путине), существенно ограничили механизмы народовластия (точный перевод слова «демократия») и федерализма.

Во многих случаях выборы заменены назначениями, для участия в выборах требуется преодолеть порой почти непреступные барьеры, избранные на свои должности лица могут быть, фактически произвольно, отстранены решениями «сверху», легализованы многочисленные формы вмешательства федеральной власти в деятельность власти региональной и ограничения ее самостоятельности (точно так же легализованы многочисленные формы вмешательства региональной власти в деятельность местного самоуправления), чего в федеративном государстве быть не может.

Что касается правового государства, то говорить о нем можно лишь в насмешку: принцип «все равны перед законом» заменен принципом «друзьям — все, врагам — закон». Драконовские сроки за участие в мирных акциях протеста или высказывание мнения, отличного от официального, соседствуют со штрафами за погромы по мотивам национальной вражды и условными наказаниями за кражу миллиардов.

Ничуть не лучше обстоит дело и со статьей 6, где говорится, что гражданство России является «единым и равным, независимо от оснований приобретения» и что «гражданин Российской Федерации не может быть лишен своего гражданства или права изменить его».

Принятые в этой сфере законы уже легализовали (соответствующие нормы вступили в силу в октябре 2023 года) лишение «приобретенного» гражданства за те или иные правонарушения.

А на подходе — реализация предложения главы Следственного комитета России Александра Бастрыкина лишать гражданства натурализованных мигрантов, если они уклоняются от участия в СВО, как будто бы и нет указанных конституционных норм.

И вполне понятно, что ни одна из пяти фракций Госдумы, соревнующихся в «антимигрантских» инициативах, не обратится по этому вопросу в Конституционный суд. Если же и обратится — нет ни малейшего сомнения, что Конституционный суд не усмотрит никаких отклонений.

Статья 7 говорит о социальном государстве, политика которого направлена на «создание условий, обеспечивающих достойную жизнь». Но это на словах, а на деле — принимаются законы, лишаящие индексации пенсий работающих пенсионеров, «замораживающие» индексацию пенсий, повышающие пенсионный возраст, а в государственном бюджете социальные расходы уверенно проигрывают «оборонным» и «силовым».

Самостоятельность местного самоуправления, гарантированная статьей 12 Конституции, и отделение органов МСУ от системы государственной власти остаются декларацией — на фоне законов, подчиняющих МСУ органам государственной власти, дающих ей право снимать «муниципалов» даже с выбранной должности и вносить представления о лишении мандатов муниципальных депутатов за ошибки в декларациях.

Статья 13, признающая идеологическое многообразие и запрещающая государственную идеологию, постоянно подвергается атакам (о чем — ниже). Но в ней же записано равенство общественных объединений перед законом и запрет на создание вооруженных формирований. Обсуждать всерьез, что «Единая Россия» и другие партии (особенно оппозиция) равны перед законом, невозможно. Что касается запрета на создание вооруженных формирований, то достаточно вспомнить «казус Пригожина», чьей частной военной компании якобы де-юре и вовсе не существовало.

Статья 14 о светском государстве, запрете установления какой-либо религии в качестве государственной или обязательной, отделении религиозных объединений от государства и их равенстве перед законом на практике превращена в фикцию —

православие де-факто имеет статус государственной религии, РПЦ слилась в прочнейшей «симфонии» с государством, получая льготы, имущество и привилегии и взамен всячески поддерживая действующую власть и ее политику.

Наконец, статья 15 о признании международного права и международных договоров частью российской правовой системы и приоритете международных норм в случае противоречий. Формально в эту статью никаких изменений внесено не было — и не могло быть. Но в 2020 году в рамках «поправок Путина» были внесены изменения в статью 79 Конституции — где записали, что «решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации».

Это фактически означает возможность неисполнения Российской Федерацией ратифицированных ею международных договоров, и это прямо противоречит статье 15 (согласно которой, эти договоры — составная часть российской правовой системы).

Между тем статья 15 — это одна из основ конституционного строя, и, согласно статье 16, никакие другие положения Конституции не могут противоречить этим основам.

Но Конституционный суд, как известно, никаких проблем с этой и другими «поправками-2020» не усмотрел.

Теперь — о второй главе Конституции: «Права и свободы человека и гражданина».

Ушедший летом 2023 года мой учитель и друг Виктор Леонидович Шейнис говорил, что вторая глава — лучшее, чего удалось добиться тем из демократов, которые, как и он, участвовали в разработке Конституции летом и осенью 1993 года.

Эта глава начинается со статьи 17, где сказано, что «в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией». И статьи 18 — о том, что права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими, «определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность

законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием».

О том, что в Конституцию в 2020 году заложили возможность фактически игнорировать «общепризнанные принципы и нормы международного права», уже сказано. После этого Россия (юридически решение было принято в феврале 2023 года, практически же — сразу после поправок в Конституцию) отказалась от соблюдения международных договоров Совета Европы, в том числе — от выполнения Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (и приложений к ней), от Европейской конвенции о пресечении терроризма, от Европейской хартии местного самоуправления и Европейской социальной хартии, а также прекратила исполнять решения Европейского суда по правам человека. По сути, это означало изоляцию от немалой части международного права.

Что же касается статьи 18, то имеет место совершенно системный дефект.

Несмотря на то что Конституция имеет прямое действие, механизм реализации конституционных прав и свобод, перечисленных в главе 2, устанавливается федеральными законами.

И эти законы — по очень многим важным вопросам — сформулированы так, что не обеспечивают гражданам максимум возможностей для реализации конституционных прав, а, напротив, — максимально усложняют и затрудняют эту реализацию.

При этом исполнительная власть — как показывает практика — создает препятствия в реализации целого ряда конституционных прав, а правосудие, вместо того чтобы обеспечивать права и свободы, во многих случаях узаконивает ограничение конституционных прав и свобод и наказывает, как уже сказано, не тех, кто нарушает эти права и свободы, а тех, кто пытается этими правами и свободами воспользоваться.

Три самых наглядных примера — право на свободу выражения мнений (статья 29), право на свободу мирных собраний (статья 31) и право на участие в управлении делами государства (статья 32).

Право на свободу мысли и слова и свободное выражение мнений и убеждений, гарантированное статьей 29, в 2014 году было очевидно ограничено введением в Уголовный кодекс

статьи 148 о наказании за «оскорбление религиозных чувств», то есть — за то, что в принципе не поддается объективной оценке или измерению.

Оскорбить чувства (не раз писал об этом в печати) невозможно — оскорбить можно только человека.

А если обращаться к христианским канонам, то есть известнейшее изречение из послания апостола Павла — о том, что «Бог поругаем не бывает».

Тем не менее немало людей были по этой статье осуждены, а критика тех или иных религиозных представлений, абсолютно нормальная в нормальном обществе, в России резко сократилась — под угрозой привлечения за «оскорбление чувств».

Затем, в 2020 году, свобода мысли и слова получила еще один удар — с включением в Конституцию новой статьи 67.1, входившей в пакет «поправок Путина».

Указанная статья говорит об «обеспечении защиты исторической правды» и запрете на «умаление значения подвига народа при защите Отечества».

Однако перечисленное — сугубо субъективные понятия, смысл которых меняется как со временем, так и со сменой власти в стране (чему мы много раз были свидетелями).

В результате граждане, имеющие иное мнение по поводу исторических событий России, чем декларируемое текущей властью, а также о правомерности действий тех или иных исторических персонажей, могут быть объявлены врагами, подлежащими тому или иному наказанию.

Пример тому — введенный в июле 2021 года федеральным законом запрет «публичного отождествления целей, решений и действий руководства СССР, командования и военнослужащих СССР с целями, решениями и действиями руководства нацистской Германии, командования и военнослужащих нацистской Германии и европейских стран Оси в ходе Второй мировой войны, а также отрицания решающей роли советского народа в разгроме нацистской Германии и гуманитарной миссии СССР при освобождении стран Европы» и введенное в апреле 2022 года (причем Госдума голосовала единогласно) дополнение Кодекса об административных правонарушениях статьей 13.48 об ответственности за нарушение этой статьи.

По сути, эти нормы запрещают свободное высказывание мнений об истории Второй мировой войны, которые были и остаются разными — у историков, писателей, политиков, журналистов.

Как теперь обсуждать печально известный пакт Молотова–Риббентропа, секретные протоколы к нему и его последствия? Исключительно в позитивном ключе? Сделав вид, что не существует других оценок? И где тут положения статьи 29 Конституции?

И наконец, самым серьезнейшим образом право на свободу мысли и слова было ограничено (если не сведено к фикции) небезызвестными законами о наказании за «дискредитацию Вооруженных сил» и «фейки об армии», принятыми в марте 2022 года.

По сути, эти законы криминализуют инакомыслие и карают граждан за несогласие с позицией власти по вопросам, связанным со специальной военной операцией. Эта позиция объявляется заведомо верной и не подлежащей сомнению, а все, что с ней не совпадает (или ей противоречит), объявляется заведомо ложным и подлежащим наказанию при публичном высказывании.

Тысячи человек уже подвергнуты наказанию за «дискредитацию», более сотни или осуждены, или ждут суда по статье о «фейках», а Конституционный суд России не видит в этом ничего, расходящегося с Конституцией.

Заявляя, что действия тех, кто подвергнут наказанию за «дискредитацию», посягают на правопорядок, общественный порядок и безопасность и иные охраняемые Конституцией РФ ценности, «даже если внешне такие действия имеют признаки реализации конституционных прав» (выделено мной. — Б. В.).

Это, бесспорно, новое слово в конституционном праве (и в праве вообще).

Между тем общество не обязано поддерживать решения государства: это нельзя вменять ему в обязанность, возводя в конституционный принцип. Напротив, если общество полагает решения и действия государства неверными, государство обязано к этому прислушаться и изменить политику. И это прямо

следует из основ конституционного строя, где написано, что народ, а не государство и не его должностные лица, является единственным источником власти.

Теперь — о статье 31, гарантирующей право на свободу мирных собраний.

На протяжении почти двадцати лет (с момента принятия в 2004 году федерального закона о собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях) как федеральное, так и региональные законодательства вместо того, чтобы помочь гражданам реализовать право на свободу собраний, максимально усложняют это право.

Ключевой момент — закрепленное в указанном федеральном законе фактическое превращение уведомительного порядка проведения публичных акций (предполагающего, что уведомление нужно лишь для того, чтобы власть создала условия для нормального проведения акции) в разрешительный, который больше похож на запретительный.

Исполнительная власть может предложить организаторам публичной акции провести ее или в другом месте, или в другое время, и от этого предложения невозможно отказаться: в случае отказа акция объявляется «несогласованной», а значит, незаконной и чреватой разгоном и задержаниями. Наличие этого положения в законе де-факто означает, что любые разногласия, возникающие между органами власти и организаторами публичной акции относительно места и времени ее проведения, будут решаться (и решаются) в пользу первых.

Конечно, все трудности случаются лишь тогда, когда митинг, шествие или пикет хотят провести оппозиционные партии и движения или протестные группы, борющиеся с решениями власти: лояльные партии и активисты никаких проблем в согласованиях не испытывают.

Если же участники публичных акций, опираясь на прямое действие 31-й статьи Конституции, пытаются собраться без согласования, их разгоняют и задерживают в достаточно жесткой форме.

Надежды на правосудие, которое, согласно статье 18, должно обеспечивать реализацию конституционного права на свободу собраний, оказываются тщетными: суды практически

неизменно принимают решения о наказании задержанных, основываясь исключительно на полицейских протоколах.

Все, что написано в протоколах о задержании, заведомо рассматривается как доказательства, «не доверять которым у суда нет оснований» (даже если это полностью опровергается видеозаписями или показаниями свидетелей) и «достаточные для установления вины». Что же касается доводов защиты, суды неизменно относятся к ним «критически», объявляя их «надуманными», а объяснения задержанных оценивают как «несостоятельные». Оправдаться оказывается невозможно — оправдания рассматриваются как заведомо ложные показания, продиктованные стремлением уйти от заслуженного наказания.

Конечно, это — полное опрокидывание конституционного принципа презумпции невиновности и фактическое введение противоположного принципа — «презумпции виновности оппонентов власти».

Конституция и закон предписывают толковать неустранимые сомнения в виновности в пользу обвиняемых, но российские суды, когда речь идет о критиках власти, толкуют эти сомнения в пользу обвинения.

Конституция и закон устанавливают, что никто не обязан доказывать свою невиновность, но российские суды требуют от критиков власти доказывать, что они не совершали противоправных деяний.

* * *

Впрочем, реализация права на свободу собраний — только один пример, когда все три «ветви власти» по сути выступают против 18-й статьи Конституции.

Еще один пример — это права, гарантированные статьей 32 Конституции: право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей, право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, право на равный доступ к государственной службе.

Если говорить о праве избирать и быть избранным, то на протяжении последней четверти века избирательное законодательство последовательно усложнялось таким образом, чтобы

затруднить для граждан реализацию пассивного избирательного права (права быть избранным).

Для начала была существенно усложнена процедура выдвижения путем сбора подписей. Был резко (до 5–10%) снижен допустимый процент «брака» при сборе подписей. В условиях, когда проверку подписей ведут встроенные в «вертикаль власти» избирательные комиссии и правоохранительные органы, это дает возможность легко «отсечь» от выборов любую неудобную партию или кандидата.

Был введен такой механизм проверки собранных подписей, что отрицательный результат этой проверки практически невозможно оспорить. При этом используется принцип «презумпции виновности»: вместо того чтобы комиссия, если она считает подписи избирателей недостоверными, доказывала это в суде, партия или кандидат должны доказывать, что подписи подлинны.

Параллельно был отменен избирательный залог — позволявший кандидатам регистрироваться, не представляя подписи.

Число оснований для отказа в регистрации кандидатов или отмены уже проведенной регистрации постепенно увеличилось и сейчас исчисляется десятками.

Наконец, на выборах губернаторов был введен так называемый «муниципальный фильтр», устанавливающий обязанность кандидатов в губернаторы представить подписи депутатов муниципальных образований.

На практике же — в ситуации, когда подавляющее большинство муниципальных депутатов контролируется «Единой Россией», — этот «фильтр» стал непреодолимым барьером даже для тех кандидатов от оппозиции, чья поддержка в регионах не могла подвергаться сомнению.

В результате выборы в подавляющем числе случаев выигрывают или действующие губернаторы, или временно назначенные на этот пост президентом чиновники, выдвинутые или поддержанные «Единой Россией», а их реальные оппоненты не могут даже зарегистрироваться.

Был введен и запрет на создание избирательных блоков, и запрет выдвигать членов одних партий по спискам других.

Тем самым партийность гражданина, по сути, стала основанием для ограничения его пассивного избирательного права.

Год за годом вводились все новые и новые ограничения, касающиеся предвыборной агитации (существенно усложнившие ее выпуск), финансирования избирательной кампании, работы наблюдателей на выборах, и другие ограничения, требующие от кандидатов выполнения огромного числа бюрократических формальностей (и соответственно — затрат времени и сил). А за нарушение многих из них можно поплатиться отстранением от выборов.

Наконец, в последние два-три года были введены новые ограничения пассивного избирательного права, запретившие избираться многочисленным категориям граждан (по сути, как говорили в ранние советские времена, «лишенцам»).

Тем, кто имеет снятую или погашенную судимость (что де-юре означает, что человек полностью восстановлен в правах) за совершение тяжких преступлений, запрещено избираться еще десять лет после снятия или погашения, а за особо тяжкие — еще пятнадцать лет.

Тем, кто осужден за преступления экстремистской направленности, запрещено избираться еще пять лет после снятия или погашения судимости. Такой же запрет введен для осужденных еще по целому ряду статей УК.

В течение года нельзя избираться тем, кто получил административный штраф по статье КоАП о демонстрации нацистской символики или «символики экстремистских организаций». Заметим, что этот запрет уже несколько раз использовался для целенаправленного отстранения от выборов оппозиционных кандидатов. В том числе на машину «яблочника» Андрея Морева в Москве неизвестные наклеили символику запрещенных сторонников наваляного — и в суде, несмотря на записи с камер, он не смог доказать, что не имеет к этому отношения.

Ограничения введены и для граждан, «причастных к деятельности» организаций, признанных экстремистскими и запрещенных.

При этом закону об этих ограничениях придана никак не укладывающаяся в Конституцию обратная сила.

Так, в течение пяти лет после решения суда о ликвидации или запрете деятельности такой организации не могут никуда избираться те, кто был учредителем или входил в руководство такой организации за три года до вступления в законную силу решения суда. Когда они заведомо не могли знать, что организацию в будущем запретят.

И в течение трех лет после решения суда не смогут никуда избираться те, кто был участником, членом или работником этой организации либо иным способом был «причастен» к ее деятельности за год до соответствующего судебного решения.

На основании этих норм в 2021 году были не допущены на выборы не только запрещенные сторонники Навального, но и те, кого объявили причастными к ним.

Практически во всех спорных случаях суды встают на сторону избиркомов — отказываются отменять результаты сфальсифицированных выборов, отказываются истребовать документы, отказываются оценивать доказательства фальсификаций (или оценивают их «критически»), при этом полностью доверяя показаниям членов избиркомов.

Судебная практика накоплена богатейшая — и она практически одинакова.

Этим, однако, ограничение реализации конституционных прав, установленных статьей 32, не ограничивается.

В 2020 году «поправками Путина» в целый ряд статей Конституции (77, 78, 81, 95, 97, 110, 119) были внесены изменения, устанавливающие ограничения пассивного избирательного права и права на замещение государственных и муниципальных должностей, должностей государственной и муниципальной службы: на них нельзя находиться, имея иностранное гражданство или вид на жительство.

Запреты были установлены для президента, премьер-министра, членов правительства, депутатов Госдумы, сенаторов, губернаторов, судей и руководителей федеральных органов власти.

Между тем статья 6 Конституции устанавливает, что российский гражданин обладает равными правами и свободами, предусмотренными Конституцией, а статья 32 — что граждане имеют равный доступ к государственной службе.

Без внесения изменений в статью 32 установить запрет на занятие госдолжностей и других, перечисленных выше, для лиц, имеющих иностранное гражданство или вид на жительство, нельзя. А статья 32, как сказано выше, — из числа неизменяемых поправками. Получается очевидное противоречие.

Можно привести и другие примеры — когда статьи Конституции о правах и свободах граждан, относящиеся к «неизменяемым», окружаются законами, предельно затрудняющими или ограничивающими реализацию этих прав.

Это касается статьи 19 — о равенстве всех перед законом и судом и запрете дискриминации по признаку убеждений, отношению к общественным объединениям или социальным группам (все те же законы о «дискредитации» и «фейках» тому пример, как и законы о запрете пропаганды «нетрадиционных отношений»).

Это касается статьи 23 о праве на тайну переписки и «иных сообщений» (вспомним «законы Яровой»).

Это касается статьи 27 о праве на свободный выезд и въезд в страну (вспомним запреты на выезд через неделю после отправки повестки в военкомат, независимо от того, получена ли она). И уже звучат призывы запретить въезд в страну «иноагентам» — открыто нарушающие вторую часть этой статьи.

Это касается статьи 35 о невозможности лишения имущества иначе как по решению суда (нормы Градостроительного и Жилищного кодексов о «комплексном развитии территорий» позволяют решением двух третей собственников жилья принудительно лишить имущества оставшуюся треть).

В результате мы наблюдаем ситуацию, которая может быть описана известным «право имеете, но не можете»: конституционное право на слова декларировано, а на деле им крайне трудно, если не вообще невозможно, воспользоваться.

* * *

Теперь — об «изменяемой» части Конституции, которая, как уже сказано, менялась дважды. В первый раз — в 2008 году, когда были увеличены, соответственно на год и два, сроки полномочий Госдумы и президента. А во второй раз — в 2020 году, когда принимались «поправки Путина».

О некоторых изменениях, сделанных тогда, уже сказано.

Что касается остальных, то более всего известно, конечно же, «обнуление» сроков правления президента Владимира Путина.

Но оно носит не общий, а частный характер — при всей его значимости и создании возможности для несменяемости верховной власти еще на полтора десятилетия.

Куда серьезнее общие, системные изменения Конституции, еще больше укрепляющие российское самодержавие.

«Поправки Путина» резко усиливают влияние президента на правительство и всю систему федеральной исполнительной власти, ослабляя правительство и парламент.

Так, президент получает право не только назначать (с согласия Госдумы) премьер-министра, но и единолично смещать его с должности (ранее такого права у него не было, он мог только отправить в отставку все правительство целиком, а теперь может отстранить одного премьера).

Не по предложению премьера (как раньше), а самостоятельно он назначает ключевых министров — ведающих «вопросами обороны, безопасности государства, внутренних дел, юстиции, иностранных дел, предотвращения чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий, общественной безопасности». Формально он это делает после «консультаций с Советом Федерации», но, учитывая процедуру формирования этого органа, ни на что эти консультации не влияют.

Президент получает право назначать 30 сенаторов, из которых часть — пожизненно.

Президент получает исключительное право предлагать Совету Федерации назначать и снимать руководство Конституционного суда и Верховного суда, а также назначать самостоятельно руководство иных федеральных судов.

Президент получает исключительное право назначать генерального прокурора и его заместителей (ранее он должен был представлять эти кандидатуры на утверждение Совету Федерации, теперь же он с ним только «консультируется»).

Президент получает исключительное право представлять Совету Федерации и Государственной думе кандидатуры

председателя Счетной палаты, его заместителя и аудиторов (ранее это были самостоятельные функции палат парламента).

Ослабляется региональная власть — прокуроры регионов теперь назначаются президентом (ранее они назначались генпрокурором по согласованию с регионами).

Кроме этого, вводится не указанный в основах конституционного строя, более того, как представляется, прямо противоречащий им институт «единой системы публичной власти», куда входят органы местного самоуправления и органы государственной власти. Противоречащий — потому что в статьях 10, 11 и 12 Конституции установлены принципы разделения властей, их самостоятельности, а также самостоятельности органов местного самоуправления.

Помимо описанного «поправки Путина» включают смесь из повторения давно существующих (и не всегда выполняемых) норм социальных законов — об индексации пенсий и установлении минимального размера оплаты труда не ниже прожиточного минимума. И не имеющие юридического значения декларации (о сохранении «памяти предков, передавших нам идеалы и веру в Бога», о «преемственности в развитии Российского государства», об «исторически сложившемся государственном единстве», о том, что «дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России», и так далее).

А есть и нормы с постепенно проявляющимися последствиями — как, например, норма о «защите института брака как союза мужчины и женщины». Строго говоря, здесь не написано, что брак может быть только таким, а иные формы запрещены, — но указанная формулировка открывает возможности для принятия законов, это запрещающих, а также законов, дискриминирующих граждан по признаку «нетрадиционной ориентации».

* * *

Такова не внушающая оптимизма панорама российского «конституционного поля», сложившегося за три десятилетия.

На нем изначально было «посеяно» то, что не могло «прорасти» иначе как самодержавием, — но потом добавились новые «ростки».

А то полезное, что было заложено, оказалось, большей частью, неработоспособным, потому что главным направлением деятельности российской власти было не заложенное в Конституции обеспечение прав граждан, а обеспечение своей бесконтрольности и несменяемости — чему права граждан только мешали.

Впрочем, дальше может быть еще хуже.

Хотя вторая глава Конституции и обставлена многими блокирующими ее законами, совсем ее игнорировать не получается. А ведь президент Владимир Путин уже не раз заявлял, что права человека — это, мол, враждебное изобретение, которое используется Западом для «разрушения нашего суверенитета».

Предотвратить это мифическое «разрушение» можно только одним путем: принять новую Конституцию, где никаких «прав человека» уже не будет — а будут только «традиционные ценности».

Да и основы конституционного строя (первая глава Конституции), как уже сказано, вызывают раздражение у наиболее ретивых сторонников режима. И особенно — статья 13, которая запрещает их хрустальную мечту: установление обязательной для всех государственной идеологии.

Глава Следственного комитета Александр Бастрыкин, выступающий фронтменом этого предложения, и вторящий ему министр юстиции Константин Чуйченко, заявляющий, что запрет на государственную идеологию был в свое время навязан России «так называемыми партнерами», на самом деле далеко не первые вестники этих политических холодов.

Еще десять лет назад об этом не уставал говорить тогдашний сенатор (а до того — депутат Госдумы трех созывов) Алексей Александров.

Он сетовал, что «при Ельцине мы совершили одну из серьезнейших ошибок — в Конституции 1993 года отказались от государственной идеологии, и именно тогда на образовавшейся пустоте взамен идеологии закона и права в стране начала укореняться идеология криминала». Заявлял, что появление статьи 13 — это была «попытка избавиться от тоталитарной идеологии, но страх привел к тому, что вместе с водой выплеснули

и ребенка, наложив запрет на пропаганду нравственных, идеологических и правовых ценностей». Что «при запрете государству проводить идеологию обществу угрожает хаос, оно может потерять такие ценности, как нравственность, законопослушание и тому подобное». И что устанавливать государственную идеологию должны «президент, правящая партия, которые в нормальном государстве вынуждены проводить политику в интересах всего общества».

Тогда призыв не был услышан — время было еще относительно «вегетарианское».

Хотя и было понятно, что Александров озвучивает не только свою мечту. Ведь насколько бы легче стало жить «правлящей партии», если бы монополия на власть и идеологию стала конституционной нормой: чуть кто выступил с «идеологически ошибочными» мыслями — получи обвинение в «антиконституционной деятельности».

Что касается сегодняшних дней, то во многих выступлениях Владимира Путина, по сути, декларируется та же государственная идеология, которую в 1833 году для Николая Первого сформулировал министр народного просвещения граф Сергей Уваров. Это «теория официальной народности», воплощенная в краткой формуле «Православие. Самодержавие. Народность».

Формула, ставшая символом лютой реакции, а через семьдесят лет подхваченная черносотенцами. Суть ее в формировании покорности народа и сохранении личной власти.

Зато именно в рамках этой формулы — как это и было два века назад — лежит Большой Страх. Преследование инакомыслящих и криминализация нелояльности. То, что мы видим в России все последние годы.

А еще в последнее время (от самых разных спикеров) снова зазвучали укладывающиеся в эту же формулу, как патрон в обойму, призывы к восстановлению империи. Как наиболее подходящей российскому народу.

Двадцать лет назад о «либеральной империи» мечтал Анатолий Чубайс. Теперь говорят о совсем другой империи — консервативной.

Но смысл от этого мало меняется.

* * *

Могут ли после президентских выборов принять новую Конституцию?

Если ничего не изменится — вполне.

С государственной идеологией, «традиционными ценностями», империей и без такого враждебного изобретения, как права человека.

Вот только имперский путь, вымощенный страхом, — это дорога в никуда.

НЕ РАССТАВАЙТЕСЬ С НАДЕЖДОЙ

Первая моя заметка в «Новой газете» вышла 23 марта 2000 года, то есть за три дня до президентских выборов.

И называлась она «„НЕ“ всегда возможно».

Окончание этой статьи я хочу процитировать.

«Да, потом мы спохватимся, начнем сокрушаться — как же так?»

Как мы могли дать Ему себя загипнотизировать — с Его стеклянным взглядом и натянутой улыбкой?

Как мы могли своим руками вручить Ему правление страной на четыре года?

Как мы могли предпочесть Его тем, у кого, в отличие от Него, есть политическое прошлое и политические взгляды?

Нам будет стыдно — но будет поздно.

Единственный шанс избежать этого стыда — не допустить Его избрания.

Это нечеловечески трудно и почти невозможно.

Но необходимо быть реалистами — и потому требовать невозможного.

Четыре года назад, когда вокруг бушевала пропагандистская истерия выбора «меньшего из двух зол», все время вспоминался старый лозунг диссидентов.

Еще сильнее он вспоминается сегодня.

Когда потеряно почти все — кроме чести. Да и то у немногих.

«Не верь, не бойся, не проси»

Это было написано в другом мире — который теперь видится ненаучно-фантастическим.

Когда парламент был местом для дискуссий, а не аплодирующим органом, и в Госдуме были фракции «Яблоко» и СПС, Григорий Явлинский и Борис Немцов, Владимир Лукин и Сергей Ковалев, Игорь Артемьев и Юлий Рыбаков, Алексей Арбатов и Юрий Щекочихин, Александр Шишлов и Николай Травкин, Сергей Юшенков и Сергей Митрохин.

Когда работало прежнее НТВ (не путать с нынешним), и в программе «Глас народа» у Светланы Сорокиной собирались политики, жестко критиковавшие власть.

Когда без всяких «фильтров», на реально конкурентных выборах, выбирали губернаторов, и не было никаких «федеральных округов» и прокураторов-полпредов.

И когда облыжно обвиняемые в «государственной измене» — как, например, капитан первого ранга, эколог Александр Никитин, — могли быть оправданы судом по всем пунктам....

В «Новую» я, можно сказать, практически напросился.

Встретил на каком-то мероприятии в Москве Дмитрия Муратова, и нагло сказал, что хотел бы писать для газеты.

«Присылай, посмотрим», — сказал Дима.

Я прислал — процитированный выше текст.

После чего услышал от главного редактора: «Ты — наш человек. Продолжай!».

Я и продолжил. И так уже почти четверть века.

Если когда-нибудь я захочу написать учебник по политической истории России — будет несложно, потому что я писал практически обо всем происходившем я писал в своих статьях (начиная с марта 2000 года — в «Новой»).

Приход к власти Владимира Путина и его последствия.

Теракт в Беслане — после которого началась «избирательная контрреформа» и фактическое уничтожение политической конкуренции на выборах.

«Монетизация льгот» и ее уроки.

Борьба с башней «Газпрома» в Петербурге, защита уникальных памятников Охтинского мыса и массовые «марши в защиту Петербурга».

Нарастающая клерикализация страны и абсурдная «защита оскорбленных чувств».

Избирательные кампании, превращающиеся в подгонку правил под результат.

Превращение Госдумы в «бешеный принтер» и «закручивание гаек» в законодательстве, все больше и больше ограничивающее права граждан и возможности их реализации.

Ловушки ложного выбора, которые предлагались оппозиционно настроенным гражданам (начиная с «за любую другую партию...» и «нах-наха», и заканчивая «активным бойкотом президентских выборов» и якобы «умным голосованием»).

Последовательное подавление свободы собраний и усиливающиеся политические репрессии.

Конституционное «обнуление» 2020 года и его последствия.

Пандемия коронавирусной инфекции, борьбу с которой власти провалили, зато максимально использовали пандемию для ограничений прав граждан.

И многое, многое другое.

Множество моих статей в «Новой» за минувшие годы было посвящено необходимости кардинального изменения политической системы, отказа от президентской республики, неизбежно в российских условиях превращающейся в самодержавную «вертикаль», переходу к парламентской форме правления.

И если два десятка лет назад это даже многими моими соратниками по «Яблоку» воспринималось как некое политическое чудачество (помню, как отреагировали на мою статью «Долой самодержавие!», напечатанную в «Новой» в январе 2004 года), то по мере роста и укрепления тоталитарного Дракона о необходимости изменения политической системы заговорили не только политики, но и серьезные эксперты, уровня Лилии Шевцовой, Игоря Клямкина и Михаила Краснова. И тема кардинальной политической реформы стала все более и более адекватным отражением общественных настроений — «систему менять надо», как в знаменитом анекдоте конца 80-х...

Недолгое правление Дмитрия Медведева завершилось известной «рокировкой» и событиями на Болотной площади а затем, после возвращения Владимира Путина, страна начала окончательно превращаться в «осажденную крепость» и переходить к воинствующему антиевропейскому курсу.

Годы торжества серых — и к власти, как и предсказывали мои любимые братья Стругацкие, пришли черные. Нерушимый блок чиновников и чекистов, черносотенцев и мракобесов, реакционеров и клерикалов, империалистов и ксенофобов, неонацистов

и шовинистов. И ложь и ненависть, — о чем я не устал писать, — стали главными составляющими российской государственной идеологии.

Ложь — в общении российских властей как с собственным народом, так и с окружающим миром. Ненависть — распространяемая с телевизионных экранов в адрес всех, имеющих мужество сопротивляться властям или хотя бы не соглашаться с ними.

Да, мощь пропаганды — особенно, начиная с весны 2014 года, — достигла невиданных ранее масштабов. Даже в начале второй чеченской войны или «принуждения Грузии к миру» не наблюдалось ничего подобного.

Не раз и не два я писал в «Новой», особенно — в последние два года, о сходстве окружающего с миром «Обитаемого острова» братьев Стругацких.

Миром, где башни-излучатели, подавляющие у людей способность к критическому восприятию действительности, включают на полную мощь не два раза в день, как на планете Саракш, а круглосуточно. Превращая лучевыми ударами «человека мыслящего в человека верующего, причем верующего иступленно, фанатически, вопреки бьющей в глаза реальности».

И лишь ничтожная часть граждан — «выродки», в терминологии Саракша, — оказывается невосприимчива к излучению. В кремлевской же терминологии они именуются «пятой колонной» и «национал-предателями»...

То, о чем писали Стругацкие, невероятно актуально и по сей день.

Когда «надобны не умные, а верные», и наказывают за «невосторженный образ мыслей».

Когда «горожане стали очень серьезными и совершенно точно знают, что необходимо для блага государства».

Когда «правда — это то, что сейчас во благо королю, а все остальное — ложь и преступление».

Когда возвращаются времена тоталитарного государства, стремящегося полностью контролировать человека, который не более чем винтик и «пыль под ногами» у государственной машины. Времена «органов», которые «не ошибаются», когда под каток репрессивной машины может попасть любой, кто посмеет возмутиться происходящим. Или поддержать преследуемых.

Когда преследуют «врагов народа» (только под другим названием — «иностранцы агенты» или «нежелательные организации») и растет число политических заключенных, а недовольным властью грозят лишением гражданства.

Когда конституционные права превращены в ничего не значащую бумажку, могущую в любой момент быть отброшенной за ненадобностью.

Когда страна — «осажденная крепость», окруженная врагами снаружи и подрываемая «национал-предателями» изнутри.

И когда у начальства, считающего себя Отечеством, только два союзника: армия и полиция. Правда, и врага у него только два — наука и образование...

Вне всякого сомнения, лучшее, из того, что мне удалось написать за три десятилетия, связано именно с «Новой газетой». И лучшие интервью с Борисом Стругацким — в «Новой». И лучшие статьи о российской политике — в «Новой». И статьи о борьбе против строительства питерской 400-метровой башни «Газпрома» напротив Смольного собора (за которые в 2010 году я получил «Золотое перо России») — в «Новой». Да и сам термин «Газоскреб», придуманный мной для этой башни (строительство которой на Охтинском мысу мы смогли предотвратить) — это заголовок моей статьи. Недаром, — чем я горжусь, — вышедший в 2020 году сборник моих статей получил то же название, что и девиз «Новой газеты» — «Те же буквы, но другие слова».

Ну, а коллеги по «Новой» и ее редакция (как московская, так и питерская) — это одна из самых больших удач в моей жизни, и не только журналистской. Недаром, бывая в Москве по любым делам, я всегда стараюсь — если есть хоть небольшая «лакуна» во времени, — забежать в «Новую».

Увидеть — если удастся, — нашего нобелевского лауреата (и, чем горжусь, моего коллегу по «Яблоку») Дмитрия Муратова, чьи короткие предисловия к моим сборникам статей — это такой особый жанр. Давным-давно, в 2004 году, Дима написал обо мне то, чему я отчаянно стараюсь соответствовать: «Обозреватель «Новой газеты» Борис Вишневский обладает исключительным качеством: живет по тем же принципам, которые защищает».

А в декабре 2011 года, когда меня в первый раз выбрали депутатом питерского ЗАКСа (сейчас идет уже третий срок), и я позвонил Диме, чтобы об этом сообщить, он откликнулся неповторимо-насмешливым тоном: «Вишневский, то, что ты депутат — это временно. А обозреватель «Новой» — это судьба»...

И другие коллеги у меня перед глазами. Андрей Липский, его сосед по кабинету Виталий Ярошевский и Кирилл Мартынов, работавшие с моими текстами. Чудесная Вера Челищева: я выступал в Петербурге на презентации ее книги. Руслан Дубов, которому я время от времени посылал статьи на футбольные темы (и ведь добились видеоповторов спорных моментов — к чему я призывал много лет!). Майор Вячеслав Измайлов в своем редакционном закутке и Сергей «Михалыч» Соколов (ныне — главный редактор). «Дядя Леня» Никитинский и легендарный Юрий Рост. Паша Гутионтов (когда-то он, как секретарь СЖР, вручал мне «Золотое перо») и Сергей Золовкин, много лет проводивший долгие часы над модерацией сайта «Новой». Ира Воробьева и Таня Брицкая, Надя Прусенкова и Ира Гордиенко. И, конечно, питерские коллеги, из «Новой газеты в СПб» — Диана Качалова, Ира Тумакова, Саша Гармажапова, Таня Лиханова, Нина Петлянова...

Счетчик на сайте «Новой газеты» показывает почти 800 моих публикаций только за последние 16 лет.

Быть маленькой частичкой этого коллектива — счастье.

И вместе с ним жить и работать по принципу «У нас те же буквы, но другие слова».

ПОСЛЕСЛОВИЕ

5 МАРТА 2024 ГОДА

Пока версталась книга, пришло известие о гибели Алексея Навального, с которым, — после огромных усилий его матери, — все-таки дали публично проститься и почтить его память.

И известие о том, что правозащитник и один из основателей «Мемориала» Олег Орлов, который в 1995 году был одним из тех, кто добровольно стал заложником, чтобы спасти детей и женщин после теракта в Буденновске, приговорен российским судом к 2.5 годам лишения свободы за «дискредитацию армии».

И почти каждый день приносит новые и новые сообщения о жертвах и разрушениях.

Точка в этой книге не поставлена.

Только многоточие.

Но все же, все же, все же.

Борис Натанович Стругацкий, мой друг и Учитель, будучи агностиком, всегда считал грех уныния (как сказали бы теперь — выученной беспомощности) одним из самых тяжких.

Будущее — не предопределено. Да, цитируя Стругацких, оно «создается тобой, но не для тебя».

Но если не создавать его сегодня, не пытаться влиять на события — оно будет совсем не таким, как нам бы хотелось.

Поэтому — не теряйте надежды.

Делай, как нужно — и будет, как нужно.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
---------------------	---

ГЛАВА ПЕРВАЯ СУМЕРКИ ИМПЕРИИ

Работа предстоит мелкая	9
Но не было подлей	11
Добро пожаловать на Обитаемый остров	14
Их сапог свят	17
Сопутствующая ущербность	20
Холодное лето 23-го и закрома бюджета	25
Донорство госорганов	29
«С воли советов не дают»	37
«Ветер богов поднимает бурю, но он же раздувает паруса»	41
Разрешено нигде	49
Повелители слов	53
Вся власть сапогам	59
Согласно пункту «ж» да и «просто лень»...	62
Ловушка № 6	65
Блокада памяти	69
Единственная «традиционная ценность» власти — она сама	72
Вечер в Думу	76
Памятная доска Борису Стругацкому	79
Память не дает разогнаться	81
Чрезвычайщина	84
А родина в курсе, что ей изменяют?	88
Он оставил нам выбор	92
Админресурс в камуфляже	98
Не указ, говорят	104
Народу грех жаловаться!	107
Мятеж Пригожина. Что это было?	113
Какой-то крутой уклон	118
Матч-реванш с историей	122
Да хоть голос сорвите...	135
Петр Первый — враг народа	143
О праве палачей на тайну частной жизни	158
Псковский прецедент: как статус «иноагента» вмешался в выборы.	167
Малая форма «Большого террора»	172
«Пока мы лгать не перестанем — не умер Сталин»	175
Неживые картинки	180

О лишенцах	187
«Антифашизм» разыгрался	191
Избирательная справедливость и «звероподобные труссы»	194
Престол-то есть. Ярлык бы...	200
Ведают, что творят	204
Свободный человек по дороге к свободе	209
«Монументально-декоративное оформление»	213
Главное — не перепутать	216
«Отечество само разберется»	218
«Открою кодекс на любой странице — и не могу, читаю до конца...»	221
Лишить, невзирая на конституцию	225
Рептилоиды даже лучше выглядят...	228
Служить до указа	234
Основной запрос	237
Мир не может быть «унизительным»	242
Вне контекста	244
Зрители не в кассу	248
Наследить на чужом наследии	251
Слов нет	254
Люди с факелами	265
Не к тем экспертам ходят...	268
«Принесите справку, что это ваша подпись»	272
«...Как заяц, лапами стучать»	277
Панихида и паника	282

ГЛАВА ВТОРАЯ

НЕВЫУЧЕННЫЕ УРОКИ

Кто вместо Путина? Никто	287
Российская лента Мебиуса	293
Начинаем все сначала	298
Март великодушный	304
Конституционный переворот 93-го	309
Независимость от лукавого	324
Что украли в 90-х?	330
Антиперестройка	336
Мятеж, который удался	344
Как ни садитесь...	361
Скажите честно, какие права вам не нравятся	368
Обнуление конституции	373
Не расставайтесь с надеждой	391
Послесловие	397

Массово-политическое издание

БОРИС ЛАЗАРЕВИЧ ВИШНЕВСКИЙ

ПОСЛЕ ФЕВРАЛЯ

Дневник обозревателя

Верстка

Наталии Введенской

Подписано в печать 13.03.2024. Формат 60×88 ¹/₁₆.

Усл. печ. л. 24,4. Тираж 200 экз. Печать цифровая.

Заказ № 049С.

Отпечатано в соответствии с предоставленным оригинал-макетом
в типографии издательско-полиграфической фирмы «Реноме»,
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, 40.

Тел. (812) 766-05-66 . E-mail: book@renomesp.ru

ВКонтакте: https://vk.com/renome_spb

www.renomesp.ru

